ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ДУМА
ГОУ ВПО ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГОУ ВПО ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НЕФТЕГАЗОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНОВ РОССИИ

Материалы
II Тюменского социологического форума
28-29 июня 2011 г.

Часть 2

Тюмень
Издательство
Тюменского государственного университета
2011

УДК 316.422
ББК С524.122.115
С692

СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНОВ РОССИИ: материалы II Тюменского социологического форума. 28-29 июня 2011 г. / под ред. М. М. Акулич, Г. С. Корепанова, В. А. Юдашкина: в 2 ч. Ч. 2. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2011. 364 с.

Публикуются тезисы докладов II Тюменского социологического форума «Социальные вызовы модернизации регионов России», в которых обсуждаются наиболее актуальные проблемы модернизации российского общества и регионов. Среди них теоретические аспекты модернизации, а именно социальные вызовы модернизации. Кроме того, приводятся результаты эмпирических социологических исследований. В настоящее время поднятые авторами вопросы чрезвычайно востребованы в практике модернизационного развития регионов, в том числе Тюменской области.

Адресуется преподавателям, докторантам, аспирантам, магистрантам, работникам органов государственной власти и муниципального управления, а также более широкому кругу читателей, интересующихся социологией.

ISBN 978-5-400-00500-8

© Тюменская областная Дума, 2011
© ГОУ ВПО Тюменский государственный университет, 2011
© ГОУ ВПО Тюменский государственный нефтегазовый университет, 2011

М. А. Лаптев

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА ОРГАНИЗАЦИИ

В современных социально-экономических условиях одним из наиболее важных условий конкурентоспособности предприятия является хорошо обученный и подготовленный персонал. Человеческие ресурсы начинают выступать как один из ключевых факторов, определяющих успешность или неуспешность компании.

Развитие персонала является важнейшим направлением деятельности по управлению персоналом и фактором успешной деятельности производства. При этом инвестирование в развитие кадров играет большую роль, чем инвестирование в развитие и улучшение производственных мощностей. Под *развитием персонала* понимается совокупность мероприятий, направленных на повышение квалификации и совершенствование психологических характеристик работников.

Возрастание роли обучения в процессах повышения конкурентоспособности предприятия и организационного развития обусловлено следующими тремя факторами [3]:

1. Обучение персонала является важнейшим средством достижения стратегических целей организации.

2. Обучение является важнейшим средством повышения ценности человеческих ресурсов организации.

3. Без своевременного обучения персонала проведение организационных изменений сильно затрудняется или становится невозможным.

Одним из подходов к развитию персонала является концепция непрерывного образования [7; 81]. Данная концепция возникла благодаря международному сотрудничеству в рамках ЮНЕСКО.

Одна из основных целей непрерывного образование — расширение и диверсификация образовательных услуг, дополняющих базовое школьное или вузовское обучение. Этим признается недостаточность или неспособность базовой системы научить человека всему, что ему придется делать в течение трудовой жизни.

Сам процесс планирования непрерывного обучения составляет одну из основных частей планирования человеческих ресурсов. Планирование человеческих ресурсов включает в себя два этапа: первый — прогноз количественного и качественного состава занятых в организации на рассматриваемый период; второй — составление планов набора, подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров.

Важным моментом, связанным с обучением персонала является тот факт, что сам по себе процесс обучения может выступать дополнительным стимулом для развития мотивации персонала. Фактор мотивации является еще одной важной задачей системы развития персонала. Материальная мотивация персонала имеет свои ограничения. Любое финансовое вознаграждение сотрудников не может увеличиваться бесконечно, и это требует от организации поиска способов использования нематериальной мотивации. Такого рода мотивирующим

фактором как раз может выступить грамотно организованная система обучения персонала в организации.

В такой системе достаточно естественно решается проблема мотивации персонала к обучению. В западных компаниях типичным является формирование систем, устанавливающих взаимосвязь между результатами производственной деятельности каждого работника и предоставлением ему возможности для обучения. Чем более ценным считается работник для фирмы, тем больше средств выделяется для повышения его квалификации. Таким образом, система обучения превращается в мощный стимул повышения производительности труда.

Трудовая мотивация является предметом многочисленных исследований и одной из основных категорий в области менеджмента. В менеджменте понятие трудовой мотивации понимается, с одной стороны, традиционно, как система побуждений к трудовой деятельности, для удовлетворения потребностей, с другой стороны, — со стороны организации, как функционирующего механизма —

как система управления мотивацией персонала.

Безусловно, для того, чтобы выстроить эффективную систему мотивации необходимо учитывать особенности организации, специфику ее деятельности и существующей структуры управления.

Система мотивации персонала может быть основана на самых разнообразных методах, выбор которых зависит от проработанности системы стимулирования на предприятии, общей системы управления и особенностей деятельности самого предприятия. Методы мотивации, в зависимости от того, на какие потребности оказывается основное воздействие, можно подразделить на организационно-распорядительные (организационно- административные), экономические и социально-психологические. Существует также четыре основных группы стимулов труда: экономические стимулы, управление по целям, обогащение труда, система участия.

Для того, чтобы процесс мотивации был эффективным, необходимо учитывать такие факторы как: особенности деятельности организации, особенности имеющейся структуры управления, проработанность существующей системы мотивации на уровне организации в целом, учет индивидуальных потребностей конкретных сотрудников.

М. В. Удальцова предлагает методы мотивации разделить на три больших категории:

- материальное поощрение;
- организационные методы;
- морально-психологические [6].

Материальные факторы, к которым относится в первую очередь денежное вознаграждение, представляют собой основную форму мотивирования труда, побуждения человека к трудовой деятельности. Между тем, практика управления свидетельствует о том, что оплата труда является необходимым, но недостаточным условием мотивации трудовой деятельности. П. Друкер пишет: «По-

ощрительные доплаты всегда представляются как вознаграждение за высокое качество работы. Однако они немедленно превращаются в права. Отмена поощрительной доплаты или выплата некоторой ее части воспринимается как наказание. Увеличение требований к материальному вознаграждению быстро разрушает их полезность как стимулов и инструментов управления» [4]. То есть, в рамках сегодняшних представлений, ни высокий, ни низкий уровень оплаты труда не является в достаточной мере мотивирующим фактором.

Поэтому, все чаще акцент смещается на организационные и морально-психологические методы стимулирования.

Первые из них включают в себя согласно предложенной классификации:

- участие в делах организации (как правило, социальных);
- перспектива приобрести новые знания и навыки;
- обогащение содержания труда (предоставление более интересной работы с перспективами должностного и профессионального роста)

Тогда как морально-психологические направлены в основном на создание здоровых взаимоотношений в коллективе, атмосферы вызова, интереса к выполняемой работе и т. д.

Современные тенденции в практике управления персоналом все больше смещают акцент в сторону расширения возможностей для развития и самореализации сотрудников, что подразумевает под собой в первую очередь различные виды обучения сотрудников: тренинги, обучение в деятельности, повышение квалификации, горизонтальная карьера внутри компании (возможность работать в разных подразделениях, отделах, направлениях бизнеса, внутри одной компании).

Можно выделить три вида обучения: подготовка, повышение квалификации и переподготовка кадров [2].

Подготовка кадров — планомерное и организованное обучение и выпуск квалифицированных кадров для всех областей человеческой деятельности, владеющих совокупностью специальных знаний, умений, навыков и способов общения. Данным видом обучения занимаются в первую очередь учебные заведения.

Повышение квалификации кадров — обучение кадров в целях усовершенствования знаний, умений, навыков и способов общения в связи с ростом требований к профессии или повышением в должности.

Переподготовка кадров — обучение кадров в целях освоения новых знаний, умений, навыков и способов общения в связи с овладением новой профессией или изменившимися требованиями к содержанию и результатам труда.

В связи с этим, основываясь на изучении отечественного и зарубежного опыта, автор говорит о трех основных концепциях обучения квалифицированных кадров.

Первая из них — концепция специализированного обучения, ориентированного на сегодняшний день или ближайшее будущее и имеющего отношение к соответствующему рабочему месту. Такое обучение эффективно относительно непродолжительный отрезок времени, но с точки зрения работника способствует сохранению рабочего места, а также укрепляет чувство собственного достоинства.

Вторая концепция — многопрофильного обучения — способствует повышению производственной мобильности работника. С одной стороны, такой подход считается рискованным, так как работник имеет право выбора, и как следствие, снижается его привязанность к одному конкретному рабочему месту, и к одной организации. С другой стороны, часть компаний использует такую многопрофильную подготовку сотрудника в системе внутренней горизонтальной ротации кадров, и причисляет данный фактор к числу наиболее действенных с точки зрения сохранения лояльности сотрудника компании, и повышения его интереса к работе.

Третья концепция обучения — обучение, ориентированное на личность, ставит своей целью развитие человеческих качеств, заложенных природой или приобретенных в практической деятельности. Эта концепция относится в первую очередь к непрофессиональному обучению, позволяющему повысить эффективность сотрудника в его трудовой деятельности. Одним из наиболее распространенных методов здесь является так называемое бизнес-обучение, или бизнес-тренинги.

Связь между процессом обучения и изменением показателей деятельности предприятий выражается в ряде факторов, отражающих изменение мотивации, функционального поведения и социальных взаимодействий работников, прошедших обучение. К результатам деятельности системы обучения и переподготовки персонала и руководящих работников могут быть отнесены [4]:

— увеличение скорости работы (реакции на аномальные ситуации) персонала, прошедшего обучение;

— расширение кругозора, увеличение числа рассматриваемых вариантов при принятии решений руководящими работниками и специалистами, что влияет на оптимальность принимаемых решений;

— снижение потерь от неправильной оценки ситуации и неправильных действий работников, связанное с закреплением в процессе обучения навыков более грамотного управления техническими системами;

— предотвращение ущерба от непредвиденного наступления нежелательных событий и ситуаций, ограничение распространения так называемых «цепочек нежелательного развития событий» («эффект домино»);

— снижение вероятности аварий и поломок оборудования, угроз жизни и здоровью людей;

— укрепление корпоративного сознания работников, сближение личных интересов работников с интересами компании;

— рост способности к координированной осознанной совместной деятельности и принятию решений;

— обмен информацией между работниками различных предприятий, проходящими обучение вместе, распространение «по горизонтали» передового опыта, других инноваций.

Таким образом, развитие персонала организации за счет создания системы внутрифирменного обучения позволяет решать вопросы, связанные не только с подготовкой персонала к работе, но и получать дополнительные выгоды в виде повышения мотивации сотрудников, а также развития человеческого капитала в организации в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Емекеев А. А. Факторы трудовой мотивации. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2000. 79 с.
2. Кибанов А. Бизнес-обучение персонала организации // Кадровик. Кадровый менеджмент. 2008. № 9.
3. Магура М. И., Курбатова М. Б. Организация обучения персонала компании. М., 2003.
4. Пряжников Н. С. Мотивация трудовой деятельности. М.: Академия, 2008. 368 с.
5. Скопылатов И. А., Ефремов О. Ю. Управление персоналом. СПб.: Изд-во Смольного ун-та, 2000. 400 с.
6. Талтынов С. М. Трудовая мотивация в системе управления человеческими ресурсами: автореф. дис. … канд. эк. наук. Воронеж, 2004. 23 с.
7. Щекин Г. В. Теория и практика управления персоналом. Казань: МАУП, 2003. С. 81.

Л. А. Лебединцева

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ИННОВАЦИЙ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ТРУДА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Термин «инновация» впервые был использован в XIX веке в исследованиях культурологов и означает проникновение некоторых элементов одной культуры в другую. В нынешнем понимании инновация (от англ. innovation) по смыслу идентична понятию «нововведение» и подразумевает под собой объект, внедренный в производство в результате проведенного научного исследования, сделанного научного открытия, качественно отличный по своим параметрам от предыдущих аналогов, либо не имеющий аналогов, приносящий существенную экономическую выгоду. В этом значении данный термин был введен одним из ее основоположников Йозефом Шумпетером, который утверждал, что инновация — новое приложение научных и технических знаний, приводящее к успеху на рынке. Непременными свойствами (признаками) инновации, таким образом, выступают научно-техническая новизна, производственная применимость и экономическая полезность.

В современной экономической науке понятие «инновация» распространяется на новый продукт или услугу, технический способ производства, новшество в организационной, научно–исследовательской и других сферах, любое усовершенствование, обеспечивающее экономию затрат или создающее условия для такой экономии.

В инновационном предпринимательстве инновация трактуется как обновление основного капитала (производственных фондов) или производимой продукции на основе внедрения достижений науки, техники, технологии, это закономерный, объективный процесс совершенствования общественного воспроизводства.

В последнее время появилось понятие «социальная инновация», которое подчеркивает аспект духовного творчества и рассматривает инновацию в контексте научной и умственной деятельности. Инновация — это и мотивация трудовой деятельности, и способы поведения или предметы, которые качественно

отличаются от имевших место ранее. Социальная инновация — это применение непривычного типа мышления и стиля жизни. С. М. Бухонова и Ю. А. Дорошенко при оценке экономической эффективности инноваций разных типов определяют социальную инновацию как процесс и результат улучшения социальной сферы общества или организации [1; 15]. В структуре социальных инноваций они выделяют расширение нематериальной составляющей компенсационного пакета работников (полная или частичная оплата обучения, лечение, страхование жизни и здоровья и др.), совершенствование системы охраны труда (создание безопасных и максимально комфортных условий труда), проведение мероприятий, направленных на формирование корпоративной культуры. К социальным инновациям можно также отнести нововведения в области экологической безопасности местного сообщества и нововведения в области содействия развитию субъектов социально-культурной сферы. Обобщая данный подход в экономической науке, инновации можно охарактеризовать как использование в той или иной сфере общества результатов интеллектуальной деятельности, направленной на совершенствование процессов деятельности или его результатов. Инновации могут относиться к сферам производства, экономических, правовых, социальных отношений, области науки, культуры, образования и другим сферам деятельности общества. Этот термин может иметь различные значения в разных контекстах, и выбор их зависит от конкретных целей и направлений анализа.

Системный подход к определению инноваций имеет свои преимущества, т. к. он позволяет глубже раскрыть категорию «инновация» с позиции целеполагания и структуры деятельности. В журнале «Инновации» коллективом авторов дано обобщающее его определение как процесса реализации новой идеи в любой сфере жизни и деятельности человека, способствующей удовлетворению существующей потребности на рынке и приносящей экономический эффект [2; 3-12]. Как социально-экономическая категория инновация представляет собой, прежде всего, экономические отношения, возникающие между людьми, фирмами, социальными институтами по поводу создания и внедрения новых технологий и новой продукции в условиях меняющейся рыночной среды. Новизну инноваций обычно оценивают по технологическим параметрам, а также с рыночных позиций. Однако, на наш взгляд, использование рыночного критерия эффективности при экономической оценке достижений интеллектуальной деятельности (научно-технического прогресса) имеет негативные последствия для мировой экономики и способствует обострению глобальных проблем цивилизации.

В последнее время интеллектуальный труд делят на креативный и эвристический. Под креативным трудом понимают преобразующий труд, совершаемый группой людей, коллективом лиц (совокупностью интеллектуальных систем) с помощью посредников (технических систем) и в результате которого создается инновационный продукт. В свою очередь, эвристический труд — это преобразующий труд, может совершаться отдельной личностью (индивидуально-интеллектуальной системой) с помощью посредников (технических систем) и в результате которого создается инновационный продукт [3]. Однако и в том, и в другом случае интеллектуальный труд предназначен для того, чтобы создавать нечто новое.

Что касается инновационности интеллектуального труда, то она обнаруживается в создании потребительной стоимости, т. е. когда результатом труда выступает благо, обладающее полезностью. Создаваемые интеллектуальным трудом блага (знания, технические усовершенствования и т. п.) не могут быть оценены по затратам, поскольку в данном случае результаты многократно превышают затраты. Главная функция труда — создание прибавочного продукта, так как именно в нем проявляется превышение результатов труда над затратами.

Каким же образом достигается это превосходство результатов деятельности над ее предпосылками? Обычно на первое место ставят специфику человеческой познавательной деятельности, благодаря которой люди превосходят существующую действительность, конкретную ситуацию сначала идеально — в виде создаваемого образа будущего результата и цели, мобилизующей волю человека на ее достижение. У Ж.-П.Сартра этого рода превосходство выражается в создаваемом человеком проекте, понимаемом как стремление выдвинуться, «броситься» вперед. Даже самое примитивное поведение, по его словам, детерминируется не только обуславливающим его отношением к имеющимся факторам, но и отношением к определенному будущему объекту, который он стремится вызвать к жизни. Индивиды на основе данных условий и при расходящихся и противоположных интересах осмысливают и превосходят проекты других. В этом отношении сказать о человеке, что он есть, значит сказать, что он может [4]. Конструирование социального объекта вначале выступает в виде отношения к своим возможностям, ограниченным условиями существования. Превосходя данные условия в направлении поля возможностей и реализуя одну из них, индивид объективирует себя и тем самым принимает участие в создании истории [4].

В концепции А. Турена историчность человеческой деятельности тоже связывается с познанием, культурной моделью. Знание, по его мнению, образует исходную составляющую историчности, ее наиболее прямое и наименее социально организованное выражение. Эта модель, однако, не рефлексия общества над собой и не идеология. Ее нельзя свести к совокупности идей, ценностей, смыслов. Она неотделима от труда, посредством которого общество воспроизводит себя, она свидетельствует о материальной стороне этого воспроизводства [5; 165-171].

Наиболее четкое и практически измеряемое выражение превосходства результатов над затратами в познавательной деятельности можно найти в потребительностоимостном подходе. Если исходить из закона стоимости, то никакое развитие и производство нового доказать невозможно: основная стоимостная парадигма экономики основывается на эквивалентном обмене, т.е. затраты обратимы в результат и наоборот. В этом случае любой результат труда равен затратам труда на достижение этого результата. Потребительная же стоимость является разницей между трудом, затраченным на производство и трудом, который высвобождается. Интеллектуальная, творческая составляющая труда приводит к результатам многократно превышающим затраты на их достижение. Здесь же выявляется критерий оценки эффективности развития — разница между полученным эффектом и затратами в единицах сэкономленного труда.

Таким образом, интеллектуальному труду, создающему потребительную стоимость, присуща инновационность.

Неоклассическим принципам можно противопоставить полезностную теорию, предлагающей в качестве критерия общественную полезность блага, которым может выступать и инновационный фактор производства. Именно с позиций этой теории можно правильно оценить действительное социальное значение инновационной интеллектуальной деятельности, роль научных знаний, их место в обществе. С позиций этой теории объясняется и то, как результаты производства, полученные посредством инноваций и имеющие характер потребительной стоимости, приходят в противоречие с затратами, измеряемыми стоимостью, иначе говоря, многократно их превосходят [6; 127-128]. Полезность предмета делает его потребительной стоимостью. Во избежание субъективизма, полезностная теория предлагает объективный критерий — высвобождение трудовых сил человека (или их замещение средствами производства) с повышением производительности этого труда. Разница между высвобождаемым и затраченным трудом будет характеризовать величину полезности. Получается, что общественная производительность труда измеряется величиной сэкономленного, не затраченного обществом труда в производстве. Этот подход позволяет поставить оценивание социального развития на новый критерий — постоянное превосхождение предшествующих результатов последующими, способность человека посредством своей деятельности превзойти достижения других.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бухонова С. М., Дорошенко Ю. А. К оценке экономической эффективности инноваций разных типов // Экономический анализ: теория и практика. 2005. № 3 (36). С. 13-18.
2. Бездудный Ф. Ф., Смирнова Г. А., Нечаева О. Д. Сущность понятия «инновация» и его классификация // Инновации. 1998. № 2-3(13). С. 3-13.
3. Скоблякова И. В. Инновационные системы и венчурное финансирование. М.: Изд-во Машиностроение-1, 2006.
4. Sartre J.-P. Critique de la raison dialectique. T. 1. Paris. 1960.
5. Alain Touraine. Social transformations of the twentieth century // International Social Science journal. 1998. June № 156. p. 165-171.
6. Ельмеев В. Я. Социальная экономия труда. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2007.

И. А. Левенских

ГЕНДЕРНЫЕ РОЛИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Изменение положения женщины в обществе в результате выхода ее из внутрисемейной сферы в публичную, а также повышение ее образовательного уровня, обретение политических прав и свобод, существенно отразилось на семейных ролях, тем самым, оказав влияние на роль и место мужчины в семье.

Либерализм в социальной политике XI века подразумевает индивидуальную свободу личности для самореализации: «в центре внимания либерализма — личность с ее прирожденными и неотъемлемыми правами, прежде всего на независимость, свободу действий выбора» [1; 39]. Данная система мер направлена на возможность предоставления самостоятельного выбора, свободы и независимости, которые допускают отказ от обязательной трудовой повинности, от идеологии эмансипации, от вмешательства государства в семью и семейные отношения. С этого времени семья стала восприниматься в качестве индивидуального, частного пространства в рамках соответствия либералистского дискурса.

В современном российском контексте общие проявления индивидуализации, повлекшие повышение значения приватного, проявляются на фоне социального расслоения, когда новые практики несут в себе советские образы. Это указывает на невольное воспроизводство старого в новых условиях. Однако новые условия, сложный процесс перехода к рыночной экономике приводят к резкому обострению всех социальных противоречий, к снижению материального уровня большинства российских граждан, к росту безработицы.

Не смотря на официальное закрепление «равноправия между мужчинами и женщинами в достижении более справедливого распределения семейных обязанностей, а также в возможностях самореализации в трудовой сфере и в общественной деятельности» [2; 64]. повседневные практики свидетельствуют о том, что неоплачиваемые виды деятельности в сфере оказания услуг в виде заботы в семье выполняются в основном женщинами. Таким образом, современные условия ограничивают многих женщин выполнением роли домашней хозяйки, что указывает на тенденцию возвращения семьи традиционного типа с четким распределением ролей — феномен, получивший наименование «патриархального ренессанса» [3; 163]. К тому же отметим, что современное законодательство, предоставив полную свободу семьям, не предусмотрело социальную защиту женщин в случае разводов. Если в дореволюционной России разводы были запрещены или разрешены, лишь в крайних случаях и женщина всегда оставалась на попечении мужа, а в советское время одинокая мать полностью поддерживалась государством, то условия современного этапа ставят разведенную женщину, не имеющую своего заработка, а иногда и полноценного образования, в крайне тяжелое положение. То есть современную семейную политику можно определить как гендернонейтральную, на фоне которой женщина становится незамеченной.

Самыми значимыми темами постсоциалистических трансформаций можно выделить тенденции приватизации и индивидуализации. При конструировании в современном российском обществе приватности (индивидами, семьями, рынком) социальная политика государства освободила себя от многих функций, которые выполнялись в советский период. При этом государство пытается не терять полный контроль над частной жизнью, об этом указывает нам демографическая политика 2000-х гг. Также следует отметить, что большинство законодательных норм, защищающих в советское время на рынке труда женщин-матерей, остались практически без изменений. Среди этих норм отметим отпуск по бе-

ременности и родам с сохранением рабочего места, ежегодный отпуск летом работающим матерям, пособия по беременности и родам, по уходу за ребенком и оплачиваемые больничные листы в случае болезни детей.

«В условиях постоянного нарастания кризисных явлений не только резко обостряется социально-демографическая ситуация в стране, но идет фактическое разрушение института семьи. Семья перестает выполнять свои основные функции по обеспечению рождения и воспитания детей, идет утрата нравственных ценностей в этой сфере». Общество объективно заинтересовано в том, чтобы семья эффективно выполняла свои специфические социальные функции. Поэтому в официальных дискурсах ставится проблема выбора наиболее оптимального типа семьи, который бы полноценно функционировал как для пользы индивида, так и для государства.

Подходы известных отечественных авторов в большей степени подчеркивают направленность целей семейной политики на поддержку того типа семьи, который, в частности, по мнению А. И. Антонова, «полезен» для общества, на «тот основной тип, который конституирует собственно семью, успешно выполняющую специфические функции, в том числе, например, по рождению и социализации детей» [4; 52]. Часто выдвигается идея о необходимости сохранения и поддержки традиционной нуклеарной семьи: «основу семьи составляет супружеская пара с детьми или без детей, так называемая нуклеарная семья. Все остальные семьи можно рассматривать как модификации такой семьи на разных этапах ее развития: от генезиса до прекращения существования. В том числе могут образовываться некие «осколки» нуклеарной семьи, ее части без полного ядра — супружеской пары... Вот и получается, что здоровая, благополучная, законопослушная семья — это и опора государства, и основа общественного согласия, а также политической и социальной стабильности».

Подобные представления о семье влекут за собой образ традиционного распределения гендерных ролей в семье, «а те союзы людей, которые не соответствуют данной модели, являются причиной социальной патологии и нестабильности» [5; 173].

Наряду с проявлением тенденций традиционализма наблюдается, набирающая свой темп, автономизация женщин. Сильная независимая женщина в современных условиях планирует сексуальную жизнь, семейные отношения, репродуктивное поведение и деторождение, стремится к финансовой независимости и заботе о близких. При этом поляризация гендерных ролей сохраняется.

Значительная трансформация происходит в интимных отношениях современных мужчин и женщин, где также распространяется принцип равноправия. Женщины, сознательно выстраивая свою сексуальную жизнь, стремятся к партнерству, в котором присутствует взаимная заинтересованность, равноправие, наличие обоюдных сексуальных потребностей и переговоры по поводу отношений.

Молодые мужчины, как и женщины, стремятся учитывать индивидуальные потребности партнерш и принимают безопасные меры в сексуальных отношениях. Нормой становится процесс переговоров по поводу сексуальных чувств и практик.

В эмпирических исследованиях А. Темкиной выявлено ответственное отношение к сексу и «пересмотр взаимоотношений под влиянием или давлением девушек, а не по собственному выбору» [6; 96].

Подобные изменения формируются в результате воздействия насыщенным рынком контрацепции, медицинским обслуживанием, а также с повышением ценности экономической и профессиональной независимости молодых женщин. Однако А. Темкина ставит под сомнение эти тенденции к устойчивости, поскольку, по ее наблюдениям, партнерские отношения имеют непрочный характер в гендерной культуре современного периода. Набирающей темп активности и инициативности современных женщин противится официальный дискурс, пропагандирующий традиционную женственность и мужественность и советский гендерный строй, так как именно он, как уже было сказано выше, обеспечивает прочный характер семейным отношениям.

В современной России наблюдается устойчивый рост рынка социальных услуг. Гендерный контракт советского периода опирался на сеть государственных учреждений и помощь родственников. В настоящее время все большее распространение получает оплачиваемый домашний труд: уборка дома и забота о детях. Высвобождение женщин в сфере домашнего труда и массовая их занятость в современных российских условиях приводит к спросу наемного персонала.

Что касается мужских ролей, то они меняются незначительно, мужчины сохраняют роли материального обеспечения, формирования безопасности и статус отца. Происходит наслоение новых и старых образцов гендерных ролей. В современных условиях труд женщин в домашнем хозяйстве проблематизируется. Домашняя забота воспринимается в качестве неизбежного и затратного. Женщина так и остается ответственной за организацию домашнего хозяйства, а материнство становится частно-семейным делом.

На фоне кризиса гендерного порядка спровоцированного всеобщей феминизацией наблюдается демографический дефицит мужчин и низкая продолжительность их жизни, высокий уровень заболеваемости и смертности, распространенность вредных привычек. Таким образом, официальные дискурсы определяют мужчин жертвами модернизации.

Таким образом, гендерные роли на современном этапе проявляется в приватизации частной сферы, в распространении ценностей индивидуализма и партнерского типа семейных отношений, имеющие, по мнению ученых, не устойчивый характер в гендерной культуре. Поэтому все больше исследователей семейной сферы приходят к выводу о возвращении семьи к традиционному типу распределения гендерных ролей, способному обеспечить прочный характер семейным отношениям, а, следовательно, укрепить семью как основную ячейку общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сидорина Т. Ю. Два века социальной политики. М., 2005. С. 137.
2. Указ Президента РФ, 1996.
3. Хазова О. А. Семейное законодательство: результаты проведенной экспертизы / Гендерная экспертиза российского законодательства: теория и практика // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. М., 2002. № 4 (160). С. 44.

4. Антонов А. И. Социология семьи. М.: Изд-во МГУ, 1996. С. 342.
5. Ловцова Н. И. Здоровая, благополучная семья — опора государства? Гендерный анализ семейной социальной политики // Журнал исследований социальной политики. 2003. № 1 (3/4). С. 328.
6. Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности: коллективная монография. СПб., 2009. С. 524.

Е. В. Лесниковская

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НКО И ВЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ (на примере Иркутской области)

НКО часто рассматриваются как оплот гражданского общества в стране. Важнейшими признаками НКО являются: определенная степень автономности, определенная степень финансовой независимости, плюралистическая направленность (плюрализм, присущий гражданскому обществу), определенная степень добровольчества в самой организационной структуре таких объединений, гибкость. Последний признак является, пожалуй, главным функциональным преимуществом некоммерческих объединений перед государственными подразделениями. НКО, в силу своей организации, стиля и специфики работы легче получить доступ, «достучаться» до самых разнообразных слоев населения, наладить контакт с которыми могло бы быть проблематично для официальных властей, например, с бездомными. В таких ситуациях НКО способны действовать более оперативно и гибко, чем официальная система социальной защиты [1].

Эффективный диалог НКО и власти возможен лишь в том случае, если обе стороны имеют общие цели. Разумеется, в репрессивном государстве не получится эффективного диалога между властью и НКО, защищающими гражданские права населения. Здесь целесообразно НКО не пытаться выстроить диалог, а вырабатывать собственную независимую стратегию. В тех же случаях, когда власть оказывает поддержку, а существующей идеологии присуща позитивная социальная направленность, предполагается наличие потенциала к продуктивному сотрудничеству и построению взаимодействия, основанном на взаимоуважении. Однако следует отметить, что НКО при взаимодействии со структурами власти необходимо отстаивать свою автономность, независимость. Чем теснее взаимодействие, тем реальнее опасность коррупции, риск того, что независимость НКО будет поставлена под угрозу [2]. Поскольку НКО являются оплотом гражданского общества, его неотъемлемой частью, они не должны впадать в чрезмерную зависимость от официальных структур.

На сегодняшний день в Иркутской области распространена практика привлечения представителей НКО к участию в комиссиях, круглых столах, общественных слушаниях, инициируемых местным правительством. Такая практика в значительной мере способствует усилению диалога, и даже небольшие НКО получают возможность выразить свой голос, право высказать наболевшие проблемы, поделиться своими наработками и наладить обратную связь.

Исследователи выделяют несколько моделей, по которым может развиваться взаимодействие НКО с властью. На наш взгляд, наиболее подробную и адекватную российской действительности классификацию предлагает А. Ю. Сунгуров, выделяя в качестве основополагающих трех моделей сотрудничество, игнорирование и конфронтацию [3]. Сотрудничество, в свою очередь, может быть как равноправным, так и зависимым. В последнем случае НКО занимается внедрением и разработкой программ, «спускаемых сверху» государством. Сотрудничество может быть представлено моделью «садовника», «архитектора», а также моделью партнерского взаимодействия. В зависимом, подчиненном взаимодействии обнаруживаем существование модели патерналистской и модели «приводных ремней». В конфронтации также две модели — модель борьбы с противником и модель гражданского неповиновения.

Основываясь на вышеуказанных принципах и принимая во внимание данную классификацию, рассмотрим текущую ситуацию взаимодействия НКО, действующих на территории Иркутской области, и местной власти. На территории Иркутской области действуют 1026 НКО и общественных объединений. Поскольку Иркутская область является полинациональным и поликонфессиональным регионом, на ее территории функционирует значительное количество национально-культурных организаций, составляющих 29,4% от общего числа НКО [4]. Наиболее многочисленными являются религиозные объединения, организации женщин, детские и молодежные организации, объединения ветеранов. Среди основных проблем, с которыми сталкиваются местные НКО — недостаток финансовых средств, отсутствие помещения. Борьба за постоянное помещение часто становится острой проблемой. Например, в Иркутске в 2007 г. помещение по одной из центральных улиц (Дом дружбы народов), использовавшееся как площадка для проведения различных мероприятий, инициированных национально-культурными и объединениями прочих социальных направленностей, был передан в аренду отделению политической партии, что, разумеется, вызвало недовольство и протесты со стороны представителей третьего сектора. Что касается проблемы финансирования, членские взносы и частные пожертвования дают такой незначительный финансовый прирост, что почти не играют заметной роли. В основном, финансирование исходит либо со стороны государства, причем муниципальные власти начинают набирать вес в такого рода финансировании, либо за счет грантов и финансовой поддержки иностранных государств. Необходимо отметить, что такая помощь, как правило, являющаяся финансово существенной и зачастую превышающая суммы грантов, полученных от отечественных федеральных средств либо муниципальных, тем не менее, является рискованной. Для НКО в таких случаях существует значительный риск, поскольку со стороны власти неизбежно будет возникать подозрение в коррумпированности, продвижении идей и позиции, выгодной иностранному источнику финансирования. В таком случае ставится острый вопрос о том, что НКО, как активные участники гражданского общества, должны являть собой объективную, независимую, абсолютно легитимную деятельность. Продвижение же частных интересов, коррупция и т.д. претит самой идее гражданского

общества. На прошедшем в 2010 г. в Иркутске Байкальском Гражданском форуме представители некоторых НКО, в основном национально-культурной направленности, озвучили также проблему отсутствия информационного обеспечения, периодического печатного издания. С другой стороны, отметим, что дважды в год в Иркутске выходит «Вестник» Общественной Палаты Иркутской Области, содержащий подробную информацию о деятельности «третьего сектора» области. Кроме того, одно из преимуществ информационного века состоит в том, что даже небольшая некоммерческая организация способна позволить себе страничку в Интернет, например, на бесплатном хостинге, размещая хотя бы контакты и новости. Слабая информированность населения о целях существования и деятельности НКО — проблема, характерная для всех российских НКО, — не обошла стороной и Иркутскую область. Возможно, именно по этой причине иногда встречается узкое представление о характере взаимодействия НКО и власти, когда тот факт, что определенное лицо является руководителем или одним из руководителей НКО, и в то же время занимает некий пост в областной и городской администрации рассматривается как взаимодействие НКО и власти, в то время как само слово взаимодействие предполагает участие как минимум двух сторон, а не совмещение двух функций одним лицом.

С другой стороны, существует ряд положительных тенденций, многие из которых проявились в текущем 2011 г. Прежде всего, отметим тот факт, что Правительство Иркутской области в лице Общественной Палаты Иркутской области приступило к формированию единой информационной систематизированной базы по учету негосударственных некоммерческих объединений, действующих на территории области. Во-вторых, НКО заявляют и предпринимают практические действия по установлению и усилению своего влияния через политические механизмы и структуры. В частности, представители ряда крупнейших НКО области (например, Фонд «Возрождение Земли Сибирской» и т. д.) выразили намерение войти в состав Общественной Палаты при Правительстве Иркутской Области. В России Общественные Палаты берут на себя функции эффективных посредников, помогают НКО и гражданам выстраивать взаимоотношения с областной администрацией и государственными чиновниками. Кроме того, Общественная Палата выступает как институт, способный координировать деятельность НКО. Вспомним, что при создании в 2005 г. Общественной Палаты Российской Федерации она заявлялась как орган, призванный «осуществлять взаимодействие граждан с органами государственной власти и местного самоуправления в целях учета потребностей и интересов граждан, защиты их прав и свобод при формировании и реализации государственной политики, а также в целях осуществления общественного контроля за деятельностью органов власти» [8]. Введение представителей НКО в состав местной Общественной Палаты, несомненно, приведет, к значительному прорыву в деле взаимодействия некоммерческих организаций с государством.

Общественная Палата Иркутской Области, вероятно, является наиболее влиятельным представителем структур власти, взаимодействующих с акторами гражданского общества. Как можно увидеть из проводимых ОП мероприятий,

в первую очередь они нацелены на формирование повестки дня и площадки для дискуссий, общественных слушаний. Согласно классификации А. Ю. Сунгурова, такая ситуация характерна для так называемой партнерской модели, при которой «государственные органы понимают важность независимых неправительственных организаций и не пытается ими управлять, а участвует в различных формах диалога с НКО, в виде «переговорных площадок» и иных форм» [3]. Однако тот факт, что в текущим году НКО выразили намерение войти в состав общественной Палаты, указывает на то, что общественные объединения претендуют на самостоятельное формирование повестки дня и практического легитимного участия в реализаций действий. Такой шаг качественно изменил бы модель взаимодействия местных НКО с властью, приблизившись к так называемой модели «архитектора», где в роли архитектора, проектировщика выступают как раз НКО. При такой модели они, «формируют публичную политику, предлагая повестку дня, а также решения определенных проблем, предлагают и участвуют в реализации реформы конкретных институтов государственной власти, участвуют в создании новых органов государственной власти, обучают и воспитывают чиновников государственных структур» [3]. Таким образом, позволим себе предположить, что в данный момент в Иркутской области взаимодействие НКО и власти складываются согласно партнерской модели, что выражается в совместных дискуссиях, участиях представителей НКО в общественных слушаниях, в частности, проводимых Общественной Палатой Иркутской области. Однако не исключено, что в ближайшее время будет набирать силу вектор, кода представители НКО выражают желание и самим формировать общественную политику, осуществлять более активный общественный контроль и самостоятельно управлять диалогом с властью, таким образом, постепенно трансформируя модель взаимодействия с властью из партнерской в модель «архитектора».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lillehammer, Giske C. State-NGO relationships in transitional democracies: The case of CPA-ONG-a government centre for the advancement of NGOs in Benin. URL: http:// www.undp.org/oslocentre/docsjuly03/GiskeC%20Lillehammer.pdf (дата обращения 2.04.2011).
2. Clark, John. The relationship between the state and the voluntary sector. URL: http:// www.gdrc.org/ngo/state-ngo.html (дата обращения 05.04.2011).
3. Сунгуров А. Ю. Модели взаимодействия органов государственной власти и гражданского общества: российский опыт структур / А. Ю. Сунгуров // Эксперты для гражданского общества. Электронный портал. URL: http://www.4cs.ru/experts/sungurov (дата обращения 15.04.2011).
4. Электронный портал «Приангарье». URL: http://www. pribaikal.ru/irkutsk-important.html.
5. Об общественных объединениях : федер. закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ. URL: http://base.garant.ru/10164186/1/#100 (дата обращения 23.08.10).
6. Материалы к проекту концепции содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации. URL: www.oprf.ru/files/01100100_1.doc (дата обращения 10.08.2010).

7. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации / Обществ. палата Рос. Федерации, Межкомис. рабочая группа по подгот. доклада. М., 2009. 114 с.
8. Информация об Общественной Палате // Эмпирические исследования гражданского общества: сб. материалов обществ. слушаний. М., 2009. С. 193.

Б. М. Лихтенштейн

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ КАК ИНДИКАТОР ИЗМЕНЕНИЯ КАПИТАЛА СОЦИУМА

Изменения в социальной и экономической жизни общества, связанные с преодолением последствий мирового финансового кризиса, наблюдаемые в России в настоящее время, естественным образом влияют на процесс социализации личности, формируя поведение, отражающее внутреннее стремление либо к активному участию в происходящих событиях, либо к пассивному восприятию реальности.

Известно, что источником активности личности являются потребности. До тех пор, пока потребность не осознается, активность развивается как влечение, на подсознательном уровне идет поиск и восприятие тех аспектов окружающей среды, которые потенциально могут служить источником удовлетворения этой потребности.

Участвуя в различных социально-экономических взаимодействиях, личность удовлетворяет социально-обусловленные функции: познавательную, нравственную, общественную. И при этом, как справедливо отмечает У. Бек [1], для различных групп людей, а особенно молодежи, появляется большой выбор возможностей «в ассоциации себя с определенным географически-расположенным местом жизни и работы, возникает необходимость делать осознанный выбор, что требует публичного обмена информацией, коммуникацией, рефлексии и нахождения компромисса по вопросам противоречий выбираемых форм жизни и их последствий»

Реальная необходимость описания условий взаимодействия индивидов в тех или иных социально-экономических отношениях определяет потребность в использовании обобщенного показателя, позволяющего связать в единое целое как результаты взаимодействий, так и условия, необходимые для воспроизводимости данных результатов.

Именно этой потребностью и объясняется то обстоятельство, что понятие «капитал», как характеристика объективного нечто, обладающего свойствами количественного характера с одной стороны, а с другой изменяющегося и превращающегося из одной разновидности в другую, в последнее десятилетие все больше входит в лексикон ученых — социологов.

В. И. Радаев [2], анализируя базовое понятие «капитал», констатирует, что основными свойствами его являются: во-первых, ограниченность, как и любого другого ресурса, во-вторых, способность к накоплению, в-третьих, способность к обмену на другие ресурсы и, наконец, способность к приращению. П. Бурдье

[3], используя термин «капитал» при анализе социальной жизни выделяет 3 основных состояния капитала: инкорпорированное, объективированное и институционализированное, и вводит понятие «социальный капитал» как «агрегация действительных или потенциальных ресурсов, связанных с включением в прочные сетевые или более-менее институциализированные отношения взаимных обязательств или признаний». При этом внимание акцентируется на пользе, которую индивиды накапливают, постоянно участвуя в группах с целью создания некоторого ресурса, который является базисом возможной солидарности.

Важным является то обстоятельство, что социальная сеть, которая будет возникать в процессе такого взаимодействия, не предполагается изначально существующей, и должна формироваться путем институциализации групповых взаимодействий, которые становятся источником новых ресурсов. Таким образом Бурдье констатировал, и это не опровергается существующими практиками, что, во-первых, социальные взаимоотношения сами по себе открывают индивидам доступ к ресурсам ассоциации или группы; во-вторых, качество социального капитала определяется качеством этих ресурсов, влияющих как на отношения между людьми, так и на отношения между людьми и обществом. При этом, социальный капитал не является атрибутом отдельного индивидуума, а проявляется во взаимодействиях, и тем самым отражает динамику развития общества.

Известный исследователь данной проблематики Р. Патнем [4] включает в понятие социальный капитал «характеристики социальной жизни — нормы, доверие и человеческие взаимоотношения, которые он называет «горизонтальными» связями сотрудничества, побуждающими участников к эффективным совместным действиям по достижению общих целей, отличная их от «вертикальных» общественных отношений иерархии, подчинения и зависимости.

Развивая эту трактовку Д. Коулман определяет социальный капитал как потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, целерационально формируемый в межличностных отношениях: обязательства и ожидания, информационные каналы и социальные нормы [5].

Таким образом, оценивая, по той или иной методике, величину социального капитала, в рамках конкретного социума можно охарактеризовать способность индивидов в данном социуме к самоорганизации и совместным действиям ради достижения общепризнанных целей. Справедливо и обратное утверждение.

Внимание исследователей к проблемам, связанным с поиском путей увеличения социального капитала в обществе в настоящее время все возрастает в связи с тем, что за последние несколько десятков лет, во многих странах, наблюдается снижение социальной активности граждан. Люди реже посещают выборы, секции по интересам, меньше общаются с членами своих семей, соседями и друзьями, и все чаще стараются решать проблемы в одиночку [6].

Интересная статистика получена в США, где вопросы взаимодействия между членами территориальных сообществ изучаются уже много лет. По данным Р. Хаммана [7], в одном из районов Нью-Йорка только 18% населения социально активны, т.е. завязывают непосредственные отношения с другими людьми,

живущими в том же самом районе. 25% ведут активный образ жизни, связанный с поездками, перелетами, т.е. их общение поддерживается в основном благодаря транспортным средствам, телефонам, электронной почте, а не контактам с соседями.

Понятно, что ситуация в США и ситуация в России, особенно в региональных центрах, не является идентичной, но, как свидетельствует история, многие моменты, правда, смещенные во времени, повторяются, а процессы глобализации, происходящие в мире, ускоряют эти проявления.

На современном этапе развития общества одним из важнейших инструментов формирования потребностей, интересов, взглядов, ценностных установок, методов воспитания и обучения становятся информационные технологии.

Массовое распространение интернет — технологий, инициирующих формирование сетевых организационных структур, расширяет возможности межличностных взаимодействий, создавая тем самым предпосылки и для роста социального капитала общества [8].

Говоря о структурах, формирующихся в среде интернет — взаимодействий, и определяясь с терминологией, отметим, что сам термин «сообщество», введенный Г. Рейнгольдом, как элемент социологического лексикона, сегодня используется явно в расширенном виде, подразумевая обозначение как некой части общества (society), так и более однородного формирования (community). Сообщество, в терминологии «community», характеризуется чувством сопричастности, братства, семьи, традиции, а так же связями, основанными на понимании, согласии, и единстве языка, что позволяет находить консенсус и побуждать к согласованным действиям.

Говоря о сетевых структурах, М. Чучкевич [9], выделяет 5 основных характеристик:

1. Независимость членов сети, заключающаяся в том, что участники имеют определенную степень свободы, позволяющую определить приоритеты по характеру и направленности собственной деятельности. Уровень этой независимости простирается вплоть до того, что формируется тип ответственности “перед самим собой” за собственный успех и результат достижения самостоятельно поставленной цели. Здесь конечно нужно говорить и о методах согласования степени независимости с другими участниками сетевых взаимодействий таким образом, чтобы не нарушалась структурная устойчивость сообщества и консолидировались усилия для достижения совместно формируемых целей.

2. Объединяющая цель, формируемая, по возможности, таким образом, чтобы удовлетворить индивидуальные интересы каждого члена сети. Это может быть использование совместных статусных, маркетинговых и информационных ресурсов.

3. Добровольность связей, что логически вытекает из принципа независимости членов сети и делает возможным гибкое изменение структуры и состава сети.

4. Множественность лидеров, определяемая возможностью стать лидером для любого участника, являющегося носителем финансового, производствен-

ного, коммуникативного, экспертного или иного ресурса. Система лидерства носит изменяющийся характер, как во времени, так и в пространстве взаимодействий.

5. Множественность уровней взаимодействия, являющаяся следствием множественности лидеров. В сети взаимодействие возникает непосредственно по линиям актуальной потребности во взаимодействии — каждый может взаимодействовать с каждым напрямую, что обеспечивает максимальную эффективность и быстродействие.

Процесс павинообразного развития интернет-сообществ во всем мире, наблюдается и в России. Сегодня в стране имеется большое количество общественных организаций, объединений целью которых является содействие в развитии той или иной сферы, консолидация усилий участников для решения имеющихся проблем. Одним из путей существенного повышения эффективности работы таких традиционных объединений и являются, создаваемые при их участии, интернет-сообщества.

Практика показывает, что интернет-сообщества создаются как по инициативе участников, для удовлетворения их потребностей в общении и других интересов, так и изначально действующими организационными структурами, как средство замыкания «обратной связи» с пользователями. Создание таких сообществ может быть инициировано и для поисков путей решения общественно значимых проблем. Весомым преимуществом Интернет-сообщества в сравнении с его офф-лайновым аналогом является наличие возможности достаточно оперативного, интерактивного обсуждения вопросов с участием десятков, сотен, а иногда и тысяч географически отдаленных членов сообщества, а также, в зависимости от установленных в сообществе правил, принимать коллегиально решение, основанное на мнении большинства, либо, если этого не требуется, видеть и учитывать различные точки зрения. Это позволяет получать более объективную картину происходящего, и учитывать мнения участников независимо от их территориального положения, места, занимаемого в социальной иерархии, гендерных различий, этнической принадлежности, возраста и других дифференцирующих особенностей, как синхронно, так и асинхронно во времени. Такая технология повышает представительность и достоверность результатов.

Основная проблема, которая требует особого осмысления и индивидуализированной привязки к тематике, это преодоление противоречий между индивидуальными, групповыми и общественными интересами, между индивидуальными и коллективными решениями и действиями, т.е. в конечном итоге, проблема формирования доверия в неоднородных по составу, интересам и действиям сообществах участников социальных сетей.

Анализ показывает, что в социальных интернет — сетях, в отличие от социальных сетей, существующих в он — лайновой среде, инструментальных коммуникационных возможностей для создания и укрепления неформальных контактов в различных слоях общества, накопления и распространения информации как о конкретных участниках («репутация»), так и об их совместных конструктивных действиях, существенно больше. И показатели роста числа со-

циальных сетей могут исходя из методологии Коулмана, служить одним из индикаторов динамики изменения величины социального капитала, способствуя, наряду с существующими целевыми программами, например «Электронное правительство», более эффективному и упрощенному взаимодействию населения и властных структур, а также распространения практик поощрения государственными институтами кооперации и сотрудничества между гражданами в рамках отдельных территориальных сообществ или социальных групп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 384 с.
2. Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертации / Экономическая социология. Т. 3. 2002. № 4. С. 20-32.
3. Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60-74.
4. Putnam R. The prosperous community social capital and public life // The American Prospect. 1993. Vol. 13. P. 35-42.
5. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122-139.
6. Putnam R. The prosperous community social capital and public life // The American Prospect. 1993. Vol. 13. P. 35-42.
7. Hamman R. Computer Networks Linking Network Communities: A Study of the Effects of Computer Network Use Upon Pre — existing Communities. Режим доступа: http://www.socio.demon.co.uk/cybersociety/.
8. Шадрин А. Е. Информационные технологии: вклад в социальный капитал. Режим доступа: http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/934453dfc4aea737c3256d57003ea714.
9. Чучкевич М. Основы управления сетевыми организациями. М.: Институт социологии РАН, 1999.

С. Б. Лугвин

ПРОЦЕССЫ ТРАНСФОРМАЦИИ И МОДЕРНИЗАЦИИ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ

В литературе социальная трансформация характеризуется как «радикальное и относительно быстрое изменение социальной природы или социетального типа общества» [1; 149]. Согласно синергетическим представлениям, трансформационные изменения в обществе обычно являются результатом внутреннего напряжения системы, порожденного потоком «возмущающих» импульсов. Последние беспрерывно нарушают равновесие всякой системы, находящейся в режиме устойчивости. Но, обладая мощными инерционными механизмами, она достаточно долго удерживается в поле притяжения ее аттракторов (традиции, религия, культура, идеология и др.), гася всякие непредвиденные флуктуации. Трансформация системы начинается лишь тогда, когда воздей-

ствие флуктуаций превышает порог ее устойчивости. С нарушением баланса между силами, интегрирующими и дезинтегрирующими систему, ее элементы начинают удаляться от центра притяжения своих аттракторов, что порождает состояние ее кризиса, усиление явлений хаоса и дезорганизации. С достижением крайней степени неравновесности и неупорядоченности система распадается, в результате чего ее наиболее жизнеспособные элементы, пройдя через определенные точки бифуркации, переключаются на новый набор аттракторов, являющихся основой нового динамического равновесия. Движение общественных систем, проходящих через точки бифуркации, является скачкообразным и нелинейным. Накануне и в момент бифуркации принципиально нельзя предсказать, какие аттракторы «изберет» для себя система и по какому пути пойдет ее развитие. Дальнейшее развитие событий зависит от игры случайных факторов, в частности, от тех флуктуаций, которые воздействовали на нее в момент бифуркации.

Трансформационные процессы в обществе могут происходить как спонтанно в ходе реализации стихийных механизмов общественной эволюции, так и осуществляться целенаправленно по заранее заданному плану. Стихийные механизмы трансформации предполагают самопроизвольное накопление необходимых для нее предпосылок, соединение которых в единое целое дает качественный скачок в развитии общества. Целенаправленные механизмы трансформации проявляются в активной роли государства, его правящей элиты и бюрократии, обеспечивающих кардинальное переустройство социальной системы в соответствии с заранее поставленными целями.

Если политические трансформации могут быть весьма скоротечными, то социальные трансформации, как правило, охватывают длительный исторический период. «Трансформация социального порядка, — писал Й. А. Шумпетер, — процесс непрерывный, но сам по себе очень медленный. Для наблюдателя, который изучает небольшой отрезок «спокойного» времени может даже показаться, что социальная система вовсе не меняется. Больше того, процесс часто испытывает откаты, которые, рассматриваемые изолированно, могут даже предстать перед ним как наличие противоположных тенденций» [2; 530].

Начальным пунктом всякой трансформации является период, когда старая система утрачивает свою целостность, а ее элементы начинают дезинтегрироваться. Одновременно могут возникать образования, которые со временем становятся «кирпичиками» будущей системы. Между отмирающей и возникающей системами не существует жесткой границы. Процессы упадка старого и зарождения нового, переплетаясь друг с другом, образуют неустойчивый симбиоз. В трансформирующемся обществе обычно сохраняются отдельные структуры и механизмы старой системы, но уже возникают и институционализируются структуры и механизмы новой системы. Это означает, что трансформирующееся общество не обладает целостностью и представляет собой сложный конгломерат нового и старого. Однако по мере выстраивания новых системных механизмов происходит интеграция всех наиболее жизнеспособных элементов старой системы в новую системную целостность, с утверждением которой трансформация завершается.

Социальные трансформации, обеспечивая кардинальное переустройство всей общественной жизни или некоторых ее важнейших сфер, неизменно вызывают кризисные явления в сложившейся системе управления и порождают потребность в новых организационных формах. Те принципы, ценности и образцы деятельности, которые были функциональными до начала трансформационных изменений, в ходе их осуществления во многом утрачивают свою полезность и начинают существенно деформировать управленческий процесс. В некоторых случаях они порождают противоречия, разрешаемые лишь на основе упразднения старой и формирования новой системы управления.

В литературе наряду с термином «социальная трансформация» употребляется также и термин «социальная модернизация». Данные понятия, будучи достаточно близкими по своему содержанию, имеют разную смысловую нагрузку. Так, если первое понятие, акцентируя внимание на переходных процессах, отражает противоречивое единство зарождающегося и отмирающего, то второе понятие делает акцент на возникновении нового, связанного с формированием более сложного и интегрированного общества. Кроме того, сама по себе трансформация может иметь как прогрессивный, так и регрессивный характер; ее результатом может быть как переход к более высокой стадии развития, так и движение по нисходящей линии, что обусловливает многовариантность трансформационных процессов, отсутствие заданного вектора в их протекании. Модернизация же, напротив, предусматривает поступательное движение лишь по восходящей линии. Речь, в частности, идет о ее нацеленности на достижение индустриального общества (модерна) или даже постиндустриального общества (постмодерна), что предусматривает определенную заданность социального процесса, его ориентацию на переход к более сложным и рациональным формам общественной организации. Не совпадают между собой и временные рамки этих понятий. Если трансформация распространяется лишь на период перехода от одного типа общественной системы (подсистемы) к другому, то модернизация продолжается и тогда, когда такой переход уже закончен и данная система развивается на собственной основе. Ее верхние пределы ограничены не завершением трансформационных процессов, а некоей «современностью», которая может иметь как индустриальный, так и постиндустриальный характер.

В настоящее время общепризнано, что протекание модернизационных и трансформационных процессов отличается крайней неравномерностью, что обусловливает одновременное существование передовых и отставших в своем развитии государств. В этой связи выделяют страны первичной модернизации, в которых дифференциация политических, экономических и иных институтов индустриального общества происходила естественным путем в ходе органичного внутреннего развития (Западная Европа и США), и страны вторичной модернизации, в которых данные институты развивались не столько в результате внутренних потребностей, сколько под влиянием силы примера более передовых государств (Россия, Япония, Турция и др.). В странах, первыми вступившими путь модернизации, трансформационные изменения осуществлялись при минимальном вмешательстве государства. В странах же запоздалой модернизации трансформации всегда инициировались государством.

В условиях органичной модернизации трансформация предусматривает более или менее одновременное преобразование всех основных сфер и сторон общественной жизни. В условиях же «догоняющей» модернизации происходит их разновременная и разноскоростная перестройка, при которой одни из них достаточно быстро выходят на уровень развитых стран, другие же — в течение длительного времени могут сохранять свое отставание. Подобная особенность «догоняющей» модернизации обычно обусловлена недостатком ресурсов, что не позволяет властям осуществлять комплексную трансформацию своих институтов. В подобных условиях усилия реформаторов обычно концентрируются лишь в тех областях, где может быть достигнуто наиболее быстрое продвижение вперед. Тем самым «догоняющая» модернизация допускает некоторую анклавность трансформационных процессов, при которой достаточно долго остаются нетронутыми целые области традиционализма.

Процессы социальной трансформации и модернизации обычно сопровождаются радикальным изменением внешней среды управленческих органов и появлением новых, более сложно организованных и дифференцированных, структур. При этом обычной становится ситуация, когда новые институты еще не появились, а потребность в них уже назрела. Это резко усиливает кризисные явления в существующей системе управления и требует обновления ее организационных принципов и методов работы. Те стандарты и образцы административной деятельности, которые были вполне функциональны до начала трансформаций, в ходе их реализации приобретают дисфункциональные свойства и начинают серьезно деформировать управленческий процесс. В наибольшей степени это касается государственной бюрократии, которая ориентирована на однообразные и устойчивые стандарты деятельности, закрепленные в типовых правилах и инструкциях. Данные нормы, отражая стабильные взаимодействия внешней среды, не обладают должной гибкостью и изменчивостью. А потому они не могут предусмотреть ее неожиданное изменение, что характерно для периодов трансформационных сдвигов. Привыкшая скрупулезно соблюдать правила бюрократия начинает их абсолютизировать, в результате чего они становятся самостоятельными ценностями, не зависящими от времени и пространства. В подобных условиях внутренняя детерминация ее деятельности становится преобладающей, что порождает ее конфликт с внешним окружением. Каналы положительной обратной связи воспринимают и воспроизводят лишь те сигналы среды, которые носят рекурсивный характер и сводятся к двум основным параметрам — порядку или беспорядку. Порядок бюрократия стремится сохранить и упрочить, а беспорядок — предотвратить или ограничить. «Входной» импульс вызывает определенную реакцию бюрократической системы, однако результат на «выходе» определяется отнюдь не «входом», а ее собственным состоянием, что резко усиливает ее дисфункциональные проявления. Как показывает практика, основная причина бюрократических «патологий» — не злой умысел бюрократии, а результат несоответствия ее организационной структуры и деятельности требованиям изменяющейся внешней среды.

Бюрократические деформации государственного аппарата — величина непостоянная. В условиях модернизации и трансформации общества они усили-

ваются, в периоды стабильности — уменьшаются. Большое влияние на качество работы государственного аппарата оказывают также господствующие в обществе традиции, политическая и правовая культура населения, особенности политического режима и пр. В прошлом единственным ответом на вызовы трансформирующегося общества являлось прогрессирующее усложнение бюрократических структур и все большая формализация административных процедур. В настоящее время подобный подход совершенно неприемлем. В сложноорганизованных обществах, переживающих системную трансформацию, акцент должен делаться не на процессах управления, а на явлениях самоорганизации и самоуправления. А потому в периоды постиндустриальных трансформаций с их неопределенностью и непредсказуемостью, речь должна идти не об усложнении управляющей или упрощении управляемой системы, а об активизации явлений самостоятельности и инициативы в деятельности самих граждан, административных органов и должностных лиц. Сегодня все более результативными оказываются те структуры, которые широко используют инновации и отказываются от мелочной регламентации общественной жизни [3; 9-27].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Социальная траектория реформируемой России / отв. ред. Т. И. Заславская. Новосибирск: Наука, 1999. 365 с.
2. Шумпетер И. А. Капитализм, социализм и демократия / И. А. Шумпетер; пер. с англ.; предисл., общ. ред. В. С. Автономова. М.: Экономика, 1995. 540 с.
3. Лугвин С. Б. Государственная бюрократия в условиях социальных трансформаций / С. Б. Лугвин. Гомель: ГГТУ им. П. О. Сухого, 2006. 233 с.

В. Ф. Лукичев

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНОВ РОССИИ

Сама постановка вопроса в таком виде, как «Основные направления и проблемы социально — экономической модернизации регионов России», и есть главная проблема, которая не даст Российскому обществу провести модернизацию, т. е. выбрать путь качественного изменения человека. Именно человека, а не машин, оборудования, технологий и регионов России.

Для того, чтобы Российское общество действительно выбрало путь именно модернизации надо, прежде всего, создать методологию и теорию данного процесса. И здесь мы попадаем в ситуацию, которая однозначно говорит нам о том, что сегодня в мире (ни в одной стране) не создано ни методологии, ни теории модернизации. И это действительно так потому, что смысл слова **«методология»** означает, на самом деле, **«да будет желание, стремление идти по пути, ведущему к первоначальному смыслу Разума, начала, природы, слова»** (праязык), а **«теория»** означает **«вот, при посредстве чего становится истинным достоянием человека сущность и смысл Вселенной, мира, природы,**

т.е. всего сущего, подлинного и собственного значения слова (слова в его собственном, своем смысле), а также подлинной цели жизни человека, его надежной защиты и безопасности, силы, могущества, возможностей и способностей» (праязык). На этом уровне познания современная наука и особенно такие направления в ней, как социология и экономика, вообще не работают.

Сегодня человечество живет в мире иллюзий, относительном мире — мире примитивного человека, примитивного смысла слов — смысла, который никакого отношения к подлинному и собственному смыслу слов в большинстве случаев не имеет. И первую роль в этом процессе играет как раз наука.

Сегодня мы, в принципе, не понимаем смысла того, что говорим и того, что нам говорят.

Абсурд нашей жизни выражается в процессе, начавшемся в начале XX века и во всю ширь развернувшемся сейчас, и который был определен философами как **«отрыв названия вещи, ее смысла от самой вещи»**. По этому поводу прекрасно сказал Конфуций: **«Кто не знает силы слова, тому неоткуда будет знать людей»**.

В этой связи уместно напомнить слова известных всей России поэтов, которые предупреждали нас, своих потомков, о нашей ответственности за искажение нами смысла слов.

«Молчат гробницы, мумии и кости,
лишь слову жизнь дана.
Из древней мглы на мировом погосте
звучат лишь письмена.
И нет у нас другого достоянья,
умейте же сберечь
Хоть в меру сил в дни злобы и страданья
наш дар бессмертный — речь».

И. А. Бунин

«В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города».

Н. С. Гумилев

«И этот клич сочувствия слепого,
Всемирный клич к неистовой борьбе,
Разврат умов и искаженье слова —
Все поднялось и все грозит тебе».

Ф. И. Тютчев

Так какой же смысл вкладывают в «модернизацию» ученые, эксперты, которые специализируются в этой области деятельности человека?

Большая советская энциклопедия: «**Модернизация** (франц. modernisation, от modeme — новейший, современный) — изменение в соответствии с новейшими, современными требованиями и нормами».

И еще: «**Модернизация** — общественно исторический процесс, в ходе которого традиционные общества становятся прогрессивными, индустриально развитыми».

Википедия: «**Модернизация** — усовершенствование, улучшение, обновление объекта, приведение его в соответствие с новыми требованиями и нормами, техническими условиями, показателями качества. Модернизируются в основном машины, оборудование, технологические процессы».

И еще: «**Модернизация** — есть некий перманентный процесс, осуществляющийся посредством проведения реформ и инноваций».

«**Модернизация** напрямую связана с этапами технологических укладов в истории человечества».

Если мы обратимся к латыни, то «**модернизация**» (modernus, moderor) означает «**новый, современный; мера, способ; управление и соблюдение природных законов**».

Наши далекие прапредки, в отличие от нас, представляли сущность и смысл модернизации как процесс качественного изменения именно человека, который приводит человека к достижению им строго определенной цели.

Модернизация — единственный, естественный, подлинно установленный путь познания человеком самого себя, сущности и смысла всего сущего, подлинного и собственного значения слова (слова в его собственном, своем смысле), который (путь) действительно способствует управлению человеком и тем самым рождает в нем желание, стремление к качественному изменению его самого (возникновению у него внутренней гармонии, уверенности, самостоятельности и независимости, благоразумия, рассудительности, спокойствия, сдержанности, самообладания, умеренности и воздержания, и самоограничения во всем) и воздвижению им богатого, изобильного, с плодородными и многоводными землями отечества (родины) истины и справедливости (Веры), чтобы обеспечить себе надежную защиту и безопасность и жить в радости, пахать и сеять (праязык).

Таким образом, сущность и смысл модернизации заключается именно в качественном изменении самого человека, а не в усовершенствовании, новизне машин, оборудования, технологий. И это действительно так потому, что человек и только человек является единственным производителем (создателем) и машин, и оборудования, и технологий. И именно от того, каков сам человек, каковы его способности и возможности, зависит что за машины, оборудование, технологии он создает. Сегодня самые передовые научные разработки применяются, прежде всего, именно в военно — промышленных комплексах (ВПК) различных стран, т.е. для создания новейших машин, образцов оружия, применяемых, по своей функции, для убийства людей.

В тоже время, наши далекие прапредки давно уже сказали, что конструкторско-технико-технологического решения человеческих проблем, на самом деле, нет. Любая технология, любая машина, любое оборудование, как бы они не были трудны в конструировании и исполнении, являются простыми системами. А человек, по своей сущности и смыслу, является открытой живой комплексной, саморазвивающейся, самоорганизующейся, противоречивой, неу-

стойчивой, неравновесной (нестабильной), асимметричной, асинхронной системой. И поэтому главной проблемой в решении человеческих проблем, в том числе модернизации, является сам человек и только он.

Сегодня человечество ищет решение своих проблем, выход из современного системного (мировоззренческого) кризиса именно в повышении своего технологического уклада, т.е. применяя мировоззрение материализм («теорию» простых систем). При использовании данного мировоззрения проблемы и кризисы могут «решаться» лишь с использованием силовой компоненты обобщенных средств управления, т.е. проблемы и кризисы «разрешаются» только через силу (военную, политическую, экономическую, технологическую, финансовую — деньги). Разумеется ни о каком реальном разрешении проблем, кризисов не может идти речи потому, что материализм («теория» простых систем), на самом деле, не «понимает» причин (источников), сущности и смысла проблем и кризисов. Он «понимает», а потому и борется только со следствиями проблем и кризисов, используя при этом самый низкий, т.е. самый примитивный уровень обобщенных средств управления — силовой. Поэтому весь мир сегодня и находится в ситуации «бесконечной» смены одних проблем и кризисов на другие.

Если учесть, что смысл слова «**управление**» означает «**успокаивать, облегчать участь, унимать, усмирять, склонять к чему — либо, делать уступчивым, подчинять человека словом**» (праязык), а «**инновация**» с латыни означает «**внутреннее обновление, изменение, преображение**», т.е. инновация — это результат нового подхода к управлению именно людьми, которые и есть действительные создатели машин, оборудования, технологий, то надо признать со всей очевидностью, что материализм (преобладающее сегодня в мире мировоззрение) уже изжил себя потому, что уже не соответствует уровню развития производительных сил в мире.

Сегодня надо говорить не о развитии средств производства, а о развитии самого человека. Именно человек сегодня является главной проблемой человечества. И от этой проблемы никуда не деться. Нам нужен качественно новый человек — человек разумный. И тогда разрешатся все проблемы человечества.

Ибо сказал по этому поводу Конфуций: «**У разумных людей нет проблем. Они есть только у неразумных людей**».

Е. А. Любимова

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В СФЕРЕ ТРУДА

Противоположность экономических интересов различных групп современного общества, противоречия между частными устремлениями и общественными потребностями обусловливает особую значимость регулирования социально-трудовых отношений. Складывается новый тип этих отношений, характеризующийся, во-первых, тем, что наемный работник становится активным субъектом, а не только объектом социально-трудовых отношений, во-вторых, основополагающим становится принцип равноправного участия в

социально-трудовых отношениях работодателей и работников при регулирующей роли государства. Эти принципы заложены в механизм социального партнерства, который является гарантией согласия и прогресса.

Решающая роль в развитии концепции социального партнерства принадлежит Международной Организации Труда (МОТ). Основные стандарты, касающиеся коллективных переговоров и коллективных договоров, содержатся в Конвенции МОТ № 154. Социально-партнерское регулирование трудовых отношений получает развитие в Трудовом кодексе РФ (ч. 2 разд. II). Повышению роли и значения социального партнерства также способствуют Федеральные законы: «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», «Об объединениях работодателей», Закон Тюменской области «О регулировании трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений в Тюменской области» и др.

Итак, в рамках данной статьи за основу возьмем правовую дефиницию, обозначенную в Трудовом кодексе РФ (ТК РФ): «социальное партнерство в сфере труда — система взаимоотношений между работниками (представителями работников), работодателями (представителями работодателей), органами государственной власти, органами местного самоуправления, направленная на обеспечение согласования интересов работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений» [2]. Субъектами социального партнерства в сфере труда являются работники, работодатели (их представители), органы государственной власти и местного самоуправления.

Характеризуя место государства, следует обратить внимание на наличие различных, даже полярных позиций относительно данного вопроса. Так, Р. З. Лившиц, отмечает, что государство не является стороной трудовых отношений. Отдельные работники состоят в трудовых отношениях с унитарными предприятиями, государственными учреждениями и организациями, но не с государством в целом. Роль государства в трудовых отношениях состоит в правовом регулировании труда, принятии законов и других нормативных актов, регулирующих трудовые отношения. Компромиссной позиции придерживаются ученые-правоведы Санкт-Петербургского государственного университета, отмечая, что в качестве работодателя могут выступать физические лица, юридические лица, государство, действующее через свои органы. Иную позицию отстаивает Тедеев Э. К., полагающий, что во многих случаях государство является собственником ресурсов и крупным работодателем [цит. по 6, с. 781].

Чтобы разобраться в этом вопросе, следует отметить, что современное государство, наряду с индивидуальными, акционерными, монополистическими собственниками, организует и реализует предпринимательскую деятельность на тех же основах и в тех же формах, что и частные владельцы капитала. В капиталистическом государстве в сфере государственного хозяйства фактическим предпринимателем выступает правительство, которое определяет политику государственных предприятий, принимает решения по принципиальным вопросам их деятельности, назначает и смещает административный персонал.

Таким образом, государство является крупным работодателем, устанавливающим минимальный размер оплаты труда, величину пособий по безработице, оплату труда работников бюджетной сферы, а также выступает непосредственным работодателем на федеральных государственных унитарных предприятиях, акционерных обществах (в качестве держателя контрольного пакета акций).

Государство в системе социального партнерства реализует следующие функции: регулирует коллективные ресурсы общества; поддерживает институциональный порядок общения людей; разрабатывает общественную стратегию и тактику; реализует государственное администрирование [5]. Государственное управление в системе социального партнерства отличается от других типов управления наличием широких властных полномочий и функций в регулировании различных сфер публичной жизни. Однако роль государство нуждается в переосмыслении в связи с развитием децентрализации и переходом части функций регионам, местным сообществам и частным институтам.

Чтобы определить партнерство как политику и практику социально-экономического развития и социальную ответственность государства, обратимся к исторически сложившимся типам государств по выделенному критерию. Первым является *«минимальное» государство* — «ночной сторож», которое поддерживает порядок, контролирует выполнение договоров и осуществляет внешнюю защиту страны. Вторым — *государство развития*, которое вмешивается в экономическую сферу для содействия развитию, налаживает отношения с профсоюзами, деловыми кругами, разрабатывают долгосрочные стратегии развития с учетом возрастающей международной конкуренции (Франция, Германия, Австрия, Южная Корея, Сингапур, Тайвань, Япония). Третий тип государства — *социал-демократическое* — стремится к социальной справедливости, сокращению социального неравенства. *Плюралистическое государство* предстает в роли арбитра, третейского судьи, обеспечивающего равновесие и защиту интересов общества в целом. Также выделяют коллективизированные и тоталитарные государства. Исходя из данной типологии, российское государство сочетает в себе черты различных моделей, при этом доминируют элементы государства развития и плюралистического государства.

Следует отметить, что до середины 90-х гг. XX в. государство с позиции плюрализма характеризовалось как «слуга общества, а не господин», то есть государство не имеет собственного интереса. Современные плюралистические позиции изменились, согласно неоплюрализму, современное индустриальное государство менее чувствительно к давлению со стороны общества, бизнес находится в привилегированном положении в отношениях с правительством по сравнению с другими общественными группами, а государство имеет собственные, бюрократические интересы.

Государственные учреждения и организации становятся проводниками частных интересов и утрачивают самостоятельную, координирующую функцию (например, в процессе размещения заказов на выполнение работ и оказания услуг). Российская Федерация представляется «размытым государственным образованием, громоздким, гигантским и трудно управляемым механизмом» [5; 15]. В связи с этим возникает необходимость переосмысления прав и

обязанностей государства в регулировании социально-трудовых отношений в целом. В системе социального партнерства должна преобладать власть закона, публичность и легитимность деятельности властных структур, хотя на практике существуют манипулирование и административное давление на профсоюзы.

Далее обратимся к соотношению сил других субъектов системы социального партнерства — работодателей и профсоюзов. С 1 февр. 2002 г. «…российский работодатель стал самым всевластным по сравнению с работодателями любой страны мира, ибо в соответствие со ст. 22 и ст. 8 ТК РФ ему предоставлено право принимать локальные нормативные акты. Такого законодательного закрепления работодательского права на нормативную власть нет ни в одном государстве, поскольку профсоюзы … борются, запрещая работодателю самостоятельно принимать локальные нормативные акты и требуя согласования их с представительными органами трудящихся» [6; 775]. Российские профсоюзы могут влиять на процесс принятия локальных нормативных актов, в соответствие со ст. 8 ТК РФ, сформулированной законодателем так: «с учетом мнения выборного представительного органа работников». Работодатель, в свою очередь, может это мнение игнорировать, в этом случае профсоюз может инициировать процедуру коллективного трудового спора, что сделать весьма непросто, а для отдельных профессиональных групп вообще невозможно в силу законодательного запрещения.

Представляется, что наиболее действенным вариантом защиты прав и законных интересов трудящихся являются коллективные договоры и соглашения, заключенные на различных уровнях. Поэтому важно, какие положения найдут отражение в проектах этих документов, какова процедура их заключения, и самое важное — проблема ответственности сторон за выполнение коллективного договора и указанных соглашений. Далее подробнее рассмотрим содержание и особенности реализации основных форм социального партнерства в сфере труда.

Социальное партнерство в Тюменской области реализуется такими субъектами, как Правительство Тюменской области, Тюменское межрегиональное объединение профсоюзов «Тюменский областной совет профессиональных союзов» (ТМООП «Тюменский облсовпроф») и Региональное объединение работодателей «Союз работодателей Тюменской области».

По информации ТМООП «Тюменский облсовпроф» на территории Тюменской области в 2010 г. заключен 2721 коллективный договор, коллективными договорами охвачено 2847 организаций, что составляет 85,7% от общего количества организаций. Действие коллективных договоров распространяется на 95,1% членов профсоюзов, 92,8% работников. Для сравнения сопоставим с данными 2005 г.: действовало 3200 коллективных договоров, что составляет 77,6%. Изменение количественных характеристик социально-партнерских отношений можно проследить на основе следующих данных: в период 2005-2010 гг. значительно сократилось количество первичных профсоюзных организаций (на 20%). Наблюдается также и сокращение действовавших коллективных договоров (на 15%). Однако, отмечается и положительная динамика увеличения охвата кол-

лективными договорами (на 8,1%), возрастает количество заключенных территориальных соглашений — на 13 за период с 2005 по 2010 гг.

Анализ коллективных договоров показывает, что в 1714 из них минимальный размер оплаты труда установлен на уровне не ниже регионального прожиточного минимума трудоспособного населения, и составляет 63,0% от общего количества коллективных договоров. Наибольший охват коллективными договорами (74,6%) наблюдается в организациях муниципальной собственности.

В сравнении с 2009 г. в 2010 г. существенно сократился охват организаций коллективными договорами в Тюменской межрегиональной организации профсоюза работников жизнеобеспечения (охват 50,3%, снижение составило 43,1%), в областной организации профсоюза работников государственных учреждений и общественного обслуживания РФ (охват 62,5%, снижение составило 17,8%), в Тюменской межрегиональной организации Российского профсоюза работников культуры (охват 61,5%, что ниже данных Российского профсоюза работников культуры за 2009 г. на 22,5%), в областной организации профсоюза работников лесной отрасли (охват 11,1%, снижение составило 76,8%).

Уменьшение количества коллективных договоров в указанных выше отраслях произошло в результате процесса реструктуризации, реорганизации по предприятиям жилищно-коммунального комплекса, перевода учреждений культуры из автономных некоммерческих организаций в автономные учреждения, передача учреждений лесной отрасли федерального подчинения на областной уровень, снижения численности в организациях, учреждениях.

Остановимся на наиболее значимых результатах реализации Регионального соглашения между Правительством Тюменской области, ТМООП «Тюменский облсовпроф» и Региональным объединением работодателей «Союз работодателей Тюменской области» [4] в 2010 г. (на основе информации о выполнении мероприятий стороной профсоюзов, утвержденной на заседании президиума ТМООП «Тюменский облсовпроф» 23 марта 2011 г. протокол № 7-1).

В условиях финансово-экономического кризиса произошло снижение жизненного уровня работающего населения, доходы населения Тюменской области за 11 месяцев 2010 г. к соответствующему периоду предыдущего года увеличились на 103,3%, при этом реальная заработная плата возросла на 103,1%, а потребительские цены на товары и услуги — на 107,4%.

В течение 2009-2010 гг. заработная плата работников бюджетной сферы не индексировалась, поэтому произошло снижение ее удельного веса к уровню средней заработной платы работников области. Существующий размер минимальной заработной платы в Тюменской области (4330 руб.) не позволяет поднять доходы наименее обеспеченных работников и сократить численность бедного населения. Минимальная заработная плата в Тюменской области по состоянию на 1 января 2011 г. составляет 70,8% от прожиточного минимума трудоспособного населения Тюменской области и 19,7% от средней заработной платы работников Тюменской области. Для сравнения, соотношение минимальной заработной платы к прожиточному минимуму составляет в Ханты-Мансийском автономном округе — 99,0%, Ямало-Ненецком автономном округе — 94,3%. Та-

ким образом, можно утверждать, что высокая включенность работников в профсоюзы, широкая распространенность и выполняемость коллективных договоров оказывает крайне слабое влияние на повышение оплаты труда со стороны профсоюзов.

Наметилось снижение в 2010 г. уровня безработицы с 0,8% до 0,7% к экономически активному населению области. В среднем по России уровень регистрируемой безработицы в конце декабря составил 2,1%, по Уральскому федеральному округу — 1,9%. На основе Регионального соглашения на 2011-2013 гг. разработаны минимальные стандарты для заключения коллективных договоров и соглашений. Координационными советами в муниципальных образованиях в 2010 г. проведены занятия на тему: «Социальное партнерство на муниципальном уровне», «Территориальное соглашение в муниципальном образовании», «Участие представителей профсоюзов муниципального образования в работе трехсторонних комиссий».

Совершенствование системы договорных трудовых отношений, расширение деятельности по заключению коллективных договоров и отраслевых соглашений, усиление контроля за соответствием их содержания нормам трудового законодательства позволит создать эффективный механизм защиты трудовых прав и обеспечения социальных гарантий. Также необходимо дополнить соглашения всех уровней и коллективные договоры социально-трудовыми стандартами, конкретными показателями объема и качества удовлетворения основных потребностей граждан, возникающих и реализующихся в социально-трудовой сфере. Более полному развитию системы социального партнерства, совершенствованию законодательной базы будут способствовать принятие областных законов: «О социальном партнерстве», «Об объединении работодателей», «О коллективных договорах и соглашениях в Тюменской области».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конвенция МОТ № 154 «О содействии коллективным переговорам». [Электр. ресурс] / Режим доступа: //http://www.ilo.org/ilolex/russian/docs/conv154.htm.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2010). КонсультантПлюс: Высшая школа. Вып. 15. Весна 2011.
3. Закон Тюменской области от 8 июля 2003 г. № 155 «О регулировании трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений в Тюменской области» [Электр. ресурс] / Режим доступа: //http://law.admtyumen.ru.
4. Региональное соглашение между Правительством Тюменской области, ТМО-ОП «Тюменский облсовпроф» и Региональным объединением работодателей «Союз работодателей Тюменской области». [Электр. ресурс] / Режим доступа: // http://www.oblprof.ru/.
5. Михеев В. А. Государство в системе социального партнерства // Труд и социальные отношения. 2008. № 7. С. 12-17.
6. Цитульский В. Ф. Социально-партнерское регулирование трудовых отношений в России (история, теория, тенденции развития): монография. М.: Российская правовая академия Министерства юстиции РФ, 2006. 864 с.

В. В. Майер, М. Ю. Акимов

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С РАБОТОДАТЕЛЯМИ В УСЛОВИЯХ УНИВЕРСИТЕТСКОГО КОМПЛЕКСА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ СОТРУДНИЧЕСТВА ВУЗА С ПРОИЗВОДСТВОМ

Одной из стратегических задач, стоящих сегодня перед нашей страной, является совершенствование и модернизация системы российского профессионального образования. Для этого на федеральном уровне разрабатываются и принимаются национальные образовательные проекты, ориентированные на обеспечение качества профессионального образования, на региональном уровне утверждаются программы развития, направленные на его достижение.

С сентября 2011 года все образовательные учреждения переходят на федеральные государственные образовательные стандарты. В этом аспекте Тюменский государственный нефтегазовый университет, являясь крупнейшим в регионе университетским комплексом, создает новые условия для их реализации и выступает инициатором в формировании региональных и отраслевых требований к профессионально-квалификационной структуре подготовки специалистов и рабочих кадров.

Используемый в вузах традиционный подход к работе с предприятиями-партнерами отражал только одну сторону такого взаимодействия, ориентированную, прежде всего, на организацию всех видов практик обучающихся и содействие в последующем трудоустройстве выпускников. Как правило, непосредственная подготовка студентов к профессиональной деятельности и оснащение их соответствующими знаниями, умениями и навыками происходила со стороны университета, а последующее освоение способов и техник работы осуществлялось на рабочих местах предприятий.

Переход образовательных учреждений на федеральные государственные образовательные стандарты обосновал процесс пересмотра и разработки новых подходов к организации взаимодействия вуза и предприятий через привлечение потенциальных работодателей, к формированию структуры и содержания подготовки специалистов и рабочих кадров, учебно-методического обеспечения профессиональных образовательных программ.

Сегодня потенциальный работодатель может сформировать востребованные в профессиональной сфере качества выпускника через предложенные им же компетенции, отражающие заданные требования к его образовательной подготовке.

Сформированные компетенции найдут отражение в содержании изучаемых дисциплин и профессиональных модулей, учебно-методической документации реализуемых образовательных программ. О результате сформированности компетенций будет свидетельствовать способность выпускника мобилизовать знания, умения и опыт в конкретной профессиональной деятельности.

При этих же условиях претерпит изменение структура подготовки специалистов и рабочих кадров за счет формирования работодателями перечня «востребованных» и «невостребованных» им образовательных программ.

В этом контексте Тюменский государственный нефтегазовый университет сформировал свои подходы к региональному сотрудничеству с предприятиями и организациями топливно-энергетического комплекса. Схема такого взаимодействия представлена на рисунке.

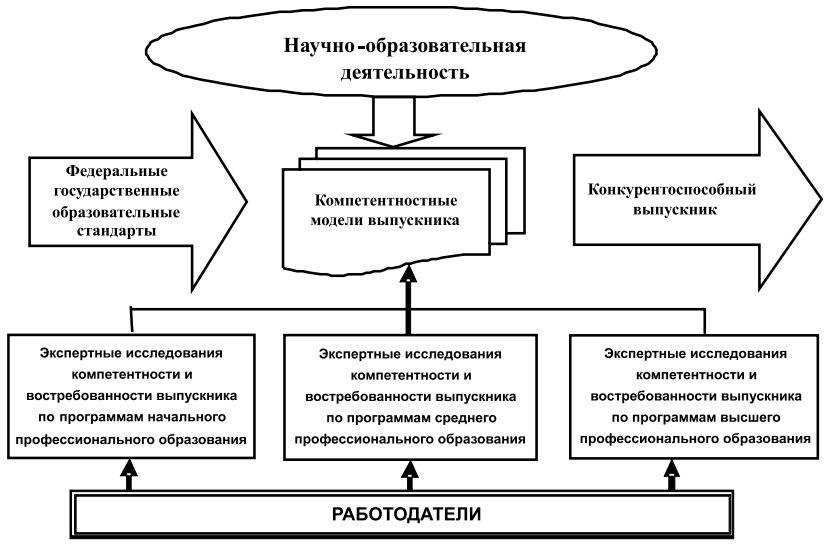


Рис. Схема формирования компетенций выпускников вуза

Совместная работа строится на основе экспертных исследований компетентностей и востребованности направлений подготовки выпускников предприятиями и организациями региона. Комплекс мероприятий по совместной работе включает в себя деятельность творческих и рабочих групп, работу фокус-групп с ведущими предприятиями-партнерами вуза по обсуждению востребованных компетенций для всех уровней профессионального образования, а также разработку, рекомендации к содержанию подготовки выпускников. Требуемые компетенции и анализ их востребованности определяется с учетом каждого уровня профессионального образования. Следует обратить внимание, что содержание компетенций отражает предшествующий профессионально-образовательный опыт обучаемого.

У Тюменского государственного нефтегазового университета есть определенные преимущества по сравнению с другими высшими учебными заведениями, заключающиеся в том, что созданная в университете система многоуровневой подготовки специалистов и рабочих кадров дает возможность в разработке и реализации согласованных образовательных программ различных уровней профессионального образования. При переходе от одного образовательного уровня на другой выпускник получает определенный набор компетенций, с учетом предыдущего уровня. Таким образом, региональные предприятия и организации получают многопрофильного специалиста, имеющего подготовку по

нескольким направлениям и специальностям, в сокращенные сроки обучения. Многовариантность образовательных услуг способствует быстрому реагированию на изменившиеся запросы региональных предприятий и рынка труда на кадровые ресурсы области посредством реализуемого в вузе спектра специальностей и рабочих профессий. Формируемая работодателями структура подготовки специалистов и рабочих кадров практически полностью перекрывается профессиями и специальностями вуза.

Кроме этого, в университете продолжают использоваться индивидуальные формы работы с региональными партнерами-предприятиями, вариантами которого выступают:

1. Организация стажировок и практик на предприятии и выполнение выпускниками университета комплекса квалифицированных, высокоинтеллектуальных, в том числе научно-исследовательских работ. Вариантами данного направления сотрудничества являются единичные стажировки или комплексные, если предприятие заинтересовано именно в этих выпускниках.
2. Целевая подготовка специалистов и рабочих кадров для предприятия, которая предполагает отбор кандидата и последующее финансирование его обучения. В данном случае предприятие получает на стажировку практиканта в качестве его сотрудника и при совпадении общих интересов впоследствии трудоустраивает к себе на работу.
3. Организация повышения квалификации или профессиональной переподготовки сотрудников производства и выпускников университета по программам, разработанных совместно с работодателями и с учетом их требований.
4. Целенаправленная дополнительная специализация выпускников через освоение программ дополнительной профессиональной подготовки по заказам предприятий.

Стоит уделить особое внимание формированию информационного поля, отражающего процедуру взаимодействия вуза с производством. Информационное обеспечение совместной деятельности выстроено следующим образом: участие вуза во внешних мероприятиях, конференциях, семинарах, имеющих отношение к трудоустройству выпускников; выпуск информационных корпоративных газет, отражающих данную работу; размещение информации на сайте вуза и учебных подразделений; подготовка совместных публикаций информационно-методического характера.

Следуя основным принципам развития региональной образовательной политики, Тюменский государственный нефтегазовый университет формирует свой опыт регионального сотрудничества по взаимодействию с предприятиями и организациями топливно-энергетического комплекса.

Н. А. Маланичева

ТЕНДЕНЦИИ ЗДОРОВЬЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

В современных условиях, когда приоритет отдается инновационному развитию и наращиванию темпов экономического роста, качество человеческих ресурсов приобретает особую значимость. В наши дни здоровье становится социальным свойством личности, обеспечивающим человеку в условиях рыночной экономики конкурентоспособность, материальную обеспеченность, профессиональное долголетие и благополучную старость. В совокупности с другими факторами здоровье определяет не только возможности индивида на микроуровне, но и потенциал страны на макроуровне, все чаще осознается важнейшая роль здоровья в поддержании экономического роста.

Качественное улучшение всей системы здравоохранения выделено Президентом России в ряд национальных проектов, нацеленных на решение основных проблем развития страны в социальной сфере, среди которых важнейшими являются: увеличение продолжительности жизни населения, снижение инвалидности и смертности, в том числе от наиболее опасных сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний [6].

Не смотря на важность здоровья как ключевого компонента устойчивого социально-экономического развития территории России, его уровень и потенциал остаются на довольно низком уровне, сохраняется депопуляция. Одновременно с этим усиливается дифференциация в социально-экономическом развитии территорий, расслоение общества и другие процессы, которые находят отражение в состоянии здоровья населения.

Уровень здоровья населения России еще в советский период был значительно ниже, чем в развитых странах, а динамика смертности и заболеваемости носили неблагоприятный характер. В период социально-экономических реформ на фоне естественной убыли населения (с 1990 по 2009 гг. Россия потеряла около 6 млн. человек), ухудшились показатели заболеваемости, возрос уровень смертности населения, что значительно ослабило экономический ресурс страны.

Международно-признанным интегральным показателем общественного здоровья является ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) населения. По величине ОПЖ можно опосредованно судить об уровне социально-экономического благополучия в стране, о состоянии здоровья и качестве здравоохранения. По данному показателю Россия сильно отстала от развитых стран и по данным на 2010 г. находилась лишь на 168-м месте в мире. В период с 1994 по 2009 гг. продолжительность жизни в стране выросла на пять лет и составила 68,7 лет, тем самым почти достигнув уровня 1990 г. (рис. 1).

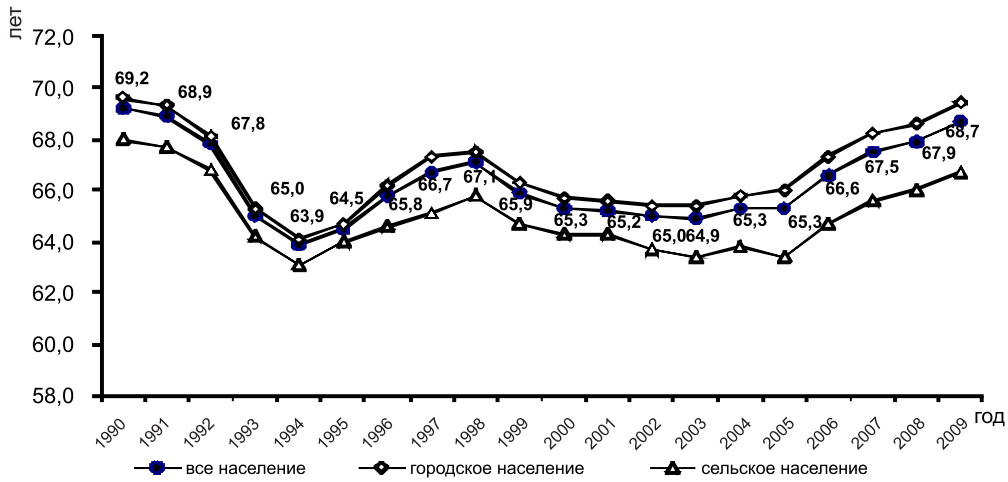


Рис. 1. Ожидаемая при рождении продолжительность жизни населения России, 1990-2009 гг., лет (Источник: Демографический ежегодник России. 2010: Стат. сб./ Росстат. — М., 2010.)

Однако странам Европейского союза по показателю ОПЖ Российская Федерация все еще уступает порядка 11 лет (табл. 1). В то же время наблюдается значительная дифференциация продолжительности жизни среди городского и сельского, мужского и женского населения. Крайне низкой остается продолжительность жизни мужского населения на селе (61 год). В то же время самая большая продолжительность жизни у женщин, проживающих в городах (75 лет).

Таблица 1

Ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) населения России при рождении в сравнении со странами ЕС (число лет)

Территория	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Россия	69,28	64,67	65,43	65,37	66,67	67,51	67,9	68,7
Страны ЕС	75,18	76,1	77,5	78,66	79,02	79,13	79,5	79,6

Источник: Европейская база данных «Здоровье для всех» http://www.euro.who.int/hfabd?language=Russian.

Хотя оценки ожидаемой продолжительности жизни показывают, сколько лет может прожить тот или иной человек с учетом существующих в данный момент коэффициентов смертности в конкретных условиях, они ничего не говорят о состоянии здоровья на протяжении жизни. Чтобы восполнить этот пробел Всемирная организация здравоохранения стала активно использовать с 1999 г. индикатор — «ожидаемая продолжительность здоровой жизни» — ОПЗЖ (HALE, Healthy life expectancy). Этот сравнительно новый структурный показатель позволяет ответить на следующие вопросы: в какой степени ожидаемая продолжительность жизни сопровождается повышением уровня здоровья, сколько в среднем лет предстоит прожить человеку в состоянии хорошего

здоровья и какую часть своей жизни люди живут с недостаточно хорошим здоровьем, обусловленным социальными детерминантами жизнедеятельности общества [5].

Представитель наиболее «здоровой» нации проводит в состоянии нездоровья в среднем 9% своей жизни, в то время как для наименее «здоровых» стран это показатель равен 14%. Мировым лидером по показателю ОПЗЖ является Япония, граждане которой проживают в среднем 74,5 года в состоянии здоровой жизни. В группу лидеров входят также Швейцария (75 лет), Швеция (74), Испания (74), Италия (74), Андорра (74 года). Показатель ОПЗЖ в России составил в 2007 г. 60 лет, следовательно, в нездоровом состоянии население проводит в среднем 12% своей жизни. Динамика этого показателя в стране в период с 2000 по 2007 гг. свидетельствует о позитивной тенденции в состоянии здоровья населения: ожидаемые потери здоровой жизни при рождении сократились как у мужчин, так и у женщин с 8,7 до 5 лет и с 11,4 до 8 лет соответственно (рис. 2) [4].

Тем не менее, судя по данным об ожидаемой продолжительности здоровой жизни, российские мужчины и женщины несут на себе огромное бремя нездоровья. В то время как население стран Европейского региона живет все дольше, причем увеличивается и число лет, прожитых без болезней и инвалидности. Это связано с ростом общей ожидаемой продолжительности жизни, прогрессом медицины и более широким осознанием обществом необходимости выбора здорового образа и стиля жизни. Поэтому представляется особенно важным, чтобы будущее увеличение ОПЖ в Российской Федерации шло параллельно с повышением функционального потенциала населения в целом и качества жизни, связанного со здоровьем.

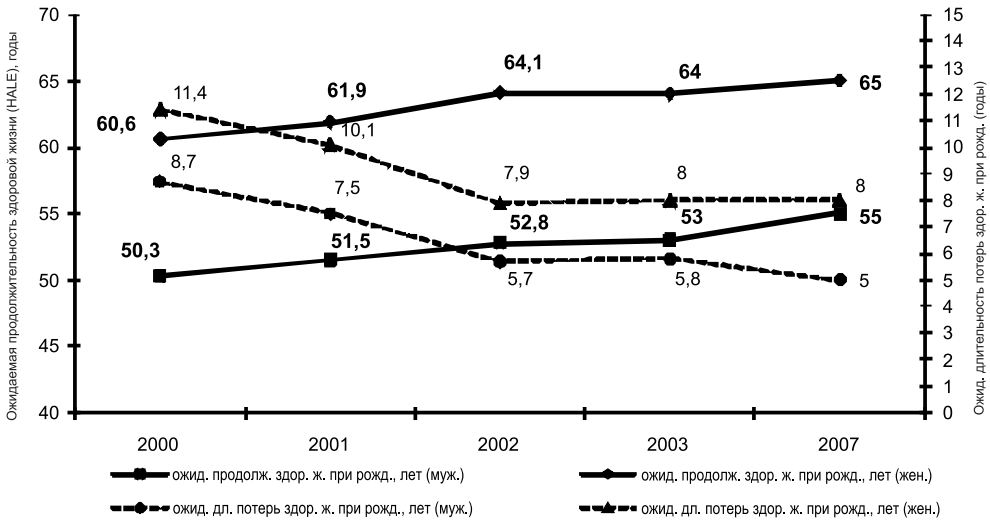


Рис. 2. Ожидаемая продолжительность здоровой жизни при рождении и потерянная часть здоровой продолжительности жизни для женщин и мужчин России

Источник: Мировая статистика здравоохранения, 2009 год. / Всемирная организация здравоохранения. http://www.who.int/whosis/whostat/2009/ru/index.html

Низкая продолжительность жизни населения в России формируется преимущественно за счет сверхсмертности в трудоспособном возрасте. Это подтверждается анализом темпов роста возрастных коэффициентов смертности в стране в течение двух десятилетий (рис. 3).

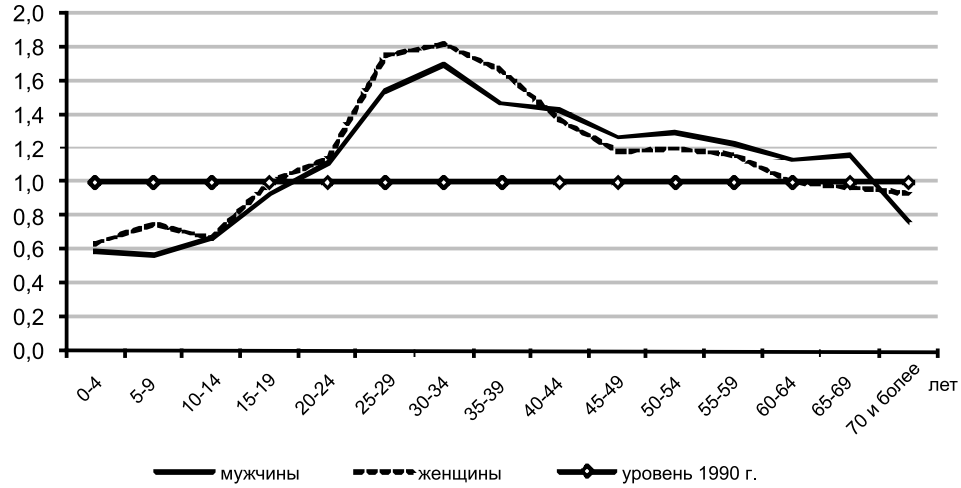


Рис. 3. Темпы роста возрастных коэффициентов смертности населения России в 2008 г. по сравнению с 1990 г. (1990 г.=1)

Источник: Российский статистический ежегодник // URL: www.gks.ru

К 2008 г. по сравнению с 1990 г. в наибольшей степени вырос уровень смертности населения рабочих возрастов. Максимум роста смертности как мужчин (в 1,5-1,7 раза), так и женщин (в 1,7-1,8 раза) приходится на возраст от 25 до 39 лет. В детских и подростковых возрастах уровень смертности существенно сократился, что замедлило снижение ОПЖ. Таким образом, по динамике показателей смертности наиболее неблагополучно складывается ситуация со смертностью в трудоспособном возрасте.

Состав наиболее распространенных факторов риска для здоровья можно рассматривать с помощью анализа структуры смертности населения. Тенденцией развития современного общества является рост бремени смертности от неинфекционных и хронических заболеваний при снижении роли инфекционных заболеваний.

В развитых европейских странах смертность от ведущих причин: заболеваний системы кровообращения, внешних причин ниже средних по России в 2-3 раза. Не смотря на снижение вклада инфекционных заболеваний в общую смертность, в России они существенно превышают среднеевропейский показатель (на 40%) (табл. 2).

Высокая смертность населения от болезней системы кровообращения (сердечно-сосудистых заболеваний) является одной из главных составляющих российского кризиса смертности, который негативно сказывается на процессе депопуляции в стране. Особенно неблагоприятная ситуация складывается у

мужчин в трудоспособном возрасте. За последние 15 лет средний возраст мужчин в России, умерших от патологии сердечно-сосудистой системы, снизился более чем на 2 года. Неудовлетворительное состояние здоровья трудоспособного населения ставит под угрозу устойчивость социального и экономического развития как страны в целом, так и отдельных регионов [8].

Таблица 2

Стандартизованный коэффициент смертности по группам причин смерти в отдельных странах, 2006 г. (на 100 тыс. населения)

Страна	Заболевания системы кровообращения	Новообразования	Внешние причины	Инфекционные и паразитарные болезни
РФ	807,0	190,7	224,1	24,3
Соединенное Королевство	224,0	187,1	28,7	6,6
Финляндия	231,1	141,1	67,6	5,6
Франция	145,4	183,7	48,8	10,6
Европейский регион	430,2	171,6	76,0	14,5

Источник: Доклад о состоянии здравоохранения в Европе,2009 г. Всемирная организация здравоохранения, 2010 г. // http://www.who.int/ru/

По данным за 2009 г. доля болезней системы кровообращения в структуре смертности трудоспособного населения России составила 31%. Существенный вклад в преждевременную смертность вносят дорожно-транспортные катастрофы, несчастные случаи, отравления, травмы. За 2009 г. от неестественных причин погибло 29% от общего числа умерших. Вклад онкологических заболеваний в преждевременную смертность населения составил 14% [1]. Эти три группы причин обусловили свыше 70% всех смертей трудоспособного населения за последний год.

Снижение смертности от сердечно-сосудистых заболеваний и дорожно-транспортных происшествий является одной из главных задач нацпроекта «Здоровье», реализация которого позволяет достигнуть некоторых положительных результатов.

Одним из целевых ориентиров «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» [6] является увеличение средней продолжительности жизни населения к 2025 году до 75 лет. Для достижения поставленной цели необходимо не только сохранение здоровья на данном уровне, а непрерывное улучшение его состояния.

Для оценки рисков нами были проведены расчеты возможного увеличения интервальной продолжительности предстоящей жизни (ИПЖ) трудоспособного населения (на материалах типичного региона России — Вологодской области) за счет снижения смертности от трех ведущих причин (болезни системы кровообращения, новообразования, внешние причины).

Максимальное число лет, которое можно прожить в интервале трудоспособного возраста при отсутствии смертности, составляет 45 лет для мужчин и 40

лет для женщин. Согласно проведенным расчетам, при возрастных уровнях смертности в 2008 г. каждому мужчине предстояло прожить в интервале трудоспособного возраста в среднем 36,6 года из 45 потенциально возможных, то есть средние потери лет жизни в расчете на каждого мужчину в Вологодской области составляли 8,4 года. Анализ гипотетических таблиц смертности показал, что большее увеличение ИПЖ мужчин трудоспособного возраста в 2008 г. могло быть при снижении смертности от внешних причин. При комплексном снижении смертности по трем основным классам причин на 15% в каждой группе средняя продолжительность жизни мужчин в интервале трудоспособного возраста могла бы составить 42,3 года, что на 5,7 лет больше расчетного значения.

Женщинам в 2008 г. предстояло прожить в интервале трудоспособного возраста 38,1 года из 40 потенциально возможных лет жизни. Средние потери лет жизни в расчете на каждую женщину составляли 1,9 года. Наибольший эффект для прироста продолжительности жизни среди женского населения могут обеспечить меры по снижению смертности от тех же причин смерти, что и у мужчин, расположенных по аналогичному приоритету (внешние причины, болезни системы кровообращения, новообразования). Сокращение смертности на 15% в каждой из групп причин смерти у женского населения могло бы увеличить среднюю ожидаемую продолжительность жизни до 39,4 года или на 1,3 года больше по сравнению с фактическим (расчетным) показателем.

По ущербу для ИПЖ можно судить о значимости тех или иных причин смерти в различных возрастных группах. В целом, эффект роста продолжительности жизни при гипотетическом устранении отдельной группы причин смерти (или при снижении ее роли в смертности) может служить важнейшей характеристикой при формировании системы мер, направленных на увеличение продолжительности жизни населения. Существенный прирост этого показателя дают комплексные меры по снижению смертности от основных классов причин.

Подводя итог, следует отметить, что довольно долгое время наша страна утрачивала свой человеческий потенциал как количественно, так и качественно. На современном этапе необходимо в корне остановить эти регрессионные процессы, снижающие экономический потенциал страны. В сложившихся условиях требуются немедленные действия, направленные на снижение бремени болезней и увеличение продолжительности здоровой жизни населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Демографический ежегодник России. 2010: Стат. сб./ Росстат. М., 2010. 525 с. http://www.perepis-2010.ru/news/detail.php?ID=6064
2. Доклад о состоянии здравоохранения в Европе, 2009 г. Всемирная организация здравоохранения, 2010 г. // http://www.who.int/ru/
3. Европейская база данных «Здоровье для всех» http://www.euro.who.int/hfabd?language=Russian.
4. Мировая статистика здравоохранения, 2009 г. / Всемирная организация здравоохранения. http://www.who.int/whosis/whostat/2009/ru/index.html

5. Развитие человеческих способностей. Расчетная продолжительность здоровой жизни. HALE. http://www.humandev.org.ua/glava8/glava8z8.html
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р (ред. от 08.08.2009) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года // Собрание законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.
7. Российский статистический ежегодник // URL: www.gks.ru
8. Трубачева И.А, Перминова О.А., Карпов Р.С. Смертность в популяционной когорте мужчин трудоспособного возраста // Здравоохранение Российской Федерации. 2009. № 5. С. 34-35.

Н. В. Мальцева

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА КАК ФАКТОР РОСТА СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

Информационно-коммуникативное пространство современного общества становится все более сложным и дифференцированным Экономические и политические преобразования, наблюдаемые в последнее время во многих странах, являются следствием перехода к постиндустриальному, информационному обществу, способствуя распространению принципов демократии, расширению гражданских прав и свобод, в том числе права на получение полной, объективной и достоверной информации.

Структурные изменения в экономике, появление и развитие новых отраслей производства, внедрение новейших информационных технологий и компьютерной техники в производственные процессы ведут к усложнению социальной структуры, возникновению не существовавших ранее профессий и групп работников, нестандартных форм и режимов занятости, способствующих получению высоких доходов, развитию интеллектуальных и творческих способностей. В этой связи можно говорить об увеличении человеческого капитала, проявляющегося в непрерывном повышении образовательного уровня, способностей к обучению и потребности обмениваться знаниями.

Разработка более совершенных технических устройств и средств связи, использование принципиально новых каналов коммуникации сопровождается значительным снижением издержек на передачу информации и упрощением процессов общения и взаимодействия. Данный факт позволяет утверждать, что активное формирование и использование информационных ресурсов в обществе является важным фактором роста социального капитала.

В работах П. Бурдье социальный капитал рассматривается как «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания» [1; 66]. Членство в группе выступает основой формирования группового капитала, дающего возможность своим участникам получать разнообразные выгоды. На индивидуальном уровне к выгодам социального капитала относят расширение возможностей поиска работы, получения

хорошего образования, высвобождение времени за счет потребления услуг других людей, отсутствие необходимости самостоятельно решать проблемы, удовлетворенность жизнью, более широкая социальная идентификация. Для организаций польза также очевидна: снижение текучести кадров, повышение квалификации, коллективный прирост знаний, преемственность персонала и организационного поведения. На уровне общества использование социального капитала проявляется в снижении издержек на осуществление социального контроля и передачи социального опыта, укреплении солидарности, уменьшении бюрократизации.

Объем социального капитала, принадлежащего субъекту, определяется масштабами связей, которые он может эффективно использовать, и размерами капитала каждого индивида, состоящего в данном сообществе. Воспроизводство социального капитала, по мнению П. Бурдье, предполагает непрерывную работу по установлению социальных связей и осуществлению обменной деятельности, в ходе которых происходит взаимное признание членов группы [1; 67].

Информатизация общественной жизни и развитие электронной коммуникации позволяют быстрее накапливать знания, приобретать навыки, повышать квалификацию, лучше использовать профессиональный потенциал рабочей силы, эффективнее управлять организациями, увеличивать производительность и качество труда. В политической сфере свободный доступ к информационным ресурсам обеспечивает развитие институтов гражданского общества, укрепляет партнерские отношения.

Распространение Интернет-технологий увеличивает социальный капитал за счет формирования социальных сетей, участники которых склонны заменять формальные процедуры и правила отношениями доверия и нормами взаимности. В результате, массовая коммуникация по своим функциям становится конститутивной, способствуя установлению и поддержанию отношений как внутри сообществ, так и между ними. В связи с этим, нельзя не согласиться с А.Е. Шадриным, утверждающим, что развитие интернет-коммуникаций «значительно расширяет первичную зону практически каждого пользователя, тем самым повышая его «личный» социальный капитал, рассматриваемый как возможность использования новых связей (контактов) в собственных целях» [4].

Интернет обладает огромным потенциалом в плане формирования организаций любого масштаба и направленности. Интернет-сайты, веб-форумы, чаты и блоги как инструменты социального проектирования позволяют конструировать социальные сообщества с любыми заданными характеристиками (образовательными, возрастными, профессиональными, потребительскими и т.п.). Так, сегодня весьма распространенной становится практика крупных компаний по созданию сообществ сотрудников с целью построения сплоченной команды и налаживания коммуникативных связей внутри фирмы.

Сетевая форма организации имеет несколько особенностей, к числу которых российские исследователи относят независимость и добровольность связей членов сети, изменяющийся характер лидерства (множественность лидеров), объединяющая цель, основанная на заинтересованности участников в использовании совместных ресурсов, многоуровневое взаимодействие [4].

Понимание термина «сетевое сообщество» в науке неоднозначно, наряду с ним используются такие понятия как «виртуальные сообщества», «онлайновые сообщества», «социальные сети». Первое делает акцент на виртуальном характере объединения людей, второе — на интерактивности общения и взаимодействия людей в киберпространстве в режиме реального времени, третье — на присутствии социальных отношений (дружбы, совместной трудовой деятельности) или информационного обмена. Виртуальные сообщества возникают в сети, когда достаточное количество людей в течение длительного времени принимают участие в публичных дискуссиях, испытывая необходимые эмоции. Индивиды, составляющие сетевые сообщества, находятся во взаимодействии в течение продолжительного периода времени и связаны между собой общими целями и интересами. Обязательными характеристиками сетевого социума, по мнению отечественных авторов, является осознание своей общности, регулярность контактов, эмоциональная вовлеченность в общение, наличие общей идеологии, состоящей в свободе выражений, индивидуализме, равенстве возможностей доступа к одним и тем же символическим интересам [2; 169-170].

Предпосылкой формирования социальных групп в сети является стремление личности к достижению определенных целей, что возможно через создание группы и общение. Условия развития сетевых сообществ подразумевают сфокусированность на нуждах своих членов, самоорганизацию, наличие системы контроля (правил общения, норм поведения и санкций), значительное вложение ресурсов и времени основателей и участников сети для поддержания связей, культивирование коллективного духа, убежденности в значимости группы, ее уверенности в достижении общих целей совместными усилиями [3].

Исходя из вышеизложенного можно констатировать, что основное предназначение массовой коммуникации — интеграция разнородных элементов общественной системы (индивидов, социальных групп, организаций), обеспечение тесной взаимосвязи между ними для достижения единства и сохранения целостности данного социального образования, развитие сети неформальных контактов в широких профессиональных, образовательных и культурных слоях общества.

Средства массовой информации содействуют налаживанию контактов в разных сферах общественной жизни, участвуют в пропаганде и распространении высоких культурных ценностей, новых знаний, идей, прогрессивных технологий, выполняют рекламно-справочную функцию по удовлетворению утилитарных запросов населения, поставляют многочисленные факты и темы для обсуждения, транслируют социально одобряемые нормы и модели поведения.

Развитие новых информационных технологий, в свою очередь, ведет к укреплению позиций масс-медиа в экономическом, политическом и культурном пространстве современного российского общества. Это выражается в усилении воздействия на индивидуальное и массовое сознание, желании оказать глубокое влияние на мировоззренческие основы и ценностные ориентации аудитории, на самосознание людей, их идеалы и стремления.

Таким образом, средства массовой коммуникации играют важную роль в процессе наращивания социального капитала, поскольку существенно расши-

ряют для граждан возможности получения актуальной социально значимой информации, воспроизводят партнерские отношения, сокращают затраты на координацию совместной деятельности и позволяют создавать устойчивые социальные сети, основанные на механизмах доверия и взаимопонимания, повышая тем самым эффективность механизмов общественной самоорганизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурдье П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Том 3, № 5, ноябрь. С. 60–74
2. Коноплицкий С. Сетевые сообщества как объект социологического анализа // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 3. С. 167–177.
3. Кремлева С.О. Сетевые сообщества // http://www.hr-portal.ru/article/so-kremleva-setevye-coobshchestva
4. Шадрин А.Е. Информационные технологии: вклад в социальный капитал // http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/

Г. В. Манзанова

ОСОБЕННОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

Тенденции демографического развития. За годы переходного периода численность населения РБ сократилась на 85 тысяч человек или на 9%. Основным фактором снижения численности населения явилось резкое уменьшение естественного прироста населения, которое особенно показательно на уровне Сибирского Федерального округа и России в целом. Так, если в 80-е годы уровень естественного прироста был значительно выше аналогичных показателей по СФО и РФ за счет традиционно высоких показателей рождаемости среди бурятского населения, то за годы переходного периода РБ почти утратила свои преимущества в этой сфере. С 1995 г. в регионе в результате резкого ухудшения социально-экономической ситуации началось резкое снижение уровня рождаемости и увеличение уровня смертности населения, особенно в трудоспособном возрасте, в силу резкого ухудшения состояния здоровья и снижения ожидаемой общей продолжительности жизни населения (с 65,3 лет в 1998 г. до 60,9 лет в 2005 г., особенно — среди сельских мужчин — до 57 лет в 2005 г).

Как и в других республиках и автономных округах юга Сибири, рождаемость в Бурятии до средины 90-х годов была устойчиво выше средней по стране. Это было следствием унаследованных исторически традиций многодетности, свойственных сельским бурятским семьям, и соответственно более молодой структурой населения в предыдущие годы. Однако традиции многодетности, возможно, уходят в прошлое, что подтверждается резким сокращением рождаемости в переходный период. В результате по уровню рождаемости РБ постепенно приближается к уровню СФО и РФ. Вследствие принятых в последние годы мер государственного стимулирования рождаемости в республи-

ке отмечается увеличение рождаемости до 16,1 в 2007 г., против и 11,3 промилле в РФ. Однако имеют ли эти тенденции, как считают демографы, временный характер, покажет время. И как они отразятся в дальнейшем на процессах трансформации социально-экономического развития региона очень важно знать для прогностических оценок его изменения в будущем.

Средние показатели по республике не отражают существующих этнических различий: сильной естественной убыли русского населения и более благополучных демографических характеристик бурятского населения, унаследованных от прошлых периодов. Но следствием более высокой рождаемости прошлых десятилетий стал выход на рынок труда значительного по численности поколения бурятской молодежи, особенно сельской. В результате аграрного кризиса и развала социальной сферы села, «достигнутых» в 90-е годы, значительная часть этой молодежи мигрировала в города. Среди сельского населения доля бурят уже в 1989 г. была в 2 раза больше, чем в городах:35% и 17% соответственно, а теперь село, как, впрочем, и город, становится еще более «бурятским» из-за миграционного оттока и депопуляции русского населения. В результате за годы переходного периода доля бурят среди сельского населения увеличилась на 8%, а среди городского — на 5%.В условиях дефицита рабочих мест выход на рынок значительного числа сельской молодежи усугубляет и без того весьма острые проблемы безработицы и бедности в Бурятии. В поисках заработка население была вынуждено задействовать природный потенциал региона и перейти на подсобные промыслы, имеющие сезонный характере: сбор трав и дикоросов, охота, рыбалка, а также дачное и личное подсобное хозяйство.

Динамика миграционного передвижения населения. Наибольшую долю среди всех миграционных передвижений занимают передвижения населения внутри региона: убыль сельского населения преимущественно в столицу РБ, которая возросла с 49,7% в 1990 до 59,4% в 2005 г. и приток в город, который возрос с 50,6% в 1990 до 72,9% в 2005 г. При этом интенсивность миграционного прибытия преимущественно сельского населения в город значительно превышает средние показатели по СФО и России в целом: 73% против 62% и 53% соответственно. Вследствие миграционного оттока, особенно молодежи, село стремительно теряет население, и в силу сокращения рождаемости, ухудшения состояния здоровья из-за пьянства, алкоголизма и повышенной смертности сельских жителей в будущем эти процессы могут только нарастать, если ситуация на селе коренным образом не изменится. Вследствие закрытия в 90-е годы ряда производств и кризиса градообразующих предприятий суммарный миграционный отток населения, преимущественно русской национальности соседние Иркутскую и Новосибирскую области, Красноярский край составил за 90-е годы примерно 40-50 тысяч человек(для сравнения: общая численность населения столицы РБ г.Улан-Удэ — 400,1 тыс. чел). Наибольший пик миграционного выбытия населения пришелся на 2000-2001 гг., в связи с сворачиванием «стройки века» (БАМ) на Бурятском участке. В последние годы интенсивность миграционного движения населения, как отток за пределы ре-

гиона, так и прибытие населения из других регионов России и республик СНГ, стали постепенно ослабевать. Стабилизация миграционного передвижения населения в 2000-е годы произошла не столько из-за улучшения социально-экономической ситуации в республике, а сколько потому, что основная часть миграционно настроенного населения за 90-е годы уже успела выехать из региона. А перезжали в 90-е годы в регион в основном жители северных городов и поселков и русское население стран СНГ, где в конце 90-х годов переход экономики на новые рельсы уже завершился.

Трансформация структуры занятости. Тенденции изменения структуры занятости населения в регионе схожи с общероссийскими: снижение доли занятых в промышленности и строительстве при росте занятости в сфере услуг и относительно стабильной занятости в аграрном секторе. Однако в Бурятии уровень занятости населения был подвержен более сильным колебаниям, вследствие действия факторов, унаследованных с 90-х годов. Так, кризисный спад занятости в РБ в 1998 г. был более значительным по сравнению с СФО и Россией в целом — до 45% , вследствие действия факторов, унаследованных от предшествующего периода: высокой доли отраслей оборонного комплекса, монопрофильности городов и поселков, более резким инвестиционным спадом в 90-е годы и сворачиванием «стройки века» (БАМ) на Бурятском участке. К тому же в середине 1990-х годов произошло массовое высвобождение рабочей силы из-за остановки крупных горнодобывающих предприятий из-за нерентабельности добычи сырья (Джидинский вольфрамо-молибденовый комбинат, Гусиноозерские угольные разрезы и шахты). Вследствие территориальной обособленности региона тяжелая ситуация сложилась в многочисленных монопрофильных поселках севера и юга республики, первые из которых специализируются на лесозаготовке, а вторые — на переработке продукции сельского хозяйства. Роль «накопителя» для высвобождающихся работников из промышленности и строительства, в РБ, как и в других регионах РФ, выполняла торговля, где до дефолта быстрее всего росла занятость, однако возможности развития этой отрасли по сравнению с другими регионами СФО и РФ в целом были ограничены из-за низкого платежеспособного спроса населения. За период 2001-2006-е годы наиболее интенсивно, чем по СФО и РФ в целом, было сокращение занятых в промышленности — более чем на одну треть, а также в строительстве, где сокращение составило более четверти занятых, а также сельском хозяйстве — на 35%. Это связано с тем, что после кризисных 90-х годов в структуре занятости населения республики преимущественное положение стали занимать отрасли, продукция которых имеет преимущественно внутренний спрос: добыча угля и электроэнергетика, машиностроение, пищевая промышленность, и традиционные формы сельского хозяйства в национальных районах: экстенсивное животноводство, а также рыбный, пушной промыслы в Прибайкалье. В постдефолтные 1999-2002 годы занятость в регионе стала более стабильной, однако, начиная с 2002 года, последствия перехода на импортозамещающие производства были исчерпаны, и занятость в отраслях промышленности, сельского хозяйства и строительства стала вновь сокращаться, так и не

вернувшись на уровень середины 1990-х. Настораживающим с точки зрения возможностей смягчения в дальнейшем проблем занятости в этом регионе является тот факт, что постепенно, предоставленные дефолтом 1998 г., возможности для развития отечественной промышленности в регионе постепенно исчерпываются. И об этом свидетельствует динамика индексов развития основных отраслей промышленного производства РБ: угольной промышленности, лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности, которая после 2002-2003 гг. постепенно идет на спад. Отрасли цветной металлургии, ориентированные на внешние рынки, представленные низкорентабельной добычей золота (рудного и россыпного) и вольфрамо-молибденовых руд, имеют низкий экспортный потенциал. К тому же из-за отдаленности региона их дальнейшее освоение также не представляется возможным, вследствие оттока из региона квалифицированной рабочей силы в предыдущий период и недостаточно развитой социальной инфраструктуры, необходимой для притока кадров извне.Экспортный потенциал развития имеют только отрасли электроэнергетики, в связи с близостью границы с Монголией, куда уходит избыточная электроэнергия, произведенная на Гусиноозерской ГРЭС. А также лесная и деревообрабатывающая промышленность, из-за поставок большей части заготовленного в Бурятии леса и пиломатериалов в Китай. Однако развитие этих отраслей в дальнейшем затруднено из-за недостаточности материально-технической базы. Относительно благоприятная ситуация сложилась в сфере занятости только на авиастроительном предприятии г. Улан-Удэ (вертолеты Ми и истребители МиГ), созданное в советский период вблизи границы с КНР для обеспечения Забайкальского военного округа, производство которого ориентировано преимущественно на экспорт. Но из-за миграционного оттока высококвалифицированного населения преимущественно русской национальности в 90-е — годы это предприятие испытывает сильнейший недостаток кадров, особенно специалистов и рабочих высокой квалификации.

По уровню экономического развития Бурятия находится между «середняками» и наиболее слабыми регионами. Душевой валовой региональный продукт (с корректировкой на стоимость жизни) в республике в 2006 г. составлял 56% от среднероссийского, по этому показателю Бурятия находится в шестом десятке в списке регионов.

Динамика регионального рынка труда. Происходящие в переходный период сдвиги в структуре занятости населения обусловили динамику регионального рынка труда, для которого характерны две главные тенденции: повышенный уровень безработицы из-за кризисных явлений в отраслях экономики и относительно низкий уровень экономической активности населения Бурятии (62% в 2007 г против среднего по РФ (67,1%) из-за меньшей активности женщин — частично занятых в домашнем и личном подсобном хозяйстве, и развития различных форм самозанятости населения (дачное, личное подсобное хозяйство, сбор дикоросов). Развитие архаичных форм самозанятости населения является следствием кризиса и перехода к патриархальному типу хозяйствования, особенно в районах с монопрофильной структурой хозяйственного

комплекса — Закаменском, Джидинском, Еравнинском, где вследствие закрытия ряда производств высвобождение кадров было более значительным. Как реакция на ухудшение ситуации на рынке труда снижение уровня экономической активности началось в первой половине 1990-х годов, и было максимальным в 2001 г. -59% и 2004 г.- 61% после некоторого оживления в экономике. Динамика безработицы в республике совпадает с общероссийской, однако периоды роста и падения были более резкими из-за слабости экономической базы в республике. Начиная с 2002 года, уровень безработицы и численность безработных постепенно снижаются, однако на фоне большинства регионов РФ он все еще остается значительно более высоким, так в 2007 г. в Бурятии уровень безработицы был в два раза выше аналогичных показателей по России:12,9% и 6,1% соответственно. У безработицы в РБ по сравнению с другими регионами РФ преобладает так называемое «мужское лицо», причем наибольшее число безработных приходится на возрастную группу 20-29 лет и 30-39 лет, т.е. в самом активном трудоспособном возрасте. Это свидетельствует о более застойном характере рынка труда с точки зрения возможностей трудоустройства населения и решения проблем занятости в регионе.Состояние большинства промышленных предприятий города Улан-Удэ остается проблемным, поэтому заработная плата занятых невелика, а преимущества центральных функций (управление, концентрация финансовых потоков) способствуют развитию теневых доходов, не поддающихся официальному учету. Начиная с 2001 г. крупный капитал пришел в целлюлозно-бумажную промышленность Бурятии (Селенгинский ЦКК с 2001 г. принадлежит группе «Базовый элемент») и в «оплот» бурятской экономики — добычу золота (с 2009 г. «Северсталь» владеет контрольным пакетом акций ОАО «Бурятзолото», вошедшего в один из дивизионов компании «Северсталь-Ресурс»).

Одновременно с 2001 г. в столице РБ начался бурный рост финансовых и банковских структур, где уровень заработной платы и доходов в разы превышает заработную плату и доходы работников других отраслей экономики. Поэтому значительный рост показателей в этой сфере в последние годы был достигнут за счет аккумуляции доходов в финансовых и банковских структурах. А рост средней заработной платы и уровня доходов в регионе характеризует лишь рост «средней температуры по больнице». При этом средняя зарплата работников сельского хозяйства в два с лишним раза ниже прожиточного минимума, она составляет всего четверть от средней по экономике Бурятии, хотя в целом по стране заработки в агросекторе составляют 40% от средней зарплаты (данные 2004 г. по ОКОНХ). То есть положительная динамика показателей доходов и средней заработной платы населения свидетельствует не о прогрессивных тенденциях в экономике, а лишь о прямой адресной накачке денег в регион в «тучные» 2000-е годы (за счет роста доходов нефтяного сектора) за счет активизации механизмов прямого перераспределения средств, унаследованных от советского периода. Однако, как показывают результаты нашего анализа, в отличии от советского периода эти средства были востребованы не в отраслях экономики, а в банковском и финансовом секторе. В результате по

совокупности показателей индексов социально-экономического развития Бурятия постепенно стала догонять Сибирский Федеральный округ и Россию, однако отставание все еще остается значительным вследствие более глубокого спада в экономике в предыдущие годы.

Аккумулируя разные проблемы Бурятии, не выглядящие столь острыми по отдельности, интегральные показатели наглядно демонстрируют их кумулятивный эффект.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зубаревич Н.В. Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? / Независимый институт социальной политики. М.: Поматур, 2005.
2. Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика, методологические проблемы. Материалы конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов». М.: Институт философии РАН, 2006.

Н. А. Манокин

ЧТО ВЫБИРАЕТ ТЮМЕНСКАЯ МОЛОДЕЖЬ: ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ

Происходящие в современном российском обществе социально-экономические и политические преобразования создают новые условия для жизнедеятельности молодежи, ее социализации и самореализации.

В данных условиях, необходимо глубоко и всесторонне изучать структуру и динамику ценностей молодежи, характер которых служит своеобразным индикатором современного социального развития.

Ценности жизни и ценностные ориентации привлекают в последние годы все большее внимание социологов, так как изучение ценностных ориентаций молодежи позволяет не только определить духовные источники развития общества, но и выявить, идет ли оно в направлении модернизации или сохранения традиционных для России ценностей. Имеется достаточное число публикаций, посвященных этой проблеме [1, 2, 3, 4].

Выявление ценностных ориентаций молодежи Тюменской области было одной из задач и социологического мониторинга «Молодежная политика в Тюменской области» [5], в котором автор принимал непосредственное участие. Ценностные ориентации — это разделяемые личностью социальные ценности (семья, дети, работа и др.), выступающие в качестве целей жизни и основных средств их достижения, являющиеся важнейшим фактором, регулирующим мотивацию личности и ее поведение.

Изучение ценностных ориентаций молодежи проводилось с помощью вопроса «Что для Вас является наиболее важным в жизни?». Важность ценностей оценивалась по 5-ти бальной шкале: от 0 — «совершенно не важно» до 5 — «самое важное в жизни». Рейтинг ценностей, согласно опросу молодежи, представлен на рис. 1.

Рис.1. Рейтинг ценностей молодежи, 2010 год

Наиболее важными (среднее значение больше 4,5 баллов) являются такие ценности как семья (первое место), дети, крепкое здоровье, любовь. Можно считать, что семейные ценности доминируют в сознании молодежи, учитывая их стабильность. По результатам мониторинга 2009 года также было отмечено, что в иерархии ценностей молодежи Тюменской области первое место занимают семейные ценности, и, что характерно — во всех возрастных группах (конечно, значения разные, но приоритетность сохраняется даже в системе ценностей 14-17 летних).

Следующими по важности (среднее значение от 4,0 до 4,5 баллов) выступают друзья, работа, саморазвитие, карьера, образование, деньги и свобода. Далее

следуют престиж, развлечения, бизнес и честность (среднее значение от 3,5 до 4,0 баллов), предпоследнее место занимает долг (среднее значение 3,1 балла), и на последнем месте находится известность (среднее значение 2,2 балла).

Среди других ценностей были указаны религия, спорт и забота о близких (по 3 ответа), безопасность жизни (2 ответа), военная служба и патриотизм (по 1 ответу), благотворительность и помощь другим (по 1 ответу) а также реализация своего потенциала и эгоизм (по 1 ответу).

Но несмотря на то, что молодежь представляет особую социальную группу, она не однородна, она имеет внутригрупповую стратификацию по по различным основаниям. Соответственно анализ ценностных ориентаций должен осуществляться не только по молодежи в целом, но и в разрезе различных социально-демографических, территориальных и статусных групп.

Дальнейшей группировке были подвергнуты и ценностные ориентации. С помощью факторного анализа было выделено 5 групп ценностных ориентаций среди молодежи. Деньги указаны в двух из этих групп, так как имеют в них практически равное значение (см. табл. 1):

Таблица 1

Группы ценностей среди молодежи

I Группа	II Группа	III Группа	IY Группа	Y Группа
Семейные ценности	Подростковые ценности	Ценности личностного развития	Ценности внешнего успеха	Моральные ценности
Семья	Друзья	Работа	Престиж	Честность
Дети	Свобода	Саморазвитие	Развлечения	Долг
Любовь	Деньги	Карьера	Деньги	
Крепкое здоровье		Образование	Бизнес	
			Власть	
			Известность	

Первую группу можно отнести к семейным ценностям. Корреляционные коэффициенты показывают наибольшее значение ценностей семьи и детей. К данной группе ценностей более склонны женщины и старшая возрастная группа среди молодежи (от 28 до 35 лет).

Вторая группа ценностных ориентаций больше характерна для подросткового возраста, когда друзья важнее родственных связей, есть стремление к свободе, желание выйти из-под опеки родителей, чему способствуют и деньги, входящие в данную группу ценностей. Корреляционные коэффициенты указывают на важность, прежде всего, первых двух ценностей: друзей и свободы. Как показывает анализ, действительно, к данной группе более склонны подростки (возрастная группа от 14 до 17 лет) и мужчины.

Третья группа ценностей характеризуется направленностью на построение карьеры. Но карьера здесь в первую очередь связана с саморазвитием, а не деньгами и властью. На первом месте по важности находятся работа и самораз-

витие. Представителями данной группы ценностей в основном являются женщины и молодежь в возрасте от 18 до 22 лет.

Четвертая группа наоборот характеризуется направленностью на внешний успех: престиж, известность, власть. Наибольшее значение имеют власть, известность и бизнес, а деньги и развлечения являются сопутствующими элементами. К данной группе, как и ко второй (подростковой), более склоны мужчины и возрастная группа от 14 до 17 лет.

И пятая группа представлена ценностями, отражающими моральные установки. Они отражают желание быть, прежде всего, хорошим человеком — порядочным и честным. К данной группе почти в равной степени склонны и мужчины и женщины (чуть большую значимость эта группа имеет у мужчин) в возрасте от 28 до 35 лет.

Различия ценностных ориентаций среди мужчин и женщин традиционны. Так женщины придают большую важность семье, детям и любви, а мужчины — бизнесу, свободе, долгу, власти и известности (см. рис. 2).

Рис. 2. Ценностные ориентации среди молодежи в разрезе половой принадлежности (средние значения по 5-ти бальной шкале)

По возрастным группам наблюдаются следующие различия: друзья, саморазвитие, карьера, образование, развлечения, известность и долг наибольшее значение имеют для молодежи в возрасте от 14 до 17 лет; работа, бизнес и свобода наиболее важны в возрасте от 18 до 22 лет, любовь немного больше ценится в возрасте от 23 до 27 лет, а семья и дети — в возрасте от 28 до 35 лет. Такие ценности как крепкое здоровье и деньги имеют одинаковую важность во всех возрастных группах. А честность более значима в возрасте от 14 до 22 лет и от 28 до 35 лет.

Результаты исследования свидетельствуют и о различиях в ценностных ориентациях территориальных групп молодежи. Особенно выделяется на этом фоне молодежь областного центра: так, больше чем в других группах для нее важно саморазвитие, большую значимость для нее имеет и свобода, бизнес, честность, а также семейные ценности. Для городского населения более характерны семейные, подростковые ценности и ценности личностного роста, а ценности внешнего успеха и соблюдение моральных норм — для сельского населения.

Интересным является тот факт, что один и тот же «ценностный набор» (известность, престиж, свобода) характерен как для самой обеспеченной, так и для самой бедной групп молодежи. Возможно, для «богатых» данные ценности важны в связи с их потребностью сохранить достигнутый статус и те привилегии, которые он дает, а для «бедных» — в связи с желанием повысить свой статус и хоть чего-то достичь.

Но все-таки, несмотря на межгрупповые отличия, рейтинг базовых ценностных ориентаций у тюменской молодежи в целом остается неизменным: на первом месте семейные ценности. Приоритет семьи перед карьерой и финансовым благополучием говорит о сохранении традиционной значимости данной ценности среди тюменской молодежи.

Вместе с тем, как свидетельствуют полученные данные, такие базовые ценности как честность и долг для тюменской молодежи далеко не столь значимы как деньги, карьера и свобода, относящиеся к новым демократическим ценностям и ценностям рыночного мышления. Это свидетельствует о формировании новых демократических и рыночных ценностей.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что для молодежи региона характерно одновременное сочетание «модернизационных» и «традиционных» ценностей, но с приоритетом последних, что в новых условиях не произошло полного отторжения молодого поколения от российских культурно-исторических ценностей предшествующих поколений. Но, безусловно, этот процесс требует дальнейшего изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Молодежь: тенденции социальных изменений: Сб. статей. СПб.: СПбГУ, 2000. 418 с.
2. Юлдашев Л.Г. Теории ценности в социологии вчера и сегодня // Социол. исслед. 2001. № 8.
3. Гаврилюк В.В., Трикоз Н.А. Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации (поколенный подход) // Социол. исслед. 2002. № 1. С. 96–105.

4. Панфилова А.О. Базовые ценности в контексте влияния социальной аномии // Социол. исслед. 2004. № 10.
5. Социологический мониторинг «Молодежная политика в Тюменской области», заказчик — Государственное автономное учреждение Тюменской области «Молодежный информационно-аналитический центр», время проведения — декабрь 2010 г., территория исследования — Тюменская область (без автономных округов), выборка — многоступенчатая квотная (по полу, возрасту и территории проживания — городское или сельское население), с соблюдением принципа случайного отбора наблюдения внутри маршрута,1274 чел., расчетная точность измерений — ± 2,8%.
6. Лисовский В.Т. «Отцы» и «дети»: за диалог в отношениях: Социол. публицистика // Социол. исслед. 2002. № 7. С. 111–116.

Т. В. Манокина

ИЗУЧЕНИЕ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ Г. ТЮМЕНИ (ИЗ ОПЫТА СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1998-2009 ГГ.)

Интенсивные рыночные преобразования, главным экономическим результатом которых стала смена форм собственности на средства производства, привели к обострению проблемы социально-экономического неравенства.

Эти трансформационные процессы переходной экономики затронули все важнейшие институты российского общества, особенно ярко отразившись на институтах семьи и домохозяйства, усиливая роль их экономической функции, изменяя социально — экономическое поведение членов домохозяйств.

Диагностика социально — экономического состояния домохозяйств, динамика изменений в сознании и поведении его членов позволяет оценить результат проводимых реформ и уровень жизни населения. Тем более, что в соответствии с реформой местного самоуправления (стартом для которой послужило принятие 6 октября 2003 г. Федерального закона № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»[1]) перед регионами на всех территориях и в частности на юге Тюменской области, были поставлены задачи, среди которых главная — повысить уровень социально-экономического развития в каждом отдельно взятом муниципальном образовании — что, в итоге должно привести к росту уровня жизни населения и уровня экономического развития региона в целом. Для выполнения этой задачи с управленческой точки зрения необходима достоверная информация, характеризующая доходы и потребление населения не только в целом по России, но и на уровне отдельных субъектов РФ, а также отдельных муниципальных образований. Но здесь существует проблема недостаточности информационной базы, способной дать исчерпывающую характеристику уровня жизни в муниципальном разрезе. Муниципальная статистика имеет крайне ограниченные возможности для оценки жизненного уровня населения по степени его дифференциации, которая является показателем происходящих экономических пре-

образований. Социально-экономическая дифференциация населения — процесс, обусловленный экономическим неравенством и связанный с отношениями собственности и перераспределением доходов в обществе. Поэтому в данной ситуации результаты социологического мониторинга социально–экономической дифференциации населения позволят, на наш взгляд, дать наглядную картину уровня жизни отдельного муниципального образования и происходящих в этой сфере изменений.

Наиболее ярко процессы социально-экономической дифференциации проявляются в деятельности городских домохозяйств. Последние наряду с государством и предприятиями являются одним из участников экономической деятельности, от результатов которой зависит как благосостояние каждой отдельной семьи, так и всего населения региона в целом.

В настоящее время домохозяйство трактуется как социально-экономическая ячейка, объединяющая людей отношениями, возникающими при организации их совместного быта: ведении общего домашнего хозяйства, общего бюджета, совместном проживании и т.д. [2]. Домашнее хозяйство (состоящее из одного или более лиц) снабжает экономику ресурсами и использует полученные за них деньги для приобретения товаров и услуг, удовлетворяющих материальные потребности человека. Понятие домохозяйства объединяет всех потребителей, наемных работников, владельцев крупных и мелких капиталов, земли, средств производства, лиц, занятых и незанятых в общественном производстве, в нем «производственное переплетено с личным, а экономическое с социальным» [3]. Современные исследователи считают, что все домохозяйства можно разделить на семейные, внесемейные и общественные. Таким образом, домохозяйство в качестве единицы наблюдения как нельзя лучше подходит для изучения уровня жизни населения.

В социологическом мониторинге «Экономика, политика, качество жизни горожан»[1] социально-экономическая дифференциация изучалась через самооценки членами домохозяйств своих потребительских возможностей, так как потребительская функция относится к наиболее важным — ведь «именно в сфере потребления проявляются, в конечном счете, складывающиеся в обществе социально-экономические отношения»[4], тем более что самоидентификация на стратификационной шкале становится все более привычной для российского населения [5].

Как критерий социально-экономического неравенства в мониторинге рассматривалась сфера потребления городских домохозяйств. В качестве «измерительного инструмента» использовалась пятизначная шкала потребительских возможностей домохозяйств, позволившая выявить динамику социально-

[1] Социологический мониторинг «Экономика, политика, качество жизни горожан», заказчик — Администрация г. Тюмени, территория проведения — г. Тюмень, периодичность проведения — ежегодно с 1998 г. по 2009 г., объем выборки с 1998 по 2005 гг.— 1200 чел., с 2006 по 2009 гг . — 5600 чел. , расчетная точность измерений соответственно % и ± 2,8% , метод — поквартирное формализованное интервью.

экономического положения населения г. Тюмени на протяжении 12-летнего периода (рис. 1).

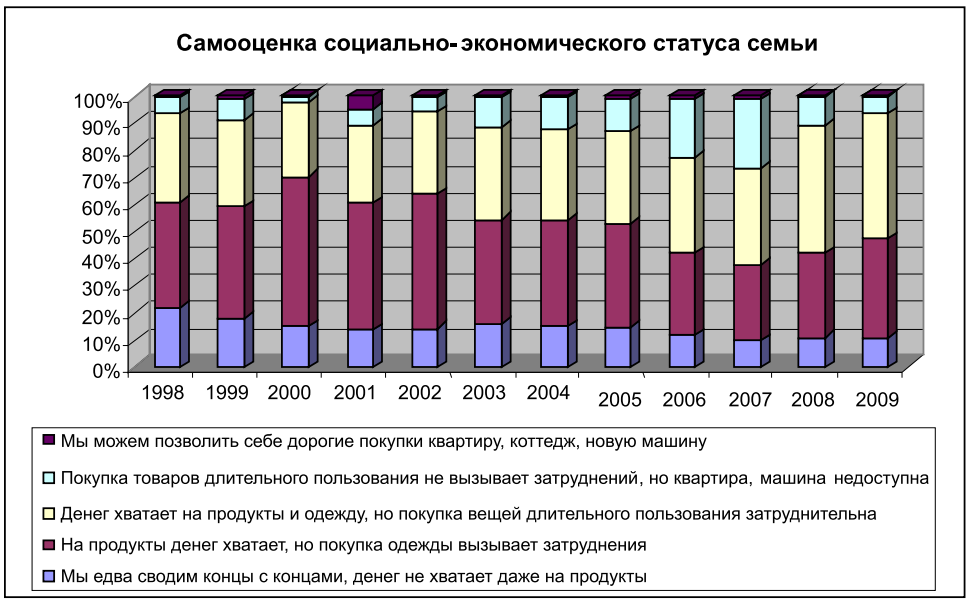


Рис.1. Динамика самооценки социально-экономического статуса семьи (% от числа опрошенных)

К моменту начала мониторинга (1998 г.) те семьи, кому средства позволяли покупать только продукты питания, составляли основную массу населения — более 60%. Вплоть до 2000 г. доля бедных слоев в структуре населения г.Тюмени возрастала, причем наихудшим оказался 2000 г., когда в категорию «бедные» попало уже более 2/3 домохозяйств, в то время как обеспеченные слои включают всего 2,14% от всего населения.

Далее начался период постепенного роста благосостояния, потребительские возможности членов домохозяйств растут. Уже через 10 лет (даже, несмотря на экономический кризис) почти в 2 раза сократилась доля домохозяйств с минимальными материальными возможностями («Мы едва сводим концы с концами, денег не хватает даже на продукты») и, напротив, в 1,5 раза увеличилась доля среднеобеспеченных домашних хозяйств г. Тюмени. Наилучшим за рассмотренный период, с точки зрения горожан, оказался 2007 г., и если бы не кризис 2008 г., то эти процессы продолжились в том же направлении.

Для визуализации выявленных изменений экономического положения населения города Тюмени автором был применен метод построения социально-экономического профиля, исходными данными для которого послужили результаты уже рассмотренных самооценок социально-экономического статуса домохозяйств. Профиль представлен в виде плоской геометрической фигуры, его контуры в каждый конкретный момент зависят от количества домохозяйств, находящихся на том или ином уровне (рис. 2).

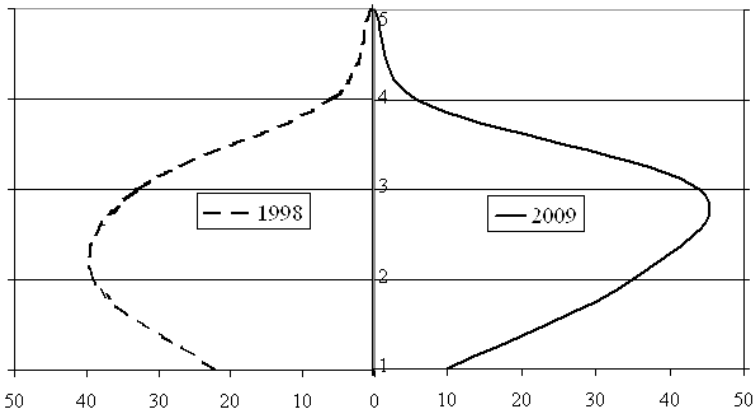


Рис. 2. Социально-экономический профиль домохозяйств г. Тюмени

Перемещение людей по этим уровням будет приводить к изменению формы этой фигуры, где на вертикальной оси представлены экономические страты домохозяйств от низшей до высшей (1. «Нуждающиеся», 2. «Малообеспеченные», 3. «Обеспеченные», 4. «Состоятельные»), а на горизонтальной — процентная доля страт в численности населения).

Для оценки результативности проводимых социально-экономических реформ сравним крайние «рэперные» точки: 1998 и 2009 гг.

Сравнение стратификационных моделей этих лет наглядно демонстрирует разницу между ними, налицо существенная позитивная динамика. Так, если мы сравним основания этих фигур, то заметим, что профиль 1998 г. более массивен и утяжелен внизу, а все верхние страты более состоятельных групп уже, чем в модели 2009 г. Можно сказать, что динамика экономического неравенства тюменских домохозяйств произошла в направлении, в основном, соответствующем заявленным целям либеральных экономических реформ — таким, как формирование широкого слоя новых собственников, расширение численности средних слоев. Хотя широкими эти слои назвать нельзя, но в фигуре профиля 2009 года явно заметно увеличение средней его части, модальная страта поднялась по шкале экономического расслоения в более обеспеченные слои.

Таким образом, несмотря на экономический кризис 2008-2009 г., изменение положения различных групп домохозяйств Тюмени имеет положительную динамику по сравнению с аналогичными показателями двенадцатилетней давности, что свидетельствует о повышении уровня жизни. Это подтверждается и данными официальной статистики[2]: средняя заработная плата тюменцев увеличилась за это время в 16 раз и составила в 2009 году 25,9 тыс. руб. Хотя если учесть изменения покупательской способности в связи с инфляцией, то наиболее показательным будет соотношение средней заработной платы и величины прожиточного минимума (далее — ПМ).

[2] Итоги социально-экономического развития Тюменской области за январь-декабрь 2009 года — http://www.tyumen-city.ru/ekonomika/departament/socialyno-ekonomiceskie-rezervi-gtumeni/

Так, в 1998 г. этот показатель составлял 2,3 ПМ, а в 2009 году — 5,0 ПМ, т.е. эти показатели тоже свидетельствуют о позитивных изменениях.

С 1999 г. для более полного изучения социально-экономического положения населения города Тюмени в мониторинг были введены дополнительные показатели — минимальный (плата за квартиру, минимум продуктов и одежды) и достаточный (более или менее нормальное существование) субъективные стандарты потребления в расчете на одного взрослого человека. Можно отметить, что в 2009 г. (последний замер проводился в I — м полугодии 2009 г.) было отмечено снижение субъективных стандартов потребления, как впрочем, и реального потребления: общий объем розничной торговли за январь-декабрь 2009 г. по городу Тюмени составил 131190,1 млн рублей или 89,3% к соответствующему периоду 2008 г. (в сопоставимых ценах), в пересчете на душу населения на каждого жителя приходилось 214,5 тыс. рублей (для сравнения 2008 г. — 221,4 тыс. рублей

Весь период наблюдения материальный эквивалент «нормального существования» растет более быстрыми темпами, чем тот же показатель «простого выживания» (рис. 3). По мнению автора, это объясняется тем, что по мере происходящих социально — экономических реформ в общественном сознании изменяется и представление о «нормальной жизни»: появляются новые потребности, новые возможности, изменяется потребительское поведение тюменцев.

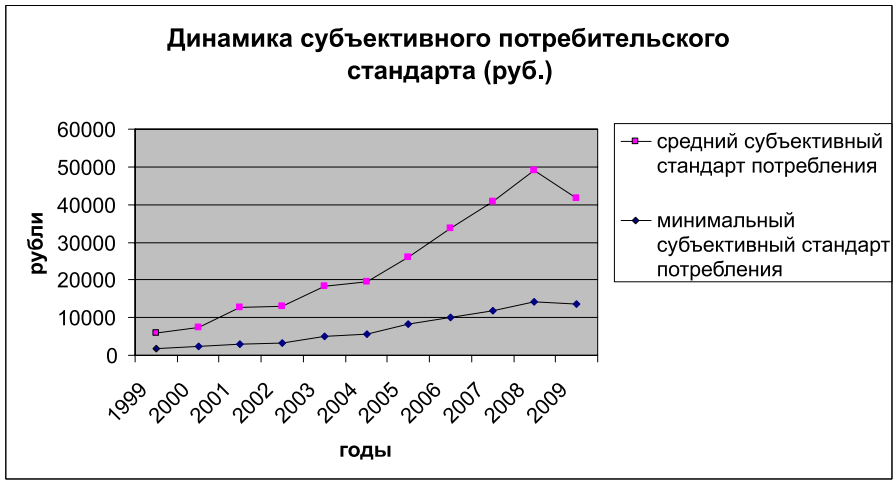


Рис. 3

Представленные результаты мониторинга наглядно свидетельствуют о позитивных, в целом, результатах социально-экономических преобразований на территории данного муниципального образования. Доказательством этого служит изменение социально-экономического профиля домохозяйств (см. рис. 2) в сторону уменьшения основания профиля (низкодоходных групп) и увеличение его средней части («среднеобеспеченных»). Конечно, несмотря на эти положительные изменения, не снимаются с повестки дня проблемы социальной помощи и поддержки наименее обеспеченным слоям населения, но в любом случае

проведение социологических исследований является важным методом диагностики уровня жизни населения и источником информации о его изменениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 06.10.2003 г. № 131 — ФЗ (в ред. от 21.07.2007).
2. Энциклопедический словарь под редакцией Г.Г. Меликьяна / Большая российская энциклопедия. М., 1994.
3. В.В. Радаев. Человек в домашнем хозяйстве // СОЦИС. 1997. № 4. С. 66.
4. Г.М. Россинская. Потребительское поведение домохозяйства в условиях трансформации российского общества // Вестник Уфимского государственного авиационного технического университета. Экономика. Уфа, 2009. Т. 12, № 3 (32). С. 22–36
5. Хахулина Л.А. Как население намерено использовать свои сбережения // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. 1995. № 3. С. 25.

Ф. В. Медведев

УПРАВЛЕНИЕ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ РЫНКА ТРУДА

По состоянию на 29 апреля 2011 года банк вакансий Тюменской области насчитывает 18656 свободных рабочих мест, из них по рабочим специальностям — 14803, что составляет 79,3%, при этом общая численность зарегистрированных безработных по состоянию на 1 апреля 2011 года составила 5739 человек [2]. Наиболее востребованными на рынке труда Тюменской области по-прежнему остаются рабочие строительных профессий, сварщики, слесари, водители автомобилей. Среди профессий служащих и специалистов: врачи различных специализаций, медсестры, инженеры. Ниже представлены таблицы востребованных профессий, первая отсортирована по количеству вакансий, вторая — по рейтингу.

Таблица 1

20 самых востребованных профессий на рынке труда Тюменской области по состоянию на 08.04.2011 (по данным портала Правительства Тюменской области http://trud.admtyumen.ru)

№ п/п	Профессия	Кол-во безработных	Кол-во вакансий	Рейтинг
1	Арматурщик	4	897	224,5
2	Подсобный рабочий	11	2456	223,7
3	Агент страховой	1	164	164,0
4	Бетонщик	5	764	152,8
5	Штукатур	10	1481	148,1
6	Отделочник	1	147	147,0

№ п/п	Профессия	Кол-во безработных	Кол-во вакансий	Рейтинг
7	Врач	0	102	102,0
8	Отделочник железобетонных изделий	2	188	94,0
9	Облицовщик-мраморщик	0	90	90,0
10	Врач-терапевт участковый	0	80	80,0
11	Облицовщик-плиточник	3	234	78,0
12	Доцент	0	78	78,0
13	Сварщик-оператор	0	75	75,0
14	Кровельщик по стальным кровлям	1	69	69,0
15	Мозаичник	0	50	50,0
16	Фельдшер	2	99	49,5
17	Каменщик	28	1380	49,29
18	Акушерка	0	48	48,0
19	Упаковщик	1	48	48,0
20	Сборщик изделий электронной техники	0	45	45,8

(Рейтинг рассчитан как количество доступных вакансий на одного безработного).

Одним из вариантов борьбы с «безработицей рабочих мест» является привлечение иностранной рабочей силы, поэтому уместно рассмотреть изменения, грядущие в миграционной политике.

Летом 2011 года на обсуждение широкой общественности будет вынесена новая Концепция миграционной политики (далее Концепция). Главная идеология Концепции — не движение в сторону либерализации миграционной политики, а движение вперед — в направлении модернизации отечественной экономики. Такой экономический подход к миграционной политике вполне обоснован. «Если мы хотим заниматься не латанием дыр в экономике, а выводить ее на качественно новый уровень, то необходимо привлекать как можно больше специалистов, в том числе и со стороны», — подчеркнул директор Федеральной миграционной службы (далее ФМС) России К.О. Ромодановский [5]. Так же в данной Концепции говорится об отмене разрешений на временное проживание иностранных граждан в России и замена этого механизма «балльной системой», подобные системы используются в Великобритании, Австралии, Канаде. Иностранец перед переездом заполняет анкету, по которой оценивают уровень владения русским языком, уровень образования, навыки, опыт, возраст, возможности трудоустройства и др. Но эффективность данной системы проявляется в условиях, исключающих не легальный въезд на территорию страны, а так же нахождение в ней. В Концепции сделана однозначная установка на ограничение привлечения низкоквалифицированной и даже среднеквалифицированной рабочей силы.

Необходимость разработки новой Концепции обусловлена не только внутренней модернизацией страны, но и происходящими глобальными процессами. В мире остро стоит вопрос старения населения, и Россия не исключение. По данным Организации Объединенных Наций, в 2047 году число пожилых

людей (т.е. лиц в возрасте 60 лет и старше) в мире превысит число детей (т.е. лиц в возрасте до 15 лет). Доля населения в возрасте 60 лет и старше в мире к 2050 году составит 22% [4].

В России, по среднему варианту прогноза Федеральной службы государственной статистики, к 2031 году количество граждан старше трудоспособного возраста составит 40077,8 тыс. человек или 28,8% от общей численности населения, моложе трудоспособного возраста — 22464,8 тыс. человек или 16,2%, трудоспособного возраста — 76504,2 тыс. человек или 55% [3].

В Тюменской области, по среднему варианту прогноза Федеральной службы государственной статистики, к 2031 году количество граждан старше трудоспособного возраста составит 831,4 тыс. человек или 20,8% от общего числа населения, в том числе Ханты-Мансийский автономный округ (далее ХМАО) — 353,7 тыс. человек и Ямало-Ненецкий автономный округ (далее ЯНАО) — 100,7 тыс. человек. Моложе трудоспособного возраста — 744,8 тыс. человек или 18,7% от общего числа населения, в том числе ХМАО — 354,7 тыс. человек и ЯНАО — 131,1 тыс. человек, трудоспособного возраста — 2416,1 тыс. человек или 60,5% от общего числа населения, в том числе ХМАО — 1196,2 тыс. человек и ЯНАО — 448,2 тыс. человек [3].

Общая численность населения по Российской Федерации к 2031 году сократится до 139041,8 тыс. человек, численность населения по Тюменской области увеличится до 3992,3 тыс. человек, в том числе ХМАО — 1904,6 тыс. человек и ЯНАО — 680 тыс. человек [3].

Таблица 2

Изменение численности населения в 2010–2031 гг.

Год	Общая численность населения (тыс. человек)		Население трудоспособного возраста (тыс. человек)		Население нетрудоспособного возраста (тыс. человек)			
					Моложе трудоспособного возраста		Старше трудоспособного возраста	
	Российская Федерация	Тюменская область, включая ХМАО и ЯНАО	Российская Федерация	Тюменская область, включая ХМАО и ЯНАО	Российская Федерация	Тюменская область, включая ХМАО и ЯНАО	Российская Федерация	Тюменская область, включая ХМАО и ЯНАО
2010	141914,5	3430,3	88359,7	2320,7	22854,3	657,6	30700,5	452,0
2031	139041,8	3992,3	76504,2	2416,1	22464,8	744,8	40077,8	831,4

(Данные за 2010 год взяты из Центральной Базы Статистических Данных Федеральной службы государственной статистики http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/).

Таким образом, в России на начало 2031 года на 1000 лиц трудоспособного возраста будет приходиться 818 человек нетрудоспособного возраста, из них: 524 человека — старше трудоспособного возраста, 294 человека — моложе трудоспособного возраста.

В Тюменской области, включая ХМАО и ЯНАО, на начало 2031года на 1000 лиц трудоспособного возраста будет приходиться 652 человека нетрудоспособного возраста. Прогноз по Тюменской области более благоприятный, чем по России в целом, коэффициент демографической нагрузки по Тюменской области значительно ниже общероссийского.

При увеличении общемирового числа нетрудоспособного населения будет нарастать конкуренция среди стран за квалифицированных мигрантов, поэтому одним из основных положений Концепции миграционной политики России должно быть создание конкурентоспособных условий для привлечения квалифицированных мигрантов.

Как заявил директор ФМС России К.О. Ромодановский, в настоящее время апробируются проекты создания адаптационных центров, возникают школы обучения русскому языку, в рамках Концепции прорабатывается вопрос о том, кто будет нести затраты на создание инфраструктуры для адаптации [5].

Еще в начале XX века одним из положений социальной программы Генри Форда, реализуемой в компании Ford Motor, было обязательное изучение английского языка для иммигрантов на бесплатных курсах, где на общественных началах преподавали добровольцы из числа служащих компании, а желательным — получение американского гражданства.

Необходимо внимательно изучать зарубежный опыт организации миграционной политики таких стран как Канада, Австралия, Новая Зеландия, экономика которых традиционно ориентирована на прием большого числа мигрантов, а также проблемы, с которыми столкнулись Германия и Франция.

Снижению «безработицы рабочих мест» также способствует «Областная целевая программа по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом, в Тюменскую область на 2007-2012 годы», разработанная в соответствии с государственной программой по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 22.06.2006. № 637. Областная программа предусматривает прием до 2012 года 1000 семей соотечественников, проживающих за рубежом, ориентирована на обеспечение трудовыми ресурсами конкретных высокотехнологических проектов, требующих привлечения специалистов высокой квалификации. Воспитанные в традициях российской культуры, владеющие русским языком соотечественники в наибольшей мере способны к адаптации и скорейшему включению в систему позитивных социальных связей российского сообщества.

Численность принятых соотечественников по данной программе на территории Тюменской области по состоянию на 31 декабря 2010 года составляет 642 человека. В рамках федеральной программы общая численность принятых — 31131 человек, из них 51,9% — мужчины и 48,1% — женщины. Наибольшую долю прибывших женщин (71,9%) составляют женщины в возрастной группе от 18 до 55 лет. Наибольшую долю прибывших мужчин (75,5%) составляют мужчины в возрастной группе от 18 до 60 лет. Таким образом, доля трудоспо-

собного населения среди прибывших соотечественников довольно высока и составляет 73,7% [1].

В связи с планами по вступлению России во Всемирную торговую организацию необходимо принимать во внимание различные варианты последствий для рынка труда с учетом специфики конкретного региона. Например, возможное увеличение вакансий за счет роста экспорта товаров, увеличение поступления более дешевых импортных товаров приведет к закрытию неконкурентоспособных предприятий и как следствие — к росту безработицы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мониторинг по реализации государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на территориях вселения субъектов Российской Федерации в период 2007-2010 гг. Отчет. Официальный сайт Федеральной миграционной службы http://www.fms.gov.ru.
2. Портал Правительства Тюменской области. http://trud.admtyumen.ru.
3. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 года // Статистический бюллетень. Федеральная служба государственной статистики. М., 2010. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики http://www.gks.ru.
4. Старение населения мира. На официальном сайте Организации Объединенных Наций http://www.un.org/russian/events/olderpersons.
5. Юдина Л. Ваше право // Миграция. 2011. № 9. Официальный сайт Федеральной миграционной службы http://www.fms.gov.ru/press/news.

В. В. Мельник

ДИСФУНКЦИИ РЕГИОНОВ И СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ НАСЕЛЕНИЯ

Период, переживаемый современным российским обществом в терминах синергетики можно определить как социокультурная бифуркация. В нем присутствуют все ее основные признак: неопределенность перспективы и поливариантность развития, неустойчивость структур общественной системы и ее быстрые качественные изменения с ломкой и трансформацией всех связей, «персонализация» и обособление элементов системы и непрогнозируемость связей между ними. В обществе значительно снижается сфера влияния легитимных факторов (наука, право, нравственность) и соответственно возрастает сфера воздействия теневых процессов, стремительно развиваются процессы старения и выбытия «основных фондов» научной, технической интелектуальной элиты вообще. Эти процессы свойственны, прежде всего, региональному развитию.

Актуальность проблемы научного сопровождения развития регионов, в свете стратегических задач инновационности и модернизации экономики, поставленных президентом России, принципиально значима и для их изучения социологическими средствами и методами. Региональная тематика занимает, в по-

следние годы, важное место в научных социологических проектах. Один из наиболее масштабных проектов осуществлялся в рамках социокультурного портретирования регионов России. Исследование идеологически и методологически разработано в Институте философии РАН (ИФ РАН), под руководством чл.-корр. РАН, проф. Н.И. Лапина, носит сравнительный, теоретико-прикладной характер, как на региональном, так и на общероссийском уровне (начиная с 1990 г.).

Антропосоциетальный подход, реализованный в исследовании, рассматривает общество как социокультурную систему, поддерживаемую разнонаправленной деятельностью людей, и которая представляет собой взаимосвязь трех компонентов: индивида, культуры, социальности. Взаимодействие социальности и культуры и образует социокультурную систему. Ее характеристики являются результатами активности индивидов, их действий и взаимодействий в системе С↔К [3].

В рамках указанного подхода региону, как и обществу, атрибутируются четыре основные функции: жизнеобеспечивающая, духовно-интегрирующая, статусно-дифференцирующая, властно-регулирующая. Они взаимосвязаны между собой (каждая с каждой), но ни одна из них не выводится из других и не сводится к другим. В этом смысле они самодостаточны по отношению друг к другу. Если функции рассмотреть в их отношении к самому региону, то в целом они обобщенно воспроизводят актуальное социокультурное содержание этой территориальной общности. Функция жизнеобеспечения предстает как использование потока ресурсов осваиваемой территории для удовлетворения потребностей жителей. Функция интеграции выступает как устойчивая сеть коммуникаций между жителями поселений, домохозяйствами (соседские отношения) и внутри групп со сходными занятиями. Функция дифференциации реализуется в статусно-профессиональной структуре жителей — в той мере, в какой она признается большинством жителей региона. Регулятивная функция выступает как сочетание координации и контроля со стороны органов управления и как процесс самоорганизации, через которую население обеспечивает регулирование социального порядка на данной территории.

В отношении к человеку функция жизнеобеспечения выступает как удовлетворение известных физиологических, витальных, жизненно необходимых потребностей индивида: в пище, одежде, жилище, защите и т. д. Функция духовной интеграции предстает как совокупность ценностей и норм, правил и образцов поведения людей, одобряемых большинством жителей данного региона. Дифференцирующая функция конкретизируется как совокупность статусов и ролей, которые мотивируют активность людей, непосредственно побуждают их к действиям. Регулятором охарактеризованных функций служит функция социального контроля: поступки, действия членов территориальной общности подлежат положительным или негативным санкциям со стороны органов управления регионом и любого из жителей, придерживающегося правил, принятых в данном регионе.

Социальные функции общества и региона взаимосвязаны и, в оптимальном состоянии, они сбалансированы между собой. За их сбалансированность непосредственно ответственна властно-регулирующая функция. Она должна обе-

спечить такие условия осуществления каждой функции, которые позволяют региону нормально удовлетворять потребности его населения, организаций и социальных групп, отвечать на вызовы внешнего окружения. Каждая из охарактеризованных выше функций может соотноситься с другими функциями того же региона в трех сочетаниях: взаимное соответствие (сбалансированность) функций; их несоответствие (дисбаланс); их контраст (разбалансированность). Эволюция конкретного региона означает и эволюцию соотношения его функций. Чаще всего эта эволюция имеет устойчивый флуктуационный характер или, в терминах синергетики — неустойчивое равновесие. Если мы возьмем за исходное, некоторое фазовое состояние функций региона, то со временем оно может достичь рассогласования, которое может перерасти в устойчивое неравновесие. На этом этапе, дисфункциональность перерастает в конфликт, кризис, который получает то или иное разрешение (бифуркацию), продвигает регион к новому соответствию его функций или к устойчивому депрессивному рассогласованию. Однако конкретное содержание циклов обладает эмерджентным характером. Так, в одних случаях возникшие новые соответствие или несоответствие означают подъем и последующее его воспроизводство, т.е. развитие региона; следовательно, цикл развития. В других случаях те же сочетания будут означать деградацию и дальнейшее воспроизводство низкого уровня региона, переход в стагнацию. Процесс фазового перехода есть кризис эволюции региона как социальной общности. Его можно представить как синергетическую область бифуркаций, в которой реализуется та или иная возможность эволюции данной общности. Реализация возможностей зависит, прежде всего, от ресурсных возможностей для саморазвития региона, экономической самодостаточности, качества социальных акторов, от его внешней среды — ближней (соседние регионы) и более широкой (общество, глобальное сообщество). Реализация возможностей (вероятностей) связана на уровне региона и с властно-регулирующей функцией. Она должна обеспечить такой диапазон управляющих параметров процесса самоорганизации (реализации всех функций), и поток ресурсов, которые позволяет региону нормально удовлетворять потребности его населения, организаций и социальных групп, отвечать на вызовы внешнего мира. В идеальном случае указанные циклы могут характеризовать три основных уровня развития регионов: низкий, средний, высокий. Поскольку интуитивно ясно, о чем идет речь, перейдем к рассмотрению конкретных данных.

В ходе полевого этапа был проведен массовый анкетный опрос — более 4000 респондентов, а также 90 экспертов-управленцев. Кроме того, собран и систематизирован статистический материал, характеризующий развитие Тюменской области (далее ТО) и место, которое она занимает в Российской Федерации. Выборка по югу Тюменской области составила 1500 человек, из них 78,7% городского и 21,3% сельского населения. В ХМАО было опрошено 1460 человек, из них 80,3% городского и 19,7% сельского населения. В ЯНАО было опрошено 1040 человек, из них 12,9% сельского населения и 87,1% городского населения. Исследование проводилось в 2008 г. при участии автора.

В конкретно-практическом смысле регион можно представить как, территориальную общность населения, объединяемую административными граница-

ми. В соответствии со сформулированной и кратко изложенной выше концепцией СКП, предметом рассмотрения в данной статье является соответствие функций Тюменской области условиям устойчивого развития региона как социокультурного целого. Ключом к раскрытию этого процесса выступают региональные проблемы-опасности, выраженные через эмпирическую оценку социального самочувствия населения.

Социальное самочувствие, это совокупность оценок, которые респонденты ставят себе, своим повседневным взаимодействиям друг с другом, с социальными институтами, территориальными сообществами и обществом в целом. Это субъективное восприятие людьми смыслов своей жизнедеятельности здесь и теперь, в контексте прошлого и ожидаемого будущего. Они образуют взаимосвязанный комплекс и заметно влияют на отношение людей к своей деятельности и к значимым для них компонентам региона и общества. Знание структуры и уровня социального самочувствия членов общества, тех или иных его групп и территориальных сообществ позволяет оценивать нынешнее их состояние и прогнозировать их поведение и эволюцию в ближайшее время.

В исследовании использовалось более 300 параметров-переменных по восьми блокам методики. Поскольку объем статьи ограничен, мы рассмотрим только один из важнейших субъективных показателей — социальное самочувствие населения региона, на основе которого строится все мироощущение личности, его связь с социумом и культурой. Методика исследования позволяет фиксировать четыре базовые составляющие социального самочувствия населения: 1) степень их защищенности от главных опасностей; 2) степень самостоятельности их жизнедеятельности; 3) степень удовлетворенности своей жизнью в целом; 4. степень оптимизма в оценке ими своего настоящего и будущего. Первая из этих составляющих образует сферу повседневной жизнедеятельности людей. Вторая отражает степень свободы деятельности индивида. Третья фокусирует внимание на самооценке результатов всей его жизнедеятельности, согласно его внутренним критериям. Четвертая фиксирует самооценку перспектив деятельности человека. Таким образом, в аналитическом плане, мы имеем необходимый и достаточный минимум составляющих социального самочувствия.

Уже завершающий период существования СССР (1990г.) характеризовался значительным разбросом значений индекса СС: от –0,04 до +4,0. В первую половину 90-х годов значение Мк достигло минимума (0,16-0,18). К 1998 году начался плавный рост составляющих, который к 2006 году достиг почти 80% от состояния в 1990 году. В целом индекс (средний коэффициент составляющих) социального самочувствия поднялся к 2006 году более чем в 2 раза по сравнению с 1998 годом и достиг значения 0,33. В этом процессе стала возрастать степень самостоятельности российских граждан в своей жизнедеятельности, но, в то же время и их зависимость от федеральных и региональных властей.

Рассмотрим структуру коэффициентов.

1. Коэффициент защищенности (*Кзащ*), средняя арифметическая положительных ответов (по ранговой шкале — защищенными или скорее защищенными от той или иной опасности). Минимальное значение –«0»

показывает, что все население региона считает себя незащищенным. Максимальное значение «1» означает, что все население считает себя полностью защищенным от всех видов опасностей — угроз.

2. Вторая составляющая характеризует степень самостоятельности индивида в своей жизнедеятельности. Эту меру позволяют получить ответы респондентов на вопрос «Как Вы считаете, в какой степени улучшение Вашей жизни сегодня зависит: от …». Коэффициент самостоятельности (*Ксам*) получен путем вычитания из положительных ответов респондента о его самостоятельности (да, «зависит от меня самого») средней его же положительных ответов о зависимости от тех или иных властей (да, «зависит от» других). Таким образом, чем меньше Ксам, тем менее самостоятельны люди.
3. Третья составляющая: *степень удовлетворенности своей жизнью в целом* имеет интегрирующий характер для выяснения социального самочувствия людей. Ее коэффициент (*Кудж*) получается в виде %% положительных ответов на вопрос «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?» Продолжительный опыт работы с этим коэффициентом свидетельствует о его высокой информативности.
4. Четвертая составляющая: *степень социального оптимизма* человека при самооценке своего (и своей семьи) настоящего и будущего. Она ведется по трем переменным измерения социального оптимизма в контексте социального самочувствия: «Стали ли Вы и Ваша семья жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже?», «Как Вы думаете, в ближайшем году Вы и Ваша семья будете жить лучше, чем сегодня, или хуже?», а также: «Насколько Вы сегодня уверены или не уверены в своем будущем?». Коэффициент социального оптимизма (Копт) получаем как среднюю величину трех частных коэффициентов, каждый из которых равен %% положительных ответов по каждому вопросу. Суммировав частные коэффициенты и разделив их сумму на число коэффициентов, получаем их среднюю арифметическую, т.е. суммарный коэффициент (*Мк*), или индекс социального самочувствия.

Сущностью изучения социального самочувствия населения, является рассмотрение проблем-опасностей через самооценку уровня защищенности с помощью ранговой шкалы в вопросе «Насколько сегодня Вы лично чувствуете себя защищенным от различных опасностей? («совсем не защищен», «пожалуй, не защищен»). (Отметим, что в общероссийском мониторинге оценивался перечень 11-ти опасных проблем, что позволяет проследить динамику ответов за 16 лет.) Приведем данные о незащищенности россиян (общая структура незащищенности: преступность; бедность; произвол чиновников; экология; произвол правоохранителей; одиночество и заброшенность; дискриминация по возрасту и полу; политические преследования; этническая и религиозная дискриминация), по четырем первым наиболее острым проблемам-опасностей: преступность, бедность, произвол чиновников, экология. Уже два десятилетия самой острой для населения страны остается незащищенность перед преступ-

ностью. В целом по России в наибольшей степени ее испытывают люди 45-54 лет, имеющие среднее специальное и незаконченное высшее образование, особенно руководители и рабочие.

Две из четырех проблем, преступность и экология, еще в 1990 году приобрели характер острых опасностей для более половины населения страны. От бедности чувствовали себя незащищенными «всего» 18%. Острота всех проблем в среднем выросла почти в полтора раза, а состояние проблемы бедности — в 3 раза. В 1994-1998 годах она сохранялась на максимальном уровне. К 2002 году несколько ослабла острота проблем преступности и бедности. В 2006 году наблюдается более заметное ослабление остроты всех проблем. Но все же уровень первых 4-х проблем-опасностей остается весьма высоким: перед ними чувствуют себя незащищенными 60-70% россиян.

Для Тюменской области опасность, связанная с бедностью также оказывается приоритетной. Респонденты старших возрастов высказывают существенно большее беспокойство, чем молодые, практически по всем проблемам-опасностям, исключая проблемы национальности и религиозных убеждений. Самооценка незащищенности у женщин в целом выше, чем у мужчин. Переменная «национальность» здесь не работает. Последовательность проблем-опасностей по рангу практически совпадает со средне российской.

Средние значения коэффициента незащищенности для Тюменского региона ниже средних значений по России. В первую очередь это касается степени незащищенности от преступности — и это одна из позитивных тенденций для нашего региона. В то же время доля людей в регионе, отмечающих незащищенность от проблем-опасностей, существенно ниже. Особенность для региона — более острое ощущение своей незащищенности от произвола чиновников (1 место), чем от правоохранительных органов (2 место), которую чаще отмечают респонденты младше 50 лет. В сравнительном плане она острей для ЯНАО. Эта проблема актуализируется, в связи с быстрыми темпами роста числа чиновников на душу населения (почти вдвое выше средне российских показателей) в автономных округах области. Среди проблем отметим вопросы бедности — первое место по степени незащищенности перемещается у людей, не имеющих высшего образования, украинцев и пенсионеров. Для мужчин моложе 50 лет проблема бедности занимает третье место, несколько уступая самооценке незащищенности от произвола чиновников и правоохранителей.

Уровень показателей социального самочувствия населения юга ТО, ХМАО, ЯНАО в целом заметно выше средних по России В то же время дихотомия «произвол чиновников — преступность» довлеет среди наиболее острых проблем региона.

Суммарный коэффициент (*Мк*), или индекс социального самочувствия в Тюменской области выше среднего по стране (0,39 Тюменского региона, против 0,33 по России) и выше теоретически минимального необходимого уровня. Но ниже оптимального, предполагающего *устойчивое* развитие регионального сообщества. Ниже среднего находится только коэффициент удовлетворенности жизнью в целом Россия 0,54, юг ТО — 0,46, ХМАО и ЯНАО 0,47 и 0,49 соответственно, что предполагает наличие критического состояния ума жителей

Тюменской области. В нашем регионе, как и во всей стране, защищенность населения от главных опасностей ниже средней социального самочувствия, при этом в целом *Кзащ* здесь выше общероссийского: 0,3 против 0,19. Отметим, что это значение чуть выше минимального необходимого уровня — это хорошо, учитывая ситуацию по всей стране. Отталкиваясь «от достигнутого», подчеркнем, для Тюменской области существуют все предпосылки вывода данных составляющих на нормативный уровень (0,6).

Говоря о локальных особенностях оценки социального самочувствия в регионе, индексирование позволило выделить три «депрессивные» в рассматриваемом аспекте, территории, две из которых сельскохозяйственные, а одна промышленная — Ишим, Заводоуковск и Ноябрьск. В то же время Тобольск, является лидером оценки социального самочувствия региона, что, безусловно, определяется тем вниманием, которое ему уделяется государством в последнее время.

Составляющие коэффициента защищенности по региону представлены в таблице 1. Из компонентов этой составляющей на наиболее высоком уровне находится защищенность от ущемления из-за национальности (0,61), религиозных убеждений (0,6), притеснений из-за политических убеждений (0,40). Менее всего защищенными жители Тюменского региона ощущают себя от преступности (0,1-0,13), произвола чиновников (0,13), и от бедности (0,19), что существенно ниже минимально необходимого уровня.

Таблица 1

Коэффициенты защищенности населения Тюменского региона. 2006 г.

Степень защищенности	ТО	Юг ТО	ХМАО	ЯНАО
От преступности	0,12	0,10	0,13	0,13
От произвола чиновников	0,13	0,13	0,12	0,13
От бедности	0,19	0,19	0,18	0,19
От экологической угрозы	0,19	0,18	0,17	0,22
От произвола правоохранительных органов	0,19	0,17	0,20	0,19
От одиночества и заброшенности	0,33	0,35	0,31	0,31
От преследований за политические убеждения	0,39	0,43	0,36	0,37
От притеснений из-за Вашего возраста или пола	0,40	0,45	0,41	0,41
От притеснений из-за Ваших религиозных убеждений	0,60	0,64	0,57	0,59
От ущемления из-за Вашей национальности	0,61	0,66	0,57	0,58
Коэффициент защищенности (Кзащ)	0,31	0,33	0,30	0,31

В общероссийской ситуации незащищенность от преступности оказалась также на первом месте среди проблем-опасностей (К = 0,24). Однако в России на втором месте находится проблема бедности, а в нашей области — произвол чиновников. Таким образом, согласно гипотезе, ощущение населением опасностей ущемления из-за национальности, религиозных убеждений, притеснений из-за пола и возраста, политических убеждений находятся в фазе устойчивого равновесия. Однако далеки от минимально необходимого уровня показатели защищенности от преступности, произвола чиновников и правоохранительных органов, экологической угрозы, бедности. Защищенность населения от

опасностей в целом, как исходная составляющая социального самочувствия, является в тюменском регионе единственной среди всех составляющих, уровень которой далек от того нормативного минимума, который необходим для устойчивости социальной общности.

Таким образом, теоретический и эмпирический анализ позволяет сделать общий вывод: в настоящее время существует высокая разбалансированность социокультурных функций большинства российских регионов. Это определяет темпы социокультурной эволюции (экономики, культуры, социальной структуры, управления) регионов, как на уровне России, так и федеральных округов. Это означает, что необходима целостная политика, как на уровне региона, так и государства государства. Это позволит обеспечить цивилизованный минимум социокультурного развития каждого региона и его жителей (например, по показателям методики «устойчивого развития» предложенной ООН). В то же время это позволит лидерам регионального развития обеспечить требуемый диапазон управляющих параметров процесса самоорганизации (реализации всех функций), и поток ресурсов, которые позволяет региону эволюционировать в область устойчивого равновесия и нормативного обеспечения уровня социального самочувствия населения и его отдельных социальных групп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Опыт апробации типовой методики «социологический портрет региона»: Сборник материалов Всероссийской научно-методической конференции. Ч. I / отв. ред. В.В. Мельник. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2006.
2. Опыт апробации типовой методики «социологичекий портрет региона»: Сборник материалов всероссийской научно-методической конференции. Ч. II / ред. кол. В.А. Давыденко, В.В. Мельник, Г.Ф. Ромашкина. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2006.
3. Подробнее см.: Н.И. Лапин. Антропосоциетальный подход: методологические основания, социологические измерения // Вопросы философии. 2005. № 2.
4. Экономическая энциклопедия регионов России. Свердловская область / гл. ред. А.И. Татаркин. М.: ИЭ УрО РАН; НПО Экономика, 2003; Республика Башкортостан. М.: НПО Экономика, 2004.

Л. Л. Мехришвили, С. В. Бараблина

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ: К ВОПРОСУ ТРУДОУСТРОЙСТВА ВЫПУСКНИКОВ

Система образования России представляет собой важнейший инновационный потенциал развития экономики и повышения ее конкурентоспособности на мировом уровне. Ежегодно большое количество выпускников сталкиваются с проблемой трудоустройства после окончания учебного заведения. Проблема трудоустройства выпускников сегодня является одним из аспектов социальной ответственности образовательного учреждения.

Образовательное учреждения сегодня — один из социальных институтов, в котором создаются общественные блага (образовательные услуги) и нормативы, образцы поведения, взаимоотношений в коллективе и с внешней средой — с заинтересованными сторонами (внешними партнерами, клиентами, органами власти и т.п.). [1; 25] Учебное заведение как социальный институт обладает следующими базовыми свойствами:

— устойчивостью формы организации совместной деятельности людей;
— способностью интегрироваться с социально-политической, идеологической и ценностной структурой региона;
— направленностью образовательных услуг учебного заведения на обслуживание и развитие человека;
— наличием материальных средств и условий, обеспечивающих успешное осуществление социальных функций;
— обоснованностью социальных норм поведения, осуществляющей социальный контроль их соблюдения.

В современных социально-политических и социально-экономических реалиях осмысление проблемы социальной ответственности имеет важное не только теоретическое, но и практическое значение.

Процессы, происходящие в современном мире, и в российском обществе, объективно ведут к тому, чтобы осознать степень значимости социальной ответственности различных субъектов социальной и политической деятельности.

Социальная ответственность — фундамент социального государства и общества как системы социальных институтов, признающих свою ответственность за удовлетворение основных потребностей граждан и предпринимающих для этого соответствующие практические усилия. Социальная ответственность вуза выражается в его вкладе в развитие общества и предполагает «добровольное разделение с государством ответственности за социально-экономическое развитие региона присутствия, за решение наиболее острых и неотложных социальных проблем, за удовлетворение жизненно важных социальных потребностей населения [2; 174].

Первоначально о социальной ответственности стали говорить применительно к сфере бизнеса, т.е. о социальной ответственности субъектов предпринимательской деятельности — коммерческих организаций, основной целью деятельности которых является извлечение прибыли. Методологической основой изучения проблемы социальной ответственности вуза является «концепция социальной ответственности бизнеса», которая заимствована из теории и практики западного бизнеса и основывается на учениях А. Смита и Д. Рикардо, в трудах которых определена проблема согласования частного и общественного интересов [2; 98]. Теоретический базис концепции составили работы Ф. Берли, Г. Минза, А. Мюллера-Армака, Л. Эрхарда и др. Первые труды по проблеме социальной ответственности появились у Боуэна, который рассмотрел «социальную ответственность бизнесмена», как «осознание более широких социальных целей при принятии деловых решений может приносить социальные и экономические выгоды обществу» [1; 114].

Рассматривая категорию социальной ответственности как общеметодологическое понятие, выражающее «общественные отношения в обществе по поводу регламентации деятельности», выделяют два способа ее реализации: 1) через разные формы социального контроля (общественное мнение, устав, закон); 2) через понимание общественными субъектами своей общественной роли [3; 80].

Образовательное учреждение, реализующее принцип социально — ответственного института осуществляет следующие функции:

1) воспроизводство общественного интеллекта — предоставление обществу образовательных услуг, направленных непосредственно на обслуживание человека и свободное его развитие;
2) подготовка высококвалифицированных кадров — элиты общества как одного из решающих факторов развития системы образования в целом, а также обеспечения научно-технического и социально-экономического прогресса страны;
3) формирование рынка труда — создаваемые в учебном заведении новые знания оказывают прямое воздействие на рынок труда, заставляя переоценивать значение тех или иных профессиональных навыков, изменяя количественные и качественные требования к трудовым ресурсам;
4) развитие культуры и норм поведения наличие и соблюдение которых во многом определяет психологический климат в вузе и его рыночную капитализацию;
5) стабилизация социальных отношений –учебное заведение выступает активным участником социальных взаимодействий с заинтересованными сторонами и множеством представителей социальной среды региона присутствия.

Современное возрождение системы трудоустройства в учебных заведениях является ответной реакцией на сложившуюся социально-экономическую ситуацию, которая характеризуется не только значительным накоплением социальных проблем, но и ослаблением потенциала государства в их решении. У российских учебных заведений обострилась необходимость самостоятельного поиска путей, смягчения социальной напряженности и не только государственными, но и негосударственными структурами (предприятиями-партнерами, представителями мелкого, среднего и крупного бизнеса) решающими задачу трудоустройства выпускников. Выход из сегодняшнего кризиса видится в разработке моделей и методики для реализации данного направления.

Автором исследования проведен анализ деятельности учебных заведений высшего и среднего профессионального образования в сфере выполнения социальных обязательств по трудоустройству выпускников. Источниками сведений для данного анализа являлась анкета, а также информация, представленная на сайтах учебных заведений, что позволило автору выделить приоритетные направления в области трудоустройства и разработать практические рекомендации для совершенствования системы трудоустройства выпускников.

Развитие системы трудоустройства выпускников в учебных заведениях должно идти в режиме плодотворного диалога всех социальных институтов для

обеспечения стабильности взаимодействия социальных групп и общества в целом. Необходимо расширить границы взаимодействия образовательных учреждений с предприятиями.

Социологическое исследование на тему «О координации в области функционирования центров трудоустройства выпускников учебных заведений» было проведено в апреле 2011 года, с целью разработки наиболее эффективной системы трудоустройства выпускников в образовательных учреждениях.

Исследование включало анкетный опрос представителей отделов трудоустройства учебных заведений высшего и среднего профессионального образования Тюменского региона. Из них: Тюменский государственный университет, Тюменский государственный нефтегазовый университет (все уровни образования ВПО, СПО, НПО), Тюменская государственная сельскохозяйственная академия, Тобольский сельскохозяйственный колледж, Западно-Сибирский государственный колледж, Голышмановский агропедколледж, Ялуторовский медицинский колледж, Тобольский рыбопромышленный техникум, Ишимский политехнический техникум, и т.д.

Объектом исследования явились образовательные учреждения ВПО и СПО. Предметом исследования — научно-методические аспекты формирования социальной ответственности образовательных учреждений в вопросах трудоустройства выпускников. Целью исследования — разработка наиболее эффективной системы трудоустройства выпускников образовательных учреждений. Задачи исследования: во-первых, выявить степень ответственности социальных институтов за трудоустройство выпускников; во-вторых, теоретически обосновать необходимость формирования и модернизации системы трудоустройства выпускников учебных заведений; в-третьих, проанализировать опыт региональных учебных заведений в области социальной ответственности за трудоустройство выпускников и выделить приоритетные направления развития взаимодействия учебных заведений с предприятиями; в-четвертых, сформулировать способы повышения эффективности системы трудоустройства в учебном заведении.

Результаты данного исследования позволили нам обобщить основные проблемы и определить приоритетные задачи в сфере трудоустройства студентов:

Из 100% учебных заведений: — 76% имеют подразделение, отвечающее за содействие трудоустройству выпускников;

Из 100% опрошенных считают, что социальная ответственность за трудоустройство выпускников возлагается:

— на «Учебные заведения» — 81%;
— на «Региональные органы власти» — 66,7%;
— на «Органы местного самоуправления» — 66,7%;
— на «Студентов и их родителей» — 61,9%;
— на «Федеральные органы власти» — 43%;
— на «Предприятия» — 38,1%;

среди других ответов был: «Все должны нести ответственность».

Из 100% опрошенных: — 99% считают, что деятельность подразделений отвечающих за трудоустройство необходимо совершенствовать.

Совершенствование системы трудоустройства в учебном заведении, по мнению респондентов, заключается в следующем:

— 81% в «создании единой базы выпускников»;
— 33% в «проведении совместных исследований регионального рынка труда»;
— 14,3% в «проведении совместного мониторинга качества подготовки студентов»;
— 38,1% в «совместной разработке методологии, алгоритмизации действий направленных на трудоустройство выпускников»;
— 33,3% в «проведении совместных региональных предприятий».

Анализ результатов исследования, позволяет сделать следующие выводы: на сегодняшний день учебные заведения нуждаются в отделах по содействию в трудоустройстве, так как социальная ответственность за трудоустройство выпускников, в первую очередь возлагается на учебные заведения, во-вторую, на региональные органы власти, в-третью, на органы местного самоуправления, затем на студентов и их родителей, на федеральные органы власти, и на предприятия. Подразделения, на которые возложены функции трудоустройства выпускников, существуют практически в каждом учебном заведении, они осуществляют свою деятельность как: «Центр карьеры, практики и трудоустройства», «Отдел содействия трудоустройству», «Совет по профориентационной работе и содействию трудоустройству выпускников», «Центр информации и трудоустройства», «Консультационный пункт содействия трудоустройству», и т.д. Функционирование данных подразделений заключается в организации практик студентов и содействии в трудоустройстве выпускников. Также в результате исследования выявлена необходимость модернизации системы трудоустройства в учебных заведениях.

Результаты опроса могут быть положены в основу проекта «Программа повышения эффективности трудоустройства студентов в учебных заведениях высшего и среднего профессионального образования».

Предлагаемая программа повышения эффективности трудоустройства студентов в учебных заведениях должна быть разработана на основе существующих нормативных актов в области трудоустройства и взаимодействия с предприятиями.

Программа исходит из принципа, что процесс трудоустройства студентов должен стать комплексным элементом социального партнерства и взаимодействия учебного заведения с предприятиями, и быть направлен на достижение целей — усиление социальной защищенности студентов, обеспечение возможности быстрой адаптации в социально-профессиональной сфере в соответствии с требованиями работодателей.

Работа с предприятиями-партнерами должна носить комплексный характер и, кроме трудоустройства, включать в себя: совместные профориентационные мероприятия; целевое обучение студентов и учащихся; повышение квалификации сотрудников предприятий; участие представителей предприятий в учебном процессе; научно-исследовательские работы; совместные

социально-культурные, спортивные мероприятия; проекты в области информационных технологий и др. Крупные предприятия, как правило, имеют серьезную систему привлечения и отбора выпускников для трудоустройства, в которую кандидаты вовлекаются еще, будучи студентами, через производственные и преддипломные практики.

Участие образовательных учреждений в решении социальных проблем посредством социального партнерства способствует, во-первых, ускорению развития региона, уменьшению политических и социальных рисков; во-вторых, укреплению репутации вуза, увеличению ценности его бренда (т. е. рыночной капитализации), доли на рынке, инвестиционной привлекательности.

Таким образом, социальная ответственность для образовательного института в сфере трудоустройства выпускников должна перейти в область неотъемлемого элемента его стратегии и долговременной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ниязова М.В. Подходы к социальной ответственности вуза. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2007.
2. Савчик Е.Н. Социальная ответственность систем качества образовательных организаций. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2008.
3. Социальная ответственность бизнеса: актуальная повестка / под ред. С.Е. Литовченко, М.И. Корсакова. М., 2003.

Л. Л. Мехришвили, О. Ф. Климчук

СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЕЖЬ: К ВОПРОСУ ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ В ВУЗЕ

Глобальные изменения в России, ознаменовавшие конец XX в., поставили мир перед лицом новой социальной реальности. Ее основными характеристиками признаны неопределенность и риск. Неопределенность и риск приобретают значение проблемы социетального характера.

Сегодня в любом обществе люди реально или потенциально находятся в состоянии риска. Последствия стихийных бедствий, экологических катастроф, бесконтрольного применения современной техники и технологий, экономических спадов и политических кризисов, террористических актов и ошибочных решений в управлении не обходят стороной ни одну социальную группу.

Вместе с тем, без риска в современном динамичном мире немыслим успех. Готовность действовать в условиях риска, способность оптимизировать его возможные исходы, прогнозировать его последствия становятся необходимыми условиями реализации жизненных стратегий во всех сферах жизнедеятельности современного человека.

Поскольку социальный риск признается наиболее универсальной характеристикой современных обществ, то он становится частью условий жизнедеятельности молодого поколения и также им воспроизводится. Он является важнейшей характеристикой образа жизни студенческой молодежи, определяет

особенности ее поведения, взаимодействия со сверстниками и с представителями других поколений, лежит в основе наиболее актуальных специфических молодежных проблем, которые вызывают объективные противоречия.

Во-первых, как часть общества, она подвержена влиянию его объективных условий, т.е. вешних по отношению к нему угроз социального риска. Находясь в самом начале жизненного пути, молодые люди больше рискуют остаться без образования, не найти работы, не создать семьи, подвергнуться маргинализации.

Во-вторых, социальное взросление отражается в приобретении и изменениях собственного социального статуса в ходе интеграции молодежи в структуру общества, а также в характере ее идентификаций с различными социальными группами. Выбор идентификационных образцов и стратегий поведения составляет существо внутреннего или субъективного риска, который является неотъемлемой частью выбора самостоятельного жизненного пути, а также локомотивом самореализации и социального продвижения.

В-третьих, источником социального риска становится такое свойство, как ее имманентное стремление к новому, неизведанному и меньшая рефлексия по поводу возможных последствий от соприкосновения с неопределенностью. При этом смелость и легкость, с которой молодые люди идут на риск, редко уравновешивается, сколь ни будь строгой оценкой вероятности выигрыша и проигрыша. Вот почему в среде студенчества так распространен немотивированный риск, а опасность ошибки так велика.

Применительно к студенческой молодежи выделяются следующие основные разновидности факторов риска: поведенческие (бихевиористические) факторы риска (курение, потребление наркотиков, алкоголя, нерациональное питание, недостаточная физическая активность и т.д.); генетические факторы риска (предрасположенность к наследственным болезням); биологические факторы риска (повышенный уровень холестерина, повышенное кровяное давление, перенесенные травмы и заболевания и т.д.); социальные факторы риска (социальная изоляция, низкий уровень образования, низкий уровень дохода, плохие жилищные условия и т.д.); психологические факторы риска (длительные отрицательные эмоциональные стрессы, психологические перегрузки, отсутствие гармонических отношений с окружающими и т.д.); факторы риска, связанные с загрязнением окружающей природной среды (атмосферы, воды, почвы) и продуктов питания; факторы риска, связанные с природно-климатическими условиями (резкая смена атмосферных явлений, повышенные магнитные и другие излучения и т.д.).

Эскалация социального риска для многих молодых людей оборачивается угрозами карьеры, семьи, стабильной жизни. Студенты из разных социальных слоев имеют неодинаковые шансы уже на этапе жизненного старта. И если, скажем, для молодого россиянина из семьи с высоким материальным достатком — это выбор между учебой в отечественном или зарубежном вузе, для юноши или девушки из семьи некоторых категорий служащих — между учебой или работой, то выходцам из малообеспеченных, многодетных или неполных семей часто приходится выбирать между жалким существованием и криминалом.

Как видно, рискуют все. Но для одних — это риск нисходящей мобильности, а для других — угроза криминализации. Притом, что вероятность социального риска многократно увеличивается для студентов из малообеспеченных семей. Разумеется, на практике ни одно общество не может обеспечить полного равенства стартовых возможностей молодых людей, но процесс демократизации предполагает выравнивание прав различных групп студентов на полноценную интеграцию в социальную структуру. Тем самым минимизируется риск фальстарта и активизируется процесс развития этой социальной группы.

В социальном государстве система социального риска эффективно интегрирована в действующую систему социальной защиты, все риски, имеющие социальное значение, включены в перечень рисков, защита от которых гарантирована государством для всех категорий населения.

Наиболее полный состав социальной защиты представлен в работах тех ученых (А.В. Мартыненко, С.В. Поздняков, В.И. Стародубов, В.Д. Роик, С.Ю. Янова, и др.), которые полагают, что эта система объединяет все возможные способы защиты от действия социальных рисков.

В частности, по мнению С.Ю. Яновой социальная защита — это система управления социальными рисками с целью поддержания устанавливаемых обществом социальных стандартов жизни для каждого человека [1; 20].

По мнению В.В. Трубина «Социальная защита есть функция общества по обеспечению социального положения человека, сложившегося вследствие воздействия социальных рисков, соответствующего условиям, вытекающего из его неотъемлемых и общепризнанных социальных прав». Рассматривая социальную защиту как функцию государства и общества по обеспечению социального положения человека, сложившегося вследствие воздействия социальных рисков, мы, тем самым, объективно выходим на толкование адекватного современным реалиям содержания социально-защитной деятельности, в том числе применительно к студенчеству [2; 312].

Система социальной защиты, направленная на управление социальными рисками, должна состоять в компенсации ущерба, наносимого социальными рисками расширенному воспроизводству населения, и по возможности — снижении и предупреждении их действия.

Сущность социальной защиты студенческой молодежи проявляется посредством ее функций. Свою функцию по социальной защите населения государство реализует посредством перераспределения государственных денежных фондов между нуждающимися в помощи группами в системе государственного финансового механизма.

Вместе с тем, по-нашему мнению, сведение социальной защиты только к социальному обеспечению, выплате различных видов социальной помощи применительно к студенческой молодежи представляется недостаточным. Это связано, прежде всего, с более широким спектром социальных рисков, которым она подвергается в процессе обучения в вузе.

Социальную защиту необходимо рассматривать как особую форму инициативной, самостоятельной общественной деятельности направленную на

решение важных проблем студенческой молодежи, развитие ее социальной активности.

Наш подход к совершенствованию содержания социальной защиты студенческой молодежи связан, прежде всего, с исследованием данной деятельности как части молодежной политики в контексте с социально-педагогической, спортивно-оздоровительной, культурно — досуговой и воспитательной работой. Пути решения социальных проблем студенчества лежат как в совершенствовании всей системы государственной молодежной политики, так и системы социальной защиты молодежи на уровне государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Янова С.Ю. Социальное страхование: организация и финансовый механизм. СПб., 2000.
2. Трубин В.В. Стратегия реформирования системы социальной защиты населения в Российской Федерации. М., 2000.

С. М. Моор

КРИТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Общество не может не меняться. Современный отрезок времени Россия будет функционировать не только под флагами «Единой России», но и «модернизации». Много пишется и говорится об уроках модернизации как учеными, так и политиками или учеными и политиками в одном лице. Невозможно отрицать, что страна многократно модернизировалась, но о каких уроках идет речь и какого периода не конкретизируется. «Модернизация — политический проект, имеющий идеологическое измерение, а не продукция «естественного развития системы… Прямое заимствование институтов не дает эффекта. Нет четкой взаимосвязи решаемых проблем и институциональных инструментов и средств» [1].

В связи с вышесказанным возникает вопрос: о какой идеологии идет речь? В России сегодня нет идеологии: старая ушла, а новая не появилась еще, не сформировалась.

Точечное и прямое заимствование чего-либо никогда и никому не приносило успеха. Поэтому столь необходима целостная концепция развития, где будет прослеживаться взаимосвязь проблем и инструментов их решения.

Все же модернизация — это скорее улучшение, обновление объекта, приведение его в соответствие с новыми требованиями, а в историософском значении — макропроцесс перехода от традиционного общества к индустриальному, от индустриального к постиндустриальному, от постиндустриального к информационному и т.д. [2].

Необходимо разобраться, определиться: в каком обществе живем мы и к какому переходим? Затем следует приступить к разработке программы развития, поставить цели и задачи перед государством и обществом. Людям важно

знать, что им делать, что их ожидает в будущем, чтобы появилась некая составляющая предсказуемости, уверенности в завтрашнем дне, тогда, возможно, появится и доверие к власти. Много говорится о национальной идее, но она так и не родилась…

При этом известный публицист М. Калашников и не менее известный социолог В.Г. Немировский утверждают, что «орде грабителей не нужна государственная идеология» [3; 43].

Модернизация. Что изначально: люди, техника или то и другое?

Человек по своей природе консервативен, предпочитает изменениям стабильность. С социальных позиций консерватизм связан с устойчивостью развития, надежностью. Любой «ветер перемен» поднимает уровень тревожности. Стабильность предполагает относительную сбалансированность противостоящих сил, взглядов, позиций, когда можно наблюдать и констатировать состояние равновесия.

К примеру, популярность Англии с ее консервативным укладом (там всем все равно, никого ничего не волнует: «ничего не знаю, моя хата с краю) во многом определяется большим количеством мифов, распространяемых об этой стране. Заметим, там комфортно всем: и преступникам, и людям с физическими отклонениями, и моральным уродам…

Задача правительства в любом обществе удержать баланс, чтобы не было потрясений — революции.

Основная проблема власти состоит в том, что любые изменения начинаются бессистемно, в большинстве случаев однобоко: одно реставрируется, другое, походя, уничтожается, и, наконец, формат преобразований носит не эволюционный характер, а эволюционно-революционный, вроде как мирно, но с элементами разрушения и волюнтаризма.

Модернизация и экология сознания тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Например, японцы, находясь на высоком уровне экологического сознания, готовы к изменениям, нет отторжения и сопротивления этим процессам. Собственно, это и есть залог успеха в инновациях и модернизации.

Политики научились говорить правильно и красиво. Но общество не верит никому, поскольку дела расходятся со словами. Вынужденное потребление чего-либо, в том числе информации, — временное явление, а естественные потребности и их удовлетворение — постоянны.

«Бытовые опросы», которые проводит автор, подтверждают социальные замеры социологов, констатирующих недоверие к власти, ее неприятия. Люди устали от большого количества социологических опросов, поэтому «бытовые опросы» позволяют выявить глубинные проблемы, получить достоверные ответы, а самое главное — глубокое разочарование в представителях властных структур. В этих условиях возникает проблема — с кем проводить модернизацию?

Нельзя игнорировать наличие глобальных и внутренних вызовов России, на которые еще можно своевременно отреагировать, достойно ответить на них.

Российское сообщество должно направить свои усилия на то, чтобы занять достойное место под солнцем, а, следовательно, воздействовать на глобальные «правила игры», получить возможность влиять на судьбы мира.

Ликвидировать разрыв в технологическом развитии (отставание), которое становится возможным только в условиях инновационного формата взаимодействия.

Правительство ориентируется на «Закон да Токвиля» — «справедливая» социальная динамика, высокие темпы роста». Алексис де Токвиль написал книгу «О демократии в Америке» в 1835 г. о преимуществах данной системы в Соединенных Штатах, которые нам не подходят по определению, поскольку демократии и гражданского общества в России пока нет, поэтому следует выстраивать вектор развития в условиях жесткой вертикали власти.

Вывод о том, что модернизация — это единственный путь, поскольку приемлемые альтернативы отсутствуют: либо Россия будет великой державой, либо ее не будет вовсе, как значимого глобального субъекта, несколько преждевременный, поскольку в нашей стране еще сохранилось то, чего нет, практически, в других странах.

О разразившемся мировом кризисе, в частности в России, написано огромное количество работ, еще больше устных высказываний, великое множество точек зрения, да и научное сообщество не пришло к консенсусу по этому вопросу.

Предпринимаются различные попытки систематизации, классификации кризиса. В частности, некоторые ученые выделяют 4 кризиса и предлагает соответственно 4 выхода из них другие 2, мы стоим на позиции, что кризиса нет, он смоделирован. К примеру, достаточно взглянуть вокруг и убедиться, какое беспрецедентное интенсивное строительство идет на самых различных уровнях.

Фокус стратегии — поиск высоко маржинальных секторов всегда во все времена был актуален в условиях рынка. Важно, чтобы этот рынок был и развивался по соответствующим объективным законам. Любая насильственная коррекция приводит к весьма ощутимому дисбалансу. Идея оптимистического подхода работает в условиях реального конкурентного рынка, а не условиях его отсутствия.

Достоинства и недостатки глобализации, полагаем, сегодня общеизвестны, а простым людям уже давно понятно, что американцы хотят, чтобы мы жили по их законам, и навязывают нам свою модель развития: «не кнутом, так пряником», следуя исконно русскому высказыванию. Не только однополярная модель глобализации является «ловушкой роста», любой вид глобализации является ловушкой для мирового сообщества, современная глобализация утверждает только американский образ жизни, полный цинизма — путь в никуда, в пропасть…

Есть мнение, что сырьевой зависимости у России нет, а если и есть, то она не опасна. Ресурсы следует продавать, пока на них есть спрос, поскольку ситуация очень сильно меняется. Вскоре нефть станет обычным продуктом, когда появится альтернативное топливо. Нефть и газ нужны и как стратегический ресурс, пока не развились до соответствующего уровня альтернативные технологии топлива, и как сырье, за которое можно получать пока еще приличные деньги.

«В модернизации решающее звено — институты — сердце модернизации» [1], но мы полагаем, что институты являются одновременно и, в первую очередь, и сердцем регионального и государственного развития и управления.

Конкретные задачи модернизации, которые призвана решать страна в условиях тоталитарной декларируемой «демократии»:

— формировать атмосферу доверия к государственным институтам, стимулировать экономическую и социальную активность основных субъектов модернизации;
— расширять социальную поддержку модернизации; определять ее задачи на основе учета и баланса интересов основных «игроков»;
— обеспечивать «обратную связь», своевременно корректировать задачи модернизации, обеспечивать практичность и действенность институциональных норм».

Вторая задача — «овцы целы, волки сыты», одна из наиболее трудно решаемых, самых сложных, если не сказать, не имеющая решения задача. Ее тем или иным способом пытаются решать все народы во все времена…

«Обратная связь» — это краеугольный камень любого взаимодействия, является одним из базовых критериев развитости управленческих отношений.

Наиболее важные моменты:

— потребность в демократическом порядке;
— возможности качественного образования;
— другой способ размышления.

Актуальные приоритеты для развития гражданского общества, как института, который мог бы способствовать реализации модернизационной программы:

— повышение взаимного доверия власти и общества;
— развитие механизмов обратной связи;
— общественный контроль.

С нашей точки зрения, власть обязана завоевывать доверие общества и не словами, а делами; чтобы работали механизмы обратной связи, власть должна быть заинтересована в этой обратной связи. Общественный контроль следует осуществлять независимым организациям, которые не финансируются органами власти.

Полагаем, что базой развития креативного мышления может стать система непрерывного образования. Кроме этого, образование по требованию, которое еще предстоит развивать в России, является именно источником инновационного развития и отвечает вызовам времени. Наконец, институт повышения квалификации, который выполнял особую функцию в вузах и был обязательным, упразднен, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Как показывает практика, в первую очередь, подвергаются процессам глобализации институты образования. Так, вхождение в Болонский процесс будет иметь великое множество издержек. Бакалавр — это специалист? Как стыкуется магистратура и аспирантура? Что делать с докторантурой? С одной стороны, удалось несколько вузов спасти от болонского процесса, как источники творческой мысли и инноваций, в то время как именно Высшая школа экономики являлась инициатором и калькировала в свое время систему американского образования, приводит в замешательство: одних «ведем» в Болонский процесс, других «спасаем». Где смысл и логика?

Актуально формирование проблемного междисциплинарного видения в рамках синэргетической парадигмы. Доказано и подтверждено жизнью, что основная часть открытий делается на стыке наук. С другой стороны, каких открытий и модернизационных проектов можно ожидать от новоявленных ученых, которые не могут отличить методику от методологии.

Путь по спирали вверх определяет уровень развития фундаментальных исследований, которые находят свое применение на практике, определяют уровень развития высоких технологий. В связи с этим возникает необходимость развивать менеджмент высоких технологий. Естественно, для того, чтобы развивать менеджмент, следует вначале научиться организовывать себя и управлять собой, а затем инновациями и модернизацией общества, которое предстоит сделать гражданским.

В психологии творчества и творческого мышления рефлексия трактуется как процесс осмысления и переосмысления субъектом стереотипов опыта, что является необходимой предпосылкой для возникновения инноваций. В этом контексте принято говорить о рефлексивно-инновационном процессе, рефлексивно-творческих способностях. Это еще и способ заставить себя думать. «Модернизация — персонифицированная ответственность, время героев» [1].

Модернизация — это не только время героев, но и время думающих — рефлексирующих людей, одновременно рациональных и иррациональных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Модернизация и гражданское общество: Лекция в Общественной палате РФ 22 июня 2010 http://www.hse.ru/data/2010/07/05/1218733778/Дискин%20-%20Модернизация%20и%20гражданское%20общество pdf.
2. Моор С.М. Формирование информационного общества — инновационный путь развития // Социокультурные проблемы развития регионов России в условиях кризиса: Материалы Тюменского социологического форума (15–16 октября 2009 / под ред. М. М. Акулич, Г. С. Корепанова, В. А. Юдашкина. Тюмень: Тюменская областная Дума, ТюмГУ. ТюмГНГУ, 2009. С. 252-254.
3. Немировский В. Г. Российский кризис в зеркале постнеклассической социологии. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 200 с.

В. И. Мосин

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПО ВЫХОДУ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ ИЗ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА[3]

В основу комплексной работы по достижению сбалансированного устойчивого развития региона положена новая Программа социально-экономического развития Тульской области до 2015 года.

[3] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-03-71313а/Ц.

Пройдя с неплохими показателя начало финансово-экономического кризиса, Тульская область сегодня подошла к новому горизонту планирования, к новой программе развития на последующие пять лет. Предстоит выделить приоритеты, наметить задачи, мероприятия и определить источники их финансирования.

Ближайшие годы будут временем модернизации, новых технологий, инноваций и информатизации общества. Лейтмотивом будущего развития станет конкурентоспособность региона, которая должна быть обеспечена путем создания региональных институтов развития базовых отраслей жизнедеятельности и повышением роли региональной власти в стимулировании экономических процессов.

В 2010 г. была разработана Программа социально-экономического развития Тульской области до 2015 года.

С учетом результатов комплексного анализа социально-экономического положения Тульской области определена следующая генеральная цель развития региона: обеспечение роста благосостояния и качества жизни населения на основе модернизации экономики, сбалансированного пространственного и социального развития, создания условий для успешной самореализации жителей в условиях развивающегося гражданского общества.

Базовый принцип, определяющий построение механизмов реализации Программы, — это принцип «баланса интересов». Он подразумевает обеспечение соблюдения интересов федеральных и региональных органов власти, органов местного самоуправления, бизнес-сообщества и общественных организаций.

Идеологической и методологической основой построения системы механизмов реализации Программы является политика интенсивного социально-экономического развития Тульской области.

Политика интенсивного социально-экономического развития базируется на семи взаимоувязанных составляющих:

1. Политике эффективного государственного управления.
2. Справедливой социальной политике.
3. Стимулирующей бюджетно-финансовой политике.
4. Политике сбалансированного пространственного развития.
5. Политике инновационного развития производительных сил.
6. Конкурентной инвестиционной политике.
7. Ответственной экологической политике.

Целевое назначение политики эффективного государственного управления состоит в повышении эффективности деятельности органов исполнительной власти и местного самоуправления Тульской области, совершенствовании системы государственного управления.

Указами Президента России установлены требования к качеству деятельности органов исполнительной власти и местного самоуправления. На сегодня показатели, характеризующие работу органов исполнительной власти Тульской власти, имеют положительную динамику, но темпы снижения неэффективных расходов бюджета и повышения эффективности государственного управления должны быть кратно увеличены.

В соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации в Тульской области последовательно реализуются мероприятия административной реформы. В связи с этим должно быть полностью завершено внедрение принципов управления по результатам в деятельность органов исполнительной власти. Аналогичной работы Администрация Тульской области требует от органов местного самоуправления, то есть управления по конечному результату. Неизменное внимание следует уделять повышению качества государственных услуг, снижению административных барьеров, повышению эффективности управления муниципальной собственностью.

В целях повышения эффективности управления развитием Тульской области будет создана автоматизированная система поддержки принятия управленческих решений, ориентированная на достижение заданных результатов. Внедрение данной системы позволит на основе комплексного экономического анализа обеспечить моделирование возможных сценариев развития ситуации и с учетом полученных результатов повысить обоснованность применения соответствующих мер государственного регулирования, обеспечить необходимый уровень оперативности и качества принимаемых решений, а также контроль их выполнения.

Кроме того, будет разработана географическая информационная система (ГИС) Тульской области для повышения эффективности государственного регулирования территориального и отраслевого развития.

Ее внедрение значительно расширит возможности консолидации информации по отраслям социально-экономического развития в единой базе данных, объективного и независимого мониторинга состояния объектов и территорий, сократит время, затрачиваемое на поиск и обработку информации в промышленности, сельском хозяйстве, ЖКХ, МЧС, транспорте и других.

Реализация мероприятий по реформированию и развитию государственной гражданской службы Тульской области обеспечит распространение современных кадровых, образовательных, информационных и управленческих технологий, основанных на применении инновационных методов оценки знаний и качества работы служащих, разработке индивидуальных планов развития и планирования карьеры служащих, механизмах формирования и обучения кадрового резерва.

Будет продолжена оптимизация функций и структуры органов исполнительной власти Тульской области, повышена эффективность их работы, в том числе с применением механизмов аутсорсинга государственных функций. При этом свое развитие получит разработка правовых норм и механизмов профилактики коррупции в органах исполнительной власти и подразделениях аппарата администрации области.

Коррупция должна быть полностью искоренена как в органах региональной власти, так и в органах местного самоуправления.

В 2010 г. впервые на официальных сайтах государственных органов области опубликованы сведения о личных доходах и имуществе гражданских служащих области, а также членов их семей. Соответствующие декларации обществен-

ности представили и лица, замещающие государственные должности Тульской области. Такие отчеты, по заверению Губернатора Тульской области В.Д. Дудки, будут регулярными, что сделает более прозрачной систему общественного контроля за деятельностью чиновников. В начале 2011 г. опубликована информация о личных доходах и имуществе губернатора Тульской области В.Д. Дудки, а в № 16 газеты «Слобода» за 20 апреля 2011 г. читатели узнали чем владеют руководящие тульские чиновники и члены их семей.

Одновременно будет реализован комплекс мероприятий, направленных на повышение престижа государственной гражданской службы, формирование механизмов обеспечения государственных гарантий для государственных гражданских служащих.

Еще одной приоритетной задачей государственного управления является повышение эффективности управления государственной собственностью. В этой связи планируется максимально повысить доходность имущества Тульской области путем повсеместного применения механизмов рыночной оценки при использовании объектов. Имущество Тульской области должно эффективно работать. Излишнее и неиспользуемое планируют реализовать на основе конкурсных процедур.

В целях проведения массовой государственной кадастровой оценки объектов капитального строительства, для введения в 2013 году налога на недвижимость, в Тульской области в 2011 году планируется проведение мероприятий по переводу в электронный вид архивных сведений о ранее учтенных объектах капитального строительства из архивов организаций технической инвентаризации.

В рамках реализации Федерального закона «Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства…» будет использован прозрачный законный механизм отчуждения имущества на принципах поддержки деятельности малого и среднего предпринимательства.

Кроме того, будут применены схемы передачи государственного имущества в концессию.

В области земельных отношений приоритетной будет работа по созданию благоприятных условий для регулярного роста базы по земельному налогу и арендной плате за землю, а также для развития в Тульской области рынка земли. При этом необходимо реализовать систему региональных и муниципальных мер, направленных на упрощение процедур отвода и оформления прав на земельные участки.

Уже разработан проект закона области, согласно которому арендная плата будет определяться на основании кадастровой стоимости земельных участков и по результатам торгов. При определении арендной платы названными способами необходимо соблюсти принципы экономической обоснованности, предсказуемости расчета, принцип недопущения ухудшения экономического состояния землепользователей.

Администрация области продолжает работу по оформлению права собственности области на неиспользуемые земли площадью более 100 тыс. гектаров, сформированные за счет невостребованных земельных долей. Эффективное использование этих участков будет способствовать укреплению финансовой самостоятельности муниципальных образований.

Важную роль в системе институтов публичной власти занимает местное самоуправление. В целях совершенствования организации местного самоуправления, муниципального хозяйства и муниципальной службы сформирован единый банк данных нормативных правовых актов. Все они проходят не только экспертизу на соответствие требованиям действующего законодательства, но и анализ на наличие коррупциогенных факторов. Предстоит обеспечить этот инструмент новыми информационными формами, позволяющими организовать взаимодействие по электронным каналам связи с использованием электронной цифровой подписи.

В рамках реализации задачи по созданию полноценных управленческих звеньев на всех уровнях местного самоуправления, вовлечению муниципалитетов в реальный процесс эффективного хозяйственного освоения территорий должно быть завершено разграничение имущества, находящегося в муниципальной собственности, между муниципальными районами, поселениями, городскими округами.

Повышение качества управления муниципальными образованиями продолжает оставаться актуальной задачей, решение которой, с одной стороны — в интенсификации управленческих процессов, а с другой — в повышении профессионального уровня муниципальных служащих.

За 5 лет в образовательных учреждениях повысили свою квалификацию более 3-х тысяч муниципальных служащих, из них 2 тысячи — за счет средств бюджета области. На эти цели было затрачено более 4,5 млн рублей.

Но, надо сказать, все усилия будут напрасны, если у руководителей муниципалитетов не будет ощущения сопричастности к происходящему на их территории, если они сами не стали частью местного муниципального сообщества.

При этом до сих пор есть администрации, в которых собственные доходы не превышают 8-10% годового бюджета и до 80% расходов тратятся на оплату труда местных чиновников. Это порождает недоверие населения к местной власти, дискредитируя саму идею местного самоуправления. В такой ситуации необходимо продумать комплекс мер по оптимизации территорий муниципальных образований на принципах повышения потенциала экономического развития.

К 1 июля 2011 года численность муниципальных служащих планируется сократить на 15%, высвободившиеся средства направить на решение первоочередных вопросов жизнеобеспечения. Администрацией области разработана методика расчета предельной численности муниципальных служащих в зависимости от численности населения. Это, кстати, является общемировой практикой.

Конечно, основную ответственность за судьбу региона несет губернатор, но не меньшую ответственность за достойную жизнь наших граждан на местах несут главы администраций. «Ответственность — это та цена, которую мы платим за власть», — очень точное выражение Уинстона Черчилля.

На современном этапе развития общества важнейшей задачей государственной власти является создание благоприятных условий для формирования инфраструктуры «Информационного общества».

В соответствии со «Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации», утвержденной Президентом РФ Д.А.Медведевым, на территории Тульской области реализуется комплекс мероприятий, включающий создание и развитие инфраструктуры «Информационного общества» и, в частности, «Электронного правительства».

Для решения данной задачи будет разработана и реализована долгосрочная областная целевая программа. В ней будет предусмотрена информатизация социальной сферы, внедрение информационных технологий в сфере безопасности жизнедеятельности населения, модернизация телекоммуникационных систем и другое.

М. М. Муртузалиев

ИНФОРМАЦИЯ И МОТИВИРУЮЩЕЕ ДАВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА

Общество в целом, а значит — и государство несут ответственность за все социальные проблемы, вне зависимости от того, являются ли они «частным делом» массы индивидов либо же касаются вопросов взаимодействия крупных социальных групп в производственных процессах.

Образно говоря, есть нечто общее между рабом, которого забили палками надсмотрщики господина, современным трудоголиком, «сгоревшим» на работе и молодым бездельником, «подсевшим на иглу». Парадоксально, но вред, который был причинен их здоровью и жизни в конечном счете является последствием современных им форм социализующего давления общества, желавшего получить от своих граждан как можно более труда (и, соответственно, материальных благ).

И если связь между мотивирующим давлением общественных отношений и травмами раба, инфарктом трудоголика вроде бы очевидна, то присоединение к их числу наркомана или алкоголика кажется надуманным и излишним.

Тем не менее, связь между бедами тех, кто «сгорает» на работе или оказывается раздавленным непомерным желанием удовольствий все же есть. И она несомненна. Общество в равной степени виновно и за язву желудка трудоголика и за цирроз алкоголика. И тот и другой сами находятся в беде и оба представляют проблему для всего общества.

В нашем обществе сложились отношения, которые мы называем мотивирующим давлением общества. Они многолики и многогранны. Современное общество порождает массу желаний и соблазнов. Оно дает современному человеку массу инструментов для того, чтобы реализовать эти желания и окунуться в океан соблазнов. Значительная часть индивидуумов современного общества проводит свою жизнь в попытках достичь того, что чем соблазняет, что пропагандирует современное общество. Другая же часть не имеет возможности реа-

лизоваться и «сгорает» в огне несбыточных желаний, реализовать которые наяву нет никаких объективных возможностей.

Мотивирующее давление общества очень трудно дозировать и потому иногда оно захлестывает через край, порождая желания, которые никак не сможет реализовать подавляющее большинство граждан. И тогда мотивирующее давление общества порождает массу страданий граждан, которые уже сильно мотивированы на успех, но в реальности не имеют возможности получить то, о чем мечтают. А, кроме того, даже умеренное мотивирующее давление общества может стать избыточным для определенной части индивидуумов, менее других имеющих устойчивость к соблазнам общества в силу особенностей психического или физического характера.

Разнообразные проявления избыточности мотивирующего давления общества мы называем термином «социальный жар». Как и любой жар, социальный жар есть серьезный признак нездоровья общества.

Тема избыточного мотивирующего давления общества и вызванных им страданий многогранна. Мы же хотели бы в основном остановиться на той части проблем, которая наиболее актуальна для современной России.

В современной России весьма значительная, возможно — основная часть социальных проблем связана с теми сферами человеческой жизни, которые традиционно считаются частным, личным делом человека, а потому — слабее изучены и как бы находятся «в тени» иных общественных процессов.

Вследствие исторических причин в нашем обществе не накоплены или утрачены традиционные механизмы контроля за процессами в определенных сферах человеческой жизнедеятельности. Собственно, контролируемая социумом (т.е. посредством государства) сфера человеческой жизни оказывается достаточно узкой и потому в нее, в эту сферу не попадают некоторые, ранее казавшиеся второстепенными, а сегодня — критически важные сферы жизнедеятельности. Такие, как, например, отдых человека, проведение им досуга, межличностная коммуникация в этой области и его личное осознание и понимание приоритетов сферы собственного досуга.

С точки зрения общества отдых человека — его личное дело и обществу нет нужды вмешиваться в эту сферу. Если, конечно, в этой сфере индивидуум не переступает грань закона. Во всех остальных случаях государство не выработало свода законов и не предлагает моделей проведения человеком своего досуга.

Отношение к сфере досуга индивидуума менялось в течение эпох человеческой истории, порой — радикально. Но в значительной части оно оставалось личным делом человека и общество (государство) не вмешивалось в нее, или по крайней мере, соблюдало в этом вмешательстве определенную границу.

Наиболее либеральны в этом вмешательстве современные законы. К примеру, традиционное право, мораль, обычаи и религия существеннее вмешиваются в эту сферу жизнедеятельности человека и накладывают более серьезные ограничения чем законы. Так, Ислам осуждает употребление алкоголя и табакокурение, Ислам и Христианство поощряют многодетность и осуждают гомосексуальные связи, Православие осуждает стремление к избыточному потребительству и т.д.

В современном российском обществе, гораздо более терпимом к порокам «частной жизни» произошла коагуляция вследствие наложения двух титанических процессов. Общество сохранило мобилизационный характер, приобретенный в советские период истории. Но при этом мобилизация оказалась направленной внутрь общества, на потребление материальных благ или же (этой проблемы мы коснемся ниже) — потребление образов.

Проникая в общество, в сознание индивида с самой незащищенной стороны — со стороны отдыха, не контролируемого государством, «социальный жар» вызвал массовое саморазрушение — алкоголизм, неограниченное стяжательство, наркоманию, эпидемию самоубийств, сердечных и нервных болезней и т.д.

В современной России даже в условиях экономического кризиса больше всего мы страдаем, болеем или умираем не от переработки, голода, холода, недоеданий или безработицы. В десятки раз чаще причиной личных трагедий в России становится погоня за удовольствием. К примеру, употребление алкоголя, наркотиков или просто переедание.

«Отрыв, улет, кайф, жизнь без тормозов» — так в бытовой коммуникации именуют главную проблему современной России. Разгульный «отдых» без соблюдения моральных или физиологических ограничений становятся главной причиной сотен тысяч смертей каждый год и, в целом, допопуляции страны.

Россияне умеют работать. Особенно поражает способность жить и работать в высоком темпе у жителей больших городов. Зато именно в крупных города личная жизнь ведется «по остаточному принципу». Нередко она состоит из переписки в социальных сетях и встреч с визави по интернет-контактам.

Стресс напряженной и тяжелой работы можно «лечить» только полноценным отдыхом и достаточным сном. Нельзя безнаказанно работать по двенадцать часов в сутки. Рано или поздно организм даст сбой.

Вместе с тем, мы практически не умеем отдыхать. Почти каждый раз наш отдых — это еще более сильное испытание для организма, чем наша работа. К примеру, бутылка водки, распитая вечером — худшее завершение трудового дня из всех возможных.

Начиная с детского сада, затем в школе, в институте мы проходим процесс «социализации». Нас учили жить в коллективе и работать. Но нас никто и никогда не учил правильно отдыхать.

Что же такое «правильный» отдых? Это нечто иное, чем шумный вечер в ресторане, где выпивается много спиртного, а наутро болит голова и стыдно вспомнить, кому и чего ты наговорил вчера.

Как правильно отдыхать, нас не учили ни в школе, ни в институте, ни в коллективе. Нас не учили этому родители. Потому что не умели сами. Как получить наслаждение от общения с природой? Как получать радость от беседы с близкими и дорогими людьми? Как получить удовольствие от созерцания красивой картины или вида цветущего луга? Этим простым истинам мы не обучены. А, между тем, реклама ежесекундно навязывает нам стереотипы наслаждений, бесполезных или, даже, опасных для здоровья.

Чаще всего наше стремление «расслабиться» превращается в причинение вреда собственному организму. В результате число россиян, погибших от экстремального отдыха выше числа тех, кто «сгорел» на работе.

Таблица 1

Численность россиян, пострадавших от различных форм «злоупотребления досугом» или увечий, полученных в трудовом процессе, в 2008 году

Число погибших от злоупотребления алкоголем	Около 20 тысяч	Число погибших в результате несчастных случаев на производстве	2,9 тыс. чел.
Число погибших от употребления наркотиков	Свыше 30 тысяч	Количество граждан, пострадавших вследствие производственных травм с потерей трудоспособности на один день и более или летальным исходом	71
Число погибших вследствие случайных отравлений алкоголем	18 тысяч	Инвалидизация вследствие производственных травм и производственных болезней	10
Число наркоманов в России, млн. чел. (по разным оценкам)	От 1,3 до 5,5 млн		
Число людей, страдающих алкоголизмом, млн чел	2,3		

Таблица 2

Число умерших в РФ по главным причинам смерти, тыс. чел.

Причина смерти	1990	2000	2007
Всех умерших от всех причин	1656	2225,3	1464
От болезней системы кровообращения	915,5	1231,4	834
От несчастных случаев, отравлений и травм	198,3	318,7	211
От случайных отравлений алкоголем	16,1	37,2	18
От самоубийств	39,1	56,9	29
От убийств	21,1	41,1	18
От болезней органов дыхания	88	102,1	55
От цирроза и других болезней печени	20,1	32,7	31

В XX веке и в начале XXI столетия достижения науки и техники открыли чрезвычайно сильные средства для воздействия на психику человека, что открыло новые возможности для воздействия на массы людей и, даже, програмированиия массового поведения. В этом смысле достижения техники широко используются, в основном — в коммерческих целях.

В случае России эти проблемы оказались наиболее сильными и даже приобрели взрывной характер. Одна из важнейших причин нынешнего положения

дел в России — злоупотребление информацией. Изобилие информации, любой, неважно — позитивной или негативной, опасно.

Современное общество называют «информационным», за то обилие и ту роль, которую в нем играет информация. Сегодня ее стало так много, она стала так навязчива, что на человека давит своеобразный «атмосферный столб» из самой различной информации, одновременно использующей все его органы чувств.

Но природа создавала нас не для информационного общества. Современный «хомо сапиенс» сложился в результате эволюции тысячи лет назад. Информационная «эра» — время взрывного прогресса средств доставки информации наступило для нас лишь двадцать-тридцать лет назад. Это ничтожно короткий промежуток времени и человеческий организм, наш мозг не успели адаптироваться к взрывной мультипликации информационных потоков.

Кроме того, сегодня информационные каналы перегружены негативом, который создает и углубляет давящее ощущение социального стресса. Именно это ощущение непрерывного стресса порождает желание уйти в загул, забыться, ощутить себя свободным от давящего груза общих проблем.

Вовсе не собственная банальная предприимчивость управляет сегодня сознанием и действиями россиян. Соблазн и страх, привитые и поддерживаемые информационными потоками — вот истинный источник запредельной мотивации и многих социальных болезней.

Д. Ю. Нархов

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Образование, в том числе высшее профессиональное — один из немногих социальных институтов, которые объединяют все общество, именно поэтому вопросы его состояния и перспективы модернизации системы ВПО в России являются предметом широкой научной дискуссии. Перспективы развития системы высшего профессионального образования России обусловлены объективными факторами как внешнего, так и внутреннего порядка, одним из которых выступает в частности, формирование глобального информационного пространства и интеграция в него российского общества. На современном этапе очевиден взрывной рост международных образовательных и научных контактов, развитие института академической мобильности, изменение форм и технологий ведения образовательного процесса, в том числе появление глобальных систем дистанционного образования и множества других социальных явлений, которые обычно связывают с термином «модернизация высшего профессионального образования».

Социальный процесс модернизации образования, обусловленный объективными закономерностями развития общества, вызывает неоднозначные послед-

ствия, главным из которых видится формирование нового социального поля — единого образовательного пространства страны, основанного на новой идеологической (демократически-капиталистической) платформе.

Высшее образование оказалось включенным и в общий социальный процесс модернизации общества, и в политический процесс, проводимый на государственном уровне и названный модернизацией высшего образования, который имеет достаточно четко сформулированные цели (создание механизма устойчивого развития системы образования [1]) и задачи (обеспечение государственных гарантий доступности и равных возможностей получения полноценного образования; достижение нового современного качества дошкольного, общего и профессионального образования; формирование в системе образования нормативно-правовых и организационно-экономических механизмов привлечения и использования внебюджетных ресурсов; повышение социального статуса и профессионализма работников образования, усиление их государственной и общественной поддержки; развитие образования как открытой государственно-общественной системы на основе распределения ответственности между субъектами образовательной политики и повышения роли всех участников образовательного процесса обучающегося, педагога, родителя, образовательного учреждения [1]), а также подкреплен различными механизмами. Однако, современное состояние ВПО показывает, что указанный политический процесс не достиг заявленных результатов [2; 573]. Для понимания характера изменений, происходящих с системой ВПО в ходе модернизации, представляется важным вновь обратиться к теоретическому анализу термина «модернизация». Очевидно, что это междисциплинарный термин, описывающий исторические изменения глобального масштаба с точки зрения философии, истории, культурологии, социологии и других наук.

Теория модернизации — одна из современных парадигм социально-гуманитарного знания, направленная на выявление последовательных стадий социокультурного развития, учет особенностей и многообразия факторов, характеризующих различия стран, народов, регионов, эпох. Отправной точкой изучения модернизации являются понятия «социальное изменение» и «социальный процесс», понимаемый как серия социальных изменений. Поэтому при изучении модернизации необходимо исследовать следующие составляющие: во-первых, социальные уровни, на которых она происходит: уровень международных систем, государств и наций (макроуровень), уровень социальных институтов и корпораций (мезоуровень) и уровень сообществ, групп индивида (микроуровень); во-вторых, структуру системы, которая подвергается изменению, и ее взаимосвязи с системами равного и высшего порядка; в-третьих, внутренние и внешние источники. В мировой и отечественной социологии теория модернизации разрабатывается на протяжении значительного временного периода. Основные ее концепции так или иначе связаны с тремя великими классическими концепциями социальных изменений: теорией эволюции, теорией социальных циклов и теорией исторического материализма [3; 513, 527]. Все концепции модернизации разноплановы по своему составу и содержанию.

Эволюционистские концепции стремятся объяснить сущность закономерного перехода от несовременных обществ к современному обществу и далее — к эпохе постсовременности. Постиндустриальное (часто понимаемое как информационное) общество приходит на смену обществу индустриальному, в котором преобладала экономическая сфера. Отличительной особенностью последнего является рост научного знания и смещение социальных акцентов из экономики в сферу науки и культуры и, прежде всего, в научные организации (университеты).

Ключевыми факторами формирования постиндустриального общества выступает информация, основанная на знаниях и технологиях. Капитал и материальные ресурсы отходят на второй план. Модернизация в данном случае характеризуется как совокупность процессов, характеризующихся утратой традиционных ценностей, технологизмом, индустриализмом, секуляризацией, индивидуализмом, вестернизацией и т.д.

Представитель западной эволюционистской концепции П. Штомпка полагает, что «модернизацию можно определить как приближение общества через осознанное осуществление определенных намерений, целей и планов к признанной модели современности, чаще всего к образцу какого-нибудь существующего общества, признанного современным» [3; 528]. Российский социолог Л.Г. Ионин пришел к выводу, что теория модернизации является «вершиной эволюционистской парадигмы». Исследуя логику теорий модернизации в категориях «современный» и «традиционный» в трудах С. Хантингтона, вслед за последним он выделяет девять главных характеристик модернизации: революционность, комплексность, системность, глобальность, протяженность, ступенчатость, гомогенизированность, необратимость и прогрессивность [4; 37-44]. По его мнению, «тот, кто руководствуется идеей строго направленного, монолинеарного развития, сопряженного с идеей прогресса, придерживается того взгляда, что эволюция и соответственно модернизация отсталых обществ неумолимы и неотвратимы, а теория модернизации лишь описывает процесс, которым даже самые страстные приверженцы модернизации не могут управлять; они могут только содействовать процессу ее реализации, передавая в отсталые страны технологии, ноу-хау, внедряя в них свои этические нормы и ценности, модели деятельности, институты и организации» [4; 40].

Логика теории модернизации, основанная на концепции циклического развития общества, имеет существенные отличия. Так, анализируя цикличность социально-экономического развития российского общества последних двух столетий, Е.Г. Анимица, А.Т. Тертышный и Е.М. Кочкина представили процесс модернизации через циклы кризис — депрессия — оживление — подъем, и, вслед за ними — циклы «либеральные реформы — переход к конрреформам — антилиберальные контрреформы — переход от контрреформ к реформам [5; 34, 61-62, 102-103]. Они полагают, что многие труднейшие проблемы, которые не поддавались решению традиционными методами, на основе циклов получают оригинальные, убедительные и перспективные решения. Только за рассматриваемый ими период было выделено 13 таких циклов [5; 56]. Авторы

утверждают, что «между модернизацией России и модернизацией западных стран существуют глубокие отличия. Если на Западе она являлась результатом внутреннего развития, то в России, использовавшей опыт других стран, модернизация навязывалась силой авторитарного режима. Следует отметить необычайную растянутость во времени российской модернизации» [5; 63]. Стоит согласиться с мнением авторов, что механический перенос модернизационных схем общественного развития без учета национальных особенностей не приведет к положительным результатам.

С похожих позиций выступает Э.А. Паин. Анализируя эволюцию теоретических взглядов модернизации мультикультурных обществ, и, в частности, теорию неомодернизма, он обращает внимание на принципиально новые постулаты последней, в частности: историческую ограниченность модернизации; возникновение двух ее форм («управляемой» — инициируемой элитой, и «органичной» — основанной на заимствовании культурных форм); модернизационном потенциале традиций; признание возможностей многообразия моделей исторического развития, которое обусловливает различие траекторий модернизационных трансформаций [6; 40-41]. Особо подчеркивается, что на современном этапе «в мире наблюдаются два встречных, хотя внешне противоположных процесса: с одной стороны, универсализация жизни.., а с другой — сохранение и даже возрастание культурно-цивилизационных различий, проявляющихся на иных, чем прежде, уровнях организации экономических и социальных систем» [6; 49]. «Каждая нация, действующая в глобальном контексте, сталкивается с необходимостью выбора оптимального соотношения усилий, направляемых на решение двух равномасштабных базовых задач: 1) внедрения и развития универсальных механизмов координации (governance mechanisms) в экономической и общественно-политической сферах, сходных для значительного числа стран; 2) использования конкурентных преимуществ, которые опираются на культурные традиции той или иной нации и выступают в качестве важных детерминант экономического поведения акторов» [6; 54].

Экстраполируя данную точку зрения профессора Э.А. Паина на сферу модернизации российского ВПО, представляется необходимым при вхождении в общемировое образовательное пространство сохранять особенности, преимущества и приоритеты отечественного образования. Современная парадигма образования должна основываться на собственной культурной традиции. По мнению О.Ю. Медведевой, исследовавшей соотношение традиций и новаций в образовании в 2002 г., «сциентизм (рационализм), техницизм, формализация культуры и замена ее технологией — евро-американский путь развития. Сам процесс образования рассматривается как технология усвоения знаний и навыков… Знания в этой образовательной парадигме имеют прикладной характер. Они фрагментарны и схематичны… Образование утрачивает функцию формирования национальной культуры, занимаясь лишь приготовлением к профессиональной деятельности и приобретая тем самым сугубо технологичный и прагматичный характер» [7; 305-306]. На наш взгляд, таковыми представляются

последствия модернизации образования, проводимой в рамках эволюционной парадигмы.

Аналогичные точки зрения остаются актуальными и в 2011 г. Так, М.Б. Хомяков пишет: «Под модернизацией при этом понимаются зачастую аналитически несовместимые и даже противоречащие друг другу вещи — технократический акцент на своеобразную «реиндустриализацию» в ущерб социально-политическим и гуманитарным технологиям, но и в то же время — переход к экономике знаний, невозможной без всестороннего развития человеческого капитала. «Модернизация» высшей школы является здесь ярким примером — технократический упор на прикладные исследования в инженерных и естественных науках неизбежно оборачивается ежегодным сокращением бюджетного финансирования гуманитарных и социально-политических наук на 15–20%. Между тем всякому, кто имеет хоть какое-то отношение к науке и высшему образованию, совершенно очевидно, что прикладные исследования абсолютно невозможны без науки фундаментальной, а о развитии человеческого капитала и уж тем более об «экономике знаний» можно забыть без развития гуманитарного и социально-политического знания. Неприглядный образ «модернизированной» российской высшей школы как некоей фабрики по производству наделенного весьма узкими (и непременно востребованными конкретным работодателем) «компетенциями» выпускника уже наводит на некоторые мысли о характере предлагаемой сегодня модернизации» [8; 150-151]. Далее автор убедительно доказывает, что модернизация может рассматриваться и как плюралистичный, разнонаправленный процесс, оставляющий каждому народу возможность выбора соотношения между степенью вхождения в единое мировое пространство и сохранением собственной идентичности. Представляется, что дальнейшее развитие концепции модернизации высшего профессионального образования должно основываться на циклической концепции социальных изменений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года (Приложение к приказу Минобразования России от 11.02.2002 № 393) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://upr.1september.ru/2002/28/2.htm Проверено 30.04.2011.
2. Пономарев А.В. Социокультурная трансформация высшего образования России // Российское образование в условиях социальных трансформаций: социологические очерки / под общ. ред. Ю.Р. Вишневского. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2009. С. 567-576.
3. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества: пер. с польск. С.М. Червонной. М.: Логос, 2008.
4. Ионин Л.Г. Социология культуры: учебное пособие. 2-е изд. / Л.Г. Ионин. М.: Логос, 1998.
5. Анимица Е.Г. Цикличность модернизации российской экономики / Е.Г. Анимица, А.Т. Тертышный, Е.М. Кочкина. Екатеринбург: Изд-во Академии предпринимательства, 1999.

6. Паин Э.А. Многокультурная модернизация: эволюция теоретических взглядов / Э.А. Паин // Общественные науки и современность. 2009. № 6. С. 37-54.
7. Медведева О.Ю. Культурная традиция в образовании / О.Ю. Медведева // Мировоззрение и культура: сб. ст. / Под общ. ред. проф. В.В. Кима. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002. С. 303-309.
8. Хомяков М.Б. Модерность как опыт и интерпретация: новая Россия в мировом политическом процессе /М.Б. Хомяков // Новая Россия в мировом политическом процессе: сб. материалов междунар. научно-практ. конф. Екатеринбург: УрФУ, 2011. С. 150-154.

А. В. Немировская

СОЦИАЛЬНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ РЕГИОНАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ (НА МАТЕРИАЛАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ)*

В российском обществе, многонациональном, поли-культурном, мульти-конфессиональном по своему составу, социальная толерантность, проявляющаяся в толерантном сознании и поведении, веротерпимости и миролюбии имеет особое значение. При сохраняющейся социальной напряженности в обществе, резком социальном расслоении, продолжающимися межэтническими и межконфессиональными конфликтами, проявлениях сепаратизма и национального экстремизма, социальная толерантность выступает внутренним фактором устойчивого развития социума. В августе 2001 г. российское правительство приняло Федеральную программу «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001–2005 гг.)», целями которой являлось формирование установок толерантного сознания, определяющего устойчивость поведения в обществе отдельных личностей и социальных групп как основы гражданского согласия в демократическом государстве. В Программе толерантность определяется как ценность и социальная норма гражданского общества, проявляющаяся в праве быть различными всех индивидов гражданского общества; обеспечении устойчивой гармонии между различными конфессиями, политическими, этническими и другими социальными группами; уважении к разнообразию различных мировых культур, цивилизаций и народов; готовности к пониманию и сотрудничеству с людьми, различающимися по внешности, языку, убеждениям, обычаям и верованиям [5]. Принятие Федеральной программы было продиктовано рядом обстоятельств, касающихся проявлений толерантности и нетерпимости в условиях роста социального разнообразия в России.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Особенности формирования социальной структуры и развития социального капитала в Красноярском крае», проект № 11-03-00250а.

В соответствии с Декларацией принципов толерантности (ЮНЕСКО, 1995) толерантность определяется как ценность и социальная норма гражданского общества, проявляющаяся в праве быть различными всех индивидов гражданского общества; обеспечении устойчивой гармонии между различными конфессиями, политическими, этническими и другими социальными группами; уважении к разнообразию различных мировых культур, цивилизаций и народов; готовности к пониманию и сотрудничеству с людьми, различающимися по внешности, языку, убеждениям, обычаям и верованиям. П. 1 главы 1 Декларации гласит, что толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Толерантность — это гармония в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая и правовая потребность. Толерантность — это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира. В Декларации принципов толерантности подчеркивается, что конструктивное взаимодействие социальных групп, имеющих различные ценностные, религиозные и политические ориентиры, может быть достигнуто на основе выработки норм толерантного поведения и навыков межкультурного взаимодействия [1].

Как предмет социологического изучения, феномен социальной толерантности особенно интересен в исследованиях этнически и социально разноплановых региональных сообществ, каковым является, в том числе, и один из крупнейших регионов Российской Федерации — Красноярский край. Важно отметить исторически традиционную неоднородность социокультурного пространства в регионе: неравномерность социокультурного развития городских и сельских населенных пунктов, северных, центральных и южных районов края; полиэтничность региона, которая усиливается за счет интенсивных миграционных процессов и подчас приводит к межнациональным противоречиям; серьезное социально-экономическое расслоение в крае; недостаток эффективных «социальных лифтов»; различия в уровне и качестве жизни населения, проживающего в различных хозяйственно-климатических зонах и типах поселений, что чревато усилением протестного потенциала населения региона. Наряду с активным восстановлением и расширением влияния Русской православной церкви в крае, происходит усложнение религиозно-культурных процессов, возникают различные объединения других религиозных конфессий, а также деструктивные и антисоциальные секты [3; 8].

Одной из характерных особенностей Красноярского края традиционно был его многонациональный состав. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2002 г., в крае проживают представители десятков национальностей. В таблице 1 приведены данные о 5 наиболее многочисленных этнических группах края. Так, 89% населения составляют русские, 2,3% — украинцы, 1,5% — татары, 1,2% — немцы.

Таблица 1

Этнический состав населения региона

5 наиболее многочисленных этнических групп	%	Некоторые другие значимые этнические группы	%
Русские	88,95	Белорусы	0,61
Украинцы	2,31	Чуваши	0,57
Татары	1,5	Армяне	0,37
Немцы	1,24	Мордва	0,25
Азербайджанцы	0,66	Долганы	0,2
Всего этнических групп в регионе	N = 157		

Источник: Всероссийская перепись населения. 2002 г. /2010 г./. Том 4 «Национальный состав и владение языками, гражданство», табл. 3.

Согласно результатам Переписи 2002 года, в Красноярском крае учтены представители 157 национальностей, из них численность представителей 72 национальностей превышает 100 человек. В 1990-е годы в Красноярском крае произошли весьма серьезные изменения национального состава. Эти изменения были вызваны резким подъемом национального самосознания и образованием суверенных государств на постсоветском пространстве, повышенной миграционной активностью населения и кризисом демографического развития. По данным Красноярскстата, в регионе существенно уменьшился удельный вес нерусского населения, с 12,4% в 1989 году до 11,0% в 2002 году. Характерно, что численность русских сократилась за 13 лет на 22,3 тысячи человек, или 0,5%, в то время как «потери» национального сообщества за это время составили 50,3 тысячи человек, или 13,3%. Заметно изменились численность и удельный вес этносов внутри национального сообщества края. Количество старожильческого (для Красноярья) диаспорного населения уменьшилось вследствие снижения естественного прироста, миграционной убыли, культурно-интеграционных и ассимиляционных процессов. Так, численность татар региона за последний межпереписной период снизилась на 10%, бурят, немцев и якутов — на 15-18%, башкир, литовцев, марийцев, молдаван, поляков, тувинцев, удмуртов, финнов, хакасов и чувашей — на 20-30%, белорусов, латышей, мордвы и украинцев — в 1,5-1,7 раза, евреев — в 1,9 раза. В отличие от старожильческих национальностей Красноярья значительно увеличили свое представительство в регионе за счет повышенной рождаемости и активной миграции диаспоры Кавказа, Средней и Юго-Восточной Азии: корейцы — на 24%, народы Дагестана и китайцы — в 1,5 раза, киргизы — в 2 раза, азербайджанцы — в 2,6 раза, таджики — в 2,9 раза, армяне — в 3,6 раза. Неслучайно поэтому азербайджанцы переместились с 8-го места в 1989 г. на 5-е место в 2002 году, армяне — соответственно с 23-го на 8-е место, киргизы — с 27-го на 15-е, таджики — с 32-го на 19-е, лезгины — с 33-го на 25-е и т.д. [3; 64-65].

Как позитивную тенденцию можно отметить, что в регионе наблюдается стабилизация численности коренных малочисленных народов Севера с небольшой тенденцией к росту — 6% за межпереписной период. У долган и эвенков он составил 7-8%, у селькупов — 15%, ненцев и кетов — 21-22%. Исключение представляют энцы (рост в 1,8 раза) и нганасаны (убыль на 26%).

Прирост северного аборигенного населения в сложных социально-экономических условиях обусловлен достаточно высокой рождаемостью, а также активной самоидентификацией метисов в пользу отнесения себя к народностям Севера. Их ожидания связаны с надеждой на адресную социальную поддержку со стороны государства через принятие и реализацию федеральных и краевых целевых программ. Характерно, что среди национальных меньшинств ускоренными темпами развиваются урбанизационные процессы. Прибывающие в край мигранты стараются закрепиться в крупных городах, формируя анклавы по этническому признаку, в то время как проживающие на селе старожильческие народы стремительно уменьшаются по причине миграции за пределы региона и «старения» населения. В целом, нерусское население проживает во всех без исключения городах и районах Красноярского края. В более чем половине из них удельный вес представителей нерусских национальностей не превышает 10%, еще в 23 городах и районах данный показатель колеблется от 10 до 20%. Однако в Норильске и ряде северных районов этот показатель превышает 30% [2].

Для измерения социальной толерантности нами были использованы индикаторы из опросника Всемирного исследования ценностей Р. Иглхарта (табл. 2). Эмпирической базой исследования послужили материалы социологического опроса населения Красноярского края, проведенного отделением социологии и общественных связей Сибирского федерального университета в 2011 г. Опрос населения осуществлен методом формализованного интервью по месту жительства респондентов (48 вопросов, заданных в доверительной обстановке, на дому у респондентов) в 28 населенных пунктах региона, по стратифицированной, многоступенчатой, районированной, квотной выборке, репрезентированной по полу, возрасту и уровню образования, случайной на этапе отбора респондентов. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением пропорций между населением, проживающим в населенных пунктах различного типа (районы крупного города, средние и малые города и сельские населенные пункты), половозрастной и образовательной структуры взрослого населения Красноярского края. Объем выборки — 1350 респондентов.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Ниже перечислены различные группы людей. Назовите группы, с представителями которых Вы не хотели бы жить по соседству?» (в %)

	Не хотел бы жить по соседству	Не возражаю жить по соседству
Наркоманы	97	3
Люди другой национальности	31	69
Больные СПИДом	65	35
Иммигранты и иностранные рабочие	66	34
Гомосексуалисты	76	24
Люди другой религии	28	72
Алкоголики	95	5
Пары, живущие в гражданском браке	7	93
Люди, разговаривающие на иностранном языке	22	78

Как показали данные опроса (см. табл. 2), на вербальном уровне наиболее выражено не толерантное отношение к наркоманам (97%) и алкоголикам (95%). Три четверти респондентов не толерантны гомосексуалистам (76%), более половины — к иммигрантам и иностранным рабочим (66%). При этом, важно отметить, что практически такое же количество ответивших не возражают жить по соседству с людьми, разговаривающими на иностранном языке (78%), людьми другой религии (72%) и людьми другой национальности (69%), что демонстрирует достаточно высокий уровень этнической терпимости в регионе. Кроме того, достаточно высока нетолерантность к больным СПИДом (65%). Наиболее толерантно население региона настроено к парам живущим в гражданском браке (93% респондентов не возражают жить с ними по соседству).

Факторный анализ методом вращения варимакс позволил выделить два основных комплекса установок социальной интолерантности в массовом сознании населения региона, которые можно охарактеризовать как интолерантность «внешнюю», направленную на «чужих», находящихся за пределами сообщества, или этническую, и не толерантное отношение к «своим», внутренней направленности, или интолерантность к социальным девиациям. Так, первый фактор, объясняющий 29% вариаций признаков, включает респондентов, не толерантных к: людям другой национальности; людям другой религии; людям, разговаривающим на другом языке; больным СПИДом; иммигрантам и иностранным рабочим; гомосексуалистам. Второй фактор, объясняющий 18% вариаций признаков, объединяет респондентов, не толерантных к наркоманам и алкоголикам, а также толерантных к парам, живущим в гражданском браке. Содержание признакового пространства факторов дает возможность заключить, что в массовом сознании населения региона больные СПИДом и гомосексуалисты воспринимаются как «чужие», не входящие в ближнюю среду респондентов, исключенные из пределов регионального социума. С другой стороны, пары, живущие в гражданском браке не являются феноменом интолерантности в массовом сознании населения Красноярского края, в отличие от наркоманов и алкоголиков. Это позволяет сделать вывод не только о наличии выраженных отличий в восприятии «иных» и «чужих» населением региона, демонстрирующем различное отношение к тем или иным представителям сообщества, но и положительно оценить уровень этнической толерантности в регионе, очевидно, сложившийся под влиянием мульти-культурной и поли-этнической социальной структуры Красноярского края.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Декларация принципов толерантности. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.tolerance.ru/declar.html.
2. Народы Красноярского края. Статистические данные переписи населения 2002 г. // Красноярский край. Официальный портал. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.krskstate.ru/society/nations.
3. Немировский В.Г., Немировская А.В. Социокультурный портрет Красноярского края. Красноярск, 2010. 263 с.

4. Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение / под. ред. чл.-кор. РАН М.К. Горшкова. М., 2010.
5. Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе» на 2001–2005 годы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.tolerance.ru/vek-tol/1-0-fcp.html.

В. Г. Немировский

ПРОБЛЕМЫ ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЖИТЕЛЕЙ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И ПРОЯВЛЕНИЯ СИБИРСКОГО СЕПАРАТИЗМА[5]

Среди наиболее серьезных исследований, посвященных данной теме, которые были опубликованы в последние годы, можно отметить, в частности, серьезную статью Г.С. Корепанова [1; 43-50] и содержательную монографию Ю.Е. Растова и Д.И. Щербинина [2]. Исследования, лежащие в основе нашей статьи, осуществлены социологами Сибирского федерального университета в соответствии с Типовой программой и методикой «Социокультурный портрет региона», созданной сотрудниками Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН. Программа и методика опираются на разработанный доктором филос. наук, проф., чл.-корр. РАН Н.И. Лапиным социокультурный подход [3; 15-40], а также концепции и методы многомерного анализа социального расслоения российского общества, созданные доктором социол. наук, профессором Л.А. Беляевой [4; 41-64]. Эмпирической базой данной работы послужили материалы трех социологических исследований, проведенных отделением социологии и общественных связей Сибирского федерального университета в 2010 году: опросы населения Красноярского края и Республики Хакасия и экспертный опрос в Красноярском крае [5].

Опрос населения Красноярского края осуществлен методом формализованного интервью по месту жительства респондентов (59 вопросов, заданных в доверительной обстановке, на дому у респондентов) в 28 населенных пунктах региона (в Республике Хакасия — в 11), по стратифицированной, многоступенчатой, районированной, квотной выборке, репрезентированной по полу, возрасту и уровню образования, случайной на этапе отбора респондентов. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением пропорций между населением, проживающим в населенных пунктах различного типа (районы крупного города, средние и малые города и сельские населенные пункты), половозрастной и образовательной структуры взрослого населения Красноярского края и Республики Хакасия. Объем выборки в Красноярском крае составил 1000 человек, в Республике Хакасия — 600 респондентов. Данные анкетного опроса

[5] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Особенности социокультурного портрета Красноярского края», проект № 10-03-00001а.

прошли экспертизу в Центре изучения социокультурных изменений Института философии РАН. Полученные материалы обрабатывались с помощью пакета прикладных программ SPSS с использованием кластерного, факторного и корреляционного анализа.

Экспертный опрос был посвящен изучению мнения 150 экспертов, проживающих в Красноярском крае. Он проводился методом формализованного интервью с помощью специально разработанной анкеты, включающей методику изучения характеристик базовых социокультурных типов регионов, разработанную доктором филос. наук, проф., чл.-кор. РАН Н.И. Лапиным [6; 11]. В данном исследовании в качестве экспертов выступили преподаватели общественных наук в вузах (социологи, историки, политологи, экономисты, культурологи), видные представители СМИ, руководители крупных негосударственных компаний, представители общественного сектора, институтов гражданского общества.

Поселенческая самоидентификация жителей региона является одним из важнейших аспектов их социокультурной самоидентификации. Большинство опрошенных жителей Красноярского края и Республики Хакасия — 59% идентифицируют себя с жителями поселения, в котором они живут (деревня, село, город). Менее трети (31%) респондентов самоидентифицируются с жителями краевого или республиканского центра. Общерегиональная самоидентификация жителей Красноярского края оказалась низкой — менее четверти из них (23%) считают своими, близкими жителей всего края. При этом в Хакасии этот вид самоидентификации заметно выше — 32% опрошенных. Еще меньшая доля респондентов, проживающих в Красноярском крае, идентифицируют себя с населением России (17%) и всей Земли (11%). В Республике Хакасия эти показатели несколько выше: соответственно, 22% и 14%. Напрашивается вывод, что у опрошенных сибиряков преобладает «чувство малой Родины». Причем данная особенность более ярко выражена в Красноярском крае, нежели в Хакасии. Наряду с этим проявляется «атомизация» российского социума в пределах отдельного региона.

Обращает на себя внимание и сравнительно высокая доля респондентов в обоих регионах, выразивших безразличное отношение к предложенным объектам самоидентификации, т.е. не имеющих четко выраженной собственной поселенческой самоидентификации: от 13% до 22% опрошенных.

Более половины опрошенных жителей Красноярского края (57%) считают жителей Москвы «далекими, чужими» (подобные ответы дали 52% респондентов из Хакасии), 47% респондентов из Красноярского края таким же образом оценили жителей России и 42% — жителей всей Земли (население Республики Хакасия, соответственно, 40% и 37%). Иными словами, примерно для половины опрошенных жителей Красноярского края и несколько меньшей доли жителей Республики Хакасия характерна **антиидентификация** с жителями России и ее столицы, что может выражать как недовольство «колониальной политикой Москвы» в отношении данного региона, так и не манифестированный до времени потенциал сибирского сепаратизма. В этой связи нельзя не вспомнить результаты социологических исследований, проведенных нами в 90-х годах в

Красноярском крае, которые свидетельствовали о существовании скрытого потенциала сибирского регионального сепаратизма [7; 20-26].

Описанные выше данные заметно отличаются от результатов всероссийского исследования, проведенного в 2010 г. Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН под руководством д-ра филос. н., чл. корр. РАН Н.И. Лапина по общероссийской выборке. Очевидно, что у населения двух сибирских регионов на уровне массового сознания социокультурная самоидентификация с жителями всего своего региона (48% — Красноярский край, 45% — Хакасия, 58,9% — Россия в целом), всей России (соответственно, 16,9%, 21,8% и 38,2%), бывших республик СССР (6,9%, 6,8% и 23,3%) и всей Земли (11,2%, 13,7%, 19,8%) выражена заметно слабее, чем у населения страны в целом.

Специфика поселенческой самоидентификации сибиряков, по сравнению с россиянами, на уровне массового сознания, на наш взгляд, свидетельствует о более поздней тенденции нарушения социально-психологического и социокультурного единства современного российского социума.

К подобным заключениям приходит и алтайский социолог Д.И. Щербинин. Опираясь на результаты социологических исследований в ряде сибирских регионов, в том числе, в Красноярском крае, автор делает вывод, что современный сибирский сепаратизм существует и характеризуется неманифестированностью, латентной конфликтностью, причем, налицо признаки его выхода из латентной фазы в следующую стадию конфликта. К числу его проявлений, в частности, относятся рост массового недовольства сибиряков (особенно бизнесменов, муниципальных чиновников, государственных служащих и представителей интеллигенции) углублением диспропорций в уровнях социально-экономического и социокультурного развития Сибири и Европейской части России, в негативно стимулирующем воздействии на протестное поведение сибиряков, усиливающем социальную напряженность в сибирских субъектах Российской Федерации, в позитивно-сдерживающем влиянии на развитие этнического сепаратизма нерусской части населения Сибири. Причем различные проявления сибирского сепаратизма в настоящее время находятся в разной стадии развития: от уровня социального риска до стадии прямой угрозы целостности российской государственности [8; 9-10].

Об этом свидетельствуют и данные, полученные нами в рамках настоящего исследования. Респондентам был задан вопрос: «Учитывают ли реформы, проводимые правительством РФ, интересы Сибири?». Только 4% жителей Красноярского края и Республики Хакасия ответили «в полной мере». По мнению большинства респондентов (48% — Красноярский край, 45% — Хакасия), «учитывают частично», а 24% опрошенных жителей Красноярского края и 17% респондентов из Хакасии полагают, что эти реформы интересы Сибири «не учитывают совершенно». Ровно четверть опрошенных в крае и треть — в республике затруднились ответить на этот вопрос. Таким образом, в целом, 72% опрошенных жителей Красноярского края и 62% населения Республики Хакасия в той или иной мере сомневаются, что реформы, проводимые правительством РФ, учитывают интересы Сибири. Несколько выше доля критически на-

строенных среди респондентов, проживающих в региональных центрах и других городах, ниже — в сельской местности.

Можно сказать, что среди жителей двух сибирских регионов преобладает поселенческая идентификация с «малой родиной»; при этом, люди, населяющие любые иные социальные пространства, часто воспринимаются как далекие и чужие, что может потенциально порождать серьезные социально-культурные и социально-политические проблемы.

Для изучения мнения экспертов был предложен открытый вопрос: «Как Вы считаете, изменились ли жители Красноярского края, по сравнению с россиянами в целом, в результате реформ? Отразились ли реформы на традиционном «сибирском менталитете»? В результате контент-анализа ответов экспертов было установлено, что подавляющее большинство экспертов указывают или специфические социокультурные изменения, по сравнению с россиянами в целом, произошедшие под влиянием особого сибирского менталитета жителей Красноярского края, или констатируют их отсутствие и сохранение традиционного сибирского менталитета. Лишь менее трети экспертов (31%) не видят специфического проявления сибирской ментальности (или считают, что такой феномен как «сибирский менталитет» попросту не существует) и полагают, что в результате реформ сибиряки изменились, также как и все россияне. На наш взгляд, данная тенденция может являться признаком недостаточного включения Красноярского края в общероссийские интегративные процессы.

Можно говорить о тенденции атомизации двух обследованных сибирских региональных социумов, ослаблении и нарушении в них социальных связей между людьми, когда жизненный мир человека ограничивается рамками его семьи и сужается до пределов населенного пункта, в котором он проживает. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что наибольшее взаимопонимание четверть жителей Красноярского края и около трети населения Республики Хакасия находят в компании друзей (данные по России в целом — 49%), два процента — среди соседей (Россия — 24%), примерно каждый десятый в каждом из двух сибирских регионов — на работе (Россия — 24%). И даже в семье россияне в целом чаще находят взаимопонимание — 76%, чем жители Красноярского края — 66% и Республики Хакасия — 61%, что говорит и о более остром проявлении в Восточной Сибири деструктивных процессов в сфере семейных отношений.

Таким образом, специфика поселенческой социокультурной идентификации жителей Красноярского края и Республики Хакасия может быть интерпретирована как определенное основание для формирования тенденции сибирского сепаратизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Корепанов Г.С. Региональная идентичность как базовая категория социологии регионального развития // Власть. 2009. № 1. С. 43-50.
2. Растов Ю.Е., Щербинин Д.И. Сибирский сепаратизм: социологическая экспертиза современных проявлений. Барнаул: Изд-во Алтайского госуниверситета, 2010. 168 с.

3. Лапин Н.И. Социокультурный подход к изучению эволюции России и ее регионов // Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. М., 2009. С. 15-40.
4. Беляева Л.А. Проблемы и возможности многомерного анализа социального расслоения Российского общества // Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. М., 2009. С. 41-64.
5. Немировский В.Г., Немировская А.В. Социокультурный портрет Красноярского края. Красноярск: РИЦ СибЮИ, 2010. 264 с.
6. Лапин Н.И. Подход к социокультурной типологии регионов // Социокультурные портреты регионов России: Опыт комплексной реализации. Сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции. 18-22 сентября 2008 г., Чебоксары. Чебоксары: ЧГИГН, 2008. С. 11.
7. Немировский В.Г., Григорьев С.И., Пешков С.И. Сибирь на пути к сепаратизму? // Социологические исследования. 1993. № 2. С. 20-26.
8. Щербинин Д.И. Конфликтный потенциал современного сибирского сепаратизма (по материалам социологических исследований в Алтайском и Красноярском краях, республике Алтай, Кемеровской и Читинской областях): автореф. дис. ... канд. социол. наук. Барнаул, 2010. С. 9-10.

А. С. Никитина

ПРОБЛЕМЫ МОЛОДЕЖИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ И НЕОБХОДИМОСТЬ МОДЕРНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

На территории Свердловской области активно реализуется государственная молодежная политика, основным субъектом исполнения которой является Министерство по физической культуре ,спорту и молодежной политики Свердловской области. В рамках реализации нормативно-правовой функции, Министерство издает различные программы развития молодежной политики по разным направлениям, в том числе, в сфере ее модернизации.

Главной целевой аудиторией, с которой взаимодействует Министерство, выступает молодежь — молодое население Свердловской области в возрасте от 16 до 29 лет. В связи с этим, главный и ключевой фактор, который должен быть заложен в основу программ модернизации молодежной политики, являются анализ проблем современной свердловской молодежи и, как следствие, их нормативно-институциональное закрепление в правовых актах.

Нами было проведено социологическое исследование методом анкетного опроса в марте 2011 года у молодого населения Свердловской области в возрасте от 16 до 29 лет с целью выявления удовлетворенности молодежи качеством услуг, предоставляемых отделами молодежной политики Министерства по физической культуре, спорту и молодежной политике Свердловской области, их информационной открытостью (*Метод сбора информации* — анкетный опрос; *Обработка* производилась в программе «Vortex»; *объем генеральной совокупности* — 1 071 071 чел.; *тип выборки* — квотная; *объем выборочной совокупности* — 744 человека)

В исследовании приняли участие молодое население города Екатеринбурга (25,7%), Каменск-Уральского (20%), Нижнего Тагила (16,5%), Полевской (8,5%), рабочего поселка Атиг (7,1%), Первоуральска (7%), В. Пышмы (6%), Ирбита (5,4%), Арамиля (1,5%), Сысерти (0,5%), Режа, с. Щелкун, с. Обрамовское (0,4%), Среднеуральска (0,3%), Кушви, с. Патруши (0,1%)

Структура нашего научного исследования разбита на серию блоков-проблем, вызванные неэффективной реализацией молодежной политики на территории Свердловской области. Рассмотрим выделенные нами блоки:

1. «Проблема городов и молодежной политики».

Опрос молодежи демонстрирует тесную взаимосвязь между реализуемой молодежной государственной политикой и внутренними миграционными процессами на территории Свердловской области. Из *таблицы 1* очевидно, что мегаполисы и крупные социально-экономические центры (такой как Екатеринбург) «привлекает» большее количество молодежи всех возрастов, в то время как численность молодого населения более зрелого возраста в средних и малых городах уменьшается. Однако в таких промышленных городах Свердловской области как Первоуральск, Полевской, В. Пышма, Н. Тагил живет и работает молодое население в возрасте от 24 до 29 лет. Наибольшее количество студентов находится в Екатеринбурге и Нижнем Тагиле.

Таблица 1

Молодое население разной возрастной группы, проживающей в муниципальных образованиях Свердловской области (в абсолютных цифрах)

Город	Ваш возраст							
	14-15	16-17	18-19	20-24	25-29	30	53	Итого
Екатеринбург	9	14	28	97	33	2	1	184
Нижний Тагил	0	48	63	4	8	0	0	123
Реж	0	0	3	0	0	0	0	3
село Щелкун	0	1	0	1	1	0	0	3
Сысерть	4	0	0	0	0	0	0	4
село Абрамовское	0	1	1	1	0	0	0	3
Каменск-Уральский	70	66	0	13	0	0	0	149
Раб. поселок Атиг	5	6	8	19	14	0	0	52
Кушва	0	1	0	0	0	0	0	1
Первоуральск	0	0	1	19	32	0	0	52
село Патруши	0	0	0	1	0	0	0	1
Арамиль	0	0	0	3	8	0	0	11
Полевской	0	0	2	25	36	0	0	63
В. Пышма	0	0	2	18	25	0	0	45
Среднеуральск	0	0	0	1	1	0	0	2
Ирбит	0	0	0	9	31	0	0	40
Итого	88	137	108	211	189	2	1	736

* Пропущено 8 из 744 объектов (1,1%).

В результате опроса выяснилось ,что степень информированности намного выше в крупных городах, в то время как в муниципальных образованиях сель-

ского и поселкового типов до молодого населения просто не доходит информация о проводимых и планируемых творческих, научных, интеллектуальных молодежных проектов, фестивалей и конкурсов.

Рассмотрим реализацию одной из самых популярных молодежных программ в Свердловской области — программу поддержки молодой семьи и обеспечение жильем молодой семьи. Результаты опроса оказались непредсказуемыми: несмотря на всеобщую неосведомленность о существующей программе, наибольшая активность и участие наблюдается у молодого населения, проживающего в отдаленных населенных пунктах, а не в крупных центрах-мегаполисах. На наш взгляд, это обусловлено безысходностью и отчаянностью молодого населения в решении жилищного вопроса и желанием решить его.

Таким образом, проведенное нами исследование показало очевидную зависимость масштаба, типа, уровня занятости и развитости социально-экономической и, что не мало важно — досуговой инфраструктуры муниципального образования от уровня и эффективности реализации государственной молодежной политики. Молодежная политика Екатеринбурга в разы отличается от молодежной политики села Щелкун Свердловской области, в то время как все жители этих населенных пунктов имеет право на равную, полноценную и полнонаправленную молодежную политику.

2. «Гендерный фактор и молодежная политика».

Опрос молодого населения выявил еще одну закономерность: эффективная реализация молодежной политики не может проходить без учета половозрастных особенностей, предпочтений и ожиданий молодежи (*Табл. 2*). Для Свердловской области характерна общероссийская демографическая проблема: «нехватка» мужского населения, быстрое старение населения, высокая смертность населения в молодом работоспособном возрасте (23-26 лет).

Таблица 2

Количество опрошенных респондентов в зависимости от пола и возраста (в абсолютных цифрах)

Ваш пол	Ваш возраст							
	14-15	16-17	18-19	20-24	25-29	30	53	Итого
Мужской	36	60	43	91	89	1	1	321
Женский	52	77	65	120	99	1	0	414
Итого	88	137	108	211	188	2	1	735

* Пропущено 9 из 744 объектов (1,2%).

3. «Проблема информированности молодежной политики».

Проведенное социологическое исследование показало, что самой главной проблемой реализации молодежной политики на территории Свердловской области является отсутствие полной информированности о ее деятельности (38% опрошенных респондентов):

Таблица 3

Общая оценка информированности о направлениях молодежной политики

Варианты ответа (баллы от 1 до 10)	Число ответивших	% от числа ответивших	% от общего числа опрошенных
1	26	4,0	3,5
2	65	10,1	8,7
3	106	16,5	14,2
4	102	15,9	13,7
5	151	23,5	20,3
6	96	15,0	12,9
7	50	7,8	6,7
8	26	4,0	3,5
9	11	1,7	1,5
10	9	1,4	1,2
Итого ответивших:	642	100,0	86,3
Нет данных	102		13,7
	744		100,0

4. «Удовлетворенность молодежи уровнем реализации молодежной политики».

Основной задачей, поставленной при реализации научного исследования, являлось выявление общего уровня удовлетворенности реализацией молодежной политики в Свердловской области молодым населением Свердловской области:

Таблица 4

Ваша общая оценка уровню удовлетворенности реализацией молодежной политики в Свердловской области

Варианты ответа	Число ответивших	% от числа ответивших	% от общего числа опрошенных
1	42	6,8	5,6
2	59	9,5	7,9
3	101	16,3	13,6
4	81	13,1	10,9
5	139	22,5	18,7
6	83	13,4	11,2
7	62	10,0	8,3
8	29	4,7	3,9
9	14	2,3	1,9
10	8	1,3	1,1
Итого ответивших:	618	100,0	83,1
Нет данных	126		16,9
	744		100,0

Как видно из приведенных табличных данных, респонденты оценили уровень реализации молодежной политики на среднем уровне (5 баллов). Только лишь 1,3% респондентов оценили уровень реализации молодежной политики на высоком уровне.

Столь низкий уровень реализации молодежной политики на территории Свердловской области обусловлен наличием определенного круга проблем и противоречий.

Молодое население Свердловской области выделяет следующие проблемы, возникающие при взаимодействии с отделами по молодежной политике Министерства по физической культуре, спорту и молодежной политики Свердловской области.

Молодое население предлагает следующие основные пути решения данных проблем:

- повысить уровень информированности о молодежной политике, организовать и провести PR-акции (28,7% от числа опрошенных);
- больше общаться с молодежью (13,3% от числа опрошенных);
- взаимодействовать с работодателями (9,1% от числа опрошенных);
- учитывать интересы, потребности и ожидания современной молодежи (8,8% от числа опрошенных);
- проводить социологические исследования по интересам, поведению, ценностям молодежи (4,8% от числа опрошенных);
- проводить больше культурных и досуговых мероприятий (2,7% от числа опрошенных);

Работать качественно и результативно, а не на отчетность (2,5% от числа опрошенных) и др.

Таким образом, выше обозначенные молодым населением Свердловской области проблемы и предлагаемые пути решения могут лечь в основу программ развития и модернизации молодежной политики Свердловской области для повышения их качественности и социальной эффективности.

О. А. Обрывалина

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Модернизационный дискурс сегодня очень популярен. При этом в отношении происходящих в России и мире изменений высказываются самые разнообразные, подчас противоположные мнения и оценки.

Анализ различных трактовок модернизации позволяет заключить, что они, в отличие от понятия «трансформация», имеют аксиологическую нагрузку, указывая на те, или иные «улучшения» и «прогрессивные изменения». П. Штомпка приводит три толкования термина модернизации: как синонима прогресса, как перехода от традиционного общества к индустриальному (современному) и как усилия отсталых стран догнать передовые в едином глобальном измерении [8]. Рассмотрим эти аспекты подробнее.

Представление о модернизации как средстве обеспечения прогрессивного развития обществ и его содержании широко распространено в общественном сознании. Базируется оно на тех же основаниях, на которых строились теоретические концепции классической социологии. В соответствии с теорией прогресса движение к современности представлялось неизбежным, судьбой всех обществ, в разной мере и с различной скоростью осуществлявших это движение, имеющее органический характер, определяемое эндогенным механизмом развития каждого общества [5]. Капиталистические и индустриальные общества выступали «идеал-типической конструкцией» для следующих в направлении их построения традиционных обществ. При этом приоритетной сферой преобразований выступала экономическая.

Несоответствие теоретических моделей, построенных на перечисленных выше принципах, реальности обнаружилось уже в первой половине XX века, а к середине века была утрачена и их научная значимость. И, тем не менее, можно наблюдать, как проекты модернизации продолжают строить по этой старой схеме, не принимая во внимание научные заключения, полученные социологами и социальными философами почти столетие назад.

Пересмотру подверглась универсальность сценария модернизации. «Опыт распространения модернизационных процессов в различных регионах мира показал, что процесс и результаты модернизации оказались под сильным влиянием собственных социокультурных традиций (К. Поланьи, Э. Шилз, Ш. Айзенштадт и др.)»[4]. Бэррингтон Мур описывает модернизацию как «спонтанный процесс», результат которого не имеет нормативного характера и может принимать различные экономические и социальные формы [5]. Тогда необходимо понять, в чем же заключается содержание прогрессивного общественного развития сегодня, каковы его признаки, каковы критерии и определяющие его факторы. Без этого процесс модернизации, действительно, останется спонтанным и бесконтрольным.

Понимание модернизации как перехода от традиционного общества к индустриальному — устоявшаяся точка зрения, имеющая долгую историю и подкрепленная соответствующей теоретико-методологической научной традицией. Однако реалии современности, по мнению ряда исследователей, требуют пересмотра содержания концепции модернизации и переопределения самого понятия. В частности, предлагаются термины «информационная» или «постиндустриальная» модернизация [6]. Р. Инглегарт и К. Велзел отмечают разнонаправленность индустриальной и постиндустриальной модернизаций. Первая привносит бюрократизацию и секуляризацию. В ходе второй акцентируется индивидуальное самоуправление и ценность самовыражения. Оба культурных изменения меняют властные ориентации людей, но в различных направлениях [6]. Д. Хэнкок также подчеркивает значение политического изменения в рамках постиндустриальной модернизации [6]. А И. Алампая в качестве дополнительного аспекта модернизации в информационном обществе называет информационные технологии, выступающие в качестве определенной основы производства в новой модернизационной идеологии [6].

Отношения между обществами-лидерами и их последователями — третий аспект модернизации, который выделяет П. Штомпка. Первым свойственная «органическая», «адаптивная», «поисковая» модернизация, прорастающая изнутри в результате естественного развития общества и осуществляемая, как правило, «снизу», а не запущенная одной политической волей элиты. Общества-последователи же реализуют модели «догоняющей», «запаздывающей» модернизации, проводимой «сверху».

Длительное время локомотивом модернизации выступали страны Запада, предоставлявшие «догоняющим» образцы для создания «современных» социальных институтов и осуществлявшие культурную экспансию. В качестве отрицательных сторон такой модели модернизации отмечают угрозы традиционной культуре, конфликтогенное усиление социального неравенства в результате возникновения «анклавов современности», копирование стереотипов, уже отброшенных западной цивилизацией (и соответственно, повторение сделанных на этом пути ошибок), распад старых механизмов поддержания социального порядка при невозможности быстрого внедрения новых [7].

В начале XX века стало ясно, что модернизация не может иметь единый облик, и поэтому в настоящий момент открытым остается вопрос о критериях выбора политических, экономических и социокультурных эталонов.

По мнению специалистов, за этот выбор в современном мире отвечают правительственные круги и элиты, определяющие облик постиндустриальной модернизации. И наша страна не исключение. Российский социум ориентирован властными институтами на модернизацию, инициируемую «сверху», что проявляется в стимулировании экономического развития и социальной мобилизации. А это значит, что можно ожидать нарастания конфликтного потенциала в обществе, происходящего из отставания политических институтов от темпов социальных и экономических изменений и возникновения «внутренних, структурных разрывов»: между немногими очень богатыми и массой бедных; между образованными и необразованными; между городскими и сельскими жителями; между космополитами, националистами и нативистами; между современностью и традицией; между управляющими и управляемыми [5].

Анализируя ситуацию в современной России, эксперты отмечают, что ее строительство «ведется новой генерацией русских, сформировавшейся на руинах традиционного общества. Это генерация мегаполисов, массовой культуры, потребительских ценностей, крайнего индивидуализма, который компенсируется патриотической риторикой скорее на парадном уровне, чем обуславливает массовое поведение» [2]. Модернизация в стране проходит в «социальных коконах», и чем интенсивнее она осуществляется, тем интенсивнее разрушается общая социальная ткань. Механических изменений экономического и технологического характера для преобразования общества оказывается недостаточно. Требуется интериоризация в индивидуальном и массовом сознании социокультурных ориентаций, конституирующих обновляющийся социум. И сегодня фокус внимания смещается с технологической стороны модернизации к ее субъектам и тем характеристикам, которыми они должны обладать.

Проект «российской органической модернизации» [2] требует формирования новой национальной идентичности. И здесь мы сталкиваемся с дилеммой традиции-новации в общественном сознании. Так, признавая ведущую роль, которую в процессе модернизации играют правительства, политические-элиты, государство обществ-последователей, Р. Бендикс подчеркивает стратегическую роль образования и образованных людей, стремящихся использовать передовые идеи и технику в целях осуществления модернизации и примирить силу, проявленную обществом-пионером, с ценностями, заложенными в местной культурной традиции [5].

Существует представление, согласно которому модернизация сопровождается распространением новой культуры — культуры «модернити», предполагающей, что в индивидуальном и массовом поведении преобладают рационалистические действия, утверждаются «достижительные» ориентации, снимаются традиционалистские барьеры и традиционалистские способы регуляции, формируется новый тип человека, готового к постоянным переменам и способного их инициировать [1].

Движущей силой модернизации при этом должны выступать не только представители политического класса, но и акторы особого типа — «креативный класс», включающий носителей особого типа социального поведения — инновационного, «венчурного», склонного к риску и самоорганизации, способного создавать необходимые формы солидарности, основанные на инициативе и доверии [3].

Культурные разрывы, имевшие место в нашем обществе в XX веке поставили под угрозу социальную самоидентификацию множества россиян, способствовали развитию безразличия, социальной апатии, идеологического нигилизма. С другой стороны, возникший идеологический вакуум стал быстро заполняться вновь актуализируемыми идеями национальной и религиозной нетерпимости, межэтнической враждебности, и этому сопутствует стремление конструировать со стороны властных групп соответственно интерпретируемыми национальными и религиозными традициями [4]. Определяющим для будущего нации представляется осмысление и восстановление традиций как значимого агента социальной интеграции при одновременном критическом переосмыслении традиционалистски-ориентированных идеологем, служащих обоснованием межнациональной и межкультурной розни.

Таким образом, подводя итог рассмотрению сущности модернизации, ее особенностей на современном историческом этапе, а также принимая во внимание специфику исторического пути России, можно заключить, что модернизацию российского общества следует начинать с определения системы основных духовно-нравственных и мировоззренческих ценностей и создания механизма их воспроизводства. На наш взгляд, реализация этих задач теснейшим образом связана с созданием эффективного механизма социального контроля.

Социальный контроль в самом широком смысле мы понимаем как механизм поддержания стабильного функционирования общественной системы. Его неотъемлемыми элементами являются нормы поведения членов общества и те

ценности, в которых они укоренены. Стратегия модернизации, того или иного преобразования существующего порядка, как было показано выше, с необходимостью затрагивает и ценностно-нормативную систему сообщества, и систему социального контроля, который должен подстраиваться под изменяющиеся условия. В противном случае работа социального контроля будет тормозить модернизацию или даже препятствовать ей, поскольку он по природе своей ориентирован на традицию и определяемый ей идеальный образец порядка.

Социальный контроль, понимаемый широко, не просто ограждает общество от девиантного поведения, но и участвует в создании благоприятных условий для нормативного поведения, а значит, может и должен способствовать следованию заданному курсу общественных преобразований.

Разработка проекта модернизации, пожалуй, самый важный ее этап, поскольку именно он задает стратегическое направление общественных трансформаций, во многом определяя будущее страны и народа. Однако для решения поставленных задач требуется отлаженная работа механизма социального контроля, позволяющего координировать действия всех агентов модернизации, отслеживать ее курс и сигнализировать о возможных отклонениях.

Концепция социального контроля дискуссионна и распадается на консенсусный и конфликтный подходы. Признание упорядоченности социальных отношений и взаимодействий на основе комплекса норм и ценностей влечет за собой понимание социального контроля как механизма саморегуляции социальной системы, нацеленного на поддержание порядка посредством стимулирования нормативного поведения и ограничения отклоняющегося. В рамках же конфликтного подхода социальный контроль является элементом подавляющего управленческого воздействия господствующей группы на подчиненных. В реальности эти теоретические модели присутствуют одновременно, проявляясь в различных сочетаниях. Учитывая, что для решения задач модернизации в стране должны присутствовать, как единство активной части общества, готовой сознательно и в течение длительного времени осуществлять стратегию модернизации как свой главный материальный интерес, так и стратегически мыслящая элита, направляющая ход преобразований, оба механизма социального контроля должны функционировать одновременно и слаженно.

Однако в России традиционно именно политическая система определяет вектор не только политических, но и социальных, экономических, культурных изменений. А значит, актуализируется именно реализация социального контроля властной элитой. Роль властных субъектов модернизации возрастает еще и в силу того, что страна пережила «разтрадиционивание»[2], а новая национальная идентичность только начинает складываться; на лицо усиление конфликтного потенциала модернизации (напряженные отношения между этническими, социально-экономическими группами). При этом чтобы не дискредитировать свои цели перед лицом большинства граждан, эта элита должна быть не только стратегически мыслящей, но и социально ответственной [1]. Механизм социального контроля в любой момент может быть узурпирован властной группой и превращен в инструмент поддержания ее господствующего положения. Поэто-

му дабы не подпасть под давление частных интересов узкой группы лиц, процесс преобразования общественной жизни необходимо соотносить с внешним абсолютом. Это позволит четко представлять направление и цель пути, что необходимо, поскольку мы изменяем традицию, ранее обеспечивавшую стабильность общества, и формируем базу для новой, той, что передадим грядущим поколениям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондаренко В.И. Основные противоречия и факторы модернизационных процессов российского общества // Сорокинские чтения — 2010: Сборник тезисов. М.: МАКС Пресс, 2010.
2. Бызов Л.Г. Эпоха Путина: от кризиса ценностей к кризису институтов // Свободная мысль. 2008. № 4.
3. Комф Е.В. Модернизация: цели и субъекты // Сорокинские чтения — 2010: Сборник тезисов. М.: МАКС Пресс, 2010.
4. Лыкова В.В. Социокультурные традиции современной России: синтез традиционализма и постмодернизма? // Сорокинские чтения — 2010: Сборник тезисов. М.: МАКС Пресс, 2010.
5. Полякова Н.Л. Исследование форм и процессов модернизации: вклад исторической социологии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 4.
6. Попов А.В. Специфика информационной модернизации в современном обществе // Сорокинские чтения — 2010: Сборник тезисов. М.: МАКС Пресс, 2010.
7. Федотова В.Г. Глобальный мир и модернизация // Философские науки. 2000. № 1.
8. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996.

Н. А. Окулова

СОЦИАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Высокий уровень социально-территориальной идентификации населения определяет сплоченность общества, что во многом обуславливает успешное развитие территории, на которой оно проживает. Низкий уровень идентификации населения ведет к разобщенности и социально-территориальному расколу. Поэтому в период нестабильности, связанной как с мировым финансово-экономическим кризисом, а также со становлением ценностных ориентиров в постсоветском обществе, высокой имущественной дифференциацией, когда возможны любые пути развития, вопросы об идентификации людей обостряются. Обостряются потому, что социально-территориальная идентификация является изменчивой категорией и зависит от многих факторов, как объективных (доход, образование и др.), так и субъективных (личностная самоидентификация) [1; 185].

Согласно Н.А. Ивановой идентификация это динамическое, прижизненно формирующееся в ходе взаимодействия, социального сравнения и активного

построения социальной реальности целостное образование, выступающее как система ключевых социальных конструктов субъекта [2; 89-100].

Кризисные явления 2008-2009 гг. затронули многие стороны жизни населения. Снижение уровня жизни населения заставило людей заново переосмыслить свою идентичность. Данные процессы проистекали на фоне общероссийских тенденций снижения социально-территориальной идентичности. Так, согласно всероссийскому мониторингу «Ценности и интересы россиян» интенсивность близости россиян, будь-то личностная или профессиональная, имущественная или поселенческая, а также другие виды слоевой близости ослабевают. Примечательно, что общечеловеческая и общесоюзная близость возрастают, в то время как другие виды идентификационной близости снижаются [3; 22]. Причиной этого является глобализация, которая стирает территориальные границы. Общество идет по пути развития индивидуализации, что также ведет к разобщению людей. Мировые социально-экономические и культурные веяния накладывают отпечатки на социально-территориальную идентификацию населения.

Рассмотрим социально-территориальную идентичность населения Вологодской области как позицию индивидов по отношению к жителям определенных территорий, эмоциональное или иное отождествление или противопоставление себя им, иначе говоря, согласно чувству принадлежности к различным группам. Жители Вологодской области, отвечая на вопрос: «В какой мере Вы чувствуете свою близость или отдаленность («свое» — «чужое») с жителями различных типов мест выразили следующие чувства близости и отдаленности[6].

Наибольшую близость население региона испытывает к жителям поселения, в котором живет (в 2010 г. — 62%; рис. 1), что вполне предсказуемо. Поселение это первичная или локальная территориальная общность, место с которым человек непосредственно связан не только территориальными, но и родственными, дружескими и прочими узами. Поселенческая близость является наиболее интенсивной и в других регионах РФ. Только каждый 11 говорит об отчужденности по отношению к своим землякам.

Региональная сплоченность проявляется слабее поселенческой, но чувство близости преобладает над отдаленностью (37 и 21% соответственно). Отметим, что насколько высока региональная идентификация, настолько же сильна отчужденность между жителями всей России (неизменный показатель 2008-2010 гг. — 37%). Кроме того, жители всей Земли (34-35%) менее чужды жителям региона, чем жители бывших республик СССР (38%).

---

[6] Выборка исследования: опрос в Вологодской области проводился ИСЭРТ РАН в 2008 и 2010 гг. В выборке участвовали гг. Вологда, Череповец, а также Грязовецкий, Никольский, Тарногский, Великоустюгский, Бабаевский, Вожегодский, Кирилловский, Шекснинский районы. Объем выборочной совокупности составил 1500 человек. Ошибка выборки составляет 3%.

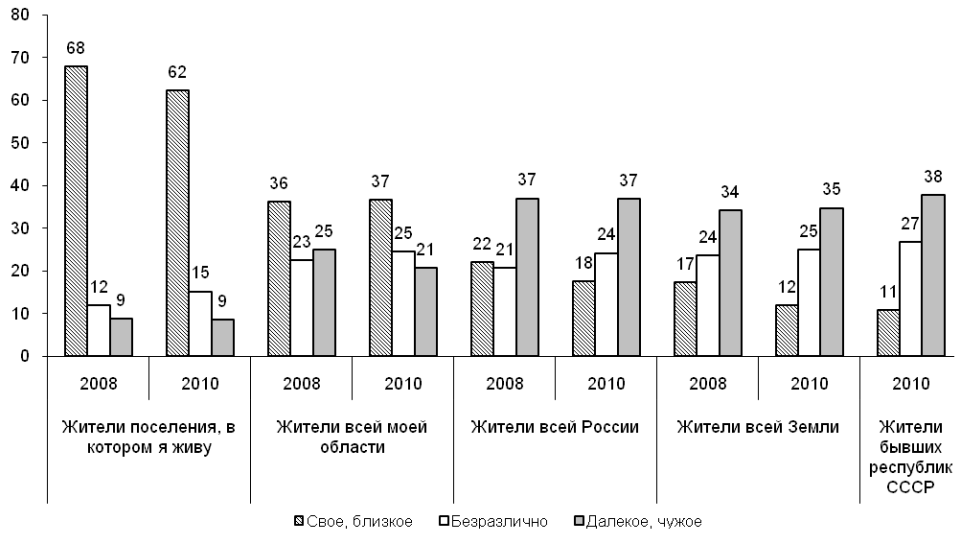


Рис. 1. Чувства близости или отдаленности жителей региона с жителями территориальных общностей/сообществ в 2008 и 2010 гг., в %

Источник: данные опроса «Социокультурный портрет региона», проведенного ИСЭРТ РАН в 2008 и 2010 гг.

В целом в Вологодской области можно выделить три уровня идентичности. Первый уровень, наиболее высокий, включает поселенческую идентичность (интенсивность — выше среднего). Второй — региональную, где интенсивность идентичности населения остается ниже среднего. Третий уровень объединяет в себе общероссийскую и общечеловеческую идентичность, а также идентичность с жителями бывших союзных республик, который является низким, при этом интенсивность отдаленности считается выше среднего.

Около четверти населения региона проявляют безразличие, как к жителям всей области, так и жителям России, бывших союзных республик и всей Земли. При этом интенсивность безразличия за период 2008-2010 гг. несколько увеличилась (на 1-3%).

Наиболее точно степень идентификации выражает коэффициент интенсивности близости (Киб; табл. 1). В 2010 г. он зафиксировал снижение поселенческой близости (с 7,7 до 7,23 ед.) и повышение региональной (с 1,45 до 1,76 ед.).

В условиях обстановки всеобщего напряжения люди склонны объединятся для ее преодоления. Так, финансово-экономический кризис повлек за собой повышение региональной сплоченности. Жителей региона сплотили не только трудности финансового характера, но и сочувствие к тем, чей социальный статус пошатнулся, внутренняя тревога из-за обострения региональных проблем и угрозы над будущностью территории. Таким образом, общие переживания усилили чувства региональной сплоченности.

Таблица 1

Социально-демографический портрет населения Вологодской области по коэффициенту интенсивности близости в 2008 и 2010 гг.

Критерии	Годы								
	Жители поселения, в котором я живу		Жители всей моей области		Жители всей России		Жители всей Земли		Жители бывших республик
	2008	2010	2008	2010	2008	2010	2008	2010	2010
Коэффициент интенсивности близости (Киб)	7,70	7,23	1,45	1,76	0,51	0,34	0,51	0,34	0,29
Пол									
Мужской	8,64	7,91	1,67	1,84	0,60	0,52	0,50	0,29	0,28
Женский	7,09	6,80	1,30	1,71	0,59	0,44	0,51	0,38	0,29
Возраст									
До 24 лет	9,26	6,57	1,73	1,79	0,63	0,56	0,55	0,30	0,33
25–34 года	5,34	6,11	1,68	1,82	0,69	0,50	0,58	0,24	0,28
35–44 года	10,91	7,02	1,31	1,52	0,73	0,58	0,56	0,28	0,39
45–54 года	8,41	5,96	1,64	1,68	0,55	0,24	0,52	0,22	0,24
Старше 55 лет	7,32	10,58	1,22	1,98	0,48	0,57	0,41	0,37	0,42
Уровень образования									
Без образования	2,60	28,65	0,60	2,99	0,31	0,56	0,28	0,42	0,43
Незаконч. среднее	31,24	8,45	0,71	2,03	0,36	0,54	0,42	0,30	0,32
Среднее общее	6,28	7,49	1,51	1,93	0,72	0,45	0,65	0,31	0,34
Нач. специальное	17,68	8,17	4,60	1,57	0,92	0,53	1,01	0,39	0,41
Ср. специальное	5,68	6,04	1,33	1,67	0,52	0,42	0,44	0,27	0,29
Незаконч. высшее	34,73	9,35	2,53	3,19	1,00	1,0	0,77	0,58	1,1
Высшее	9,41	6,24	1,50	1,36	0,58	0,43	0,45	0,14	0,24
Послевузовское	8,04	3,51	2,0	2,33	0,40	0,25	0,40	0,14	0,75
Материальный уровень									
«Нищие»	8,19	5,81	1,48	1,63	0,68	0,53	0,68	0,47	0,48
«Бедные»	13,02	4,31	1,64	1,46	0,79	0,53	0,77	0,39	0,47
«Необеспеченные»	8,00	6,44	1,47	1,64	0,69	0,35	0,45	0,22	0,25
«Обеспеченные»	9,92	14,1	1,44	2,25	0,49	0,44	0,44	0,18	0,24
«Зажиточные»	4,37	8,56	1,36	1,69	0,46	0,77	0,39	0,39	0,52
«Богатые»	0,93	2,99	0,53	1,6	0,41	0,83	0,24	0,60	0,5
Тип поселения									
Деревня, село	4,15	8,21	1,18	1,57	0,55	0,44	0,52	0,33	0,37
Рабочий поселок	8,81	3,84	1,44	0,73	0,48	0,29	0,40	0,13	0,11
Малый город	6,76	5,37	0,91	1,21	0,37	0,58	0,30	0,27	0,25
Крупный город	12,61	8,02	1,95	2,23	0,74	0,49	0,62	0,29	0,37

Источник: данные опроса «Социокультурный портрет региона», проведенного ИСЭРТ РАН в 2008 и 2010 гг.

Поселенческая, как и другие виды идентификации отражают социальные интересы населения. Как уже говорилось, социально-территориальная иден-

тичность находится в зависимости от многих факторов: социальный статус, материальное положение, образовательный уровень, трудовая деятельность человека.

Интенсивность поселенческой, региональной, общероссийской идентификации выше у мужчин, чем у женщин. В 2010 г. наиболее высокая поселенческая идентификация была зафиксирована у людей старше 55 лет, без образования, «обеспеченных», проживающих в сельской местности. Региональная идентичность более всего проявляется у людей старше 55 лет, «обеспеченных», проживающих в крупных городах региона. Общероссийская идентификация наиболее интенсивна у людей 35-44 лет без образования, «богатых», т.е. тех, кто ни в чем себе не отказывает, проживающих в малых городах области. Общечеловеческая близость, как и близость к жителям бывших республик более проявляется у женщин, старше 55 лет, с незаконченным высшим образованием, «богатых» или «зажиточных», проживающих либо в сельской местности, либо в крупных городах области.

Стоит отметить, что до кризиса социальные характеристики людей, соотносящих себя с жителями своего поселения, отличались. Так в 2008 г. поселенческая идентичность была выше у людей среднего возраста (35-44 лет), с незаконченным высшим образованием, «бедных», проживающих в крупных городах. В период 2008-2010 гг. более всего поселенческая идентичность снизилась у мужчин, у людей 35-44 лет, с незаконченным высшим образованием, «бедных», жителей рабочих поселков и крупных городов, т.е. тех, на кого более всего повлияли кризисные явления. Таким образом, люди, чье благополучие было нарушено, в новых условиях отказываются видеть в поселенческой реальности свои ценности, смыслы существования. Отметим также, что люди, которые привыкли себе ни в чем не отказывать, менее всего отождествляют себя с жителями поселений региона.

Уровень территориальной идентичности зависит от масштаба территории. Возможно, поэтому общероссийская сплоченность слабее региональной и поселенческой. Осмысление людьми социально-территориальной идентичности ведет к укреплению целостности регионального общества.

Социально-территориальные особенности региона во многом формируют идентичность населения. Красивая природа, по мнению населения Вологодской области по-прежнему является ее основной привлекательной чертой. Это отметил каждый второй житель. Доля людей, упоминавших в числе привлекательных черт региона доброту и душевность людей, осталась почти неизменной (27%). Однако такие черты региона, как перспективность для жизни, наличие возможностей для инициативных людей в период 2008-2010 гг., по мнению населения, ослабли.

В то же время увеличилось число людей, затруднившихся назвать привлекательные черты региона. Основным фактором такого положения является влияние финансово-экономического кризиса на социальную жизнь в регионе. Уверенность в перспективности и развитии территории более всего снизилась районах области (10 п.п.), а также в г. Череповец (на 9 п.п.). Тем не менее, г. Че-

реповец остается наиболее перспективным для жизни и применения возможностей инициативными людьми по сравнению с другими территориями региона.

Среди непривлекательных черт региона в период 2008-1010 гг., население стало реже отмечать суровый климат и неприветливость людей. Кроме того, число людей, считающих, что в регионе «заглохла» жизнь, стало несколько меньше. Вместе с тем, жители крупных городов (Вологда и Череповец) имеют обратное мнение. Среди них увеличилась доля людей, считающих, что жизнь в регионе становится неинтересной. Кроме того, увеличилась доля людей, отмечающих, что в регионе не любят инициативу (на 3 п.п.).

В целом чувства людей по отношению к своему региону за период 2008-2010 гг. не претерпели существенных изменений.

Незначительно уменьшилось доля населения, которое радо и в целом довольно тем, что живет в Вологодской области (с 75 до 73%). Однако, доля тех кому не нравится здесь жить, но они привыкли и не собираются уезжать увеличилась на 4 п.п. Отметим, что в г. Череповец и районах области несколько снизились позитивные настроения по отношению к своему региону. В Вологде, напротив, увеличилась доля тех, кто вполне рад, что живет в Вологодской области (с 31 до 39%).

Подводя итог, отметим, что в результате финансово-экономического кризиса в Вологодской области за короткий период (2008-2009 гг.) произошло снижение основных экономических и социокультурных показателей и соответственно смещение идентификационных установок населения. В 2009 г. существенно снизился показатель валового регионального продукта, характеризующего результаты экономической деятельности всех хозяйствующих субъектов региона, благосостояние населения (на 25% в реальном выражении). Соответственно индекс развития человеческого потенциала, характеризующий социокультурную ситуацию в регионе, на треть зависящий от показателя ВРП также снизился (с 0,814 до 0,802). Отметим, также снижение поселенческой идентичности населения (с 7,7 до 7,23 ед.), что в большей мере обусловлено не столько кризисом 2008 г., а сколько общероссийскими тенденциями развития. В то же время кризис показал резервные силы населения, как региональной общности, которая укрепила свою целостность (с 1,45 до 1,76 ед.) на фоне сложной социально-экономической ситуации в регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Корепанов Г.С. Социальное воспроизводство региона: экономико-социологический анализ: монография. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2010. 568 с.
2. Иванова Н.Л. Профессиональная идентичность в социально-психологических исследованиях // Вопросы психологии. 2008. № 1. С. 89-100.
3. Лапин Н.И. Регион как поле социального самочувствия россиян и их отношения к институтам власти // Опыт апробации типовой методики «Социологический портрет региона»: Сборник материалов Всероссийской научно-методической конференции. Ч. II. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2006. 259 с.

Т. С. Ольховик

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР И СРЕДСТВО СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

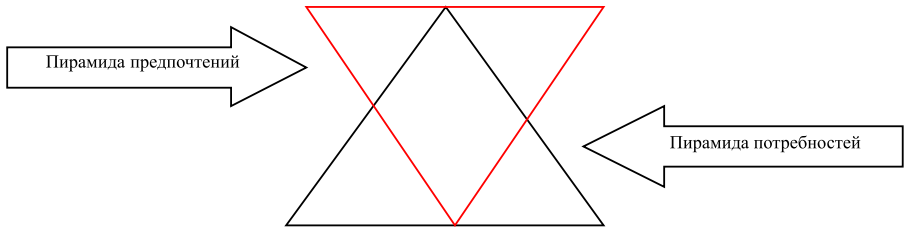
Формирование личности осуществляется в процессе социализации индивида: освоения им социальных ролей по средствам овладения разнообразными видами деятельности.

Человечество нуждается в тысячах умений, способностей и дарований: абсолютный слух или исключительная память, молниеносная реакция, редкие математические или художественные способности, умения анализировать или прогнозировать и т.д. Речь идет не только о скрипачах или математиках, а о каждой из специальностей, востребованной современным обществом.

Социализация охватывает все процессы приобщения к культуре, коммуникациям и научению, с помощью которых человек приобретает способность участвовать в социальной жизни.

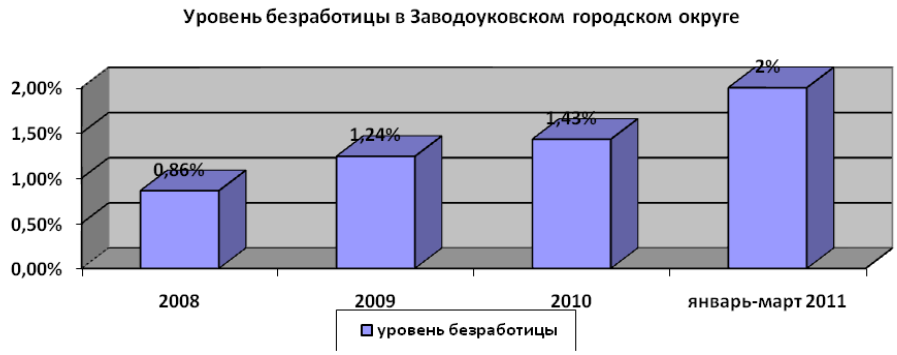
В настоящее время одним из факторов успешной социализации индивида является включение его в систему профессионального образования, среди основных задач которой — реализация потенциальных способностей человека. В более полной же мере развить и реализовать можно только те способности, которые совпадают с кругом интересов отдельного человека, ведь «тот, кто хочет, делает больше, чем тот, кто может» (Г. Мурей).[1, 66] Особенно остро вопрос о соотношении интересов, способностей и системы образования стоит в момент выбора профессии. Поиск своего призвания — дело серьезное. И не только потому, что оно определяет во многом жизнь человека, его будущее, успешную социализацию. Обществу, государству должно быть совсем не безразлично: каково призвание конкретного человека? Ведь чем меньше процент выбора «не своей специальности», тем больше процент талантливых профессионалов. В большей части экономическая сфера определяет содержание профессионального образования в плане дисциплин и спектра специальностей и профессий.

Если сравнивать две пирамиды: пирамиду потребностей общества в кадрах и пирамиду престижных с точки зрения молодежи профессий, — то они будут зеркальным отражением друг друга. В основании пирамиды потребностей общества будут находиться самые непривлекательные профессии (например, разнорабочие), а на вершине, конечно, профессии, представителей которых обществу требуется не так численно много (например, дипломаты). В пирамиде предпочтений молодых людей все с точностью наоборот. На вершине число желающих значительно превышает число вакансий, а у основания меньше всего желающих получить профессии низкой привлекательности (см. рис.).



Данная картина непосредственным образом отражается на процессе социализации, поскольку предопределяет серьезные социальные проблемы, за которыми стоят судьбы конкретных людей. Например, уровень безработицы, порождающий социальную напряженность. Д. Медведев в рамках рабочей встречи с заместителем председателя Правительства РФ А. Жуковым 10 февраля 2011 года акцентировал внимание на то, что уровень безработицы связан с тем, на какие специальности ведется набор в ВУЗах страны, что количество мест должно быть связано с рынком труда.[3] Помимо этого, для решения проблемы представляется необходимым и осознание зависимости престижности профессии от уровня мастерства того, кто этой профессией владеет. Быть хорошим слесарем, юристом, врачом, педагогом гораздо престижнее, чем безликим артистом, посредственным учителем, безынициативным администратором.

По данным Центра занятости в период с 2008 года по март 2011 года безработица среди молодежи в Заводоуковском городском округе имеет тенденцию к увеличению (см. график).



Численность безработных в г. Заводоуковске составляет 458 человек, из них 100 человек в возрасте от 16 до 30 лет. [5]

Вакансии, которые предлагает Центр занятости Заводоуковского городского округа можно разделить на три большие группы:

1. Медицинские работники (врач терапевт, медицинская сестра, фельдшер).
2. Преподаватели в общеобразовательных учреждениях (преподаватель в средней школе, преподаватель в начальной школе).
3. Разнорабочие (грузчик, повар, механик, дворник, продавец, электромонтер и др.).

Социально-профессиональное самоопределение возможно при равноправном взаимодействии личности и общества, в лице различных социальных институтов (семья, школа, институт), ответственных за решение данной проблемы, на определенных этапах развития человека, оптимально соответствующим его личностным особенностям и запросам рынка труда в конкурентоспособных кадрах.

Реализация предпрофильной подготовки, профильного обучения в общеобразовательных учреждениях Заводоуковского городского округа осуществляется через построение индивидуально-групповых траекторий обучения в рамках вариативной части учебного плана.

Показатель охвата профильным обучением (реализуется внутришкольная модель) является низким: 2008-2009 учебный год — 13,6%, 2009-2010 учебный год — 8,1% (снижение по отношению к предыдущему периоду — на 5,5%), в 2010-2011 учебном году профильные классы не функционируют (в связи с отсутствием запроса обучающихся). Сложность организации профильного обучения в рамках одного образовательного учреждения обусловлена также низким показателем «Доля муниципальных общеобразовательных учреждений с числом учащихся на 3-й ступени обучения (10-11 классы) менее 150 человек в городской местности и менее 84 человек в сельской местности в общем числе муниципальных общеобразовательных учреждений» (на основании методики Указа Президента РФ от 28.04.2008 № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов»). Динамика показателя (по годам) представлена следующим образом: 2008 г. — 77,8%, 2009 г. — 72,2%; в перспективе на ближайшие плановые периоды (в том числе с учетом отсутствия системных структурных изменений в сети учреждений, а также — увеличения контингента обучающихся) данный показатель имеет стабильное минимальное (с точки зрения эффективности) значение — 100%.[2]

Сейчас образование должно стать не только средством получения знаний, но и фактором изменения положения человека в социальной, культурной сфере, обеспечивать пригодность человека к деятельности в новых для него условиях труда и производства. Сам по себе уровень образования не является гарантом трудоустройства и реализации жизненных планов. Так, в ряду безработных жителей Заводоуковского городского округа 52 человека с высшим профессиональным образованием, 116 человек имеют среднее профессиональное образование, 89 — начальное профессиональное, 116 — среднее (полное) общее образование, 78 — основное общее, 7 безработных — не имеют основного общего образования. [5]

Через культурно-воспитательную функцию образование оказывает влияние и на духовную жизнь общества. Вместе с тем, что оно создает социально-профессиональную структуру общества, выступая фактором социальной мобильности и социальных перемещений, образование формирует гражданина своей страны. Свидетельством развитого государства всегда будут выступать уровень образования населения, его качество и значительность охвата. Знания в самом широком смысле этого слова являются все более возрастающей ценностью.

Процесс социализации продолжается всю жизнь. Известно, что и образование, полученное человеком, достигло своей цели, когда человек настолько со-

зрел, что обладает силой и волей самого себя образовывать в течение дальнейшей жизни и знает способ и средства, как он это может осуществить. Важность непрерывного профессионального образования, предполагающего обучение, повышение квалификации, а в ряде случаев, и переподготовку, неоспорима. При этом необходим постоянный мониторинг рынка труда и оценка перспектив его изменения, на основе которых система профессионального образования должна постоянно корректировать структуру профессий, предлагаемых в учебных заведениях.

Проблема социализации молодежи приобрела сегодня исключительную значимость. Общество не в полной мере справляется с задачами социализации молодежи, — это очевидный факт. Реальная практика последних лет показала, что возросла нагрузка на образовательные учреждения страны всех уровней.

Образование является одним из определяющих, главных средств социализации, главным инструментом культурной преемственности поколений. Образование выступает одновременно и как фактор, и как средство социализации. Оно влияет на предпочтения людей в выборе жизненно важных ценностей, на их самоопределение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пекелис В.Д. Твои возможности, человек: изд. 4-е, перераб. и доп. М.: Знание, 2000. 272 с.
2. Качественные итоги реализации «Комплексной программы развития образования Заводоуковского городского округа на 2006–2010 годы», утвержденной постановлением главы администрации Заводоуковского городского округа от 03.05.2006 № 543; приоритетные направления работы, задачи на плановый период 2011-2013 гг. // Архив Администрации Заводоуковского городского округа, 2011.
3. Материалы рабочей встречи Д. Медведева с заместителем председателя Правительства А. Жуковым, 10.02.2011. [Электронный ресурс] http://www.kremlin.ru/news/10299.
4. Публичный доклад комитета образования о развитии системы образования Заводоуковского городского округа за 2010 год // Архив Администрации Заводоуковского городского округа, 2011.
5. Сведения о предоставлении государственных услуг в области содействия занятости населения за январь — март 2011 года // Архив Центра занятости Заводоуковского городского округа, 2011.

Т. С. Ольховик, К. К. Койше

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ РЕГИОНАХ

Наличие сложнопостроенных субъектов в составе Российской Федерации является одной из особенностей российской модели федерализма. Эта характерная черта есть не что иное, как следствие генезиса статуса национальных округов, создаваемых в СССР в 20-30-е гг. для сохранения самобытного

образа жизни, культурного и экономического развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Таким образом, ретроспективный анализ позволяет сделать вывод, что первопричиной многих современных противоречий внутри сложнопостроенных субъектов федерации является национально-территориальный принцип деления страны (СССР, в последствии России).

Характерная особенность мультиэтнической России, проявляется в том, что в большинстве случаев титульные нации не составляют большинства населения данного субъекта. Это подтверждается тем фактом, что из 21-й республики только в 5-ти титульная нация представляет собой абсолютное большинство: в Дагестане — 80%, Северной Осетии — 53%, Туве — 64%, Чечне — 58%, Чувашии — 68%. [4; 17] Русские составляют абсолютное большинство в 9 республиках: в Адыгее — 68%, Республике Алтай — 60%, Бурятии — 70%, Карелии — 74%, Коми — 58%, Мордовии — 61%, Удмуртии — 59%, Хакасии — 79%, Якутии – 50%.[4; 17] В еще трех республиках русские по численности превосходят титульные нации: в Башкортостане — 22% башкир и 39% русских, Карачаево-Черкесии — 31% карачаевцев, 10% черкесов и 42% русских, в Марий Эл — 43% марийцев, 47% русских. [4; 17] В совокупности коренные этносы составляют лишь треть населения республик. И в автономных округах коренные народы составляли и составляют отнюдь не подавляющее большинство населения.

В советское время по этническому составу автономных округов Севера можно было судить о степени их промышленного освоения. Минимальную долю титульного населения имели те округа, где наиболее интенсивно развивалась добыча природных ресурсов, сопровождавшаяся мощным притоком мигрантов (нефтегазодобывающие округа Тюменской области, Чукотский автономный округ). В слабоосвоенных автономных округах доля коренных народов Севера была существенно выше (Корякский, Эвенкийский автономные округа). Однако массовый миграционный отток в 90-х гг. изменил ситуацию, доля титульных этносов выросла в 1,5-3 раза и стала примерно равной почти во всех северных округах, за исключением наиболее благополучных Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского, которые продолжают притягивать мигрантов.[7] Можно также отметить, что показатели концентрации титульного населения в этих округах почти не менялись, так как эти народы в миграционном отношении малоподвижны, хотя многие ведут кочевой образ жизни.

Существующий в Российской Федерации субъектный и видовой состав со всей ясностью демонстрирует массив противоречий, среди которых статус сложнопостроенных субъектов, особая политико-правовая и социально-экономическая связь между составными частями «матрешек». В недавнее время возросший интерес к данному виду субъектов был связан с преобразованием государственного устройства, предусматривающим упразднение существующих сложноустроенных субъектов Российской Федерации и образование на их основе новых субъектов федерации.

Укрупнение, объединение субъектов Российской Федерации стало возможным с момента принятия в 2001 году Конституционного Закона «О порядке

принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации»[1].

Процесс укрупнения определяется И.Г. Косиковым, как процесс объединения (слияния) нескольких соседних субъектов Федерации и создание на этой основе новых, более крупных образований, что сопровождается утратой прежними регионами их самостоятельного юридического статуса[6; 125]. Итогом процесса укрупнения он видит сокращение общего числа регионов в стране при одновременном увеличении их территориальных размеров и численности населения.

Однако, данное понимание процесса укрупнения по отношению к сложноустроенным субъектам не совсем корректно, поскольку составные части и целое нельзя назвать «соседними субъектами». В то же время рассмотрение такого итога, как «увеличение территориальных размеров и численности населения» в реформированных сложноустроенных субъектах противоречит Постановлению Конституционного Суда РФ от 14 июля 1997 г. № 12-П. Ведь согласно данному постановлению, вхождение автономного округа в состав края, области означает наличие у края, области единых территории и населения, составными частями которых являются территория и население автономного округа [2].

Таким образом, современная федеративная реформа в части преобразования сложноустроенных субъектов должна рассматриваться как процесс слияния (объединения), и этот процесс следует разводить с процессом укрупнения регионов.

При укрупнении субъектов неизбежно возникает проблема межнациональных противоречий. Например, на Северном Кавказе любая попытка создать укрупненные субъекты будет неизбежно осложнена влиянием национального и исторического самосознания проживающих там народов.

С учетом вышеназванных проблем, необходимо выработать объективные критерии процессов реформирования (реструктурирования) российского государственного устройства и укрупнения регионов. Такими критериями могут являться:

1) Установление масштаба новых регионов, соответствующего потребностям их эффективного жизнеобеспечения и управляемости, не допускающего ни чрезмерного дробления территориальных единиц.
2) Сохранение исторических связей между регионами, а также сложившихся хозяйственных комплексов и связей
3) Учет мнения и интересов жителей регионов, которые предполагается объединять.
4) Учет существующих противоречий и конфликтов интересов в исторически многонациональных регионах.
5) Упрощение и повышение надежности и эффективности всей системы общегосударственной власти.

Ряд авторов, выступающих против объединения Тюменской области, например Т.А. Алексеева, И.М. Бусыгина, обращают внимание на проблемы коренных народов и народностей. По их мнению, поскольку в автономных округах

проживают коренные народы и народности, в укрупненном субъекте федерации они оказываются недопредставленными сразу по нескольким основаниям:

- уменьшается их доля в структуре корпуса избирателей укрупненного субъекта федерации (для малочисленных хантов, манси, ненцев и селькупов уменьшение будет особенно сильным);
- уменьшается возможность хоть как-то влиять на процесс принятия решений в укрупненном субъекте федерации;
- для исправления такой ситуации могут быть приняты меры позитивной дискриминации, например, за представителями коренных народов и народностей будет закреплено больше мест. Структура представительства усложнится, потеряет стабильность и эффективность [3; 97].

Однако данный аргумент не должен восприниматься в демократичном российском обществе, как основание для отказа от идей объединения области и автономных округов. Поскольку в многонациональной Российской Федерации во главу угла не должен ставиться национальный аспект, иначе это может вызвать более серьезные проблемы, чем надуманное «недопредставительство». К тому же, как отмечалось ранее, доля коренного населения даже в границах автономий не составляет большинства. Так, в ХМАО-Юрга — ханты 1,2%; Манси 0,7%; ЯНАО — Ненцы 5,2% [7]. Ко всему прочему, никто не лишает права голоса коренные народности, а демократические выборы способны обеспечивать учет их интересов.

В то же время, слияние регионов оправдано лишь в том случае, если, во-первых, оно отвечает чаяниям населения соответствующих территорий и, во-вторых, обеспечивает гораздо более эффективное использование потенциала объединяющихся регионов, и, следовательно, улучшение условий жизни людей. Но не следует превращать объединение субъектов Российской Федерации ни в самоцель, ни видеть в ней исключительно правовую, административную, управленческую меру.

Очевидно, что наиболее вероятным в настоящее время представляется развитие сценария предполагающего постепенное нарастание интеграционных процессов. Это соответствует базовым интересам всех заинтересованных политических сил. Главные преимущества этого варианта в том, что он гарантирует минимум потрясений и перемен в политической структуре, обеспечивает улучшение ситуации эволюционным, спокойным путем. Так, развитие отношений между Тюменской областью и округами по данному сценарию в интересах всего населения, которое давно уже привыкло к особенностям жизни в «нестандартном» субъекте [5; 126].

Практика договорных отношений, реализуемая на территории Тюменской области, в настоящее время, позволяет говорить о политическом компромиссе на пути социально-экономической интеграции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ст. 4916.

2. По делу о толковании содержащегося в части 4 статьи 66 Конституции Российской Федерации положения о вхождении автономного округа в состав края, области: постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 1997 г. № 12-П // Российская газета. 1997. 22 июля.
3. Алексеева Т.А. Проблемы территориальной реформы России на примере взаимоотношений Тюменской области с Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким автономными округами / Т.А. Алексеева, И.М. Бусыгина и др. // Полития. 2004. № 2. С. 78-105.
4. Гоптарева И.Б. Конституционная составляющая мультиэтнического федерализма / И.Б. Гоптарева // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 5. С. 15-19.
5. Государственное строительство в сложнопостроенных субъектах (на примере Тюменской области): экспертно-аналитическая оценка / С.С. Артоболевский, В.Н. Бойцова, Л.В. Бойцова, М.А. Краснов и др. М., 2000. 224 с.
6. Косиков И.Г. Исчезающие субъекты Федерации: российские автономии в контексте федеративной реформы / И.Г. Косиков // Россия и современный мир. 2007. № 2. С. 125-141.
7. Национальный состав автономных округов по данным переписей населения 1989 и 2002 года [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.socpol.ru/atlas/print.asp?f=/atlas/overviews/settlement/index.shtml

Л. Б. Осипова

СОВРЕМЕННЫЙ АСПЕКТ ГРАЖДАНСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ

Современные процессы, протекающие в России, кардинально изменили социально-экономические и политические отношения. Противоречие между огромным гражданским потенциалом российского общества, его ресурсным богатством и современным уровнем их использования не только не преодолено, но и продолжает усиливаться и принимать опасные размеры. Снизилась эффективность политической и государственной власти. Демократические преобразования воспринимаются как вседозволенность, произошла девальвация ценностей долга, ответственности, добросовестного труда на благо Родины, а так же понятий «народ», «национальный интерес», «патриотизм», «гражданственность». Система политической социализации личности, одним из результатов которой является формирование гражданственности, оказалась разрушенной. Преступность, пассивность, потребительские настроения, скептицизм молодежи есть следствие стагнации общества, а также серьезных недостатков в реализации современных реформ, в процессе социализации и воспитания. Ни власть, ни широкая общественность до сих пор не осознали важности формирования гражданских качеств и гражданского самосознания у субъектов политического процесса.

Стало очевидным, что утверждение гражданственности, как общественно-политического явления — главное средство возрождения России, укрепления российской государственности, достижения согласия (договора) между вла-

стью и обществом, включения жизненных сил граждан в осуществление политических реформ.

В настоящее время проблема гражданского воспитания и становления личности, как гражданина, человека высокой нравственности и морали выдвигается на первый план и становится наиболее значимой для современного общества. Только идея гражданственности способна оживить дух нашего народа и развить гражданскую активность членов общества, активизировать нравственно-политическое поведение граждан, отстаивать его общие ценности, укрепить государство, его целостность.

В своем послании Федеральному Собранию Российской Федерации президент Дмитрий Анатольевич Медведев заявил, что «Россия будет процветающей, демократической страной, сильной и в то же время комфортной для жизни, лучшей в мире для самых талантливых, требовательных, самостоятельных и критически настроенных граждан» [1].

Эффективность процесса формирования гражданственности, воспитание гражданской культуры — необходимое условие для строительства устойчивой социальной и политической системы.

В педагогики существуют различные подходы к толкованию сущности понятия «гражданин». Согласно Словарю В. Даля, слово «гражданин» означает «городской житель, член общины или народа под одним общим управлением, каждый человек или лицо из составляющих народ» [2].

В настоящее время понятие гражданственности включает в себя:

- осознание своей гражданской идентичности — принадлежности к стране, обществу и государству, их правовому, культурному и языковому пространству;
- действенное и критическое отношение к социальной реальности на основе свободного личного выбора, моральных убеждений и побуждений, идеалов равноправия граждан и суверенитета народа по отношению к власти;
- способность вести позитивный диалог с властью, другими гражданами и гражданскими объединениями;
- личную ответственность за свой выбор и свое поведение, осознание необходимых юридических и моральных обязательств перед обществом и государством;
- понимание своих прав и свобод и умение использовать их на практике в рамках уважения прав и свобод других граждан.

Быть гражданином своего Отечества — означает не только являться членом общества, страны, но и глубоко осознавать личную сопричастность своему народу, нести ответственность за все то, что происходит в обществе, стране, деятельно способствовать его прогрессу. Без соблюдения людьми своих гражданских прав и обязанностей невозможно социальное созидание, ориентированное на преднамеренное воспроизводство такого общественного феномена, каким является свобода.

Положение молодежи в современном обществе характеризуется как крайне нестабильное и противоречивое. С одной стороны, она представляет собой са-

мую мобильную, динамичную часть нашего общества; с другой стороны, в силу ограниченного характера ее практической, созидательной деятельности, неполной включенности молодого человека в систему общественных отношений — самую социально неподготовленную, а значит и уязвимую ее часть.

Процесс гражданского становления современной российской молодежи протекает в условиях ломки «старых» ценностей советского периода и формирования новой системы ценностей, в условиях системного кризиса современного российского общества и основных институтов социализации.

Особое значение имеет то обстоятельство, что в силу формирования активной гражданской позиции у молодежи общество приобретает ценнейший компонент созидательного потенциала, который будет определять, прежде всего, его готовность взять на себя ответственность за наше будущее. Формирование молодого человека как личности требует от общества постоянного и сознательно организуемого совершенствования системы гражданского воспитания, преодоления застойных, традиционных, стихийно сложившихся форм.

Преобразования, происходящие в жизни российского гражданского общества, коснулись и системы образования. Сегодня современной школой накоплен богатый педагогический опыт гражданского воспитания, который успешно реализуется в педагогической деятельности.

Необходимость усиления внимания к проблемам гражданского воспитания в современных условиях модернизации образования определяется рядом обстоятельств:

- обновлением системы образования, методологии и технологии организации учебно-воспитательного процесса в учебных заведениях различного типа;
- необходимостью осмысления учащимися процессов, протекающих в обществе, образовании, в изменении самого человека;
- усилением гуманитаризации содержания образования, введением новых учебных предметов, которые требуют постоянного поиска новых организационных форм, технологий обучения;
- изменением характера отношения учителей к самому факту освоения и применения педагогических новшеств;
- созданием новых типов учебных заведений.

Практика подтвердила, что наиболее эффективным методом является привлечение субъектов образовательного процесса к активной совместной деятельности в области гражданско-патриотического воспитания, непосредственно с подросткового возраста. Процесс формирования гражданских качеств у подростков — школьников в возрасте от 10 до 14 лет — протекает гораздо успешнее, в этом возрасте активно формируется и проявляется гражданская активность.

По этому поводу представляет особый интерес высказывание Л.С. Выготского: «Подростковые годы — это период, когда решение проблем перед подростком выдвигает сама жизнь, и решительное вступление его в качестве активного участника в эту жизнь, требует для своего разрешения развития высших

форм мышления. Содержание мышления становится внутренним убеждением говорящего, направленностью его мыслей, его интересом, нормой его поведения, его желанием и намерением».

Формирование гражданской позиции начинается с рождения ребенка и большое значение на ее становление оказывает семья. Именно здесь ребенок постигает первые уроки гражданственности, отношения к своей стране, ее народу. Далее процесс продолжается в школе, где идет сознательное формирование гражданского мировоззрения. Человек нуждается в определенных нравственных ориентирах, в опоре на общечеловеческие ценности с учетом национальных особенностей, тогда как в реальной жизни он зачастую сталкивается с разнообразными нравственными ориентирами, с отсутствием нравственного стержня.

Гражданское воспитание — это система воспитания и обучения личности, предусматривающая создание условий для становления нравственной гражданской позиции, гражданской компетентности и обретения опыта общественно-полезной гражданской деятельности в контексте непрерывного образования. Гражданское воспитание невозможно реализовать через отдельную учебную дисциплину. Это — целостная система, охватывающая все сферы деятельности учебного заведения.

Для того чтобы исследовать вопрос воспитания гражданина в школе, обратимся к наблюдению реальных действий и поступков подростков, отношения к различным ценностям в жизни. Ценности современного гражданина России существенно изменились. Если в конце 90-х годов XX века школьники в качестве примеров проявления патриотизма называли имена П. Корчагина, З. Космодемьянской, Ю. Гагарина, то в наши дни общественный идеал получает иную направленность. Старшеклассники в ряды героев ставят людей предприимчивых, богатых, влиятельных суперменов.

Важнейшим механизмами формирования гражданственности, реализуемыми образовательными учреждениями, является социально-педагогическая деятельность с молодежью и накопленный опыт в сфере социального воспитания. Для России эта область является достаточно новой. Привлечение подростков к совместной деятельности со старшими членами организации в социальных проектах коллектива школы способствуют росту активности, самостоятельности и стремления к общению участников, выстраивает видение новых способов решения жизненных проблем, формирует самосознание и ответственность перед другими. Благодаря развитию у молодежи таких важнейших качеств, как социальная зрелость, ответственность, чувство долга, верность традициям, стремление к сохранению и приумножению историко-культурных ценностей, милосердия, значительно повысится ее готовность к активному участию в основных сферах социально-значимой деятельности.

Сегодня воспитание представляет собой не приспособление подрастающего поколения к наличным формам социального бытия, не подгонку под определенный стандарт. В результате присвоения общественно выработанных форм и способов деятельности происходит дальнейшее развитие гражданской позиции —

формирование ориентации детей на определенные ценности, самостоятельности в решении сложных нравственных проблем. Управление процессом гражданского воспитания предусматривает собой развитие системы задаваемой многоплановой деятельности старшеклассника. Стержнем гражданского воспитания является патриотическое воспитание личности, знающей историю, нравы, обычаи своего народа, уважающей и любящей свою Родину, чувствующей ответственность за нее (рис.1).

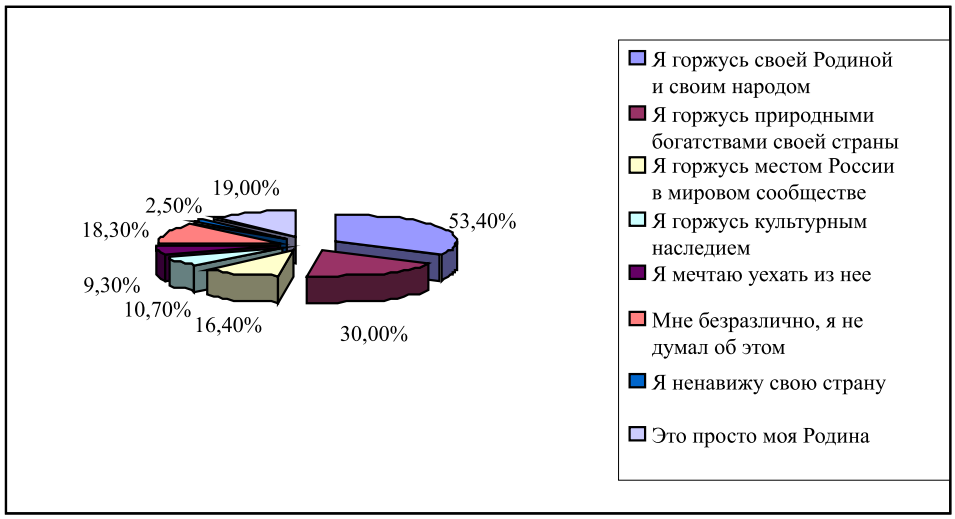


Рис. 1. Динамика отношения подростков к Родине, в % к общему числу опрошенных

На вопрос «Каким Вы видите будущее России?» были получены следующие ответы: высокоразвитой державой мира — 24%; страной со средним уровнем развития — 30%; отсталой страной — 11%; затруднились с ответом — 35%.

Рис. 2. Мнения подростков о будущем России, % от общего числа опрошенных

Большое воздействие на формирование системы мировоззрения молодежи оказывают СМИ. Основными источниками получения информации являются телевидение (63%), газеты, журналы (31%), радио (19%), Интернет (27%), дру-

зья, знакомые (12%). На фоне мировоззренческой неопределенности молодежи, негативного влияния СМИ, непрекращающейся духовной агрессии Запада, насаждения стандартов и психологии общества потребления, происходит нравственная деградация личности и снижение ценности человеческой жизни, идет размывание ценностных основ и традиционных форм общественной морали, снижение интереса молодежи к отечественной культуре, ее истории, традициям, к носителям национального самосознания.

Следует заметить, что продолжает оставаться актуальным вопрос о жизненных перспективах молодежи. По результатам соцопроса наибольшее значение молодежь придает таким социальным ценностям, как семья (72%), работа (68%), друзья (62%), досуг (58%), возможности материально обеспечить свою будущую семью (52%), трудовая занятость (74%), доступность образования (63%). Известно, что каждое новое поколение молодежи уступает в сравнении с предыдущими поколениями по основным показателям социального развития. В обществе, где материальное благополучие и обогащение становятся приоритетными целями его существования, соответствующим образом формируется культура и ценностные ориентации молодых людей. В социокультурных ценностях современной молодежи превалируют потребительские ориентации. В столь непростое время молодые люди поглощены внутренней проблематикой выживания. Они стремятся к такому образованию и культуре, которые помогут добиться им жизненного успеха.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Послание Президента Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http:www.kremlin.ru/sdocs/themes.shtml.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1: Р — V [Текст] / В. И. Даль. М.: Русский язык, 1998. 683 с.

О. В. Остроухов

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПАРАМЕТРОВ

Термин «развитие» часто употребляется в следующих словосочетаниях: экономическое развитие, социально-экономическое развитие, развитие экономики России (или другой страны), развитие региона, города. В каждом случае под развитием обычно подразумевается любое прогрессивное изменение, прежде всего в экономической сфере. Если изменение количественное, говорят об экономическом росте. При качественном изменении речь может идти о структурных изменениях или об изменении содержания развития, или о приобретении экономической системой новых характеристик.

Наряду с чисто экономическими характеристиками нередко рассматривают социальные параметры развития. Более того, социальные характеристики дав-

но уже стали полноправными показателями, оценивающими степень развития любого региона.

В свете трансформационного подхода сущность социальных изменений состоит в том, что российский социум на некоторое время оказался в состоянии социальной неопределенности: прежние институты и отношения были разрушены, а новые, несмотря на громкую политическую декларацию, еще не созданы. Под прежними институтами подразумеваются механизмы тоталитарного правления, тотального государственного контроля, планового управления экономикой, под новыми отношениями — институты демократии и рыночной экономики.

Отличительными чертами российской социальной трансформации служат:

Во-первых, алогичность, хаотичность социальных процессов, затрудняющие социологический анализ, дисфункциональность и рабочая непригодность прежних индикаторных систем.

Во-вторых, переход от одного социального состояния к другому исключительно сложен, он проходит в стране, где нет исторически сложившегося опыта демократического устройства и соответствующих этому опыту моделей и навыков политического и экономического поведения.

В-третьих, длительность и многоаспектность трансформационных процессов сообщают их следствиям безусловную сложность и многовариантность проявлений.

Продолжающиеся изменения общественного уклада затрагивают практически все социальные сферы. Становление новой социальной структуры современного российского общества также имманентно связано с явлениями массовой дизадаптации, с затрудненностью самоидентификационных процессов и неопределенностью социального статуса, ценностей и мотиваций — социальной аномией. В ее основе лежит пограничное, промежуточное, переходное социальное положение, в котором оказалось общество в результате разрушения одной и попыток формирования другой социальной системы.

Развитие всегда имеет направленность, определяемую целью или системой целей. Если эта направленность положительна, то говорят о прогрессе, если отрицательна, то о регрессе, или деградации. Иными словами, природа развития регионов всегда предполагает определенную цель или несколько целей.

Развитие региона — многомерный и многоаспектный процесс, который обычно рассматривается с точки зрения совокупности различных социальных и экономических целей. Даже если речь идет только об экономическом развитие, оно обычно рассматривается совместно с развитием социальным. Социально-экономическое развитие включает в себя такие аспекты, как:

— рост производства и доходов;
— перемены в институциональной, социальной и административной структурах общества;
— перемены в общественном сознании;
— перемены в традициях и привычках.

В настоящее время основной целью устойчивого развития большинства стран мира и их регионов является улучшение качества жизни населения. Поэ-

тому процесс социально-экономического развития включает в себя три важнейшие составляющие:

- повышение доходов, улучшение здоровья населения и повышение уровня его образования;
- создание условий, способствующих росту самоуважения людей в результате формирования социальной, политической, экономической и институциональной системы, ориентированной на уважение человеческого достоинства;
- увеличение степени свободы людей, в том числе их экономической свободы.

Последние две составляющие качества жизни не всегда учитываются при оценке степени социально-экономического развития стран и регионов, однако в последнее время в экономической науке и политической практике им придается большое значение.

Развитие любого региона — многоцелевой и многокритериальный процесс. Содержание развития регионов может сильно различаться. Действительно, развитие, например, Бурятии, Калининградской области, Ямало-Ненецкого автономного округа и Москвы по своему содержанию сильно различаются, и это различие обусловлено не только исходным уровнем развития, но и особенностями каждого региона, его производственной структурой, географическим положением, производственной специализацией и пр.

В качестве целей социально-экономического развития региона используются такие, как увеличение доходов, улучшение образования, питания и здравоохранения, снижение уровня нищеты, оздоровление окружающей среды, равенство возможностей, расширение личной свободы, обогащение культурной жизни. Некоторые из этих целей идентичны, но в определенных условиях они могут иметь существенные различия. Так, ограниченные средства можно направить либо на развитие здравоохранения, либо на охрану окружающей среды. Возникает конфликт между целями развития. В то же время понятно, что чем более чистой будет окружающая среда, тем здоровее будет население и тем в большей степени будет достигнута конечная цель — здоровье людей. Поэтому в данном случае конфликт между целями не носит абсолютно неразрешимого характера. Однако в других случаях конфликт целей развития требует особого рассмотрения и специальных методов разрешения.

Определение целей является главным и начальным периодом управления, социальное управление не является исключением. В социологии под целеполаганием понимают процесс обоснования и формирования целей развития управляемого объекта на основе анализа различных общественных потребностей (в продукции, услугах, качестве социальных связей и т.д.), исходя из реальных возможностей их наиболее полного удовлетворения.

В социальных системах воздействие субъекта управления на объект не только не является стихийным, случайным, напротив, стремится к максимальной целесообразности и последовательности. Как видим, уже само целеполагание является средством, которое оказывает воздействие на людей, их поведение и

жизнедеятельность в прямо пропорциональной зависимости между поставленными целями и интересами личности, каждого человека, его ценностям, убеждениям, мировоззрениям, коренным жизненным интересам.

В свою очередь, источником активности являются стимулы — движущая сила и причина активности. Они подразделяются на: внешние и внутренние; позитивные и негативные; объективные и субъективные; материальные и духовные; осознанные и неосознанные. Понимая это, можно моделировать различные системы стимулирования. Иными словами, предоставляя какие-либо жизненные гарантии по результатам активных действий в соответствии с поставленной целью, можно эффективно управлять социальными процессами, социальным поведением.

Еще большее отношение к целеполаганию имеет мотив, исходя из того, что если стимул содержит в себе и причину и цель активности в их нерасчлененном виде, а цель не всегда может быть осознанной, то мотив активно включает сферу сознания, идеальный образ, что делает саму активность более целесообразной, эффективной. Отсюда делаем вывод, что мотивация к деятельности — это качественно иной способ стимулирования активности, который включает в себя все сущностные силы личности: ценности, идеалы, мировоззрение, направленность человека, «Я-концепцию» и т.п. Таким образом, необходимо все более полное использование человеческого фактора, ресурса личности в социальном управлении; ценностно-смысловые мотивации, суждения людей об уровне своего благополучия или неблагополучия могут использоваться для моделирования социальных процессов и для формирования новых ориентиров в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления.

Соответственно целям развития региона строится система критериев (характеристик развития) и показателей, которые измеряют эти критерии. Несмотря на некоторые различия между странами и регионами в иерархии ценностей и в целях развития, международные организации оценивают степень развития стран и регионов по некоторым универсальным интегральным показателям. Одним из таких показателей является индекс развития человека (ИРЧ), разработанный в рамках Программы развития ООН. Данный показатель ранжирует страны по восходящей от 0 до 1. При этом для расчета используются три показателя экономического развития:

— ожидаемая продолжительность жизни при рождении;
— интеллектуальный потенциал (грамотность взрослого населения и средняя продолжительность обучения);
— величина душевого дохода с учетом покупательной способности валюты и снижения предельной полезности доходов.

В межрегиональном сравнении, точно так же, как и в международном анализе, можно использовать индекс развития человека и другие аналогичные показатели.

Наряду с интегральным показателем можно использовать отдельные частные показатели развития региона. Среди них:

— национальный доход на душу населения;

— уровень потребления отдельных материальных благ;
— степень дифференциации доходов;
— продолжительность жизни;
— уровень физического здоровья;
— уровень образования.

Критерии экономического развития не всегда играют роль целевых ориентиров. Нередко в качестве тактических целей регионального развития выступают промежуточные задачи, играющие роль необходимых условий успешного развития. Среди таких тактических целей развития региона или города можно назвать:

— привлечение новых видов бизнеса;
— расширение существующего бизнеса;
— развитие малого бизнеса;
— развитие центра города;
— развитие промышленности;
— развитие сферы услуг;
— повышение уровня жизни населения региона.

До сегодняшнего времени считалось, что особое значение в определении уровня экономического развития региона имеют традиционные показатели, оценивающие уровень производства и потребления благ и рост этого уровня в расчете на душу населения — ВНП, ВВП, реальный ВНП на душу населения, темпы роста этих показателей. Однако, как показало время, практика и реалии эволюционирующих социальных систем, такая индикация не соответствует современным требованиям.

В понятие социально-экономического развития региона входит и такая трудно измеримая субстанция, как культура жизни населения. Положительная динамика экономического развития региона возможна лишь при условии обогащения культурой жизни населения данного региона. Социально-экономическое развитие региона лишь тогда имеет положительную динамику, когда при прочих равных условиях расширяется личная свобода каждого, в том числе и в экономической области, что возможно при эффективной поддержке малого и среднего бизнеса, антимонопольных мерах, защите прав потребителей, обеспечении реальной свободы передвижений, которая обеспечивается развитым рынком жилья.

Современный мировой кризис преподает нам очень серьезный урок. Управленческие решения зависят от того, что мы измеряем, насколько точны наши измерения и их насколько адекватна их оценка. Нам сегодня крайне необходимы объективные индикаторы, непосредственно отражающие ощущения и настроения людей. Несомненно, эти индикаторы помогут по-новому взглянуть на пути развития России и регионов, будут играть эффективную роль в оценки деятельности органов власти, ведь: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления» (Конституция РФ, Глава 1, Статья 3).

Л. А. Осьмук

ВОЗМОЖНОСТИ НАУЧНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОСТИ

В последнее время семья оказалась в центре внимания федеральной и региональной властей по нескольким причинам: она, как известно, является условием стабильности и приобретает особую значимость для человека и общества в ситуации социально-политического кризиса; она же представляет собой основной объект демографической политики; наконец, никто не отменял ее социализирующую и воспитательную функцию, которая направлена на снижение подростковой девиации и формирование конформистской личности. В то же время, ощущается готовность общества, настроенного на стабильное существование, поддержать действия государства в отношении семьи. Еще недавнее отсутствие семейной политики быстро компенсируется в стране и регионах многочисленными социальными программами и проектами по поддержке семьи, которые вполне можно рассматривать в качестве механизмов реализации обозначенной политики. Обращение к социальному проектированию и программам фактически свидетельствует о новом уровне решения социальных проблем государством и обществом. Этот уровень предполагает моделирование социальной деятельности и переход от несвязанных по большому счету действий (мероприятий) к стратегическому выстраиванию политики в отношении семьи. При таком подходе продумывается все: структуры, связи между ними, механизмы, результат, оценка деятельности. Не удивительно, что во многих регионах к такому моделированию подключаются вузы, готовые разделить ответственность и способные внедрять теоретические системы в общество. Таким образом, формируется коллективный субъект управления семейной политикой. И, в соответствии с правилом «снежного кома» коллективный субъект упорно пытается: во первых, увеличиться в объеме и самоорганизоваться; во-вторых, достучаться до местных сообществ, понимая всю необходимость их активизации.

Любопытен тот факт, что обозначенное социальное движение развивается в рамках, так называемого, семейно-центрированного подхода, ставшего за короткий период достаточно популярным в большинстве российских регионов. Это позволяет предположить, что сами регионы видят смысл в данной инновации. Основные принципы семейно-центрированного подхода: приоритет семьи в социальной политике, ранняя профилактика неблагополучия семьи, интерактивный подход к семье (ее активизация), привлечение местных сообществ, защита прав семьи и детства. В работе с семьей используется весь потенциал и ресурсы семьи как социального института и малой группы. И здесь преимущества обозначенного подхода оборачиваются его проблемой, поскольку большинство российских семей социально пассивно. Слабая внутренняя активность, проявляемая через неспособность самостоятельно и сообща решать проблемы, выходить из трудных ситуаций, отсутствие каких-либо педагогических компетенций (неумение воспитывать детей) и др. — позволяют прогнозировать

более, чем низкую, внешнюю социальную активность. Поскольку две проблемы: внедрение семейно-центрированного подхода и активизация семей — взаимозависимы, то решение каждой из этих проблем повлечет за собой положительную динамику другой. Другими словами, слабость проекта можно превратить в его сильную сторону.

Для общества (уточним, для местных сообществ) реализация обозначенного подхода означает прямое участие в социальной политике. Более того, признание семейно-центрированного непосредственно связано с переходом на субсидиарную модель, требующую увеличения активности местного сообщества, отдельных граждан и роста общественных инициатив. Семейно-центрированный подход предполагает интеграцию действий государственных и негосударственных структур в отношении воссоздания и укрепления семьи.

Тем не менее, активизация семьи и местного сообщества для решения конкретных трудных жизненных ситуаций и социальных проблем не такая простая задача. Поскольку для реализации семейно-центрированного подхода попрежнему привлекаются государственные структуры: задача реализации формируемой семейной политики в регионе ложится непосредственно на комплексные центры социального обслуживания населения. Именно они оказываются тем локомотивом, который должен организовывать, по сути субсидиарную, систему. Однако, нельзя не заметить, что семейно-центрированный подход в том виде, в котором он существует на западе, основывается на институтах гражданского общества, общественной инициативе, негосударственной системе НКО/НГО, сформированных в территориальных сообществах семейных ценностях. В нашем случае, похоже, действует принцип: «надо же с чего-то начинать». Отсутствие механизмов социальной политики, адекватной тенденциям развития российского общества, приводит к тому, что сама социальная политика в принципе не может быть реализована. Именно поэтому — слово за регионами. Положительно уже то, что каждый регион, принимающий в качестве основоположного семейно-центрированный подход, создает свою модель социальной работы с семьей и модель профилактики социального сиротства.

В Новосибирской области новая система профилактики социального сиротства, основанная на семейно-центрированном подходе, получила некоторую апробацию в отдельно взятом Искитимском районе, где в течение двух лет реализовывался проект Национального фонда защиты детей от жесткого обращения. Позитивный сдвиг обозначился через рост доверия населения к специалистам специально созданной службы социальных участковых, или кураторов семьи. Если ранее специалисты, работающие в сфере социальной защиты, рассматривались семьей скорее как функционеры, связанные с репрессивными органами, то спустя некоторое время негативную установку населения удалось преодолеть. В результате семьи начали охотно высказывать пожелания, чтобы их посетили кураторы. Следовательно, развитие контактов с населением и смена негативных социально-психологических установок в отношении совместных интерактивных действий — вещи вполне возможные.

Сверхзадачей семейно-центрированного подхода является восстановление системы семейных ценностей и традиций, что возможно только через посте-

пенное, шаг за шагом, продвижение в изменении системы социальной работы с семьей. Стратегия перехода к семейно-центрированному подходу и новой системе профилактики семейного неблагополучия требует вводимых одновременно следующих действий. На уровне региона создаются новые службы для работы с семьей: в Новосибирской области — это Служба Социальных участковых, Мобильные бригады, Территориальный Совет и Районный Консилиум. Служба социальных Участковых обеспечивает персонифицированный подход к семье и помогает семье самостоятельно решать проблемы через выявление и привлечение внутренних и внешних ресурсов. Мобильные бригады призваны быстро и, главное, вовремя реагировать на возникающие проблемы. Территориальный Совет дает возможность привлечь все возможные силы местного сообщества для решения трудных жизненных ситуаций, в которых оказываются семьи. Эффективность работы данного Совета напрямую зависит от позиции глав территориальных поселений. Территориальный Консилиум, высший орган, открывающий и закрывающий случай, выполняет, прежде всего, экспертную функцию. Кажется, что предусмотрено все. Однако механизм разработанной системы формируется постепенно. Основная проблема заключается в том, что сама система требует серьезного поворота в коллективном сознании как государственных служащих, так и населения в целом.

Но самое главное, что говорит в пользу необходимости реализации семейно-центрированного подхода, — это его внутренняя логика и последовательность действий. Российскому обществу действительно много чему придется научиться (иногда учится заново) и в ситуации множества «вводных» последовательность является главным аргументом. Последовательность заключается в частности в том, что для работы с семьей создаются специфические структуры, основанные на нормативной базе; непосредственно работа с семьей проводится специально подготовленным специалистом; каждая семья, включая благополучные семьи, попадает в центр внимания системы. Каждое достижение (выход семьи из трудной ситуации) требует подкрепления и попадает под постоянный контроль. Все это внушает надежду, что ситуация, кажущаяся часто безвыходной, преодолима. Но для того, чтобы это стало возможным необходим переворот в сознании тех, на ком лежит миссия внедрения семейно-центрированного подхода, т.е. в сознании специалистов и чиновников.

М. А. Павлова

ГРАЖДАНСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Глобальные процессы современности, изменения в развитии российского государства оказывают влияние на каждого члена общества, в том числе и на подрастающее поколение. В связи с этим проблемы адаптации молодых людей к новым социально-экономическим и политическим условиям являются актуальными и безотлагательными.

Россия имеет уникальную историю. За последние сто лет в ней происходило множество общественно-политических событий, кардинально меняющих мировоззрение людей, саму сущность общества, экономические устои, политические взгляды. За период одной человеческой жизни люди перестраивались от одного общественно-политического строя к другому, противоположному по идеологии и экономическому устройству, приспосабливались к новому образу жизни, новым идеалам времени. Под влиянием этих процессов каждому человеку нелегко найти свое место в обществе, стать его гражданином, и особенно молодым поколениям.

В отдельные периоды российской истории XX века значительным было ее влияние на европейское и мировое сообщество, и, соответственно, авторитет на мировой политической арене. Такие исторические процессы и события, как: свержение монархии, создание государства нового типа, победа над фашизмом, распространение идеологии социализма, перестройка, построение нового демократического государства — поражали и удивляли мировое сообщество.

На современном этапе искажение фактов русской истории, их противоречивое, а подчас и отрицательное толкование за рубежом в совокупности с политической неграмотностью и неглубоким гуманитарным образованием (неначитанностью, недостаточным знанием истории, литературы, культуры) привели к утрате у молодых россиян чувства патриотизма, любви к Родине, ощущения долга перед ней, гордости за свою страну, слабому нравственному и моральному облику. У молодых людей недостаточно развито чувство национальной гордости, на которое повлияли изменения в отечественной истории, отдельные события которой ставятся в вину России перед странами Европы и мира.

Усиливается разобщенность поколений. В молодежной среде наблюдается протест против ценностей поколения отцов, что во многом связано со сменой общественно-политических эпох, которую наша страна пережила в 1991 году. Данным фактом объясняется критика ушедшего социалистического периода российской истории, развенчание ее идеологии и политических лидеров. Под влиянием этих явлений у большинства российской молодежи наблюдается отсутствие политической культуры и гражданской активности, она устраняется от участия в общественно-политической деятельности во благо общества, от решения социальных проблем не только для себя, но и для других.

Необходимо констатировать, что в современных условиях преобразования российского общества происходит смена ценностных ориентаций молодежи. Под влиянием западного образа жизни у молодых россиян коллективистские ценности сменяются ценностями потребления, основанными на рыночных отношениях, усиливается индивидуалистическое начало. В сознании подрастающего поколения стали преобладать ценности материального благополучия, экономического достатка, карьерного роста, эгоцентризма и предприимчивости. На первом месте по смыслу в жизни стоит удовлетворение экономических (наличие денег, их зарабатывание) и досуговых потребностей.

В результате процесса деидеологизации в последней трети XX века в российском обществе были нарушены традиции образования молодых поколений,

воспитывающие чувство любви к Родине, стремление защищать ее, служить ей, национальную гордость.

Помимо того, современная культура молодых людей ориентирована на западные стереотипы. Наблюдается культурное отчуждение молодежи от национальных традиций.

Все это, несомненно, самым действенным образом отражается на личностном развитии молодого поколения россиян, влияет на формирование его мировоззрения и ценностные ориентаций. Подобного опыта не знает ни одна страна в мире.

Как показало исследование молодежи, проведенное Российским государственным социальным университетом, ведущую роль в формировании политического сознания молодых людей играют средства массовой коммуникации — телевидение (90%), Интернет (37%). Уровень доверия к СМИ у молодых людей относительно высок — 40%.

В целом, как отмечают исследователи, продолжает оставаться низкое доверие молодежи к существующим политическим структурам. Слабо представлены интересы молодого поколения в политической сфере, отсутствуют реальные силы, способные отстаивать ее потребности. Продолжают оставаться нерешенными многие социальные проблемы молодежи, невозможность большей ее части реализовать свои жизненные стратегии в современном обществе. В этих условиях в сознании молодых людей развивается политический нигилизм, апатия (около 70%).

Проблема формирования гражданского сознания у молодых россиян во время активного преобразования российского общества особенно актуальна. Это — будущее страны, ее развитие. Укрепление России, уважение к молодому поколению, учет отечественных традиций гражданского воспитания, взаимодействие с социальными и общественными институтами общества — вот пути эффективного формирования молодых граждан РФ.

Основным фактором, влияющим на развитие политического сознания молодежи, является непосредственное участие молодых людей, их включенность в работу общественно-политических организаций, органы самоуправления. Такая деятельность способствует приобретению ценного практического опыта управления, развитию гражданской активности молодого человека. По данным исследования, уровень такого участия в среде молодежи невысок — 28% участвует в самоуправлении на уровне класса, 17% — на уровне школы, 11% — на уровне учебной студенческой группы, 6% — на уровне университета. Характерно скептическое мнение молодых людей к подобной работе — около 20% не видят в этом смысла, 8% считают самоуправление «показухой». Это является одной из важных причин несформированности политического сознания, неизбежного разочарования молодого поколения.

Заинтересованность общества в решении проблем молодежи означает создание условий для развития потенциала молодого человека, его интеллекта, духовности, образованности, национального менталитета, патриотизма и т.д. При реализации продуманной гуманистической молодежной политики основопола-

гающим является понимание того, что молодое поколение обладает мощным инновационным потенциалом. В условиях переходного периода развития российского общества особенно возрастает роль свободной активной творческой личности, способной к принятию самостоятельных решений, усвоению прогрессивных идей, ценностей, образовательных и социальных технологий.

Важно отметить, что в последние годы появились позитивные предпосылки для развития политической активности молодого поколения россиян. Такие процессы общественной жизни, как демократизация, либерализация и эмансипация во многом ослабляют общественно-политический контроль, предоставляют пути для участия молодых людей в политической жизни общества. Это выражается в появлении молодежных организаций, формировании молодежных секций в основных политических партиях.

В этой связи заслуживает внимания опыт филиала Тюменского государственного университета в г. Новый Уренгой по социализации молодых людей в современных социально-экономических условиях. В результате взаимодействия педагогов и студентов вуза с территориальной избирательной комиссией реализуется совместный проект по развитию правовой и политической культуры молодежи. На базе филиала ТюмГУ действует Центр правовой культуры. В структуре Центра — Клуб молодого избирателя, объединяющий студенческую молодежь и Клуб будущего избирателя «Альтернатива», активистами которого являются школьники города. Клубная форма работы — одна из эффективных в социализации молодежи, объединяя ее по сферам интересов. Практика показывает — чем выше степень участия молодых людей во внеучебной деятельности, тем выше уровень их политической грамотности и активности.

Клуб молодого избирателя может дать возможность молодым людям реализовать себя на политической арене. К основным целям работы Клуба относятся: вовлечение молодежи в деятельность по практической защите своих избирательных прав; формирование общественного климата, благоприятствующего политической активности молодежи; просвещение молодых граждан в области избирательных прав и механизмов их защиты.

Кульминацией работы Клуба молодого избирателя стало участие его членов в избирательной кампании 2010 года: активисты работали в составе участковых избирательных комиссий по выборам депутатов в местные и окружные законодательные органы власти; в день выборов на участках группы фотожурналистов из числа студентов создавали фото и видеорепортажи. Регулярно проводятся заседания участников клуба с представителями избирательных комиссий города и округа. Традиционным стал организуемый молодыми людьми городской праздник — День молодого избирателя. По итогам этой работы студенты вуза отмечены Благодарственными письмами территориальной избирательной комиссии.

В рамках деятельности Центра проводятся научные исследования по вопросам правовой культуры молодежи, ее электоральной активности, ценностным ориентациям. Студенты участвуют в конкурсах на лучшую научно-исследовательскую работу различного уровня.

Одно из важных направлений работы Клуба молодого избирателя — волонтерская деятельность, которая имеет большое нравственное значение. Студенты — будущие юристы и управленцы — проводят для школьников города просветительские уроки по тематике избирательного права, выступают с оригинальными тематическими программами, сочетающими не только лекционный материал, но театрализованные сцены, игры, дискуссии.

Важная составляющая проекта — Общественная студенческая юридическая консультация, в рамках которой студенты специальности «Юриспруденция» под руководством опытного преподавателя ведут консультации для населения города, изучают спорные дела, готовят документы в суд, присутствуют на судебных заседаниях, тем самым приобретают практический опыт для будущей профессиональной деятельности.

Таким образом, в систематической работе Центра правовой культуры развивается политическое и гражданское сознание молодых людей, активная жизненная позиция, углубляются их знания в области действующего законодательства, формируется ответственность за совершаемые действия и поступки.

В условиях построения в России гражданского общества необходимо воспитывать политически грамотную молодежь, отвергающую нигилизм и пассивность; помочь сформироваться личностям, ответственным за завтрашний день.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гегель Л.А., Зубков В.И., Николаев Г.Г. Ценностные ориентации российской студенческой молодежи: социально-политический и образовательный аспекты (отчет о всероссийском социологическом исследовании). М.: Изд-во ООО Типография «Парадиз», 2008. 200 с.
2. Развитие адаптационной готовности молодежи: Коллективная монография / науч.ред. Г.А. Дзида. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2008. 424 с.
3. Кузина С.В. Роль СМИ в формировании культурных приоритетов молодежи // Власть. 2007. № 8. С. 53–56.

О.Д. Павлова

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ДИСКУРС-АНАЛИЗУ

Под дискурсом принято понимать совокупность письменных и устных текстов в производимых ежедневных практиках. М. Йоргенсен и Л. Филлипс [1; 17] принимают определение дискурса как общей идеи о структурировании языка в соответствии с паттернами, которые обусловливают высказывания людей в различных сферах социальной жизни. Дискурс-анализ предполагает анализ таких паттернов. Существование различных подходов к дискурс-анализу не позволяет однозначно определить дискурс и, соответственно, ответить на вопрос о том, как его анализировать. Рассматривая дискурс как особый способ общения и понимания окружающего мира, ведущие специалисты Дании и Швеции М. Йоргенсен и Л. Филлипс обращаются к изложению трех подходов к дискурс-анализу с позиции социального конструкционизма — теории дискурса

Эрнеста Лакло и Шанталя Муфф, критического дискурс-анализа и дискурсивной психологии. При этом социальный конструкционизм рассматривается как объединяющее понятие для целого ряда новых теорий о культуре и обществе. Авторы убеждены, что именно эти подходы способствуют более полному и эффективному исследованию коммуникации, культуры и общества, а так же роли языка в глобальных социальных и культурных изменениях, таких как глобализация. М. Йоргенсен и Л. Филлипс предлагают использовать дискурс-анализ в качестве структуры для исследования национальной идентичности, для анализа можно выбрать тексты и диалоги. Указанные подходы предполагают общее понимание таких сущностей, как «речь» и «субъект», объединены общей целевой установкой и задачами. В контексте данных подходов одинаковой является точка зрения на язык, которая берет свое начало в структуралистской и постструктуралистской лингвистике. Несмотря на общие посылки, авторы указывают на важные различия:

1) разногласия по поводу области функционирования дискурсов (дискурсы формируют полностью все социальное, или они сами состоят отчасти из аспектов социального);
2) отличие предметов анализа (дискурс повседневных социальных взаимоотношений или абстрактных дискурсов, циркулирующих в обществе).

Вслед за В. Барром, К. Гергеном М. Йоргенсен и Л. Филлипс называют четыре общих посылки для всех социально-конструкционистских подходов:

1) критический подход к само собой разумеющемуся знанию;
2) историческая и культурная обусловленность;
3) связь между знаниями и социальными процессами;
4) связь между знанием и социальным поведением.

Теория дискурса Эрнесто Лакло и Шанталя Муфф основана на постструктуралистской идее о формировании дискурсом социального мира с помощью значений. Изменчивость языка не позволяет обеспечить постоянство значения, таким образом, дискурс не является замкнутым и завершенным. Ключевым понятием данной теории, по мнению М. Йоргенсен и Л.Филлипс, является борьба дискурсов: различные дискурсы, представляющие собой определенный способ общения и понимания социального мира, находятся в состоянии борьбы за превосходство — преобладание определенной точки зрения.

В критическом дискурс-анализе признается особая роль дискурса в конструировании социального мира. Согласно Н. Фэркло [1; 27], основной областью интереса в критическом дискурс-анализе является исследование изменений. Фэркло акцентирует внимание на интертекстуальности — механизме, с помощью которого отдельный текст привлекает элементы и дискурсы других текстов. Комбинирование элементов различных дискурсов, используемых конкретным языком позволяет изменить определенный дискурс и, как следствие, социальный и культурный мир.

Дискурсивная психология изучает специальные эмпирические примеры использования языка в процессе социального взаимодействия. Задача дискурсивных психологов состоит в исследовании гибкости использования доступных дискурсов в создании и обсуждении людьми представлений о мире и своей идентичности в речевом взаимодействии.

М. Йоргенсен и Л. Филлипс [1; 29] подчеркивают, что отправной точкой дискурсаналитических подходов является утверждение структуралистской и постструктуралистской лингвистической философии о том, что доступ к реальности обеспечивается посредством языка. С помощью языка создаются репрезентации реальности, которые отражают и конструируют ее. Авторы иллюстрируют данное положение на примере такого явления, как наводнение. Каждый дискурс рассматривает это явление как возможное и закономерное от сооружения дамб до подготовки к неминуемому концу света. Следовательно, язык является механизмом, генерирующим и конституирующим социальный мир. В структуралистской теории подчеркивается основополагающий и фиксированный характер структуры языка. В постструктурализме структура языка становится изменяемой.

М. Йоргенсен и Л. Филлипс [1; 35] отрицают полное согласие дискурсаналитических подходов с идеями постструктурализма, но отмечают основные общие моменты:

1) язык — это не только отражение существующей реальности;
2) язык структурирован в паттерны или дискурсы — существует ряд систем или дискурсов с изменением значений от дискурса к дискурсу;
3) дискурсивные паттерны создаются и трансформируются в дискурсивной практике;
4) анализ специфических контекстов, в которых действует язык, необходимо исследовать изменения паттернов.

Таким образом, М. Йоргенсен и Л. Филлипс объединяют три основных подхода к дискурс-анализу: теория дискурса Лакло и Муффа, критический дискурс-анализ, дискурсивную психологию, акцентируя внимание на специфичность каждого из них.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / М.В. Йоргенсен, Л.Дж.Филлипс. Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. 352 с.

С. Н. Панкова

СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ КАК МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА ЛИЧНОСТИ

Современность есть «культура риска».
Главный из этих рисков — нарастающая личная бессмысленность,
потеря социальной идентичности

Э. Гидденс

Современная специфика становления личности заключается в том, что этот процесс сопряжен с рядом рисков, результат — развитие личностного потенциала — зависит во многом от самого человека и может существенно ва-

рьироваться. Социально-конструирующая деятельность является связующим звеном между личностью и социальными сферами, является выражением меры личностной субъектности, с одной стороны, и способом включения личности в общество — с другой. Для того, чтобы освоиться в современном мире человек должен не только осваивать, преобразовывать, и даже создавать социальный опыт. Личность с современных социологических позиций представляет интерес как субъект, способный к социальному созиданию.

Необходимость пересмотра классических подходов к социализации связана с объективными обстоятельствами, произошедшими в социально-культурном контексте. В относительно стабильном обществе «измерение» личности — это определение меры того, насколько осваивается социальный опыт. Концепции социализации, разработанные западными и отечественными социологами и психологами, ориентированы, прежде всего, на изучение личности в относительной социальной стабильности, рассматривают процесс вхождения человека в социальный мир, усвоение им социальных норм и ценностей. Приобщение к социальному целому определяло успешность социализации индивида, нормы и ценности обеспечивали его жизнедеятельность. Согласно традиционным концепциям социализация «…органично включает в себя передачу социального опыта, поэтому преемственность, сохранение и усвоение традиций неотделимы от повседневной жизни людей» [1; 360]; представляет собой «…специфическую форму присвоения человеком тех гражданских отношений, которые существуют во всех сферах жизни» [1; 60].

Социальность личности является условием социального функционирования, но не рассматривается как качественно значимая социальная система. К примеру, в знаменитой фразе К.Маркса мы можем отметить, что личность социальна в том, насколько реализуется как носитель социальных функций. «Он [Гегель] забывает, что сущность «особой личности» составляет не ее борода, не ее кровь, не ее абстрактная физическая природа, а ее социальное качество, и что государственные функции и т.д. — не что иное, как способы существования и действия социальных качеств человека. Понятно, следовательно, что индивиды, поскольку они являются носителями государственных функций и властей, должны рассматриваться по своему социальному, а не по своему частному качеству» [2; 242].

Центром интереса функционализма являются социальные системы, в которых люди только «проживают». В социальном аспекте личность предстает как роль, актор [3].

Методология социального конструирования меняет акцент в понимании социализации, он рассматривается как «процесс инициации». Социализация в этом аспекте является сущностной частью процесса становления полноценного человека и осознания реального потенциала индивида [4; 77]. Личность рассматривается как субъект, способный оказывать влияние на построение этого мира. Открывается возможность рассмотрения личности как значимой самой по себе социальной формы и развития социального потенциала индивида. Является важным для понимания социальности личности, методологически обо-

снованным феноменологией, что действия субъекта развертываются в конкретной системе, ограниченной конкретной ситуацией, имеют пространственно-временное и социальное размещение.

В пространстве конструирующей деятельности личности с одной стороны необходимо учитывать то, как организована социальность. С другой стороны, — «конструкт» определяется системой символических влияний. Методология должна учитывать достоинства классических подходов, позволяющих раскрыть личность в системе причинно-следственных связей, а также то, что мир личности выстраивается через символику значений. Социальное конструирование является результатом действия объективных обстоятельств, которые опосредованы сознательной, рациональной деятельностью человека. Человек наделен сознанием и волей, которые приводят не только к желаемым результатам, но и «запускают» факторы, которые человек в полной мере учесть не в состоянии. Результат объективен и субъективен одновременно. Он является следствием намеренных действий и непреднамеренных последствий, одновременного существования личности в символической и реально-практической системе измерения.

В современных условиях вхождение в общество и форма социальной реализации осуществляется *экспериментально*, личность становится уникальным пространством развертывания социально конструирующей деятельности, *становления* личности как особых форм социальности. Особенностью их становления является высокий риск незавершенности, или неадекватности тем ожиданиям, которые вырабатывает для себя человек и вследствие значительной пространственно-временной протяженности, и этот процесс затрудняется отсутствием четких заданных координат (образцов), вследствие возросшего разнообразия субъектов социального взаимодействия, адекватных современным условиям. В результатах социального становления возможны различные качественные результаты и риски.

Опыт предшествующих поколений выступает для личности в качестве материала, на основе которых экспериментально достраиваются и создаются образцы в актуальной социальной практике индивида. В связи с реальными ограничениями, связанными с физическим ограничением жизнедеятельности, локальностью жизнеосуществления и с невозможностью просчитывать все возможности и варианты, в том, как выстраивается социально-конструирующая деятельность достаточно много непреднамеренного, случайного. Различные социальные силы и обстоятельства оказывают влияние на жизнедеятельность индивида. В той или иной степени социальное становление является задачей, которую решает индивид самостоятельно на протяжении жизни.

Результатом экспериментального освоения социального опыта личностью становится последовательное освоение *доступного* социального опыта. Так, объективные обстоятельства становятся частью жизненных обстоятельств, результатом намеренного и непреднамеренного освоения и опривычивания социальных обстоятельств. Личность как система представляет собой результат самоформирования, который включает опыт освоения социальных ресурсов, выстраивания отношений в социальном пространстве. Эта система может вы-

ступать как пространством развития личностного потенциала, так и ограничением. Но в любом случае в процессе жизнедеятельности формируется результат его апробации и развития, устойчивые способы взаимодействия личности в отношении жизненных обстоятельств. Социальная характеристика личности как результата социального конструирования — личностный потенциал. Потенциал личности это не только намерения и наличные социальные возможности, но и следствие того, что можно считать опытом самоорганизации личности как социальной системы. Преобладание процессов самодетерминации в процессе социального становления личности ведет к тому, что мы имеет с различными вариантами социального проявления личности, формами социальной реализации личности.

Социально-культурное пространство, в котором разворачивается социальное конструирование личности многомерно, совмещает и пространство, временную динамику, символическое и реальное. Но вместе с тем качественная специфика социальности обретает форму в том, в какой мере это многообразие находит отражение в жизнедеятельности личности. Расширяющаяся социальность упорядочивается той повседневностью, которая намеренно и/ или в той или иной степени непреднамеренно, предстает как опривыченное способы деятельности, привычные сферы жизнедеятельности, «Я-концепция» и в итоге и личностный потенциал. Важнейшая роль отводится самой личности, ее социально созидательной способности, благодаря которой она осваивает и преобразовывает социальное пространство. Особенности современного социального развития приводят к тому, что более явным становится рассогласованность *социальностей* различного уровня. В макросоциальное пространство личность вписывается посредством того, как происходит освоение социальности в повседневной практике. *Повседневность* — это то пространство, в котором реализуются социально-созидательные способности, осваиваемые социальные перспективы, Я-концепция и личностный потенциал находят действительное проявление. *Личность* нами понимается как социальный субъект, занимающий определенное место в системе социального взаимодействия, способный изменять символическим и практическим способом структуру повседневной жизнедеятельности, активно осваивать и достраивать социальное пространство. Социальность в процессе социального становления личности становится не предпосылкой, а результатом. Формы, в которых личность находит социальное проявление, отражают меру освоения/преобразования социального опыта как меру социальной конструктивности и качественную характеристику развития личностного потенциала.

Таким образом, личность — это конкретный индивидуально-практический конструкт, пример того, каким должен быть человек в рамках конкретного социального контекста, но в каждом из таких конструктов содержится все то долженствование социального, которое могло или не могло быть в человеке. С одной стороны, личность предстает как функция, тип, а с другой, — это определенное качество социальности, преломленное в определенном контексте и деятельности. Социальный конструкт, с другой стороны, — результат индивидуаль-

ной и социальной практики конструирования, созидания социальности — это обобщенная характеристика типичности, социальная форма реализации личности и мера социального преобразования «социального материала».

Какой будет личность, отказавшаяся от социального опыта? С одной стороны, «непривязанность» к устойчивым социальным меркам обеспечивает личности гибкость, мобильность, но с другой, — опыт осваивается поверхностно и фрагментарно, «Я-концепция» перестает быть целостной и неизменной на протяжении длительного времени, во многом зависит от обстоятельств и актуальных требований среды, ситуации.

В нашем исследовании проявление социально конструктивных качеств мы рассмотрели на примере того, как формируется приоритеты жизненного видения и представления о будущем. Результаты анализа основаны на опросе 232 старшеклассников школ г. Екатеринбурга и Свердловской области. Основной интерес сосредоточен в обыденной повседневности. Практически 100% молодых людей включили в описание сегодняшнего дня — деятельность, связанную с удовлетворением первичных потребностей, тогда как далеко не все упомянули занятия связанные с обучением в школе, активные формы занятий! Повседневный аспекты присутствуют почти у каждого учащегося (98,39% ответивших на вопрос). В структуре планируемой повседневности наиболее часто описываются обычные, пассивные виды деятельности, вплоть до описания личной гигиены, душа, принятие пищи: жить, есть спать (95,7%), отдых, развлечения (69,35%), дорога, передвижение (60,22%), домашние дела (10,75%). Активные индивидуальные виды деятельности: интересы, увлечения (23,66%), потребление, магазины (4,3%) активные повседневные виды деятельности (прогулка с собакой, зарядка — 6,45%). В обращении к социальным видам деятельности присутствуют следующие: учеба (45,7%), работа (42,47%), дружба (16,13%), семья (5,91%), личная жизнь, любовь (5,91%), дети (1,61%), учеба в вузе (1,61%). Подтверждается значимость приоритета повседневной индивидуальной деятельности. Это именно та сфера, которая на данный момент является приоритетом в жизненных сферах учащихся, что и нашло отражение в определении жизненных целей. Повседневная деятельность «второго плана» представляется личностно значимым аспектом, именно здесь задействован интерес и активность молодых людей. Для большинства — свободное время заполнено интересными делами (свыше 80%). Сосредоточенность на ближайших событиях во многом является способом уйти от важных смысложизненных задач. Большинство опрошенных старшеклассников не уверены, что ответ о цели и смысле жизни может быть решен. Поэтому они заняты «конструированием» в большей степени той сферы, которая близка им и понятна, — это создание собственного стиля и образа жизни — повседневности.

Если социальное становление личности во многом зависит от самого человека, то главный риск заключается в том, что социальное становление может так и не осуществиться. Мы имеем дело с новыми типами личности, которые строят собственную жизнедеятельность вне социального контекста. Становление новых социальных форм реализации личности фиксируют значимые изме-

нения, которые произошли в определении социального пространства и времени. Социальные ориентиры все больше обретают отвлеченный характер. То, что ранее считалось социальным безвременьем, обыденность, «жить есть, спать», сейчас становится центральным в жизнеопределении человека на этапе социального становления. Увлеченность обыденным, телесным, различные формы зависимости предстают все больше как *способ социального раскрытия личности* [5; 95].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тезаурус социологии: темат. слов.-справ. / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 487 с.
2. Маркс К. Критика гегелевской философии права // Собрание сочинений. Т. 1. С. 242.
3. Парсонс Т. О социальных системах / под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М.: Академический проект, 2002. 832 с.
4. Бергер П.Л. и Бергер Б. Социология: Биографический подход / Личностно-ориентированная социология. М., 2004. 608 с.
5. Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб.: Питер, 2004. 208 с.

Ю. О. Пасмурнова

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА

Сегодня на всех уровнях власти говорится о модернизации российского государства. Модернизация страны — задача комплексная, и, прежде всего, речь идет о технологическом и экономическом развитии России. При этом подчеркивается, что успех таких преобразований требует определенных изменений во всех сферах жизни общества — политической, экономической, социальной и духовной.

Однако в управлении переходным состоянием общественного развития из социальной сферы необходимо выделить особый объект государственного управления — социальную структуру общества.

Трансформация институтов российского общества серьезно сказывается на его социальной структуре. Меняются отношения собственности и власти, перестраивается механизм социальной стратификации, происходит обновление элиты.

В Посланиях Федеральному собранию Президент РФ регулярно отмечает актуальность поддержки нуждающихся слоев населения, борьбы с бедностью, и необходимости преодоления социального неравенства [3].

Другими словами, на высшем государственном уровне отмечается возможность и обосновывается социальная необходимость прямого или косвенного влияния на социальную структуру общества.

Государственные органы через реализацию различных социальных, экономических, образовательных и других программ оказывают большое влияние на

различные слои населения. От того, насколько эффективным будет государственное регулирование социальных процессов, в частности воздействие на социальную структуру, зависит дальнейшее развитие общества.

Изменение социальной структуры, ее трансформация в РФ сегодня является одним из ключевых направлений исследований в социологии. Опираясь на теории стратификации, трансформации и модернизации, исследователи пытаются определить дальнейшие пути страны, основываясь на изменениях, происходящих сегодня в обществе.

В связи с этим представляется необходимым проанализировать возможность регулирования социальной структуры общества, основываясь на теоретико-методологических подходах, выработанных социологической наукой.

Под регулированием мы понимаем целенаправленное, управляющее воздействие, ориентированное на поддержание равновесия в управляемом объекте и развитие его в заданном направлении, посредством введения в него регуляторов (норм, правил, целей, связей) [9].

В.И. Добреньков и А.И. Кравченко определяют социальную структуру как совокупность всех функционально связанных статусов, существующих в данное историческое время в данном обществе [6]. Осипов Г.В. говорит о социальной структуре как об определенном способе связи и взаимодействия элементов, т.е. индивидов, занимающих определенные социальные позиции и выполняющих определенные социальные функции в соответствии с принятой в данной социальной системе совокупностью норм и ценностей. При этом отмечается, что изменение структуры носит характер саморегулирования, поддерживающего в определенных условиях равновесие ее элементов [10].

В широком смысле социальная структура — это строение общества в целом, система связей между всеми его основными элементами. При таком подходе социальная структура характеризует все многочисленные виды социальных общностей и отношения между ними. Социальная структура в узком смысле — это совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих друг с другом классов, социальных слоев и групп. Именно социальная структура в узком смысле будет рассматриваться в данной работе в качестве объекта управления и регулирования.

Изучение процессов социодинамики в российской дореволюционной, советской и постсоветской социологии протекало в атмосфере противостояния двух основных концепций: классового анализа, разработанного К.Марксом, и стратификационного подхода М. Вебера и П. Сорокина.

Сегодня в российской социологии происходит трансформация теоретико-методологических подходов к исследованию социальной структуры. Классическое, классовое понимание социальной структуры опирается на понятие «капитала» того или иного характера, речь идет в первую очередь об экономическом типе социального расслоения. Социальная стратификация основывается на комплексе социально-экономических показателей, таких как отношение к собственности, обладание доходами, властью, социальным статусом. Под социально-стратификационной структурой подразумевается многомерное, ие-

рархически организованное социальное пространство, в котором выделяются различные социальные группы и слои, рассматриваются профессиональный, властный статусы (управляющие и управляемые), престиж (уровень образования, квалификации, профессиональной подготовки), а также степень адаптации к происходящим переменам [8;5].

Социальная структура традиционно представляется как наиболее консервативная часть описательной и объяснительной картины общества. Изменение социальной структуры происходит или в результате продолжительного эволюционного развития, или такие изменения происходят посредством революций, или же путем реформирования.

Влияние государственного регулирования на социальную структуру неизбежно, ввиду взаимосвязи и взаимозависимости элементов общества как социетальной системы. Изменение социальной структуры в условиях модернизационного развития страны зависит уже не только от механизма внутреннего саморегулирования социальной структуры, но и от внешнего воздействия, в первую очередь со стороны системы государственного регулирования [7].

Экономические теории рыночного хозяйства XX века, рассматривающие с разных позиций моделирование национальных экономик в условиях ограниченных ресурсов, исходят из однородной социальной структуры общества. Стратегия государственного развития должна быть ориентирована на массовые слои населения.

В рыночно развитых странах средний класс составляет около 70% населения. Вырабатываемые и реализуемые управленческие решения направлены на более или менее однородные по структуре мотивационные действия. Наличие масштабного среднего класса не только обеспечивает политическую стабильность общества, но определяет стабильность потребительского спроса и экономического поведения в целом. Поэтому экономическая теория практически не рассматривает последствия целевых решений на стратифицированные группы населения. Исключение здесь лишь одно — безработица, проблема снижения которой стояла в центре внимания и кейнсианства и монетаризма [5].

В современной России в качестве социальной опоры, и одной из движущих сил процесса модернизации также рассматривается российский средний класс. Такое предположение основывается как на общем представлении о среднем классе как наиболее динамичной части современного рыночного общества, так и на мнении, что он уже достаточно развит, чтобы выступать значимым агентом социальных действий [4].

Так в «Концепции социально-экономического развития России до 2020 года» говорится о необходимости формирования в российском обществе такого среднего класса, однако конкретных рекомендаций к исполнению не заявлено. Кроме того, особый акцент делается на сглаживании социального неравенства и выполнении государством социальных обязательств перед уязвимыми группами населения, но при этом в полной мере не проанализированы изменения в классовой структуре общества, новый порядок социального расслоения с учетом трансформаций, происходящих в структуре занятости населения.

В переходном обществе вовсе не средний слой является базой социальной структуры, и это определяет многие особенности государственного управления. Поэтому, действия государства должны быть увязаны с определенной социальной структурой общества.

По Конституции Россия является социальным государством [1], т.е. государством, стремящимся к обеспечению достойных условий существования своих граждан, удовлетворению их материальных и духовных потребностей, социальной защищенности, соучастию в управлении производством. Достигается это с помощью перераспределения национального дохода в пользу менее обеспеченных слоев, проведения политики занятости, охраны труда, развития общедоступного образования, здравоохранения и др.

Таким образом, в основном законе страны закреплена необходимость воздействия со стороны государства на области и сферы жизни, определяющие место человека в социальной структуре, обеспечение общественного мира и стабильности через достижение баланса интересов основных социальных групп общества.

Разные модели государства имеют различные механизмы обеспечения баланса интересов социальных групп. Эти механизмы и есть собственно социальная политика.

В последние 20 лет в России из-за смены экономической модели социальная структура резко трансформировалась. При отсутствии целенаправленного воздействия объектами социальной политики становилась то одна социальная группа, то другая. Решения принимались оперативные, и направлены они были на получение моментального результата, т.е. не просматривалось стратегического виденяе в вопросах воздействия на социальную структуру.

В результате подавляющее большинство населения России не только не обрело нового достойного уровня и качества жизни, но и не сохранило прежний. Переломить этот негативный тренд можно лишь на основе системных мер по модернизации социальной сферы, с учетом реально существующей социальной структуры, представленной в исследованиях российских социологов.

Стратификационная модель российского общества Т.И. Заславской выглядит следующим образом: 0,5% — элита (правящая политическая и экономическая), верхний слой (крупные и средние предприниматели) — 6,5%, средний слой (представители малого и среднего бизнеса, среднее звено управления) — 20%, базовый слой (рядовые специалисты) — 60%, нижний слой (малообеспеченные) — 7%, и 5% населения — социальное дно [11]. З.Т. Голенкова, в зависимости от уровня материального состояния выделяет: богатые (средства позволяют обеспечивать экономическую деятельность) — 0,7%, состоятельные (преумножают капитал) — 5,3%, обеспеченные — 15,8%, малообеспеченные (только на повседневные нужды) — 57,0%, и неимущие (средств хватает только на поддержание жизни) — 20,2% [12].

По нашему мнению, воздействие на социальную структуру должно опираться на:

- принципы социального управления, под которым мы понимаем управление, функции которого заключаются в реализации потребностей раз-

вития общества и его подсистем, формировании критериев и показателей социального развития объекта, выделении возникающих в нем проблем и разработке методов их решения, а также в достижении планируемых состояний и параметров социальных отношений и процессов;
- анализ интересов социальных групп, и их согласование;
- особенности социальной структуры общества как объекта регулирования;
- непрерывный мониторинг реализации управленческих решений и прогнозирование всех возможных последствий управленческого воздействия.

Результатом такой работы должна стать внутренне согласованная система мер, направленных на улучшение жизненного уровня большинства населения, отвечающая условиям модернизации экономики и социальной солидарности общества. Только в этом случае возможно осуществление тех целей, о которых неоднократно заявляли первые лица страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция РФ. М.: АСТ, Астрель, 2008.
2. Социальная модель государства: опыт стран Европы и выбор современной России // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2006. № 6. [Электронный ресурс] http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2006.
3. Послание Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному собранию. [Электронный ресурс]http://www.kremlin.ru/transcripts/5979).
4. Бунин И.М., Макаренко Б.И. Российский средний класс и модернизация. [Электронный ресурс] http://www.politcom.ru/9597.

Васильев В.П. Государственное управление в условиях трансформации общества // Вестник Московского университета, серия 21 Управление (Государство и общество). 2004. № 2.

5. Добреньков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология: В 15 т. Т. 5: Социальная структура. М.: ИНФРА-М, 2004.
6. Кутелия Б. Вызовы современности и составляющие формирования социальной структуры. [Электронный ресурс] http://www.isras.ru/
7. Модернизация социальной структуры российского общества / отв. ред. З.Т. Голенкова. М.: Институт социологии РАН, 2008.
8. Российская социологическая энциклопедия / под общей редакцией академика РАН Г.В. Осипова. М.: Инфра-М, 2004.
9. Социальные технологии управления обществом: региональный уровень / под ред. Я.А. Маргуляна. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургской академии управления и экономики, 2010.
10. Заславская Т.И. Трансформация социальной структуры и социальная стратификация российского общества // Экономические и социальные перемены. 2006. № 8. С. 45.
11. Социальное расслоение и социальная мобильность / под ред. З.Т. Голенковой. М.: Наука, 2005.

Ю. М. Пасовец

ПОТРЕБЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА[7]

Потребление определяется, с одной стороны, располагаемыми финансовыми и материальными ресурсами, с другой — ценностными предпочтениями и установками населения, среди которых существенную роль играют установки на приобретение качественных товаров, новинок, отражающих последние достижения науки и техники, престижных предметов и т.д. Кардинальная трансформация российского общества, начавшаяся в конце XX века и продолжающаяся до настоящего времени, выражается и в модификации ценностных ориентиров и норм жизнедеятельности россиян, в том числе и в сфере потребления. Модернизация как основная задача развития России, выдвинутая в начале XXI века руководством страны, и реальный социальный процесс, неравномерно и неоднозначно развивающийся в разных сферах российского общества, становится одним из важных факторов социальной трансформации России, внося свои коррективы в сознание и поведение россиян. Использование товаров и услуг, произведенных или реализуемых с помощью современных и инновационных технологий, оказывается одним из важных показателей модернизированности общества. В связи с этим вызывает исследовательский интерес выявление и анализ тенденций потребительского поведения населения в сфере использования предметов длительного пользования и информационных услуг в постсоветский период и в настоящее время. При этом нужно учитывать, что динамика потребления населения во многом определялась как спецификой социально-экономического развития России, изменениями в области доходов россиян, так и изменениями потребительских предпочтений. Рассмотрим данный процесс на примере Курской области — одного из типичных российских регионов.

В 1990–2000 гг. в курских домохозяйствах произошло существенное уменьшение расходов на покупку непродовольственных товаров (см. табл. 1): на приобретение одежды, обуви, белья и тканей (в 1,7 раза), телерадиоаппаратуры, предметов для отдыха, транспортных средств (в 1,8 раза), бытовых товаров и мебели (1,3 раза) [2].

Таблица 1

Структура потребительских расходов домашних хозяйств (по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств; в процентах)

	Покупка непродовольственных товаров				
	1990	1995	2000	2005	2008
Российская Федерация	46,2	31,8	34,3	38,5	40,9
Центральный федеральный округ	…	…	33,5	35,7	39,4
Курская область	46,1	35,9	29,2	34,5	50,1

Источники: Регионы России. 2001. С. 136; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009. С. 194.

[7] Работа выполнена по гранту Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых (МК — 60.2011.6).

Это, в свою очередь, отразилось на обеспеченности домашних хозяйств предметами длительного пользования. За 1995–2000 гг. в регионе произошло уменьшение числа ряда значимых товаров длительного пользования (в расчете количество штук на 100 домохозяйств): телевизоров — на 6,6% (с 121 единицы до 113); магнитофонов и плееров — на 32,9% (с 79 штук до 53); холодильников — на 3,8% (с 104 до 100 единиц); швейных и вязальных машин — на 6,9% (с 58 штук до 54). Вместе с тем не изменилась степень распространенности в домашних хозяйствах области стиральных машин (89 и 89 единиц соответственно годам) и электропылесосов (73 и 74). Возросла обеспеченность курян видеомагнитофонами, видеокамерами в 2,1 раза (с 22 единиц до 46), музыкальными центрами в 6 раз (с 2 до 12 штук), легковыми автомобилями в 1,5 раза (с 15 единиц до 23). Основная часть указанных предметов длительного пользования приходилась на долю материально обеспеченных слоев населения [2]. В 1990−2000 гг. численность легковых автомобилей, находящихся в личном пользовании населения области увеличилась в 3,2 раза (см. табл. 2).

С 2001 г. в регионе наблюдалось увеличение затрат домашних хозяйств на приобретение непродовольственных товаров, и к 2008 г. их объем восстановился до уровня 1990 г. (см. табл. 1). В этот период расходы населения Курской области на покупку телерадиоаппаратуры, предметов для отдыха, транспортных средств увеличились в 5,8 раза, товаров и принадлежностей по ведению хозяйства и мебели — в 2,1 раза [5; 104].

Рост в домохозяйствах Курской области затрат на указанные виды потребительской продукции выразился в повышении степени обеспеченности населения соответствующими товарами (см. табл. 2).

С 2000 г. по 2008 г. в среднем в домохозяйствах региона число телевизоров выросло на 19,5%, электропылесосов — 17,6%, холодильников, морозильников — на 8,0%, стиральных машин — на 4,5%. В условиях увеличения производства и активной модернизации бытовой техники в мире и стране, повышения доступности ее покупки для части населения происходило повышение обеспеченности курян основными бытовыми приборами. Это свидетельствует об улучшении условий быта в домохозяйствах региона в среднем. В курских домашних хозяйствах существенно увеличилось количество персональных компьютеров (в 29 раз) и музыкальных центров (в 2,9 раза). В связи с этим можно утверждать, что приобрела относительно массовый характер практика использования компьютерных средств не только на работе для выполнения необходимых операций, но и дома для организации домашнего отдыха и досуга. Обращает на себя внимание снижение численности в домохозяйствах области магнитофонов, плееров (в 2,1 раза), швейных и вязальных машин (на 13,0%) [4; 200], видеомагнитофонов, видеокамер (на 6,5%). Последнее обстоятельство раскрывает недостатки методики статистического учета распространенности в домохозяйствах определенных предметов длительного пользования: объединение в одну группу нескольких качественно отличных товаров не позволяет выявить тенденции приобретения населением конкретной продукции. Так, в 2000-е гг. видеомагнитофоны и магнитофоны устарели как вид бытовой техни-

ки, им на смену для массового потребления пришли DVD-проигрыватели и более модернизированные музыкальные центры, популярность и востребованность которых проявляется в увеличении их числа в «среднестатистических» домохозяйствах. При этом используемые в государственной статистике показатели обеспеченности домохозяйств товарами длительного пользования не фиксируют стоимость приобретаемых населением товаров, которая зависит и от признания производителя — раскрученности его бренда, и от функциональности модели, зависимой от степени внедрения в производство современных технологий и т.п.

Таблица 2

Наличие предметов длительного пользования в домашних хозяйствах (по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств; на конец года; на 100 домохозяйств; штук)

	Телевизоры			Видео-магнитофоны, видеокамеры			Магнитофоны, плееры			Персональные компьютеры		
	2000	2005	2008	2000	2005	2008	2000	2005	2008	2000	2005	2008
Российская Федерация	124	138	154	48	66	60	66	53	45	6	26	48
Центральный федеральный округ	130	143	160	53	74	63	68	56	48	11	27	49
Курская область	113	116	135	46	62	43	53	59	25	1	15	29
	Музыкальные центры			Холодильники, морозильники			Стиральные машины			Электропылесосы		
	2000	2005	2008	2000	2005	2008	2000	2005	2008	2000	2005	2008
Российская Федерация	12	34	38	113	117	121	98	97	100	82	84	89
Центральный федеральный округ	16	38	41	109	110	111	94	94	96	84	83	90
Курская область	12	28	35	100	113	108	89	91	93	74	75	87

Источники: Регионы России. 2001. С. 138; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006. С. 190; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009. С. 200.

В 2000-е гг. в домашних хозяйствах России и ЦФО в целом наблюдалось заметное увеличение числа телевизоров (на 24,2% и 23,1% соответственно), видеомагнитофонов, видеокамер (на 25,0% и 18,9%), вероятно за счет видеокамер. Также резко выросла обеспеченность российских домохозяйств и домохозяйств регионов ЦФО персональными компьютерами (в 8,0 раз и 4,5 раза) и музыкальными центрами (3,2 раза и 2,6 раза). В то же время в России и ЦФО рост у населения количества холодильников, морозильников, стиральных машин и электропылесосов был незначительным (см. табл. 2).

В ракурсе сравнения домохозяйств России, округа и региона по рассматриваемым показателям обнаруживается, что домашние хозяйства Курской области менее обеспечены основными предметами длительного пользования. Это обусловлено невысоким уровнем доходов и соответственно покупательной

способности у основной части населения региона. Исходя из этой зависимости большее число телевизоров, персональных компьютеров, музыкальных центров, электропылесосов имеется у членов домохозяйств Московской, Ярославской и Калужской областей и г. Москвы [4; 200].

В 2000–2008 гг. в масштабах страны в целом и региона в частности отмечается рост количества легковых автомобилей у населения (см. табл.3). В России обеспеченность населения легковыми автомобилями увеличилась в 1,6 раза, в ЦФО — в 1,7 раза, в Курской области — в 1,7 раза.

Таблица 3

Число собственных легковых автомобилей (на 1000 человек населения; на конец года; штук)

	1990	1995	2000	2005	2006	2007	2008
Российская Федерация	58,5	92,3	130,5	169,0	177,8	195,4	213,5
Центральный федеральный округ	56,1	95,3	140,4	188,8	199,4	215,4	236,5
Курская область	34,6	48,7	110,3	140,7	150,1	165,7	183,0

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009. С. 202.

Изменения в потребительском поведении населения, связанные с приобретением товаров длительного пользования, отражают трансформацию образа жизни россиян. Как показывают результаты общероссийских и региональных исследований, инновации в сфере производственных технологий в виде предметов обихода и информационных технологий в форме Интернета, спутникового телевидения и др. постепенно внедряются в повседневную жизнь населения России и ее регионов. По данным социологического опроса, проведенного сотрудниками Института социологии РАН в Российской Федерации в 2010 г. (N=1750 человек), около 80% россиян имеют в своем пользовании кухонную технику типа микроволновой печи, гриля, тостера и т.п., при этом 67% — приобрели эти предметы быта за последние семь лет. Также 58% жителей России владеют компьютером, более 90% находящихся в собственности населения компьютеров куплены в течение последних семи лет, а 14% персональных компьютеров — за последний год. У половины россиян есть автомобиль, у 31% — автомобиль приобретен за последние семь лет [1; 11-12]. В то же время 45% населения страны пользуются Интернетом [1; 138]. Результаты регионального социологического мониторинга, первая волна которого прошла в Курской области в 2007 г. (N=1128 человек), вторая — в 2009 г. (N=1000 человек), свидетельствуют о значительном увеличении численности пользователей компьютером и Интернетом за последние годы. В 2007 г. 39,4% жителей региона заявили о том, что используют компьютер, в 2009 г — уже 52,5%, а о том, что пользуются Интернетом — 20,8% и 37,1% соответственно. При этом число пользователей мобильным телефоном среди курян возросло с 75,3% в 2007 г. до 88,8% в 2009 г.

В целом более массовым становится приобретение и использование современной и недорогой мелкой бытовой техники, техники для отдыха и развлечения, компьютерной техники, дешевых тарифов на информационные услуги.

Наряду с качеством и функциональностью, невысокая цена на ряд товаров длительного потребления становится решающим фактором для обновления предметов обихода. Вместе с тем более дорогостоящие товары длительного пользования, такие как автомобили, холодильники и др., при наличии в домохозяйстве устаревших моделей реже обновляются. Также обращает на себя внимание тот факт, что наблюдаемая модернизация потребления населения России и ее регионов не является отражением модернизации российской экономики, так как большинство приобретаемых населением товаров производятся за границей. По результатам уже упоминаемого социологического исследования ИС РАН, 24% россиян ключевой идеей модернизации России видят формирование эффективной инновационной экономики, а более трети (35%) опрошенных основной мерой в этом направлении считают активное внедрение новых современных технологий [1; 20,23]. В связи с этим обеспечение доступности использования производственных и информационных инноваций для основной массы населения наряду с активным внедрением современных технологий в производственную сферу экономики России, ее диверсификацией становятся необходимыми условиями модернизации российского общества.

Таким образом, одна из тенденций динамики потребительского поведения населения региона и страны в целом за последние двадцать лет, — постепенное расширение потребления современных товаров и услуг. Использование новой бытовой техники, мобильной электроники, фото-, аудио- и видеоаппаратуры, персональных компьютеров, информационных технологий (Интернета, спутникового телевидения) и др. значительно облегчает ведение домашнего хозяйства и обогащает домашний досуг и может свидетельствовать о постепенной модернизации повседневности россиян. Однако успешность социокультурной модернизации российского общества зависит от его экономической модернизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Готово ли российское общество к модернизации: аналитический доклад / под ред. М.К. Горшкова; Институт социологии РАН, Представительство Фонда им. Ф. Эберта в РФ. М., 2010.
2. За 1990–2005 гг. данные предоставлены Курскстатом.
3. Регионы России: стат. сб. В 2 т. Т. 2 / Госкомстат России. М., 2001.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: стат. сб. / Росстат. М., 2009.
5. Сводный статежегодник Курской области. 2009: стат. сб. / Курскстат. Курск, 2009.

М. В. Певная

ВОЛОНТЕРСТВО КАК РЕСУРС ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ СФЕРЫ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

В последние два десятилетия органы исполнительной государственной власти в условиях экономической дестабилизации и политических изменений не раз оказывались в ситуации трансформации системы вследствие измене-

ния идеологии социальной политики и социальной работы. В рыночных условиях большинство российских граждан оказывались неготовыми к резкому сокращению в их жизни роли государства. Как правило, наиболее слабые категории граждан были поставлены в условия трудной жизненной ситуации. В постперестроечный период в разряд слабо защищенных, помимо пенсионеров, попали такие категории населения, как безработные, переселенцы, беженцы, участники локальных вооруженных конфликтов. По мере обострения экономической ситуации социальная поддержка государства требовалась многодетным и неполным семьям, детям-инвалидам, жертвам политических репрессий, ветеранам подразделений особого риска, лицам, подвергшихся воздействию радиации, узникам фашизма и т. д. Таким образом, расширение категорий и числа потенциальных клиентов способствовало постоянной трансформации и расширению структуры органов социальной защиты населения; развитию стандартов деятельности специалистов социальной сферы; менеджериализации социальных сервисов; обобщению мирового опыта социальной работы и внедрению новых инновационных методов и форм реализации профессиональных практик в области социальной защиты, что нашло свое отражение в становлении социальной работы как профессии в России.

Однако, профессионализация сферы социальной работы существенно осложнялась в связи с целым рядом проблем. Внутри системы долгое время сохранялся дефицит профессионально подготовленных специалистов, стандартов обслуживания, отмечался слабый дискурс социальной работы [1;114]. В числе внешних проблем ключевыми являлись патерналистские настроения населения и ограниченный уровень юридической грамотности российских граждан. В течение всей советской истории среди населения источником проблем и благополучия рассматривалось государство. Оно принимало на себя высокие социальные обязательства при ограниченных ресурсах, обеспечивало схемы социальной заботы и социального контроля [2;22]. В этих условиях социальная активность большинства российских граждан достаточно длительное время оставалась невостребованной и нереализованной. Таким образом, с учетом социокультурной и исторической специфики, повлиявшей на формирование стойкого убеждения большинства населения в значимой активности государства как механизма решения социальных проблем, процесс активизации собственных ресурсов личности для решения своих проблем не был актуализирован.

Тенденция к рационализации и модернизации системы оказания социальных услуг подталкивает к неолиберальным изменениям социальной политики, где «социальное государство теперь воспринимается как минимальная сеть гарантий защиты от рисков рыночной экономики»[3;101]. Эта ситуация детерминирует и развитие профессии социальная работа, так как становление любой профессии во многом определяется социокультурными, политическими и экономическими условиями.

Развитие социальной работы в США и Западной Европе интенсивно шло в рамках реализации концепции «государства всеобщего благосостояния». В современной же России «механический перенос» практик образовательной под-

готовки специалистов из-за рубежа в российские кризисные условия, наряду с постоянным реформированием системы социальной защиты населения оказал существенное влияние на профессионализацию социальной работы.

Профессионализация в широком социальном смысле понимается как создание и развитие общественных институтов, а также правил и норм, связанных с формированием профессиональной структуры общества. В узком смысле, процесс профессионализации означает формирование профессиональных групп, имеющих специфические интересы и ценности, а также профессиональные позиции и роли [4]. В этом контексте профессионализация социальной работы должна оцениваться не только в контексте трансформации самой системы социальной защиты; связываться с изменениями в становлении профессионального сообщества в связи с укреплением институциональных характеристик сравнительно нового вида деятельности; отождествляться с процессом осознания своего профессионального предназначения членами профессиональной группы; но и зависеть от реальных оценок функциональной значимости данного вида профессионального вида деятельности, даваемых членами общества. Это реализуемо только при условии, если население само будет социально активно включаться в те процессы, которые непосредственно связаны с решением социальных проблем; если в России получат импульс к развитию негосударственные формы социальной работы при активном содействии исполнительных органов государственной власти. Таким образом, реально избежать последствий бюрократизации социальной работы как профессиональной деятельности вследствие ее рационализации и унификации. На текущий момент это представляется возможным только в русле развития некоммерческого сектора, благотворительности и популяризации волонтерской деятельности.

При этом в российском обществе существует психологический барьер недоверия к общественным организациям как реальному социальному институту. Лишь треть россиян доверяет НКО хотя бы одного вида, лишь 4% доверяет НКО более чем пяти видов. По этому показателю Россия сравнима с Украиной, Словенией, Грецией, Францией, Венгрией и рядом других стран, опережает Турцию и Португалию, но в разы отстает от многих других государств, например Дании, Норвегии и Швеции [5]. Профессионализация социальной работы, необходимость развития третьего сектора экономики позволяет говорить о необходимости вовлечения населения в простые формы общественной деятельности, такие как благотворительность и волонтерство или добровольчество. Понятия «волонтер» и «волонтерство» происходят от фр. Volontair — добровольный, а оно в свою очередь от лат. Voluntarius, voluntas — добрая воля, и равнозначны таким славяноязычным понятиям, как доброволец» и «добровольчество», понимаемым как добровольческая деятельность [6]. В общественном сознании добровольчество часто ставят в один ряд с благотворительностью и социальной работой. «Благотворительность и социальную работу связывает лишь общая альтруистическая установка. По всем прочим основным параметрам — целям, методом и структуре, — они существенно различаются». Движущей силой благотворительной деятельности является чувство морального

долга и стремление делать добро, тогда как, основная цель социальной работы вернуть способность «клиенту» действовать самостоятельно в данном социальном контексте [7; 307]. Подобный взгляд заставляет иначе посмотреть на волонтерство. С одной стороны, волонтерство в традиционном смысле рассматривается как вид добровольной деятельности, с другой стороны, в реальных социально-экономических условиях большинства развитых стран ЕС и США является институционализированным видом деятельности, поддерживаемым государством.

В индустриальных странах проблема рассмотрения волонтерства как серьезного жизненного досуга, центрального жизненного интереса, заместитель работы, системной профессиональной деятельности в научном дискурсе была обозначена в конце XX века [8]. Например, в Скандинавских странах на протяжении длительного времени складывались культурные традиции общественно значимой деятельности, сформированы социальные нормы, по которым не быть членом общественной организации, не учувствовать в волонтерской деятельности считается «неприличным» [9]. В американском варианте некоммерческая деятельность, в частности волонтерство рассматривается как профессиональная сфера. Волонтерские организации США представляют собой многочисленную (примерно 124 тыс. организаций — активная часть составленного Налоговым управлением списка, включавшего 275 тыс. организаций) сеть [10; 231]. В одних странах волонтеры активно привлекаются некоммерческими организациями, в других странах НКО и государственными учреждениями.

Волонтерство во многом проявляет свою дуальную природу, в рамках которой человек, участвующий в волонтерской деятельности наращивает свой социальный капитал как совокупность ресурсов, которыми он может всегда воспользоваться [11], а общество получает систему или «инструмент» цивилизованного решения социальных проблем. В 2009 г. Правительством РФ утверждена «Концепция содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в РФ», которая содержит комплекс необходимых мер поддержки развития благотворительного сегмента некоммерческого сектора. Основной целью государственной политики в области содействия развитию благотворительной и добровольческой деятельности является активизация потенциала благотворительности и добровольчества как ресурса развития общества, способствующего формированию и распространению инновационной практики социальной деятельности, позволяющего дополнить бюджетные источники для решения социальных проблем внебюджетными средствами и привлечь в социальную сферу трудовые ресурсы добровольцев [12]. Насколько же в реальности сегодня вовлекается население в благотворительную и волонтерскую деятельность?

В 2009 г. по данным Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора ГУ-ВШЭ многие российские граждане уже сегодня оказывают благотворительную помощь нуждающимся людям. Более половины (54%) россиян хотя бы один раз в год добровольно и по собственной инициативе оказывают благотворительную помощь, поддержку кому-либо, кто не является

членом их семьи или близким родственником. Примерно каждый девятый россиянин регулярно занимается добровольческой деятельностью и/или делает денежные пожертвования. Примерно такую же картину предоставляет ВЦИОМ. Около половины всех россиян не участвуют в благотворительной деятельности. Об этом сообщили 53% опрошенных в 2009 г. и 50% — в 2007 г. [13]. Среди наиболее состоятельной части общества 41 % опрошенных никогда не участвовал ни в каких благотворительных акциях, среди наиболее бедных — 59% [14]. Согласно данным исследования, проведенным в Тюменской области, сегодня 54% населения этого региона психологически не готовы к благотворительной деятельности [15;149]. В Свердловской области (опрос населения 2010 г., выборка стратифицированная, N-700, ошибка не более 0, 05) принимали участие в благотворительных акциях примерно каждый третий житель (32%). Из их числа каждый второй участвовал в сборе необходимых вещей для детей-сирот (50%), каждый пятый (20%) вносил денежные пожертвования на различные цели, один из десяти оказывал помощь ветеранам и пенсионерам, 6% — помогали пострадавшим в авариях и катастрофах, *13% респондентов лично что-нибудь делали для нуждающихся, вкладывали свой труд, тратили свое свободное время*.

При этом необходимо отметить, что почти половина наших сограждан предпочитает проявлять свою добровольческую активность в одиночку, а не в рамках деятельности некоммерческих организаций. По данным всероссийского опроса населения, 9% россиян делали это постоянно, 7% — единожды. По официальным данным, почти треть граждан России за последние 2–3 года несколько раз добровольно и безвозмездно трудились на благо людей, которые не являются членами их семей или близкими родственниками [16]. На текущий момент среди жителей Свердловской области лишь каждый третий затруднился однозначно дать ответ на вопрос: «Готов ли он к добровольной деятельности». *13% охотно согласились бы участвовать в такой работе в свободное время, почти каждый третий скорее согласились бы, тогда как не готовым к волонтерству себя считает каждый четвертый житель нашего региона*. В свете последствий мирового экономического кризиса волонтерство является важной темой для развития сектора некоммерческой деятельности. В 2009 г. 34% НКО отмечают приток добровольцев, для 49% организаций привлечение волонтеров является частью антикризисной стратегии (на первом месте относительно других мер в сфере человеческих ресурсов). Достаточно существенно число жителей области, кто готов включиться в реальные практики взаимопомощи другим людям. По данным практически каждый пятый респондент (22%), оценивая свои возможности и желания, смог бы работать на телефоне доверия, двое из пяти думают, что не справились бы с такой задачей, 37% затруднились дать ответ. Из числа согласных работать на телефоне доверия каждая четвертая женщина и 17% от числа опрошенных мужчин. Социально активные люди занимают жизненно активную позицию. Они более восприимчивы к проблемам других, и среди тех, кто смог бы работать на телефоне доверия, 36% хотели бы работать также и в общественных организациях. Среди тех, кто затруднился дать ответ

или полагает, что не справился бы с такой работой, таковых всего 8% и 4% соответственно. Интересно отметить, что готовность помогать совершенно не зависит от возраста респондентов.

Сегодня часть населения обладает определенным потенциалом, ресурсом к взаимопомощи, который необходимо эффективно использовать органами социальной защиты населения. Настораживает факт бездействия молодежи и ее невосприимчивости социальных проблем. Только при условии целенаправленной работы в этом направлении, продвижении идей волонтерства и добровольчества в молодежной среде возможно будет говорить о социальной ответственности населения, постепенном формировании поколения, воспитанного в традициях гражданского общества. Важным шагом в развитии идей гражданского общества является активизация потенциала благотворительности и добровольчества как ресурса его развития, способствующего формированию и распространению инновационной практики социальной деятельности, в частности социальной работы. Развитие волонтерства открывает перспективы привлечения человеческих ресурсов в деятельность НКО и органов социальной защиты населения, а также является направлением деятельности по изменению отношения населения к социальной работе как к непрестижной профессии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Романов П.В., Смирнова Е.Р., Ярская В.Н. Новый социальный менеджмент и реформы российской социальной политики // Мир России. 2008. № 3. С. 109-131.
2. Советская социальная политика 1920−1930 годов: идеология и повседневность / под ред. П. Н. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. М., 2007. 432 с.
3. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Идеология социальной политики//Социальная политика в современной России: реформы и повседневность. М.: Вариант; ЦСГПИ, 2008. 456 с.
4. Бетурлакин В. В. Профессиональная социальная работа: состояние и перспективы // Вопросы научной теории и социальной практики: сб. науч. статей. Вып. 3. БИТТУ СГТУ. Саратов: Наука, 2007.
5. Повышение доверия к некоммерческим организациям: российский контекст // Агентство социальной информации. СПб., 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.asi.org.ru/asi3/rws_asi.nsf/va_WebPages/
6. Казакевич Л.И. К вопросу об эволюции термина «волонтерство» // Социальная работа в России: образование и практика. Томск: ТМЦ ДО, 2003.
7. Шайнин Т. Социальная работа: идеология профессионализма // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2. № 3. С. 303-328.
8. Стеббинс Р.А. Свободное время: к оптимальному стилю досуга // СОЦИС. 2000. № 7. С. 64-72.
9. Барандова Т. Сегрегация третьего сектора // Когита.ру. Общественные новости Северо-Запада. СПб.: Научно-информационный центр «МЕМОРИАЛ», 2009. [Электронный документ]. Режим доступа: http://www.cogita.ru/intervyu/tatyana-barandova-proizoshla-segregaciya-tretego-sektora.-chast-1
10. Энциклопедия социальной работы / пер.с англ. В 3 т. Т. 1. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1993.
11. Бурдье П. Различение: социальная критика суждения // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004.

12. Концепция содействия развитию благотворительности и добровольчества в Российской Федерации // Благотворительность в России. 2009. № 2. Режим доступа: http://rusblago.ru/all-articles/koncepciya-sodejstviya-razvitiyu-blagotvoritelnoj-deyatelnosti-i-dobrovolchestva-v-rossijskoj-federacii/.
13. Пресс-выпуск № 1291. Часто ли мы помогаем ближнему своему? // Сайт ВЦИОМ. 14.08.2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=12287.
14. Буксующая благотворительность //Известия. 2007. 11 апр.
15. Михеева Н. Н. Благотворительность в общественном мнении тюменцев // СОЦИС. 2009. № 3. С. 149-150.
16. Ежегодный доклад Общественной палаты Российской Федерации о состоянии гражданского общества в Российской Федерации. М., 2009. С. 24. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.oprf.ru/documents/1151/

П. Ю. Пермякова

МОДЕРНИЗАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ МИНИСТЕРСТВА СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Информационная работа в государственном аппарате приобретает все большее значение, становится ключевым инструментом обеспечения прозрачности госаппарата, фактором его эффективности, расширяет возможности для открытого диалога власти с гражданским обществом. Об этом свидетельствует послание Президента Д.А. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации 12 ноября 2009 г. «Перемены к лучшему происходят лишь там, где есть возможность для открытого обсуждения возникающих проблем, для честного соревнования идей, определяющих методы их решения, где граждане ценят общественную стабильность и уважают закон. И в то же время могут брать на себя ответственность за положение дел в своем поселке или городе, понимают, что только активная позиция приводит в движение тяжелую машину государственной бюрократии»[1]. Главным критерием эффективности демократического государства Президент прямо называет «учет мнений всех граждан России, независимо от их национальности, религиозных, политических и иных убеждений», подчеркивает, что «все сферы государственного управления должны стать открытыми для общества, включая деятельность органов государственной власти».

Институционализация данных требований транспарентности реализована в федеральном законе от 9 февраля 2009 г. № 8 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». Новый закон смещает фокус в коммуникационном обмене между органами власти и общественностью с посредничества СМИ, ранее занимавших прочное положение основных акторов информационного пространства [2], в сторону целого ряда иных пользователей информации — граждан, организаций, госструктур.

Таким образом, государственный аппарат фактически сталкивается с новыми вызовами информационного общества, в котором возрастает роль различных групп общественности в потреблении, обсуждении и производстве информации. Это порождает необходимость пересмотра системы коммуникационного обмена госорганов со внешней средой, выработке новых подходов информационной политики.

Данная проблематика актуальна для органов социальной защиты населения, поскольку они реализуют социальные услуги и меры социальной поддержки, обеспечивая качество жизни различных групп селения.

Первым этапом пересмотра подходов информационной политики органов социальной защиты населения Свердловской области [3] стало проведение серии социологических исследований имиджа системы социальной защиты региона [4]. В результате определены ключевые проблемные зоны коммуникационно-информационного взаимодействия системы соцзащиты региона во внешней и во внутренней среде.

Во-первых, «размытость» образа социального работника в СМИ и у общественности. В информационном пространстве присутствует явный пробел относительно специфики профессии, размытость сфер ответственности различных структур федерального, областного и муниципального уровней, которые предоставляют социальные услуги и меры социальной поддержки.

Кроме того «социальными работниками» респонденты называют работников негосударственного сектора.

Во-вторых, стала очевидна особенность работы СМИ, которые фокусируют внимание на частных случаях, упуская тему развития системы в целом. Эта особенность затрудняет внесение в информационное поле информации о развитии отрасли, которая с начала 90-х претерпела значительные изменения, как в кадровом, так и в организационно-технологическом смысле.

В-третьих, выявлено, что сотрудники органов соцзащиты, реализующие те или иные направления работы со СМИ, имеют узкое представление об этой работе. Информационная работа на местах ограничивается зачастую лишь ситуационным информированием в ответ на запрос СМИ.

Данные исследования заложили основу для разработки Концепции информационной политики министерства, которая стала одним из результатов работы комиссии о модернизации системы социальной защиты населения Свердловской области, созданной в 2010 году [5]. В Концепции по итогам проведенного SWOT-анализа описаны возможности, угрозы и ограничения формирования информационной политики в отрасли и имиджа соцзащиты как главного продукта эффективной информационной работы.

Обозначены следующие возможности: а) изменение общероссийской информационной повестки, а именно замещение повестки борьбы с бедностью, актуальной для 90-х повесткой качества жизни 2000-х; б) требование открытости госаппарата, заявленное руководством страны и институционализированное в ряде нормативных правовых актов [6]; в) развитие Интернет-ресурсов; г) расширение круга партнеров министерства из сферы научно-педагогической, общественной деятельности; наконец, д) курс на модернизацию.

В качестве основных угроз формирования имиджа можно рассматривать такие проблемы: а) стереотип массового сознания о том, что успешные люди и люди, у которых нет собственного опыта преодоления трудных жизненных ситуаций, не выбирают сферу социальной защиты для работы; б) некоторое разочарование у населения в отношении эффективности деятельности системы госорганов; в) низкий уровень оплаты труда социальных работников и, как следствие, низкий социальный статус профессиональной группы.

В качестве ограничений формирования имиджа признаны такие особенностями системы социальной защиты населения: а) дефицит кадров, недостаточный общекультурный уровень работников органов соцзащиты; б) недостаточная доступность управлений и учреждений соцзащиты [7]; в) отсутствие специальной правовой базы, регулирующей деятельность пресс-службы (пресс-секретаря) в органах государственной власти; г) ограниченность бюджета для реализации целей пресс-службы (пресс-секретаря) в органах власти; д) недостаточность материально-технической базы и прочие.

Так, проблемы информационного коммуникационного характера деятельности системы социальной защиты населения региона связаны с вопросами кадрового, организационного, технологического характера.

Во внешней среде это устаревшее представление общественности об органах соцзащиты как о «собесе», системе госорганов, направленных на поддержку социально-незащищенных граждан по минимальному стандарту.

Это отчасти объясняют следующими особенностями внутренней среды системы социальной защиты: а) в организационном и кадровом смысле: дефицит кадров и отсутствие специальных штатных единиц или подразделений, ответственных за информационную работу в органах и учреждениях системы социальной защиты; недостаточный общекультурный уровень работников системы социальной защиты населения, неразвитость корпоративной культуры; недостаточная доступность получения социальных услуг и мер социальной поддержки в системе; неадекватная оплата труда социальных работников; б) в технологическом смысле: недостаточно используемые ресурсы по установлению, поддержанию и укреплению массовых коммуникаций посредством СМИ и иных инструментов (Интернет-сайта, иных Интернет-ресурсов, социальной рекламы и пр.); в) ценностном смысле: отсутствие ценностей и норм информационной работы.

Решения проблемной ситуации информационно-коммуникационного обмена системы соцзащиты региона в целом и формирования ее нового имиджа видится в том числе в привлечении студенческого сообщества к решению дальнейших исследовательских и практических проблем. В том числе в феврале 2011 года создана студенческая межвузовская научно-практическая лаборатория при кафедре социологии и социальных технологий управления УрФУ. Лаборатория занимается изучением ресурсов социального контента информационного пространства региона, занимается формированием и продвижением нового имиджа органов соцзащиты в электронной медиа-среде, разработкой регламентов работы пресс-секретаря в отдельных учреждениях системы соцзащиты региона и т.д [8].

Таким образом, модернизационный потенциал при разработке новой системы информационной политики органов социальной защиты населения Свердловской области видится в интеграции инициатив заинтересованных в изменениях социальных субъектов, в том числе научного и студенческого сообщества. Такой подход позволяет создать условия для открытого диалога, дает возможность «широко взглянуть» на проблемы информационной работы органов социальной защиты для выработки новых подходов, которые обеспечат необходимую и информационную открытость отрасли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Президент России: [сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/transcripts/5979 (дата обращения: 31.03.2011).
2. Ранее данная сфера информационных отношений регулировалась федеральным законом «О средствах массовой информации». Федеральный закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 // Российская газета. 2007. 28 ноября.
3. Имеются в виду Министерство социальной защиты населения Свердловской области и все подведомственные ему структуры — территориальные управления социальной защиты населения и учреждения социального обслуживания населения.

Исследования проведены инициативной группой кафедры социологии и социальных технологий управления УрФУ (заведующий кафедрой, д.ф.н. Ю.Р. Вишневский, доцент кафедры, к.с.н. М.В. Певная) в период 2008–2010 годов при поддержке министерства. Проведены анкетный опрос жителей г. Екатеринбурга об имидже профессии социального работника (случайно-стратификационная выборка, № 400, 2008), экспертный опрос представителей ведущих СМИ региона по проблеме эффективного взаимодействия СМИ и социальных учреждений (№ 30, 2008), экспертный опрос руководителей территориальных управлений социальной защиты населения по практике коммуникации со СМИ (№ 51, 2009), анкетный опрос жителей г. Екатеринбурга (случайно-стратификационная выборка, № 400, 2009) и Свердловской области (№ 700, 2009). См. Социологические аспекты изучения имиджа социальной работы. Информационная модель формирования»: учебно-методическое пособие. М.В. Певная, П.Ю. Пермякова. Екатеринбуг: УГТУ-УПИ, 2009. С. 107.

4. Важным направлением работы комиссии стало следующее — «Совершенствование информационной политики, новые технологии информирования населения, повышение престижа социальной работы». В рабочую группу по данному направлению вошли представители научного и преподавательского сообщества, в том числе Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ), Уральского государственного педагогического университета (УрГПУ), Свердловского областного базового медицинского колледжа.
5. В том числе это федеральный закон № 8-ФЗ от 9 февраля 2009 г. «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», вступивший в силу 1 января 2010 г., федеральный закон № 2124-1 «О средствах массовой информации», на региональном уровне — распоряжения Губернатора Свердловской области от 17.11.2010 г. № 230-РГ «О повышении эффективности взаимодействия исполнительных органов государственной власти Свердловской области со СМИ».

6. Имеется в виду пошаговая доступность, неразвитость форм электронного доступа и т.д.
7. Концепция информационной политики системы социальной защиты населения предполагает и такие формы работы с привлечением молодежи, как проведение конкурсов студенческих работ по отдельным направлениям информационной работы в отрасли, обмен опытом на конференциях, форумах, формирование молодежной пресс-службы для работы в отдельных управлениях и учреждениях системы соцзащиты региона и пр.

Ю. В. Петров

ПУТИ РАЗРЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В СИМПЛИФИЦИРОВАННОЙ ЭКОНОМИКЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ НА ОСНОВЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ

В современном мире стремительных социально-экономических изменений и технологического преобразования диверсификация национальной экономики государства рассматривается в качестве основы устойчивого развития. Страны экономической триады — США, Япония, Евросоюз — достигли такого структурного баланса в экономике, который позволяет оперативно реагировать на кризисы с исключением социальных катастроф. Данное положение вещей можно было наблюдать в кризисные 2008-2011 гг., укрепившие политическую, финансовую и социальную устойчивость сложившегося миропорядка. Кризис подтвердил истинность библейского тезиса: имеющим — да, приумножится, а неимеющие — потеряют и то, что имели [6; 686]. Череда социальных катастроф в самых богатых углеводородами странах свидетельствует о том, что сырьевая экономика не обеспечивает стабильности: спрос на сырье вторичен относительно спроса на продукцию из него изготовляемую [4; 248]!

Для России и, прежде всего, для ее базового региона — Тюменской области — проблема симплификации экономики является следствием недальновидного подсаживания на нефтяную иглу. Сам термин был выделен советскими географами в XX в. [1; 91] как антипонятие диверсификации. Госпланирование в СССР, отвергнутое отечественным вариантом рыночной экономики, реализовывалось на основе обеспечения сбалансированного функционирования соответствующего территориально-производственного комплекса (ТПК) [2; 200]. Комплексный территориальный подход оказался одним из самых эффективных в мире, в последующем он был внедрен и в зарубежной экономике — ФРГ [7; 136], США, в то время как в России был отнесен к пережиткам тоталитарной экономики. За прошедшие 20 лет с момента распада СССР альтернативных и эффективных территориальных схем, моделей социально-экономического управления в стране не было создано. Более того, не было реализовано ни одного крупного инфраструктурного, производственного объекта, имеющего высокую социальную значимость и перспективы технологического прорыва. Отрасли специализации, составлявшие основу ТПК, начали «оголяться», сбрасывать

с себя дополнительные услуги, подсобные производства и превращаться в экспортные островки [5; 189]. Развития территориальных схем не произошло, а усиление сырьевой зависимости, превращение в сырьевой придаток Запада обострилось. Помимо собственно экономических проблем, большую озабоченность вызывают вопросы обеспечения социального благополучия населения. В данном направлении выделим три основных блока вероятностных угроз.

I блок. Социальное неблагополучие, обусловленное высокой степенью стратификации населения по уровню доходов и, в значительной степени взаимообусловленным с ним, различием по качеству жизни. Основные причины, определяющие, на наш взгляд, проблематику — низкая степень соцобеспечения населения, макроэкономическая нестабильность, низкая инвестиционная привлекательность межотраслевых комплексов экономики.

II блок. Социальное неблагополучие, связанное с низкой эффективностью управленцев конкретной местности в области обеспечения социальных потребностей населения. В этом же ряду уместно выделить проблемы коррупции, бюрократизации, неоднозначности содержания действующей нормативно-правовой системы, прежде всего, в области разграничения полномочий и бюджетирования.

III блок. Социальные угрозы, обусловленные нестабильностью экономики, ориентированной на использование исчерпаемых природных ресурсов. Данный блок социальных проблем в настоящее время для ключевых рентообразующих территорий не является действующим, однако, уже в ближайшее десятилетие есть все объективные факторы (снижение ресурсной базы, выбытие основного фонда) для кризисных социальных проявлений.

Выделенные нами блоки социальных проблем имеют территориальную привязку, что позволяет идентифицировать их с определенным субъектом РФ, муниципалитетом. И, очевидно, что они могут носить как редукционистский характер, но, что имеет место быть, и выступать в синергетическом единстве. К сожалению, для Тюменской области присущи все три блока социальных проблем, разрешение которых требует привлечения значительных ресурсов, которые, уместно рассматривать с позиций географической науки.

Прежде всего, необходимо выделить виды ресурсов, рассматриваемых нами в работе. К ним, согласно классификации теории менеджмента и неомонетарной экономики [3; 709], принято относить следующие: люди, технологии, информация, деньги, сырье. Шестая группа — «предпринимательский талант» также имеет высокую значимость, однако, не имеет четкой идентификации.

Основные пути разрешения существующих и вероятностных социальных путей связаны с их идентификацией, что представляется весьма проблематичным в существующей управленческой системе, в том числе и в статистическом аспекте. Первый блок социальных проблем может быть идентифицирован вследствие выхода на муниципальную статистику по доходам населения — адресный социальный подход. В Тюменском регионе начало положено, в отдельных муниципалитетах созданы социальные карты граждан, однако, они не получили должного развития вследствие отсутствия достаточных технологиче-

ской, нормативно-правовой, коммуникативной баз. В данном случае, принципиален уровень муниципалитета, так как именно на уровне городского\сельского поселения возможно объективное отслеживание процесса социальной стратификации. Если, например, в границах одного сельского поселения разница в доходах основных слоев населения возрастает, а экономика территории при этом не испытывает инвестиционного подъема, то возникают объективные выводы о деградации существующей социально-экономической модели. Примером могут выступать административные центры муниципалитетов Юга Тюменской области, рост заработной платы в которых в последние десятилетия был обусловлен за счет увеличения управленцев. Аналогично, эффективным было бы информационное обеспечение по второму и третьему блокам проблем с территориальной идентификацией.

Последующим эффективным решением после территориальной идентификации может выступать пространственное представление существующих ресурсов конкретной местности, которые могли бы обеспечить снижение социальной напряженности. Картографирование проблемных территорий в крупном масштабе позволяет принимать точечные, а не площадные, удары по проблеме. Данное решение особенно эффективно в границах борьбы с асоциальными явлениями. Одним из рабочих примеров разрешения сложных асоциальных проблем выступает формирование картографических баз данных городов с анализом проживания в конкретных домах наркоманов, преступников, имеющих условное наказание, находящихся под домашним арестом. Современные технологические возможности позволяют достигать соответствующего продуктивного результата.

Следующий шаг — определение эффективности, результативности методов разрешения проблем, использования ресурсной базы, определяющих социально-экономическое будущее территории. Данное решение может быть использовано как на основе привлечения геоинформационного инструментария, интегрированного с цифровыми, архивными элементами баз данных. Например, определенный объект на местности, определяющий социальное развитие конкретной местности можно представить на карте в соотношении с цифровыми и документальными характеристиками. Муниципальный уровень представления объектов в данном случае позволяет гражданам и потенциальным инвесторам определять привлекательность конкретной местности. В случае с богатыми углеводородами территориями автономных округов социально-значимой могла бы выступать информация о перспективах ресурсов определенного месторождения, лицензионного участка относительно существующих запасов, планов, намерений и прогнозов компаний. На сегодняшний день, в отношении углеводородной базы возникают проблемы секретности как запасов, так и конфиденциальности сведений компаний. Данный статус, в том числе, приводит к формированию монопрофильных населенных пунктов, жители которых становятся заложниками определенных компаний, планы и возможности которых для них становятся предметом секретности и конфиденциальности.

Дальнейшее решение — выделение превентивных мероприятий, увеличивающих эффективность использования ресурсного потенциала местности. Данная функция отражена в классическом инструментарии менеджмента организации, нацеленного на выполнение последовательно-замкнутой цепи действий: планирование-организация-мотивация-контроль. Существующий мониторинг, подкрепленный географическим представлением информации, выложенный в открытый доступ, позволит снизить присутствие неэффективных технологических решений в территориальной общественной системе конкретной местности.

Итоговым решением выступает формирование стратегии, плана конкретных мероприятий, имеющих пространственную и цифровую реализацию. В данном случае, мы понимаем формирование крупномасштабных, доступных территориальной общности людей, проживающих в границах определенного городского, либо сельского муниципалитета, карт, на которых муниципальными управленцами отражены планы экономического развития. Характер представления: пространственные векторные слои, на которых представлены проектируемые заводы, предприятия с учетом пространственного местоположения выделяемых под объекты земельных и водных участков. Помимо новых направлений пространственного расширения экономической деятельности муниципалитета должны выступать локализованные части, отражающие модернизацию сформированной технологической базы предприятий (модернизация заводов, фабрик, социальных объектов). В этом же ряду, помимо благоприятных для территории процессов должны быть представлены и негативные элементы: закрытие предприятий, ухудшение экологической ситуации, технические аварии, истощение ресурсной базы и т.п. Формирование соответствующего пространственно-цифрового представления территории, подтвержденное соответствующими стратегическими и фактографическими документами, позволяет формировать инвестиционную привлекательность территории, которая становится не чем-то абстрактным, а конкретным инструментом разрешения социально-экономических проблем, который будет доступен не отдельным привилегированным слоям предпринимательского сообщества, а всем потенциальным инвесторам, в том числе и людям, проживающим в муниципалитете.

Для территории Тюменской области данные решения приобретают стратегическое звучание, т.к. очевидно, что основная часть месторождений углеводородов вступила в стадию падающей добычи. Реальной альтернативы нефтегазодобывающей деятельности в настоящее время не найдено. В то же самое время, жителя области и, прежде всего, автономных округов становятся заложниками существующего информационного вакуума вокруг будущего конкретных муниципалитетов. Спецификой отечественного законодательства, негативно отражающейся на социально-экономической ситуации в нефтегазодобывающих муниципалитетах выступает федеральный уровень отчетности предприятий по данному виду деятельности. В результате, конкретная территория, где

расположено соответствующее предприятие, а также люди, проживающие в районе добычи углеводородов становятся заложниками информационной закрытости. Они не знают о планах компаний, перспективах развития процесса добычи на определенной площадке, сама территория становится зачастую недоступной для местного населения вследствие возникновения производственных сооружений и т.п.

В результате информационной разобщенности процессов контроля от непосредственных реципиентов возникает социальная напряженность в муниципалитетах Тюменской области, которая может негативным образом сказаться на экономике региона. Одним из вероятных сценариев может выступать прекращение со стороны компаний деятельности по освоению месторождений вследствие низкой рентабельности, невосполнения минерально-сырьевой базы, либо, вследствие потери интереса к определенному муниципалитету из-за переориентации на более рентабельные зарубежные районы. Такая ситуация становится патовой для властей муниципалитета, которые, что особенно характерно для монопрофильных населенных пунктов, просто не в состоянии произвести быструю диверсификацию экономики.

Между тем, созданные в нефтегазовых районах Тюменской области условия жизни привлекательны для населения, для формирования редкой для страны положительной динамики естественного и миграционного прироста населения. Однако, очевидно, что чисто механический рост населения, необоснованный экономической ситуацией становится дополнительным очагом социальной нестабильности. В сложившейся ситуации уже существующей симплифицированной экономики с характерными для нее социальными рисками принятие превентивных мероприятий становится острой стратегической необходимостью. Потерянное время по данному направлению играет против процессов стабилизации и сбалансированности, устойчивого развития. И предложенные пути разрешения — возможный и технологичный сценарий, реализация которого возможна в современных условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. 350 с.
2. Колосовский Н.Н. Основы экономического районирования. М.: Госполитиздат, 1958. 200 с.
3. Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М.: Дело, 2002. 704 с.
4. Осипов В.А. Социально-экономические проблемы управления природопользованием. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1999. 248 с.
5. Сысоева Н.М. Развитие потребительской среды региона. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. 189 с.
6. Хаггет П. География: синтез современных знаний. М.: Прогресс, 1979. 686 с.
7. Haaren K. Landschaftsplannung und Strategische Umweltpruefung. Hannover: SUP, 2000. 136 s.

Н. Н. Пешкова

СИСТЕМА ЭНДАУМЕНТА В РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Благотворительные пожертвования — дополнительный источник ресурсного обеспечения имеют большое значение для содействия развитию социальной сферы и помощи населению в достижении достойного качества жизни. Благотворительность в России обеспечивается системой гражданско-правовых связей на основе законодательства и представляет собой конкретные действия человека по оказанию помощи. В современных условиях об актуальности и значимости социальной роли благотворительных организаций свидетельствует повышенное внимание не только общества к деятельности некоммерческих организаций, в том числе благотворительных, но и законодателя. Благотворительность, как социально-экономический процесс, взаимодействует со всеми социальными институтами, выполняя в обществе роль стабилизатора и активатора человеческого потенциала.

Американский социолог Н. Аберкромби сводит понимание благотворительности к реализации деятельности благотворительных фондов и характеризует ее как проявление инициативы гражданского общества и широкой общественности, которые реагируют на ту или иную социальную проблему более чутко, с большей социальной ответственностью, помогая при этом напрямую окружающим людям [1]. Социолог Девид Дефое в работе «Подаяние не является благотворительностью» определяет благотворительность как социальную систему, направленную на решение проблем нуждающихся. Он приходит к выводу, что благотворительной можно считать лишь ту помощь, которая решает социальные проблемы общества. Подача милостыни, по мнению Дефое, не является благотворительностью и зачастую представляется вредной для общества [2].

Механизм эндаумента, как вид благотворительности, является инновационным для России и, если закон о целевом капитале окажется действенным инструментом благотворительности, то в России в ближайшее время будет создано несколько сотен эндаумент-фондов. Их эффективное применение остается крайне затруднительным. Однако первые шаги уже сделаны, множество университетов используют эндаумент в своей финансовой деятельности. Широкое распространение фонды целевого капитала получили в тех странах, где исторически отсутствует государственная поддержка образования, науки и культуры, а национальные традиции поощряют частную благотворительность.

Технология эндаумента не совсем напрямую относится к благотворительным фондам, а больше принадлежит к формированию целевого капитала образовательных учреждений. Само формирование данного целевого капитала осуществляется при участии благотворительных фондов. Модель многоканального финансирования образовательных организаций в последние годы стала доминирующей во многих странах. Во всем мире финансовая поддержка образования основывается на сочетании бюджетных и внебюджетных источников. Именно такое сочетание позволяет обеспечить творческую автономию и экономическую самостоятельность образовательных организаций. Особенность об-

разовательных учреждений заключается в их уникальной функции для общества. Профессиональная социализация подрастающего поколения, является важнейшим и приоритетным направлением современного общества.

Эндаумент-фонд создается с целью обеспечения стабильного долговременного финансирования определенной некоммерческой деятельности посредством гарантированного дохода, обеспечивающего частичную независимость от разовых пожертвований.

Механизм действия эндаумент-фонда:

1. Благотворители жертвуют средства на цели развития организации, формируя целевой капитал фонда;
2. Капитал инвестируется в акции, облигации, паевые фонды, валюту и другие инструменты с тем, чтобы обеспечивался его постоянный прирост;
3. Финансирование проектов происходит за счет доходов от инвестирования, а сам капитал фонда остается неприкосновенным.

Частная инициатива не прогнозируется и не регулируется, а возникает как сиюминутное желание помогать. Фонд целевого финансирования постоянно ограничен чистыми активами, а основная сумма защищена. Доход может тратиться только под контролем либо установленных донором ограничений-условий, либо совета управляющих. Существует и квазиэндаумент, основной капитал и проценты которого тратятся по усмотрению совета управляющих. Обычно ежегодно можно расходовать 5% стоимости доверительного фонда, предоставленного в виде пожизненной ренты. Промежуточным условием является предоставление капитала в форме финансовых активов или недвижимости не менее чем на 10 лет.

Сегодня созданы законодательные условия, чтобы этот источник финансирования некоммерческого сектора начал активно развиваться в России. 30 декабря 2006 года принят Федеральный закон № 275 ФЗ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций». Вопрос приобрел повышенную общественную актуальность, о целевом капитале говорилось и в Послании Президента Федеральному собранию. Эндаумент само по себе явление не российское и даже не романо-германское, а появившееся в англосаксонском праве, поэтому сложно адаптируемое к условиям современного российского правового порядка. Принятый после широкой общественной дискуссии закон имеет ряд ограничений, которые были введены в конструкцию закона, чтобы на начальной стадии избежать целого ряда злоупотреблений, которые могли бы дискредитировать саму идею целевого капитала в России.

Основная идея закона — обеспечить комплексный подход к регулированию процесса формирования и использования некоммерческими организациями, в том числе государственными и муниципальными учреждениями, имущества, которое может служить источником стабильного дохода указанных организаций, необходимого для обеспечения их уставной деятельности.

Для систематической и адекватной профессиональной социализации молодежи необходим эффективный механизм финансирования образовательных

учреждений. Одним из эффективных финансовых инструментов, обеспечивающих стабильность, является endowment, или целевой капитал. В западных странах эндаументом является вклад, взнос, определенный объем финансовых средств, откладываемый в пользу некоммерческой организации на определенных условиях. Это может быть пожертвование или специально собранный целевой взнос, иногда дополненный собственными накоплениями образовательной организации. Как правило, эндаумент формируется и пополняется на протяжении многих лет.

Во многих странах данный вид дохода некоммерческой организации рассматривается как благотворительность, доход от эндаумента не облагается налогом на прибыль. Благотворители — доноры эндаумента — имеют налоговые льготы на прибыль: взносы в счет эндаумента вычитаются из сумм, подлежащих налогообложению, соблюдая интересы благотворителей. Такая система финансирования наиболее распространена в США, чему способствует законодательство о налогообложении, менее — в других экономически развитых странах. Доходы от эндаумента используются для финансирования некоммерческих организаций в сфере образования, науки, здравоохранения, культуры и искусства, а также в других секторах социальной сферы.

В России регламентация и контроль взаимодействия участников благотворительной деятельности существует, но в зачаточном состоянии, так как благотворитель, оказав единожды помощь, не обязан совершать данные действия многократно. Благотворительной деятельности присуще наличие специально подготовленных кадров, обеспечивающих ее функционирование (сотрудники благотворительных фондов).

Анализ данного вопроса позволяет сделать вывод о том, что благотворительная деятельность находится в процессе упорядочивания и формализации социальных связей отношений, имеет большую историю, другими словами проходит процесс институционализации. И пока данный процесс не завершен, утверждение, что благотворительная деятельность является социально-экономическим институтом, крайне смелое.

Участники VII Пермского экономического форума «Россия 1990-2000-2010. Как развиваться дальше?», оценивая внешние вызовы, которые России необходимо в первую очередь учитывать при формулировании «Стратегии-2020», 51% назвали в качестве главного соперника Китай. Мусульманский мир получил 24% голосов, 14% — иные государства, 11% — США. Наиболее актуальными внутренними вызовами участники форума считают утечку мозгов и маргинализацию страны (66%) и угрозу социального взрыва (34%).

Модератор пленарного заседания — руководитель комиссии при Президенте РФ по модернизации и технологическому развитию Александр Аузан поставил перед участниками сессии вопрос: «Каковы базовые ценности, на которые необходимо опираться при построении принципиальной модели дальнейшего развития страны?». В результате голоса участников распределились между вариантами ответа следующим образом: «развитие в обмен на участие» — 86%, «порядок в обмен на налоги» — 11%, «стабильность в обмен на лояльность» — 3% [3].

Вопрос «Как нынешний российский культурный уклад соотносится с целями модернизации и постиндустриального развития?» прозвучал дважды: в самом начале работы и по итогам выступлений участников и обсуждения. Вариант «В целом хорошо. Культура в России имеет большой ресурс позитивного влияния на развитие экономики» претерпел наибольшие изменения. Если в самом начале обсуждения тезис разделяли лишь 12% участников конференции, то по итогам всех выступлений к этому мнению склонялись уже 39%. Поддержка двух других вариантов ответа видоизменилась: культурный уклад скорее препятствует развитию экономики, в начале заседания были уверены 60% присутствующих, в конце же количество скептиков снизилось до 44%. Среди проголосовавших нашлись и те, кто не рассматривает культурный уклад как препятствие или подспорье, отмечая, что для успешной модернизации существуют и другие немаловажные факторы (28% и 17% участников в начале и в конце заседания соответственно).

Пьер Жан Эверат, профессор, экс-губернатор Всемирного экономического форума в Швейцарии, экс-президент Philips Electronics, рассказал об инструментах инновационного развития регионов. Сама задача поведения форума на такую тему, как инновационное развитие, очень амбициозна. Сегодня на проблему смотрят масштабно, чего не было ранее. А проведение форума в Перми говорит о том, что инновационная экономика становится основной темой регионов. Рекомендации о стандартах работы, мотивах перехода к инновациям в бизнес-структурах, необходимых действиях, давались в рамках сессии «Glocal. Вклад международного форума в развитие Пермского края».

Необходимо найти место для инноваций на каждом этапе развития региона. Когда в городе присутствует порядка 70 компаний, а на территории региона — порядка 700, необходимо начинать с простого, работать с молодежью. Нужно научить студентов, инженеров работать в другом темпе и уметь использовать иные подходы. Важно понимать, что инновационная экономика начинается именно с них, однако результаты, плоды их труда можно будет увидеть не ранее, чем через 7-10 лет.

Форум дает возможность появления, зарождения класса людей, занимающихся инновационной деятельностью, но их дальнейшим обучением также необходимо заниматься. Чаще общаться с потенциальными инвесторами, то есть посещать компании с мировым именем. В этом заключается наибольший потенциал для развития: бизнес всегда может оценить конъюнктуру, реальность выхода на рынок. Компаниям всегда есть чем поделиться, а этикет никогда не позволит им отказать гостям в приеме.

Эрнандо де Сото, президент Института свободы и демократии (Перу), рассказал на форуме о связи культуры и рыночной экономики. Необходимо эффективно смешивать различные элементы. Известно, что в Чили производят лучший какао и лучший сахар, но самый лучший шоколад при этом производят в Швейцарии и Бельгии. Так что любые сложные комбинации дают результат.

Кроме того, необходимо самостоятельно зарабатывать свой капитал. Лучший способ проиллюстрировать его сущность — это определить само понятие капитала. Лучшую трактовку этого термина дал Маркс, который определил его в виде прибавочной стоимости. С этой точки зрения, капитал — это не деньги, это все наши конкурентные преимущества.

На сегодняшний день нужно поменять отношение к самому эндаументу в России. Важно не просто накапливать средства, а использовать систему эндаумента для дальнейшего инновационного развития в образовательной сфере, в развитии творческого потенциала молодежи. Эндаумент — это не сумма на «черный день», а система, позволяющая учебным заведениям самостоятельно финансировать собственные инновационные проекты. Система целевого капитала, которая позволит вузу использовать накопленные средства для реализации инновационных научных и учебных проектов для стипендиальных фондов студентов, для поддержки активных сотрудников и преподавателей. Реализация этих целей в системе эндаумента должна быть достаточно демократичной и прозрачной, чтобы средства уходили на нужные вузу цели, на поддержку действительной инновации.

Представители бизнеса готовы помогать учебным заведениям, чтобы здесь в России учились и их дети, а сами они хотят жить и работать на российской земле, развивать российскую экономику и социальную сферу [3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аберкромби Н. Социологический словарь / пер. с англ. Н. Аберкромби. М.: Экономика, 2004.
2. Defoe D. Giving alms no charity, 2004.
3. Россия 2010–2020. Культура Три. Как развиваться дальше? / VII Пермский экономический форум. Пермь, 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.permforum.ru.

Е. Б. Плотникова, И. А. Германов

ОПЫТ ЧАСТНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПЕРМСКОМ КРАЕ

Частно-государственное партнерство (ЧПГ) — одна из новых форм совместной работы бизнеса и государства, весьма распространенная на Западе. В России подобное сотрудничество становится возможным благодаря тому, что российская экономика обрела определенную стабильность, принимает законодательные очертания разделение полномочий на муниципальном, региональном и федеральном уровне. Понятие частно-государственного партнерства чаще всего соотносят с капиталоемкими мегапроектами, например строительством трубопроводов, железных дорог и др. Однако, как показывает опыт западных стран и реализуемые проекты в России, значительные возможности для сотрудничества в формате частно-государственного партнерства располагаются в зоне региональной и муниципальной собственности.

В зарубежной научной литературе уделяется много внимания изучению институциональных и организационных альянсов государства с бизнесом в целях реализации национальных, территориальных и локальных общественно-значимых проектов. Это позволило сформулировать особенности западного функционирования частно-государственного партнерства. Институциализация ЧГП на Западе реализуется через создание организаций по реализации ЧГП на правительственном уровне, в состав которых входят представители бизнеса и государственной власти. К основным функциям таких организаций относится информационная поддержка и развитие инициатив в области ЧГП, проведение конференций и семинаров, создание коммуникационной сети для потенциальных партнеров, анализ и исследование проблем и возможностей сотрудничества бизнеса с властью. В российской практике создание подобных советов находится на уровне идеи. Важной характеристикой институционализации частно-государственного партнерства в России становится активное распространение практик социальной корпоративной ответственности, предполагающих активное участие частных компаний в поддержке социально значимых проектов с целью укрепления своего имиджа и создания репутации социально ответственного бизнеса.

Основное содержание научных дискуссий составляет определение границ понятия частно-государственного партнерства, его форм и типов. На международной арене расширяются границы институционального контекста, в котором происходит развитие взаимоотношений бизнеса и власти. Появляются новые акторы в лице общественных организаций, тем самым бипартизм дополняется системой трипатизма в отношениях государства и бизнеса. Таким образом, появляется новое понятие — «частно-государственное социальное партнерство». В широком понимании частно-государственное социальное партнерство — одна из форм ЧГП с привлечением социальных и общественных организаций как гарантов социальной направленности проектов. В узком понимании проекты, осуществляемые в рамках данной формы партнерства, направлены на удовлетворение потребностей «наиболее уязвимых» групп населения: малоимущих, инвалидов, безработных, многодетных семей и т.д. Таким образом, ключевым в данном случае является социальная направленность проектов, реализуемая в рамках социальной работы. Наибольшее распространение данная форма партнерства приобрела в рамках немецкой системы социального обеспечения, являясь последовательным продолжением социально-демократических традиций Германии.

В российской практике происходит расширение границ изначально другого понятия, характеризующего социальное партнерство, прежде всего, в трудовых отношениях. В частности, проекты, направленные на удовлетворение потребностей так называемых «уязвимых» групп населения, относятся к сфере социального партнерства, что обуславливает более широкий контекст данного понятия.

Проведенные исследовательские работы — экспертный опрос и опрос предпринимателей Пермского края — позволили выявить проблемные зоны частно-государственного партнерства на региональном уровне. Опрос прове-

ден среди 100 предпринимателей в 13 отраслях промышленности Пермского края в 2008 г.

Основными политическими барьерами, препятствующими развитию ЧГП, являются следующие: недоверие представителей бизнеса к органам власти как партнеру (частая смена приоритетов), низкий уровень инициативы со стороны региональной власти (государству необходимо генерировать проекты для ЧГП), отсутствие территориального стратегического планирования совместных проектов бизнеса и власти, коррупция в органах власти. Существенным недостатком является неготовность региональных властей к длительным срокам реализации проектов ЧГП, так как это связано с дополнительными рисками и расходованием денежных средств, что в свою очередь осложняет реализацию крупномасштабных и долгосрочных проектов, необходимых региону. Среди институциональных барьеров можно выделить отсутствие структуры, которая бы курировала проекты ЧГП на региональном уровне, а также слабую правовую базу частно-государственного партнерства (локальные акты находятся в стадии разработки). Административным барьером стала низкая юридическая и экономическая культура подготовки и реализации проектов ЧГП. Региональной и муниципальной власти необходимо привлекать бизнес — консультантов, которые могли бы оказать помощь по оформлению проектов для дальнейшего их предоставления инвесторам.

Противопоставление основных функций бизнеса и власти считается основным барьером на пути успешной реализации ЧГП. Данное противоречие видится в расхождении интересов бизнеса (в первую очередь, в получении прибыли и увеличении капитала) и государства как гаранта стабильности и благосостояния граждан. Перспективным направлением в рассмотрении частно-государственных взаимоотношений является использование сложившихся противоречий как основы для диалога и взаимовыгодного сотрудничества, состоящего в альянсе капитала и государственной власти.

Отношение предпринимателей к взаимодействию с властями оценивалось через согласие с утверждением о необходимости сотрудничества как для развития общества, с пониманием ЧГП в качестве механизма реализации задач для страны и регионов, так и для расширения возможностей самого бизнеса, использования его собственных ресурсов. Доверие региональной власти, действия ее в интересах развития бизнеса, информированность предпринимателей о существующих проектах стали основными индикаторами исследования уровня готовности власти к участию в реализации общественно-значимых проектов.

Результаты формализованного опроса показали высокую степень готовности предпринимателей к участию в совместных проектах с властными структурами. Представители бизнес — структур подвергли сомнению тезис о невозможности партнерских отношений между бизнесом и властью в рыночном обществе и выразили уверенность в том, что «партнерство бизнеса и власти — залог процветания всего общества». Большинство предпринимателей положительно относятся к частно-государственному партнерству, суммарный индекс

такого отношения к ЧГП по 100-бальной шкале составил 79,2 балла. Частно-государственное партнерство как взаимодействие бизнеса и власти воспринимается предпринимателями более оптимистично (индекс составил 87,5 баллов). Индекс отношения к ЧГП как к пути развития региона и как к новым возможностям для бизнеса составил по 75 баллов.

Низкая оценка институциональных условий развития бизнеса связана с тем, что предприниматели весьма негативно оценивают деятельность всех уровней власти по отношению к поддержке бизнеса. Наибольшую критику получила работа муниципальных властей: более 80% опрошенных оценивают ее отрицательно. Средняя оценка этого показателя по 5-балльной шкале составляет всего 1 балл. Около 75% предпринимателей дали негативные оценки деятельности региональных властей (средняя оценка — 2 балла). Примерно две трети респондентов отрицательно относятся к политике правительства (средняя оценка — 2 балла). Более половины опрошенных не удовлетворены действиями властей по привлечению инвестиций в экономику региона (средняя оценка — 2,5 баллов). Анализ ответов респондентов показал, что около трети предпринимателей знакомы с инициативами Президента и правительства РФ по развитию частно-государственного партнерства. Большинство предпринимателей оценили опыт участия организации в проектах ЧГП на 3 балла по 5-балльной шкале. Большая часть респондентов, участвовавших в проектах частно-государственного партнерства, готова сотрудничать с государством и в будущем. Около половины респондентов, не взаимодействующих с государством ранее, заявили, что хотели бы принять участие в проектах ЧГП, причем предпочтительными формами сотрудничества для предпринимателей стали контракты на выполнение работ и оказание общественных услуг, на поставку продукции для государственных или муниципальных нужд.

В ходе опроса предпринимателям предлагалось оценить перспективность проектов ЧГП на различных уровнях власти в России. Наиболее перспективным, по мнению участников опроса, является федеральный уровень (средняя оценка по 5-балльной шкале — 4 балла). Перспективность проектов частно-государственного партнерства на муниципальном уровне была оценена бизнес-сообществом на 3,5 балла. Самым неперспективным уровнем для взаимодействия государства и бизнеса по результатам опроса стал региональный уровень (средняя оценка по 5-ти бальной шкале составила 3 балла). Анализ ответов респондентов на вопрос «Как вы считаете, насколько перспективными в РФ являются проекты ЧГП в ниже перечисленных сферах?» показал, что большинство отраслей являются перспективными с точки зрения взаимодействия бизнеса и государства (шесть из восьми сфер были оценены на 4 балла по 5-балльной шкале). Наиболее привлекательными для сотрудничества бизнес-сообщества с государством являются сферы здравоохранения, дорожного строительства и ЖКХ. Менее привлекательными признаны такие отрасли, как образование, благоустройство территории, общественный транспорт. Самые низкие оценки перспективности проектов ЧГП получили экология и обеспечение общественного

порядка и безопасности (средние оценки этих сфер по 5-балльной шкале составляют 3 балла).

Субъектам предпринимательства также было предложено выбрать сферы, в которых они хотели бы сотрудничать с государством. Около трети предпринимателей хотели бы участвовать в проектах ЧГП в отрасли ЖКХ, 28% опрошенных в позиции «другое» указали строительство. Чуть менее четверти респондентов выбрали благоустройство территории. Около трети предпринимателей заявили, что хотели бы сотрудничать с государством в таких отраслях, как транспортная инфраструктура (15%), социальное обслуживание (12%), общественный транспорт (10%). Однако существует привязанность между той отраслью, к которой относятся участники опроса и той отраслью, которую они выбирают для сотрудничества с государством.

Наиболее привлекательными формами сотрудничества для предпринимателей являются контракты на выполнение работ и оказание общественных услуг (66%). Почти треть предпринимателей предпочла контракты на поставку продукции для государственных/муниципальных нужд. Чуть менее половины опрошенных высказались за контракты на управление и на осуществление технической помощи. А такие формы ЧГП, как аренда, акционирование предприятий и концессии, не пользуются популярностью среди бизнес-сообщества (11%, 10% и 6% соответственно). В ходе опроса предпринимателям предлагалось ответить на вопрос «Что, на Ваш взгляд, в большей степени сдерживает развитие частно-государственного партнерства в Пермском крае?». Большая часть респондентов ответила, что это «коррупция в органах власти» (69%), около половины опрошенных считают, что развитие ЧГП сдерживают «недостаток информации о возможности и преимуществах участия в проектах частно-государственного партнерства», «недостаточность правовой базы частно-государственного партнерства», «недоверие представителей бизнеса к органам власти как партнеру» и «отсутствие инициативы со стороны региональной власти». Чуть менее четверти участников опроса отметили «отсутствие стратегического планирования в регионе». Менее значимыми барьерами в развитии ЧГП считаются «отсутствие инициативы со стороны бизнеса» (10%), «недостаточный потенциал бизнеса» (8%), «нестабильность политической обстановки в регионе» (5%).

По мнению экспертов, эффективность частно-государственного партнерства зависит от многих факторов. Важнейшим из них является прозрачность отношений бизнеса и власти, что может позволить эффективно работать и решать различные проблемы совместно. Наиболее эффективным для совместного взаимодействия становится соблюдение принципов частно-государственного партнерства, к которым относится взаимопонимание, единство целей и интересов сторон, а также равноправие партнеров, выполнение сторонами принятых обязательств, соблюдение правил участниками взаимодействия, доступность, открытость информации, отсутствие скрытых механизмов, рычагов влияния друг на друга.

А. Г. Полякова

МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК ПРОЦЕСС «НОВОГО ОСВОЕНИЯ» РЕГИОНАЛЬНОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В настоящее время наблюдается усиление внимания к проблемам «нового» развития регионов на основе модернизации их социально-экономического пространства. Регионы нового освоения представляют собой особый тип регионов, отличительной чертой которых выступает внедрение современных форм и методов хозяйственной деятельности, в результате которых формируется целостное пространственное образование, основанное на взаимодействии природно-географических, экономических, социальных, этнических, демографических и иных процессов. Кроме того, развитие регионов нового освоения в рамках ряда федеральных программ дает им признак повышенного социально-экономического значения.

В первую очередь это относится к западной Сибири с ее северными территориями. Тюменский регион — сложнопостроенный субъект Российской Федерации: на его территории расположены Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО) и Ханты-Мансийский автономный округ (ХМАО), которые являются самостоятельными субъектами Российской Федерации и имеют собственный бюджет и орган государственного управления. Согласно ч.ч. 1 и 4 ст. 5 Конституции Российской Федерации автономные округа — равноправные субъекты Федерации, а согласно ч. 4 ст. 66 они входят в состав края и областей, хотя в Конституции и федеральных законах не указана территориальная привязка конкретного округа к конкретному краю или области. При этом на юг области приходится 11,3% общей площади, на ХМАО — 36,4%, на ЯНАО — 52,3%. Сложность решавшихся научно-технических, социально-экономических задач на малообжитых территориях с тяжелыми природно-климатическими условиями беспрецедентна и не имеет аналогов в мировой практике. Тюменский регион является уникальной площадкой по характеру, темпам, масштабам и глубине освоения.

Существование определенной группы регионов — регионов нового освоения — преобразует процесс модернизации в феномен социально-экономической динамики. Для объяснения переключения функций системы с одной программы на другую, т.е. изучения характера модернизации, скорее приемлем принципами глобального эволюционизма, структурно-синхронического и генетически-диахронического изучения объектов. Более того, исследование процессов модернизации регионов нового освоения тесно связано с экзогенными факторами регионального развития. На основе изучения истории развития территории по критерию «освоенности» выделяются следующие периоды формирования и становления ее экономического пространства.

— физического освоения территории;
— возникновения института власти;

— завоевания (колонизация[8]);
— ремесленно-хозяйственного освоения;
— аграрного освоения;
— индустриального освоения;
— постиндустриального освоения.

Необходимо отметить, что модернизация как процесс проявляется лишь в периодах, для которых характерно наличие внешнего управления, начиная с периода возникновения института власти. Так, в период физического освоения территории модернизация отсутствует. Есть основание полагать, что данный процесс требует достаточно сильного внешнего (экзогенного) воздействия на систему, что особенно ярко проявляется в период аграрной реформы и формирования территориально-производственных комплексов (агарное и индустриальное освоение). По мере развития территории и характера освоения возрастает и роль источника влияния. Если на начальном этапе в качестве ключевого источника влияния выступали прилегающие территории (региональный уровень), то в дальнейшем роль такового принимает на себя федеральный центр. Исходя из этого посыла, следует полагать, что двигателем современной волны модернизации будет являться мировое сообщество. В этом контексте проявляется такое свойство системы как отражение, т.е. способность объектов в процессе взаимодействия с другими объектами воспроизводить в своих изменениях некоторые особенности и черты воздействующих на них явлений. Тип, характер и форма отражения детерминированы уровнем и особенностями системно-структурной организации региона, а также способом их взаимодействия с отражаемыми явлениями. Отражение — результат взаимодействия систем, проявляющийся во внутреннем состоянии экономического пространства региона и в его внешних реакциях. В некотором смысле свойство отражения корреспондирует с такими процессами как глобализация, интеграция, поляризация. Непрерывно усиливающееся международное воздействие оказывает влияние на освоение регионального пространства. Наряду с этим, может быть поставлена и обратная задача — исследование влияния экономического пространства региона на мировое сообщество.

Представляется, что периоды освоения территории можно соотнести и укрупнить в несколько «волн» модернизации, используя экзогенные факторы.

Первая волна модернизации связана с преобладающими на тот момент географическими открытиями и включает в себя физическое освоение территории, а также период последующего расширения зоны освоения. Этот отрезок времени характеризуется возникновением института власти и последующей колонизации. Он может быть охарактеризован как период оперативного управления,

[8] Примечание: Историки полагают, что термин «колонизация» не применим к сибирским территориям, т.к. колонизация предполагает освоение незаселенных земель, в то время как на территории Тюменского региона проживало коренное население. Кроме того, земли не были легко доступны переселенцам и они не специализировались на массовом производстве сельскохозяйственных продуктов).

то есть управления, нацеленного на обеспечение простого воспроизводства и частичное решение тактических задач, таких как обеспечение обороноспособности. В указанный период роль территории заключалась в формировании дополнительного объема товаров, участвующих в торговом обороте.

Вторая волна модернизации включает в себя периоды ремесленно-хозяйственного и аграрного освоения и характеризуется тактическим характером управления территорией, когда вектор развития был направлен на достижение краткосрочных и среднесрочных эффектов от расширенного воспроизводства и решение внутриполитических задач, таких как снятие социальной напряженности. Постмодернизационный период характеризовался следующими статистическими данными, отраженными в работе «История крестьянства Сибири. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма», где приводятся следующие данные: «перепись 1897 г. зафиксировала 3958 тыс. лиц крестьянского сословия, из которых 164 тыс., или 4%, жили в городах, составляя там более трети всего городского населения. Но по социальному положению это были уже не крестьяне, а рабочие, ремесленники, служащие. В округах проживало 3794 тыс. крестьян, 300 тыс. казаков, 1246 тыс. коренных народов (так называемое сословие «инородцев»). Эти три сословия, расколовшиеся на социальные группы бедняков, середняков и кулаков, и представляли сельское крестьянское население. Общее число принадлежавших к этим сословиям в сельской местности составляло 5340 тыс. чел., или 79,5% всего сибирского населения» [3; 179]. Для сравнения отметим, что на третьей волне модернизации наблюдается переход к преимущественно городскому типу населения, что в дальнейшем (к четвертой волне) приводит к интенсификации осмысление вопросов городского развития с учетом новых объективно складывающихся социально-экономических, геополитических, урбоэкологических и других условий, а также формированию такого научного направления как «экономика города» [1].

Третья волна включает в себя период индустриального освоения, который представляет собой этап стратегического управления, в котором роль региона достигает национальных масштабов и заключается в обеспечении возможности долгосрочного осуществления расширенного воспроизводства. Эта волна модернизации соотносится с базовым научным течением — философией технократизма. В его рамках акцентируется внимание на формирование индустриального общества (А. Арон), технологического общества (Ж. Эллюль), нового индустриального общества (Дж. Гэлбрэйт), технотронного общества (З.Бжезински). Связующим звеном этих концепций является взгляд на научно-технический прогресс как основу для решения противоречий развития.

Третью волну формирования и становления регионального пространства можно обозначить как индустриальную. Она связывается с колоссальными изменениями в географической структуре производительных сил. В основу модернизации регионов нового освоения был положен тезис о необходимости выполнения требования научно-технической революции о ведущей роли науки [2; 12]. В качестве ключевых задач освоения выступала оптимизация функционирования народно-хозяйственного комплекса путем сокращения трудовых, энер-

гетических, сырьевых затрат и совершенствования технологии, интенсификация производства за счет внедрения достижений научно-технического прогресса, ускоренного внедрения социальных программ. В течение данного периода была произведена реконструкция промышленности и сельского хозяйства на основе новой техники.

Четвертая волна модернизации, протекающая в настоящее время, включает в себя период постиндустриального освоения и за свою основу принимает мировоззрение о первостепенности культурно-нравственных основ общества. Еще М. Хайдеггер, К. Ясперс, Г. Маркузе, Э. Фромм отступали от линии технократизма, акцентируя внимание на личности как основе и первоисточнике развития. Именно в рамках этого течения формировалось отторжение доминирующего технократического пути развития, основанного на «обществе потребления», приоритете развития материальных потребностей в ущерб духовным. Пришло время расширения и включения социокультурных аспектов в концепции развития. Примером тому могут служить появившиеся концепции Д. Белла (постиндустриальное общество), О.Тоффлера (информационное общество).

В качестве причины появления новых свойств у пространственных образований выступают пространственные трансформации, которые изменяют их структуру. Изменениям может подвергаться экономическая структура как всего федеративного государства, так и регионов как пространственных образований в частности.

С точки зрения федеративной целостности роль структурного строения и структурных связей заключается в определении вариантов взаимоотношения региональных пространств, так как пространственные трансформации влекут за собой появление тенденций ассиметричности регионального развития, интеграции и поляризации и пр. Можно выделить три типа структурной зависимости регионов как пространственных образований, которыми объясняется все разнообразие форм взаимодействия пространств в любой пространственной структуре.

В качестве итога следует отметить, что двигателем модернизации является внешнее воздействие на экономическое пространство региона. Для изучения современного этапа модернизации более применим принцип глобального эволюционизма. Реально наблюдаемые тенденции требуют более широкого взгляда исследователя на процесс развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анимица Е.Г., Власова Н.Ю., Силин Я.П. Городская политика: теория, методология, практика / науч. ред. А.И. Татаркин. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2004. 306 с.
2. Захаров Ю.Р. Методологические вопросы формирования территориально-производственных комплексов // Освоение новых территорий (социально-экономические и экологические проблемы). Тезисы научно-практической конференции. Березняки, 1985. С. 11-13.
3. История крестьянства Сибири. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. А.П Окладников, А.П. Бычков, Л.М. Горюшкин и др. Новосибирск: Наука, 1983.

С. Е. Раменский, Г. П. Раменская, В. С. Раменская

ВЛИЯНИЕ УМЕНЬШЕНИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ НА ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ПЕДАГОГАМИ И СТУДЕНТАМИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Проектировщики считают, что система при переходе от одного устойчивого состояния функционирования к другому стабильному состоянию теряет управляемость [14]. Наверное, каждый согласится, что система общественно-экономических отношений в России была достаточно устойчивой около 70 лет при социализме. Хочется надеяться, что стабильными будут рыночные отношения в нашей стране. А переход от одного состояния к другому оказался очень болезненным как для населения, так и для производства, экономики.

Есть основания рассматривать население страны как систему, которая имеет конкретное современное состояние, «память» (описываемую при помощи набора функций, возникших в результате предшествующей обработки информации), механизмы регуляции размеров (численности людей). Эти характеристики определяют реакцию системы на поступающие извне сигналы, в данном случае усилия руководства страны модернизировать Россию.

Можно считать, что «Система — это объединение элементов, действующих как единое целое» [8, 24]. Поэтому система может быть рассмотрена как «1) любая *вещественно-энергетическая* или *концептуальная совокупность* взаимосвязанных составляющих, объединенных прямыми и обратными связями в некоторое единство; 2) множество *однородных или разнородных отдельностей*, находящихся в определенных более прочных, чем с окружающей средой, отношениях и связях друг с другом и поэтому образующих некую цельность, единство» (курсив наш — авторы) [11; 475]. Целостность комплекса достигается необходимой интенсивностью потоков вещества, энергии, информации, финансовых средств» [4; 495].

Человек рассматривается как система, живущая в мире систем и, в свою очередь, организованная из систем более низкого порядка, если рассматривать составляющие его органы, а затем и клетки, из которых они образованы. Таким образом, система включает в себя множество подсистем более низкого уровня, в каждую из которых вложено некоторое количество подсистем — представителей еще более низких уровней управления и т.д. Получаем усложненный аналог «русской матрешки», которая на каждом уровне обычно содержит больше одного вкладыша [13; 102]. Элементы системы определяются ее структурой [5; 572]. Структуру вещи позволяет выделить «теснота» («глубина» и «прочность») связей [4; 501].

Н.Ф. Реймерс пишет, что «в любой системе имеется согласование частей, иначе она бы шла вразнос, не было бы никакого единства. Очевидно, действует *закон согласования строения и ритмики (функций) частей (подсистем), или закон синхронизации и гармонизации системных составляющих*: в системе как самоорганизующемся единстве индивидуальные характеристики подсистем согласованы между собой» [12; 52].

Эффективность мер, реализуемых для модернизации России, в значительной степени определяется отношением к ним населения страны, «социальным капиталом» общества, под которым можно понимать сплоченность людей, их способность к горизонтальной и вертикальной самоорганизации, уверенность в справедливости и жизнеспособности существующего общественного строя, доверие к государственным лидерам. Этим обусловлена актуальность проблем, изучаемых в рамках исследовательского проекта РАН «Экономика и общественная среда» (руководитель — академик РАН Олег Тимофеевич Богомолов). По оценке Олега Тимофеевича, «наше государство неадекватно вызовам постиндустриальной эпохи… Конституционное определение России как социального государства остается неясным, а соображения науки на этот счет не находят официального закрепления. Население лишено важнейшего ориентира — люди не понимают, к какому общественному устройству страна придет в результате проводимых реформ и что это даст народу. Отсутствие ясной перспективы, веры в будущее, не может не сказываться на духовном климате в стране и настроениях людей» [2].

«Только каждый пятый россиянин открыт для изменений и модернизаций». «Для развития инновационной экономики у населения нет ни драйва, ни идеалов, ни культа интеллекта, ни солидарности». Народ не хочет перемен, стремится к сохранению достигнутого, рассчитывает на патернализм — говорили выступающие на Пермском экономическом форуме «Новая экономика и культурная политика» (сентябрь 2010 г.) [15].

В.В. Криворотов, А.В. Калина среди угроз экономической безопасности России и ее регионам называют демографическую безопасность, под которой понимают «защищенность процесса жизни и непрерывного естественного возобновления поколений людей» [7; 195]. Демографическая угроза для нашей страны очень реальна. Примерно 20 лет продолжается депопуляция. По предварительным итогам «Всероссийской переписи населения 2010г.» численность населения с 2002 по 2010г. уменьшилась на 2,2 млн. человек — до 142,9 млн жителей.

А.П. Багирова отмечает, что потребителями результатов репродуктивного труда людей являются не только родители, семья, но, и, возможно даже в большей степени, общество, работодатели, экономическая и государственная система страны. Высшее образование РФ должно включать в понятие «всесторонне развитая личность» готовность к репродуктивной деятельности для формирования «высокоценного человеческого капитала». Тем самым образование будет выполнять социальный заказ общества по обеспечению его стабильности и развития. Среди компетенций, которые важны для «успешной репродуктивной деятельности и дальнейшей реализации труда в этой сфере», можно выделить *специальные*, включающие в эту категорию, в том числе, уход за ребенком, воспитание и социализация ребенка, создание условий для его дошкольного и послешкольного образования, разностороннего развития [1].

Итак, для участия в модернизации страны соответствующие страты населения должны быть достаточно многочисленными, состоять из людей с хорошим

здоровьем, способных усваивать и эффективно использовать знания. Рассмотрим некоторые особенности взаимоотношений «педагог высшей школы — студенты».

Академик РАН, директор Института экономики УрО РАН говорит, что «Я любил преподавательскую работу и до сих пор люблю. Но я бы не хотел возвращаться в преподавание. Раньше у людей глаза другие были. Они хотели узнать новое, научиться чему-то, сейчас много безразличных глаз. Люди считают, что они заплатили за образование, а значит, вы нам дайте диплом и не дурите лекциями» [3].

Опытные гипнотизеры, которые профессионально рассказывают широкой публике о гипнозе и его возможностях, говорят, что уже заходя в зал и позднее — во время демонстрации опытов они могут чувствовать влияние негативного настроя некоторых агрессивно настроенных скептиков. Аналогичный феномен может ощущать квалифицированный педагог. Между педагогом и студентами во время лекции, проведения практических занятий возникает особого рода взаимодействие, перед нами — полноценная система элементов.

Общественное сознание россиян состоит из частично противоречивых структур, из которых можно назвать остатки социалистического уклада, мировоззрение собственников, предпринимателей, религиозная составляющая.

Студенты великолепно знают о демографических проблемах РФ, о современных последствиях «демографической ямы», в результате которых существование многих вузов сейчас определяется количеством обучающихся, в том числе на младших курсах. Это закономерно снижает планку требований для зачисления в студенты. Последние часто учатся на коммерческой основе. Усилия по минимизации количества отчислений студентов усиливает их подсознательную установку: «Кто платит за музыку, тот ее и заказывает».

Ни у кого не вызывает возражения мнение, что педагоги высшей школы получают небольшую заработную плату как в абсолютном, так и в относительном выражении. В разных вузах неоднократно приходилось слышать: «Как вы мне платите, так я и работаю». К сожалению, не часто встречаются педагоги, которые нашли в учебном заведении «дело, для которого тебя призвали» [6; 38]. Студенты обычно недовольны высокой платой за обучение, логично требуя взамен качественного преподавания. Оплачивая коммерческую услугу, в качестве которой некоторые рассматривают обучение в высшей школе, некоторые студенты и их родители рассчитывают на почти гарантированное получение диплома и могут проявлять недовольство, если этого не происходит. Многие учащиеся высшей школы вынуждены работать больше рекомендованных 20 часов в неделю. В том числе названные обстоятельства, могут вызвать противостояние «студенты — преподаватель», которое привело, например, к отставке ректора Московского государственного университета печати [10].

Иногда продолжением противостояния могут быть криминальные случаи. За предшествующие 12 лет были убиты 48 работников высшей школы, из которых 8 профессоров только за последние 2 года. Рассматривая такие события, Н. Попова пишет: «Выходит, сегодня профессуру истребляют не только зага-

дочные убийцы, но и сами студенты?... Кто будет работать в университетах при столь сумасшедших темпах истребления самых умных людей страны?»[9].

Корпоративная культура вуза, которая влияет и поддерживается авторитетом педагога, влияет на вероятность возникновения таких «форс-мажорных» событий.

Несмотря на серию публикаций в газете «Аргументы неделі» (№№ 42, 51, 225, 250), можно считать, что, как правило, отсутствует осознание профессионального риска действующими преподавателями, профессорами высшей школы, а тем более широкими слоями населения.

Можно предполагать, что при изучении фактов появления и способов проявления случаев жесткого противостояния «преподаватель — группа (поток) студентов» может проявиться эффект «голого короля» (по сказке Г.Х. Андерсена). Педагог будет не склонен обсуждать с исследователем такие события, боясь прослыть непрофессионалом, некомпетентным человеком, который не способен руководить учащимися во время занятия. Возможно, что для оценки обсуждаемых событий уместно использовать польское «маргинэс» — «на полях общественного сознания».

Негативные процессы в демографии России характеризуются увеличением доли старших возрастных групп, уменьшением продолжительности жизни как мужчин, так и женщин, прогнозируемом дефиците работников. Обслуживание пенсионеров становится все большей нагрузкой для представителей молодого и зрелого возраста. Увеличивается роль общественно полезного труда пожилых людей, в том числе добровольного квалифицированного. Для этого может оказаться необходимой переподготовка пенсионеров, дополнительное профессиональное обучение с участием работников высшей школы. Следует ожидать, что пожилые люди, как правило, к такому обучению будут относиться серьезно, рассматривая предлагаемый труд как, возможно, последний шанс значительно улучшить свое материальное положение, сохранить социальные связи, а некоторые — даже проявить свои креативные способности. Для представителей «третьего возраста» может оказаться актуальными юридическая защита, медицинское сопровождение их деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багирова А.П. Репродукционно-ориентированное образование как фактор трудовой активности в сфере воспроизводства человеческого капитала / А.П. Багирова // Устойчивое развитие российских регионов: человек и модернизация. Доклады Восьмой Международной научно-практической конференции по проблемам экономического развития в современном мире. (Екатеринбург, 22-23 апреля 2011 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. С. 5-8.
2. Богомолов О.Ф. Капитал справедливости / О.Ф. Богомолов // Литературная газета. 2011. 13-19 апреля.
3. Вишнякова Ю. «Настоящая наука не терпит равнодушных глаз». Об Урале академик Александр Татаркин говорит как о живом человеке / Ю.Вишнякова // Областная газета. 2011. 17 марта.
4. Гонтарева И.И. Математика и кибернетика в экономике: словарь-справочник / И.И. Гонтарева, М.Б. Немчинова, А.А. Попова. М.: Экономика, 1975. 702 с.

5. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. М.: Наука, 1975. 720 с.
6. Краснова, В. Свадьба с идеалом /В. Краснова, А. Матвеева // Эксперт. 2009. № 25 (663). 35-46.
7. Криворотов В.В. Экономическая безопасность государства и регионов: учебное пособие / В.В. Криворотов, А.В. Калина. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2010. 365с.
8. О'Коннор, Дж. Искусство семейного мышления. Творческий подход к решению проблем и его основные стратегии / О'Коннор Дж., Мак-Дермотт Я.; пер. с англ. Киев, 2001.
9. Попова Н. Гантели вместо пистолета. В России продолжают гибнуть ученые. По горячим следам раскрыто несколько преступлений / Н. Попова // Аргументы неделі. 2011. 10 марта.
10. Прямилова Я. Студенты борются за компетентность преподавателей / Я. Прямилова // Труд. 2011. 4 февр.
11. Реймерс Н.Ф. Природопользование: словарь-справочник / Н.Ф. Реймерс. М.: Мысль, 1990. 637 с.
12. Реймерс Н.Ф. Экология (теории, законы, правила, принципы и гипотезы) / Н.Ф. Реймерс. М.: Журнал «Россия Молодая», 1994. 367 с.
13. Сушков И.Р. Психология взаимоотношений / И.Р. Сушков. М.; Екатеринбург, 1999. 199 с.
14. Управление проектами / Н.И. Ильин, И.Г. Лукманова и др. СПб.: Два — Три, 1996. 610 с.
15. Щукин А. Встреча культуры и экономики / А.Щукин // Эксперт. 2010. № 38 (722). С. 80-83

Г. Ф. Ромашкина

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

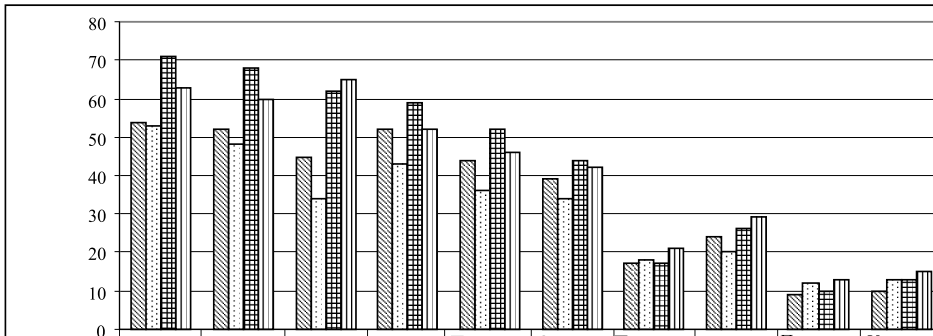
Лаборатория мониторинга регионального развития ТюмГУ продолжает социокультурный мониторинг в Тюменской области по программе «Социокультурные портреты регионов России» под научным руководством Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой (ЦИСИ ИФ РАН). Социологические исследования проводятся по государственным заказам Тюменской областной Думы[9] и при поддержке Российского гуманитарного научного фонда[10] в период с 2006 по 20010 годы, для продолжения раздела по трудовой мотивации привлекалось финансирова-

[9] «Исследование качества жизни и социального самочувствия населения Тюменской области (включая ХМАО, ЯНАО)», ГК № 75 от 6.07.2006. «Проблемы социокультурного развития Тюменской области», ГК № 112 от 8.05.2009 г.

[10] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, гранты: № 06-03-00566а «Социокультурный портрет региона (Тюменская область)», № 09-08-00676а «Социокультурный мониторинг — портрет Тюменской области». Научный руководитель Г.Ф. Ромашкина.

ние Федеральной целевой программы[11]. Таким образом, в нашем распоряжении имеются уникальные социологические и статистические данные, репрезентирующие взрослое население Тюменской области (включая ХМАО, ЯНАО), объем выборки по каждой территории не менее 1500 человек[12] [1,2].

Рассмотрим, как отвечали наши сограждане на вопрос: *«Насколько сегодня Вы лично чувствуете себя защищенным от различных опасностей?»*, в котором содержится перечень 10 опасных проблем. Для жителей нашего региона последовательность проблем-опасностей по рангу в среднем практически совпадает со среднероссийской. Наиболее высок уровень 4-х основных проблем-опасностей: преступности, бедности, произвола чиновников и экологических угроз. Уже два десятилетия самой острой для населения страны, как и для Тюменской области, остается незащищенность перед преступностью (рис. 1). В Тюменской области, как и по стране в целом, на третьем месте по незащищенности стала проблема бедности, на третьем — произвол чиновников, а вот четвертое место в рейтинге проблем занял произвол правоохранительных органов, переместив экологическую угрозу с четвертого на шестое место.



	Преступность	Бедность	Экологическая угроза	Произвол чиновников	Произвол правоохранительных органов	Одиночество и заброшенность	Преследования за политические взгляды	Притеснения из-за возраста	Притеснения за религиозные взгляды	Ущемления из-за национальности
ТО, 2006 г.	54	52	45	52	44	39	17	24	9	10
ТО, 2009 г.	53	48	34	43	36	34	18	20	12	13
РФ, 2006 г.	71	68	62	59	52	44	17	26	10	13
РФ, 2010 г.	63	60	65	52	46	42	21	29	13	15

Рис. 1. Динамика коэффициента незащищенности в Тюменской области: 2006-2009 годы, % от числа опрошенных. * По данным российского мониторинга, 2006-2010 гг.

[11] При поддержке ФЦП, контракт № П859, руководитель Е.В. Андрианова.

[12] Всего в 2009 г. было опрошено 4510 человек по массовой анкете, из них 48% мужчин и 52% женщин; 79,6% городского и 20,4% сельского населения. Выборка по югу Тюменской области составила 1560 человек, из них 63,7% городского и 36,3% сельского населения. В ХМАО было опрошено 1800 человек, из них 91,4% городского и 8,6% сельского населения. В ЯНАО было опрошено 1150 человек, из них 85% городского и 15% сельского населения. Структура выборки по полу, возрасту, типу населенных пунктов соответствует (с точностью до 2%) структуре взрослого (старше 18 лет) населения Тюменской области в разрезе трех субъектов Федерации, ошибка выборки не превышает 3%.

Интенсивность ощущения проблем-опасностей в Тюменском регионе существенно ниже общероссийского уровня, она снижается в динамике. В данном контексте проявляется действие латентных факторов «региональной специфики»: доминирующие в данном регионе настроения, ментальность, уровень и качество жизни, качество управления, демографическая ситуация и др. Более половины граждан, как в среднем по России, так и в Тюменской области полностью или частично *удовлетворены своей жизнью в целом*. Заметно повышение уровня удовлетворенностью жизнью в ХМАО-Югре (на 7%) и на юге области (на 2%), в ЯНАО изменения не превышают ошибки числа опрошенных. С возрастом снижаются общие оценки удовлетворенности жизнью, существенных различий по гендеру, типу поселения и образованию замечено не было.

Удовлетворенность жизнью растет с повышением материального уровня жизни; в верхнем социальном слое полностью удовлетворенных более чем в два раза больше, чем в нижнем. Оценки общей удовлетворенности жизнью в качестве своего эталона имеют ближайшее окружение (регион, город, поселение), поэтому по данному показателю нет принципиальных межрегиональных различий. Уверенность в будущем быстро убывает при переходе от верхних к нижним слоям населения. Важным фактором, положительно влияющим на степень социального самочувствия, оказалась *степень оседлости*. Среди недавних мигрантов существенно ниже доля социальных оптимистов.

Как и в среднем по России, оценки жизни в ближайшей перспективе среди жителей Тюменской области ниже ответов на вопрос об уверенности в жизни. Это происходит за счет большой доли уклонившихся в оценке своих ближайших перспектив, за счет большей критичности оценок ближайшего прошлого (последний год). За период от 2006 до 2009 года две составляющие социального самочувствия (защищенность от опасностей и удовлетворенность жизнью в целом) в трех субъектах РФ Тюменской области за исследуемый период выросли, а третья — снизилась. Поэтому значение индекса социального самочувствия практически не изменилось, и оно на 2-3% пункта выше среднего по России, см. табл.1.

Таблица 1

Индекс социального самочувствия населения, 2006-2009 гг.

Компоненты самочувствия, его индекс*	2006 г.				2009 г.				РФ в целом	
	Юг ТО	Югра	Ямал	ТО в целом	Юг ТО	Югра	Ямал	ТО в целом	2006 г.	2010 г.
Защищенность от опасностей (Кз) (по 10 опасностям)	0,62	0,60	0,58	0,60	0,62	0,64	0,62	0,63	0,58	0,59
Удовлетворенность жизнью в целом (Куж)	0,64	0,65	0,66	0,65	0,68	0,68	0,68	0,68	0,66	0,68
Оптимизм (Ко)	0,68	0,69	0,68	0,68	0,61	0,65	0,63	0,63	0,63	0,63
Индекс социального самочувствия (Исс)	0,65	0,64	0,64	0,64	0,64	0,66	0,64	0,65	0,61	0,63

* *Исс* считается как одна третья от суммы трех частных индексов (правила подсчета индексов приведены выше)

Заметно, что те жители региона, кто в текущем году практически не ощутил на себе ухудшения социально-экономической ситуации, рассчитывают на это и в ближайшей перспективе. Например, среди тех, кто стал жить в текущем году лучше, 71% ожидают улучшения своей жизни в ближайшей перспективе, 70% полностью удовлетворены своей жизнью, и 66% уверенны в будущем; а среди тех, кто стал жить хуже, в текущем году таковых оказалось 5%, 8% и 9% соответственно.

Не все характеристики динамики социального самочувствия связаны между собой. *Взаимное влияние составляющих коэффициента социального оптимизма достаточно высокое*. Прямо коррелируют самооценки материального положения и удовлетворенность жизнью в целом; *удовлетворенность своей жизнью в целом и общей уверенность в будущем* (0,59). Наименее устойчива связь между самооценкой материального положения и оценка ближайших перспектив (0,16). При этом выделяются три «пары» — параметр «удовлетворенность жизнью колеблется вместе со стратегическим оптимизмом, а материальное положение теснее связано с оценкой прошлого, параметры тактического оптимизма ближе всего связаны друг с другом. Но *взаимное влияние первых двух составляющих социального оптимизма и защищенность граждан от проблем-опасностей не столь прямолинейно*. Сила связи быстро возрастает с ростом степени незащищенности граждан от соответствующей проблемы опасности. Так, в нашем массиве значимо влияние на общее социальное самочувствие первых пяти угроз рейтинга угроз-опасностей. При этом нет прямой связи параметров защищенности и самооценки материального положения (кроме защищенности от бедности), что, впрочем, вполне оправданно. Социальный оптимизм находится под влиянием «совокупной защищенности от первых пяти опасностей в рейтинге проблем». И в наибольшей степени — угрозы бедности. Удовлетворенность жизнью в целом — более сложный феномен, и здесь возрастает значимость личных факторов (одиночество и заброшенность, притеснения из-за возраста и пола).

В рейтинге проблем-опасностей по степени их влияния на социальное самочувствие на первом месте оказывается произвол чиновников, далее идут проблема бедности преступность. Это означает, что дифференцирующим фактором по типу социального самочувствия в Тюменской области выступает не самые первые в рейтинге проблемы (они достаточно общие для всего региона), а третья — произвол чиновников. При этом значимость социально-психологической составляющей резко возрастает при переходе от частных индикаторов (оценка прошлого и следующего года) к общим (общий оптимизм и удовлетворенность жизнью в целом.

Социальное самочувствие населения, ориентация людей на патернализм или самостоятельность сопряжены с их структурой ценностей[13].

[13] См.: Лапин Н.И. Регион как поле социального самочувствия россиян и их отношения к институтам власти / Опыт апробации типовой методики «Социологический портрет региона». Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2006. Часть II. С. 18-20.

Функциональная структура ценностей населения Тюменского региона представлена в таблице 2: приведена поддержка ценностных суждений в баллах (вычисляемых как средний балл по 5-ти бальной шкале от 1 — отрицание суждения до 5 баллов — полная поддержка суждения) и в скобках для справки приведена поддержка этого же суждения по данным исследования 2006 года. Как на общероссийском, так и на тюменском региональном и субрегиональном уровнях представлены все четыре слоя базовых ценностей. Ценность семьи на всех уровнях входит в интегрирующее ядро. Но вторая составляющая ядра различна: на общероссийском уровне это — порядок, а в Тюменском регионе — жизнь человека. Это особенно характерно для северных округов; на юге области ценности жизнь и общительность имеют одинаковую поддержку и занимают второе-третье места (табл.2). Заметно, как модифицируется система ценностей жителей ХМАО-Югры. Если в среднем по России в 2006 году ценность жизнь имела поддержку 3,37, то в Югре 4,65 и входила в интегрирующее ядро, то есть данную ценность поддерживает более 60% населения.

В 2009 году жизнь человека поднялась еще выше в системе ценностей жителей Югры, при поддержке 4,51 заняла лидирующую позицию. Система ценностей на Ямале немного более модифицирована, чем на юге области, где население ближе по своей ментальности к среднероссийскому региону. Ценность порядок перешла в интегрирующий резерв в северных округах, тогда как на юге области она по-прежнему находится. В Югре ценность порядок опустилась еще ниже- и занимает уже вторую позицию в интегрирующем резерве.

Нижний слой конфликтогенной периферии на всех уровнях — от общероссийского до субрегионального — включает две отрицаемые ценности: *своевольность* и *властность*. Причем заметно, что динамика ценностных структур населения северных округов и юга области противоположна.

Таблица 2

Функциональная структура ценностей населения Тюменского региона, (14 суждений в региональном исследовании, 44 суждения в общероссийском исследовании, 5-балльная шкала: 2006 -2009 гг.)[14]

Юг ТО	Югра	Ямал	Тюменский регион	Россия, 2006 год
Ранг ценности (баллы) (14 суждений)				(44 суждения)
Интегрирующее ядро (4,4 и больше баллов)				
1 Семья 4,59 (4,63)	1 Жизнь 4,51 (4,65)	1 Семья 4,6 (4,66)	1 Семья 4,55 (4,65)	1 Семья (4,69)
2 -3 Жизнь 4,50 (4,62)	2 Семья 4,49 (4,67)	2 Жизнь 4,55 (4,63)	2 Жизнь 4,51 (4,63)	2 Порядок (4,69)
2-3 Общительность 4,5 (4,5)	3 Общительность 4,45 (4,52)	3 Общительность 4,42 (4,48)	3 Общительность 4,46 (4,5)	3 Общительность (4,51)
4 Порядок 4,44 (4,62)				

[14] См.: Лапин Н.И. Структура ценностей россиян: всероссийский мониторинг и портрет региона. / Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2007. С. 51.

Интегрирующий резерв (3,91-4,39)				
5 Благополучие 4,32 (4,27)	4 Благополучие 4,29 (4,34)	3 Порядок 4,39 (4,56)	3 Порядок 4,35 (4,56)	4 Жизнь (3,37)
6 Свобода 4,17 (4,27)	5 Порядок 4,25 (4,56)	4 Благополучие 4,18 (4,42)	4 Благополучие 4,29 (4,33)	5 Традиция (4,34)
7 Независимость 4,15 (4,25)	6 Независимость 4,16 (4,29)	5 Независимость 4,17 (4,27)	5-6 Независимость 4,16 (4,27)	6 Свобода (4,25)
8 Работа 4,03 (4,23)	7 Свобода 4,14 (4,30)	6 Свобода 4,14 (4,36)	5-6 Свобода 4,16 (4,31)	7 Независимость (4,14)
9 Традиция 3,93 (3,87)	8 Работа 4,01 (4,28)	7 Работа 4,12 (4,19)	7 Работа 4,04 (4,23)	8 Работа (4,08)
	9 Традиция 3,97 (4,19)	8 Традиция 4,11 (4,11)	8 Традиция 3,98 (4,07)	9 Инициативность (4,0)
				10 Жертвенность (3,99)
Оппонирующий дифференциал (3,0-3,9)				
10 Инициативность 3,88 (3,78)	10 Инициативность 3,78 (3,88)	10 Инициативность 3,89 (3,88)	10 Инициативность 3,84 (3,88)	11 Благополучие (3,68)
11 Жертвенность 3,87 (3,42)	11 Нравственность 3,7 (3,62)	11 Нравственность 3,72 (3,84)	12 Жертвенность 3,69 (3,55)	12 Нравственность (3,66)
12 Нравственность 3,63 (3,62)	12 Жертвенность 3,53 (3,64)	12 Жертвенность 3,69 (3,66)	11 Нравственность 3,68 (3,75)	
Конфликтогенная периферия (2,99 и меньше баллов)				
13 Властность 2,86 (2,47)	13 Своевольность 2,75 (2,60)	13 Своевольность 2,67 (2,62)	13 Своевольность 2,75 (2,58)	13 Властность (2,24)
14 Своевольность 2,79 (2,57)	14 Властность 2,50 (2,53)	14 Властность 2,51 (2,58)	14 Властность 2,64 (2,53)	14 Своевольность (2,06)
Средняя поддержка ценностных суждений (в баллах)				
3,98 (3,94)	3,90 (4)	3,94 (4,02)	3,94 (3,97)	3,53

Особенно ощутимы различия в иерархии ценностей интегрирующего резерва и оппонирующего дифференциала. Ценность *благополучия* в 2006 году поднялась с 11-го ранга по России в целом до 5-го ранга в Тюменском регионе и его субрегионах, а в 2009 году поднялась до 4 ранга. Напротив, ценность *традиции* в 2006 году опустилась с 5-го общероссийского ранга до 9-го в Тюменском регионе и в его субрегионах, а в 2009 году немного опустилась — до 8 ранга, но ее поддержка существенно снизилась в субрегионе- лидере Тюменской области — ХМАО-Югре, и наоборот, повысилась на юге области. Динамика свидетельствует о том, что в ХМАО-Югре и Ямале, как наиболее развитых в промышленном отношении субрегионах области происходит модернизация (либерализация), системы ценностей.

По всей России, как и в каждом из регионов, степень самостоятельности индивидуума оказывается выше, чем степень его зависимости, то есть среднее

арифметическое по первой строке имеет самое низкое значение из всех строк. Во всех рассмотренных нами регионах индекс зависимости ниже среднероссийского уровня.

Предметом нашего статистического анализа являлась проверка двух гипотез: (1) *есть ли связь между составляющими социального оптимизма и поддержкой ценностей*, и (2) *связана ли модернизация структуры ценностей и динамика социального самочувствия населения с межпоколенным переходом*. На первый вопрос мы получили отрицательный ответ, поскольку коэффициенты корреляции оказались незначимыми, а результат статистически неустойчив. На второй вопрос ответ скорее положительный.

Рассмотрим различия в рангах поддержки ценностей трех поколений (менее 30-ти, от 30-ти до 50-ти и старше 50-ти лет, которые составили 32%, 44% и 24% выборки соответственно). Ценность **Жизнь** выходит на первое место в первых двух когортах (моложе 50-ти), семья и общительность занимают, соответственно второе и третье места. Среди тех, кому за 50 лет, семья прочно занимает первое место. **Традиция** переходит для молодых из интегрирующего резерва в оппонирующий дифференциал, а **Инициативность** наоборот, поднимается в рейтинге. Ценность **Свободы** поднимается на одно ранговое место в когорте моложе 30-ти, а инициативности занимает 9 место среди молодых, 10 место в среднем возрасте и 12 место среди тех, кому за 50 лет.

Таким образом, модернизованная структура ценностей характерна в первую очередь для тех, кому менее 30-ти лет, и этот факт подтверждает вывод о положительном ответе на вторую из выдвинутых выше гипотез.

Как отмечалось нами ранее, уровень самостоятельности индивида снижается в среднем по области, но динамика имеет разнонаправленный характер. Если рассмотреть динамику индекса зависимости субрегионов области, то видно, что на юге области и ЯНАО индекс зависимости растет, а в ХМАО снижается. Дисперсионный анализ показал, что показатели социального самочувствия, защищенности и самостоятельности граждан также зависят от гендера, региона и типа поселения. Молодые (до 30 лет) ощущают себя более защищенными, более самостоятельными и более оптимистично смотрят в будущее. Различия между средним и старшим поколением не столь значительны, и касаются они прежде всего степени социального оптимизма.

С чем связана поддержка тех или иных ценностей, и какова внутренняя корреляционная структура ценностных ориентаций населения региона?

Логично было бы предположить, что ценности ядра и интегрирующего резерва по уровню поддержки будут коррелировать друг с другом.

Но это оказалось не совсем так. В первую очередь оказались связаны между собой: общительность и порядок (0,456**); Семья (0,453**); жизнь (0,336**), благополучие (0,335**). Далее уровень корреляции поддержки ценностей быстро снижается. Поддержка периферийных ценностей также коррелирует между собой: властность — своевольность (0,286**). Ценности оппонирующего дифференциала не коррелируют между собой, и являются действительно дифференцирующими основаниями. При желании можно выделять подгруппы,

определяемые большей или меньшей поддержкой ценностей различных типов. Однако нет оснований полагать, что социальное самочувствие тесно связано с поддержкой ценностей. Более того, эти два вектора измеряют различные ипостаси человеческого бытия. Из всех параметров социального самочувствия поддержка базовых ценностей в наибольшей степени оказалась связана оценкой незащищенности от ущемления из-за национальности, религиозных убеждений, то есть ответы на эти вопросы в большей степени определяются убеждениями и ценностными ориентациями отвечающих, тогда как все другие есть скорее реакция на окружающую действительность. Традиционная для социологии типология характера ответов подразумевает выделение психологически-обусловленных и социально-обусловленных типов. Эти ответы определяют различный «фон» общей оценки социального самочувствия и иных параметров «Портрета» (как, впрочем и любого другого социологического среза). Вывод о том, что с возрастом снижается уровень самостоятельности индивида достаточно тривиален. Однако, нетривиальным выглядит более детальное рассмотрение уровня зависимости индивида (рис. 2).

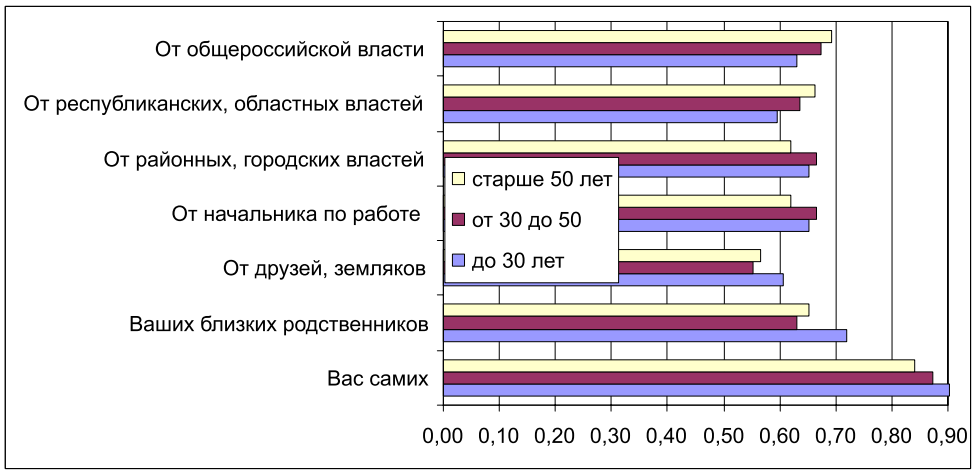


Рис. 2. Межпоколенные различия в уровне самостоятельности индивида

Так, если молодые более самостоятельны, а самое старшее поколение гораздо больше зависит от региональных и общероссийских властей, то в среднем возрасте возрастает значимость городских властей и начальника по работе и снижается зависимость от друзей, земляков. Таким образом, ярко выраженное патерналистское настроение высказывают только люди старше 50 лет. Пресловутый патернализм, в котором часто упрекают население России, снижается с ростом среднего уровня жизни в регионе и отражает фактически неуверенность в будущем как реакцию на нестабильность внешней среды. Патернализм не столь уж и укоренен в менталитете народа — по всей России, как и в каждом из регионов, степень самостоятельности индивидуума оказывается выше, чем степень его зависимости. Тем не менее, основной результат кризисных явлений — в ментальности старшего населения укрепляется патернализм, и снижается го-

товность к самостоятельным действиям, особенно заметная на юге Тюменской области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Социологический портрет Тюменского региона. Тюмень: Тюменская областная Дума, 2007.
2. Социокультурный портрет Тюменской области: коллективная монография / под ред. Г.С. Корепанова, Г.Ф. Ромашкиной, В.А. Юдашкина. Тюмень: Тюменская областная Дума, Тюменский государственный университет, Тюменский государственный нефтегазовый университет, ООО «Вектор Бук», 2009. 92 с.

Г. Ф. Ромашкина, В. А. Давыденко, В. В. Зыков, А. Н. Тарасова

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СЕТЯХ: МОДЕРНИЗАЦИЯ ИЛИ СТАГНАЦИЯ?

Проблема *социального капитала* впервые была поставлена К. Марксом, который обнаружил, что социальные отношения становятся «товаром». По-своему эту идею трансформировал Э. Дюркгейм, который установил, что как социальный актив, сопрягающийся с ним социальный капитал относится к той или иной организации людей, преследующих коллективные цели. В современный научный оборот термин *«социальный капитал»* ввели П. Бурдье, Дж. Коулман, Р. Патнем, Ф. Фукуяма, которые посчитали данное понятие чрезвычайно ценным и перспективным инструментом социально-экономического анализа. Социальный капитал в понимании П. Бурдье — это «совокупность актуальных или потенциальных ресурсов, которые связаны с наличием крепких сетей связей, более-менее институциализированными отношениями взаимного знакомства и признания» [1; 65]. Дж. Коулман отметил, что «отличие социального капитала от остальных форм капитала заключается в том, что он включен в структуру отношений между акторами и среди акторов, а не сосредоточен в самих акторах или в средствах производства» [5; 98]. В.В. Радаев реинтерпретировал подход Дж. Коулмана: «Социальный капитал — это совокупность отношений, которые связаны с ожиданиями того, что другие агенты будут выполнять свои обязательства без применения санкций» [3; 129].

Далее мы попробуем ответь на вопрос: «Как развивается бизнес в УрФО?». Рассмотрим возможности формирования и накопления социального капитала в предпринимательских сетях, оценить его модернизационный ресурс на основе данных конкретного социологического исследования, которое проводил в апреле 2011 года «ВЦИОМ-Урал» методом интервью, концепция исследования, инструментарий и методика анализа данных разработаны и выполнены авторами.

Всего было опрошено 1003 респондента в Уральском Федеральном округе по репрезентативной выборке (ошибка по одному признаку 3,6%); из них: владельцев бизнеса — 14%; руководителей предприятия (не владелец бизнеса) — 22%; руководителей структурного подразделения — 24%; менеджеров среднего звена — 40%.

Приведем краткий обзор основных результатов. В среднем **срок работы на рынке предприятия** составил 10,6 лет — при стандартном отклонении 12,5 лет. При этом наиболее часто встречающийся ответ (мода) составил 5 лет, а медиана 7 лет, то есть половина предприятий работает менее 7 лет; 75% фирм от выборки указало 13 и менее лет, доля остальных крайне незначительна (менее 5% суммарно). Распределение компаний по стажу работы на рынке дает веские основания заключить, что, не смотря на политические декларации о том, что функционирование сетей малого и среднего бизнеса в целом «не устойчиво» — на самом деле это не совсем так.

Результаты теста ANOVA демонстрируют, что на устойчивость деятельности предприятия и успешность бизнеса в первую очередь влияют тип и размер компании, основная сфера деятельности, и только далее идут доступность кредитных ресурсов, доступность ресурсов связи и коммуникации, уровень конкуренции на рынке, доступность деловой информации, доступность политической информации, и т.д.

В свою очередь, на доступность кредитных ресурсов в свою очередь влияет размер компании, тип рынка (основная сфера деятельности) и слабо влияет регион регистрации. Уровень конкуренции на рынке определен в первую очередь самим рынком. Ниже среднего оценки уровня конкуренции на рынке в сельском хозяйстве, охоте, рыболовстве (включая фермерство). В свою очередь, уровень конкуренции на рынке прямо влияет на оценки конкурентоспособности конкретного бизнеса, а последний параметр влияет на оценки успешности бизнеса. Оценки конкурентности бизнеса тем выше, чем старше фирма, связь значима, но не слишком высока по модулю.

Следует зафиксировать фундаментальный факт: имеется некий «контур безопасности предпринимательской среды». Если достаточно крупная фирма давно работает на данном конкурентном рынке, то для нее более доступны кредитные ресурсы, что в свою очередь повышает оценки успешности бизнеса. Наиболее конкурентны в УрФО рынки торговли, транспорта и связи, и рынки образовательных услуг.

Качество предпринимательской среды. Свыше половины опрошенных (57%) отмечают, что услуги в смежных для бизнеса отраслях найти достаточно легко, еще треть (33%) отмечают, что найти можно, но требуется потратить некоторые усилия для поиска. Остальные ответы незначимы. Рынок с наименее развитым рынком смежных услуг — это транспорт и связь: 28% опрошенных отметили доступность таких услуг, а для 38% найти такие услуги достаточно сложно. АО с государственным участием несколько хуже оценивают качество рынка, по-видимому, это связано с меньшей эффективностью менеджмента в таких фирмах, поскольку сам рынок (как внешняя среда) от типа собственности явно не зависит. Таким образом, можно утверждать, что в среднем по УРФО оценки качества предпринимательской среды весьма высоки. Данный вывод говорит о том, что реальный бизнес довольно свободно ориентируется в своем социально-предпринимательском пространстве и с этой точки зрения социальный капитал предпринимательских сетей нужно оценить также как достаточно

высокий. Этот вывод подтверждают полученные реальные результаты и по другим важным вопросам.

Угрозы бизнесу и способы их преодоления. Иерархия угроз для бизнеса выглядит следующим образом: 1. Значительно выросла конкуренция (40%). 2. Сложно найти работников необходимой квалификации (35%). 3. Сложно найти необходимые для бизнеса финансовые ресурсы (32%). 4. Ситуация на рынке труда стала напряженной (24%). 5. Подводили поставщики (смежники) (22%). 6. Не вовремя или совсем не поступала оплата от потребителей (16%). 7. Низкий уровень спроса на нашу продукцию (15%). 8. Административное давление (13%). 9. Сложно найти квалифицированный управленческий персонал (9%). 10. Возникали задолженности перед смежниками (4%). 11. Трудно найти необходимую недвижимость (3%). 12. Возникали задолженности перед банками (3%). 13. Участились случаи рейдерских захватов (1%). 14. Противоправные действия правоохранительных органов (менее 1%). Итак, в тройку «наиболее актуальных угроз» попали конкуренция, качество рынка труда, и недоступность финансовых ресурсов.

Выявлено, что наиболее высок рост конкуренции в Свердловской области (47%), для АО с государственным участием (62%), на транспорте и в связи (62%). Проблему качества рынка труда отмечают 44% компаний в Курганской области, 37% компаний Свердловской области; 67% кооперативов, 50% предприятий в сельском хозяйстве и добывающей промышленности. Недоступность финансовых ресурсов как проблема весьма актуальна для 46% предприятий в Курганской области, 52% кооперативов, 48% АО с государственным участием, свыше 50% предприятий в сельском хозяйстве и добывающей промышленности. В Тюменской области чаще, чем в других регионах предприятия жалуются на низкий уровень спроса на продукцию (38% против 15% в среднем). В Курганской области более актуальны доступность финансовых ресурсов (46% против 32% в среднем). В Челябинской области чаще других подводят поставщики или смежники (32% против 22% в среднем). Угрозы рейдерских захватов отметили только АО из Челябинской области (2%), причем главным образом на транспорте и в связи, то есть на самом конкурентном рынке.

Противоправные действия со стороны правоохранительных органов более заметны в Курганской области (4% против 1% в среднем). АО с государственным участием ощущают угрозу «Не вовремя или совсем не поступала оплата от потребителей» (38% против 6% в среднем), рост конкуренции (62% против 40% в среднем). Парадоксально, что проблему «напряженности на рынке труда» отмечают 50% добывающих компаний (особенно в Тюменской области), что в два раза выше среднего по УРФО. Нефтяная отрасль — самая выгодная, однако проблемы с рабочей силой очень серьезны. Для фирм Тюменской области актуализированы проблемы с приобретением недвижимости (13% против 3% в среднем), отношения со смежниками (13% против 4% в среднем). Около половины предприятий строительного рынка, 36% обрабатывающих производств и 35% торговых предприятий отмечает необязательность поставщиков и смежников. В обрабатывающих производствах и на транспорте заметна также и угроза

задержек с оплатой со стороны потребителей (33%). В строительстве резко актуализирована проблема спроса на продукцию (27% против 7% в среднем). Данная проблема связана с неплатежеспособным спросом со стороны конечного потребителя, поскольку проблема жилья для населения в УРФО не решена, также как и для всей России.

Угрозы — опасности для бизнеса выявлялись также на основе вопроса: «Укажите, пожалуйста, наиболее серьезные препятствия для развития Вашего бизнеса с точки зрения величины возможного ущерба». Можно было указать не более пяти вариантов ответа. Иерархия финансовых угроз для бизнеса выглядит следующим образом: 1. Нестабильность внешней среды (61%). 2. Неэффективность государственного регулирования (39%). 3. Административные препятствия (20%). 4. Квалификация персонала организации (15%). 5. Захват бизнеса конкурентами (12%). 6. Узкий и недостаточно развитый рынок (10%). 7. Индивидуальный подход чиновников (7%). 8. Обременительность механизма взяток (7%). 9. Захват бизнеса представителями власти (6%). 10. Выплаты криминалу (1%).

С точки зрения потенциальной финансовой опасности наиболее остро оценивается нестабильность внешней среды (61%). Указанные признаки, связанные с неэффективностью госрегулирования (39%) и административными препятствиями (20%) хотя и входят в «тройку лидеров угроз», но их актуальность резко ниже, чем нестабильность внешней среды. Основной угрозой для предпринимательства остается нестабильность внешней среды, которая имеет экономические, социальные и политические аспекты. Нестабильность внешней среды более опасна для малых компаний, недавно появившихся на рынке. Особенно опасна внешняя нестабильность для предприятий Тюменской области (79%), в строительстве (71%), для АО с государственным участием (75%). Кооперативы в 78% опасаются неэффективного госрегулирования. Административные препятствия отмечают 24% средних компаний (против 16% малых). Узкий и недостаточно развитый рынок считают опасными 20% Курганской области, что в два раза выше среднего по УРФО, 20% обрабатывающих производств, 22% на транспорте и в связи. Заметим при этом, что последний рынок оказался и наиболее конкурентным. В два раза выше среднего (14% против 7%) опасен индивидуальный подход чиновников для АО с государственным участием.

Низкая квалификация персонала опасна для 32% предприятий на транспорте и в связи. Механизм взяток наиболее обременителен для строительства (21% против 7% в среднем). Отметим, что именно на этом рынке отмечен недостаточный спрос вследствие неплатежеспособности потребителя и наиболее опасна нестабильность внешней среды. Захват бизнеса представителями власти считают самыми опасными 10% предприятий Челябинской области, 11% предприятий в строительстве, 10% АО без госучастия, что почти в два раза выше среднего по УРФО (6%). Выплаты криминалу выше среднего в строительстве, и на транспорте и связи (3% против 1% в среднем).

Каким же образом предприятия предпочитают преодолевать препятствия? Рейтинг способов преодоления препятствий имеет следующий вид: 1. Сильное

партнерство (59%). 2. Наглядная агитация (22%). 3. «Свои люди» во власти (18,4%). 4. Объединения (слияния и поглощения) (17,7%). 5. Блат (12%). 6. Коррупция (7%). 7. Жалобы (5%). Таким образом, наиболее легитимные способы преодоления препятствий — жалобы считают эффективными только 5% опрошенных. Жаловаться могут себе позволить 10% АО с государственным участием, тогда как ЧП только в 3%, ООО в 5%. Заметно выше доля полагающихся на жалобы в Тюменской области (11%), и резко снижена в Курганской (1%) и Челябинской (3%) областях. Наглядная агитация, оставаясь легитимным способом, подразумевает активное сопротивление, поэтому она заняла второе место, и особенно эффективной такой способ считают в Тюменской области (53%), тогда как в Челябинской области 14%. Слияния и поглощения считают эффективным способом 30% предприятий в Курганской области, 33%предприятий на транспорте и в связи.

Сильное партнерство как один из приоритетных способов преодоления препятствий занимает первое место, и его считают самым эффективным способом 59% опрошенных. На наш взгляд, этот параметр как раз и отражает факт сплоченности в предпринимательских сетях. На что же влияет «сильное партнерство»? Если принять в рассмотрение наиболее часто встречающиеся ответы на предыдущие вопросы, и корреляционные связи с ответами на вопросы анкеты, сильное партнерство помогает преодолевать в первую очередь рыночный риск (Спирмена pro = 0,15**), риск ошибок и просчетов при разработке проектов (Спирмена pro = 0,152**), помогает неформально договариваться с конкурентами о правилах работы на рынке (Спирмена pro = 0,123**). Остальные способы следует отнести к «неформально-теневым», подразумевающим ту или иную степень от законных, прямых способов сопротивления. Это: «свои люди во власти», «блат» и «коррупция», занимающие третье, пятое и шестое место в рейтинге.

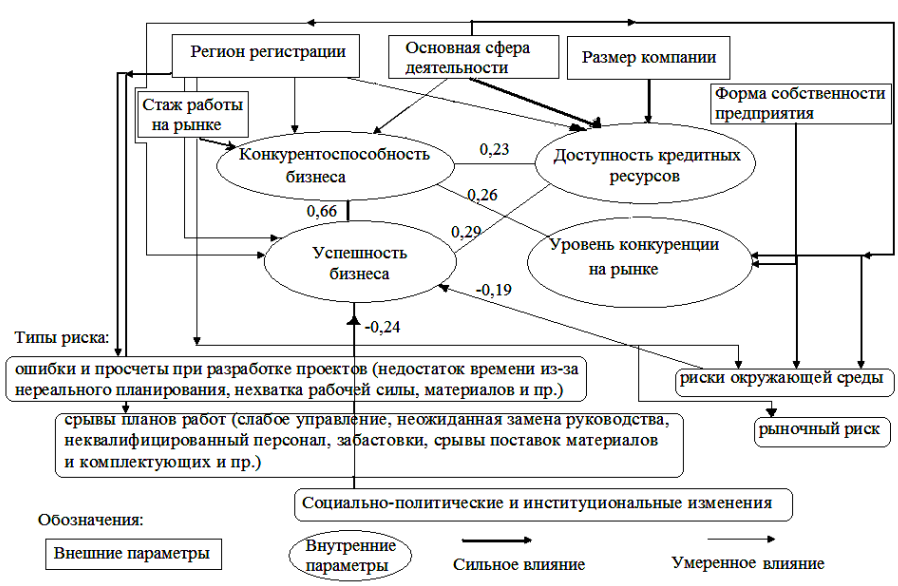


Рис. 1. Сетевая факторная модель влияния внешних параметров на безопасность бизнеса

Таким образом, нестабильность внешней среды для бизнеса, преодолеваемая этими тремя способами означает нестабильность, вызванная властным ресурсом. Наиболее опасными оказываются рыночный риск, социально-политические и институциональные изменения, риск ошибок и просчетов при разработке проектов, преступления, саботаж. Социально-политические и институциональные изменения максимально значимо (связаны оценками успешности бизнеса, выплатами криминалу, а преодолевать эти препятствия предпочтительно с помощью «своих людей во власти». Обобщенные результаты многофакторного дисперсионного анализа отражены на сетевой факторной модели влияния внешних параметров на безопасность бизнеса (которая, однако, носит пока промежуточный характер), рис. 1.

Характер коррупции, частота и ее примерный объем. Подавляющее большинство компаний (74% опрошенных) с проблемой коррупции не сталкивались. В Челябинской области сталкивались с коррупцией уже 46% опрошенных, в Тюменской области 22%, в Курганской области 21% и в Свердловской 20% фирм. С коррупцией сталкивалась каждая вторая фирма в строительстве, причем 20% из них периодически, при попытке заключения крупных сделок, 14% часто и постоянно. На втором месте по степени коррупционности стоит рынок обрабатывающего производства (сталкивались с коррупцией 39%), но главным образом редко (21%) и периодически при заключении крупных сделок (11%). Ответы на вопрос «Если Вам приходилось сталкиваться с коррупцией, то какой характер она носила?» демонстрируют, что наиболее распространена коррупция в контролирующих органах (48% от числа ответивших, то есть от тех, кто вообще сталкивался с коррупцией, и 12% от числа опрошенных). На втором месте по распространенности стоит коррупция в органах исполнительной власти (44% от числа ответивших, и 11% от числа опрошенных). Коррупция в бизнесе (35% от числа ответивших, и 9% от числа опрошенных) попала на третье место. Наименее распространена, по мнению бизнеса, коррупция в органах законодательной власти, 4% из опрошенных фирм сталкивались с этим видом коррупции.

Самые обременительные для бизнеса взятки распространены в Тюменской области (26% взяток очень велико и еще 26% взяток весьма обременительны для бизнеса). Самый необременительный объем взяток в Курганской области, самой бедной области УРФО. В Свердловской области, треть взяток оказывается весьма обременительными для бизнеса, и еще 22% ниже среднего. В добывающей промышленности все взятки оказываются весьма обременительными для бизнеса, в строительстве таковых 43%, и еще 21% очень велики, на транспорте и в связи 50% взяток весьма обременительны для бизнеса. Самые большие взятки вымогаются из АО с государственным участием (22% крупных и 22% весьма обременительных). Кооперативы реже всех сталкиваются с коррупцией. Таким образом, размер взяток прямо связан с типом бизнеса и регионом его регистрации.

Подведем основные итоги. Результаты эмпирического исследования свидетельствуют о высоком уровне развития предпринимательских сетей в УрФО.

Рассмотренные фирмы и предприятия в целом весьма высоко оценивают различные стороны своего бизнеса. Более половины считают доступность связи и коммуникаций, деловой и политической информации высокой. Остальные параметры сети также выше среднего. При этом основная сфера деятельности — один из ключевых системообразующих признаков сетевой предпринимательской оценки деловой среды.

При этом оценки качества предпринимательской среды оказалось достаточно высоким. Реальный бизнес довольно свободно ориентируется в стабильном социально-предпринимательском пространстве и с этой точки зрения социальный капитал предпринимательских сетей нужно оценить также как достаточно высокий. Однако потенциал модернизации следует оценить как чрезвычайно низкий, поскольку основные показатели: конкуренция на рынке, информации, сфера услуг для бизнеса и расширение деловых сетей практически не влияет на успешность бизнеса с точки зрения самих респондентов. Все эти факторы свидетельствуют о постепенном «сползании» в ситуацию стагнации, когда рынок как-бы застывает в некоем переходном состоянии, так и не обретя новое, качественно более современное и конкурентоспособное на внешнем рынке состояние. Успешность бизнеса в предпринимательской среде в первую очередь определяется доступностью кредитных ресурсов, но не уровнем конкуренции на рынке (наиболее конкурентны в УрФО рынки торговли, транспорта и связи, и рынки образовательных услуг), что говорит о неразвитости рыночных отношений в УРФО. На доступность кредитных ресурсов в свою очередь влияет размер компании, тип рынка (основная сфера деятельности) и слабо влияет регион регистрации. Если достаточно крупная фирма давно работает на данном конкурентном рынке, то для нее более доступны кредитные ресурсы, что в свою очередь повышает оценки успешности бизнеса.

В первую тройку «наиболее актуальных угроз бизнесу» попали: конкуренция (40%), качество рынка труда (35%), недоступность финансовых ресурсов (32%). Иерархия финансовых угроз для бизнеса выглядит так: нестабильность внешней среды (61%); неэффективность государственного регулирования (39%); административные препятствия (20%). Преодоление препятствий осуществляется с помощью сильного партнерства (59%); наглядной агитации (22%); «своих людей» во власти (18,4%); объединений (слияний и поглощений) (17,7%); блата (12%); коррупции (7%); жалоб (5%). Все это означает, что опора на приоритетный социальный механизм — сильное партнерство (59%) — позволяет реально «выжить» нашему бизнесу. На наш взгляд, этот параметр как раз и отражает факт сильной сплоченности в предпринимательских сетях.

Коррупция наиболее распространена в контролирующих органах (48% от числа ответивших, то есть от тех, кто вообще сталкивался с коррупцией, и 12% от числа опрошенных). На втором месте по распространенности стоит коррупция в органах исполнительной власти (44% от числа ответивших, и 11% от числа опрошенных). Коррупция в бизнесе (35% от числа ответивших, и 9% от числа опрошенных) попала на третье место. Но в целом отмечен сравнительно не высокий общий уровень реальной коррупции — не смотря на то, что мифы о коррупции продолжают расти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Том 3. № 5. С. 60-74.
2. Дюркгейм Э. Социология и социальные науки / Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995.
3. Радаев В. В. Экономическая социология. 2-е изд. М.: Изд. дом Гос. ун-т — Высшая школа экономики, 2008.
4. Фукуяма Ф. Социальный капитал // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М.: Изд-во «Московская школа политических исследований», 2002. С. 129-148.
5. Coleman J. Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology. 1988. № 94 (Suppl.). P. 95-120.
6. Putnam R.D. Making Democracy Work: Civil Traditions in Modern Italy. — Princeton (NJ): Princeton univ. press, 1993.

Г. Ф. Ромашкина, Т. С. Костюкова

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОДЕРНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ СУЩЕСТВУЮЩЕГО ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА

В рамках современных теорий социального контракта, например Джона Роулза, опирающихся на работы Томаса Гоббса, Джона Локка, Жана Жака Руссо, Иманнуила Канта, Дэвида Юма, М.М.Сперанского, которого считают автором русского варианта концепции «общественного договора», государство обычно рассматривается как результат некоего договора социальных групп об общих нормах сосуществования на единой территории, в рамках единой политико-правовой и экономической системы.

Основой такого контракта предполагается единственное формальное (Конституция) и неформальные соглашения (в различных областях и на различный предмет) между властью и обществом (социальными группами) о взаимных обязательствах и ограничениях в средствах преследования собственных интересов. Главной особенностью контракта выступает его «гипотетичность», то есть контракт не заключен явно, но в то же время стороны выполняют определенные регулярно повторяющиеся действия в отношении друг друга.

В данной статье историческая обусловленность общественного договора отходит на второй план, здесь нас более интересует вопрос одного из многих аспектов его социальной эффективности — субъективных оценок текущего общего экономического положения России, как одного из результатов реализации условий существующего общественного договора и социальный потенциал ее модернизации в ключевом вопросе — вопросе перехода от сырьевой экономики к инновационной. Здесь мы будем опираться на определение социального контракта, предлагаемое в работе [1], где он рассматривается как модель отношений между государством и социальным агентом, которая объединяет устойчивые рациональные ожидания агента по поводу благ, которые государ-

ство предоставляет ему в обмен на лояльность, и издержек, которые он понесет в случае нелояльности к государству.

На сколько же эффективен существующий в данный момент социальный контракт? Как уже упоминалось выше, это достаточно сложный и многоаспектный вопрос. Вообще говоря, в настоящее время существует проблема отсутствия целостности методологии исследования социальной эффективности в отраслях социологических наук. Обычно, в широком смысле под эффективностью понимают степень достижения каких-либо результатов, эффект же соотносят более со значением конкретных показателей. С экономической точки зрения эффективность рассматривается как отношение результата к затратам на его осуществления.

Наличие широкого спектра частных методик и отсутствие единой общей методологии исследований социальной эффективности, обусловлены по-видимому, различием целей и задач упомянутых работ, в тоже время, можно выделить и присущее им всем общее:

— социальная эффективность рассматривается как комплексный критерий;
— практически во всех используемых в данной статье источниках для ее определения используется социологическая информация;
— в качестве основного социологического критерия, показателя обычно выступает удовлетворенность.[2]

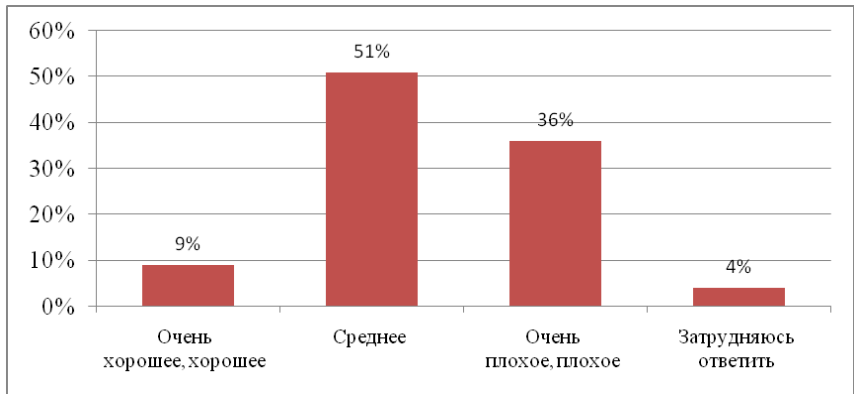


Рис. 1

В связи с вышесказанным, представляется возможным рассматривать один из аспектов эффективности социального контракта с одной стороны, как субъективную оценку индивидами текущего экономического положения в стране, а с другой — в свете того, насколько эта ситуация зависит от них самих, от социального потенциала модернизации, то есть как индивиды оценивают свои возможности по изменению этого состояния в существующих условиях, обеспечиваемых государством в рамках действующего социального контракта. Согласно данным ВЦИОМ (конец 2009 года) [3], как видно из диаграммы на рисунке №1, более 51% респондентов при ответе на вопрос «А как бы Вы оценили нынешнее экономическое положение России в целом?», оценили его как сред-

нее, более трети — 36% — как плохое и очень плохое, и всего лишь 9% населения сочло его хорошим и очень хорошим, при достаточно высокой степени определенности респондентов — всего 4% из них затруднились с выбором варианта ответа. Кого же видят респонденты в качестве движущих сил модернизации экономической сферы? Согласно данным того же ВЦИОМа [4] (в сопоставимом периоде конец 2009 года, диаграмма рисунка№2), при ответе на вопрос: «Как Вы считаете, от кого в большей степени зависит успешное завершение модернизации, перехода от сырьевой экономики к инновационной?», респонденты в качестве таковых назвали главным образом государство и чиновников — 59%, мене трети респондентов указали предпринимателей, бизнесменов и тех у кого есть деньги, затруднились ответить на данный вопрос 8%. От населения страны, от самих людей, от их желания, инициативы и активности успешная модернизация экономической сферы, согласно мнениям респондентов, зависит слабо — такой вариант ответа выбрали всего 12% опрошенных, что говорит о весьма низкой оценки населением собственного модернизационного потенциала.

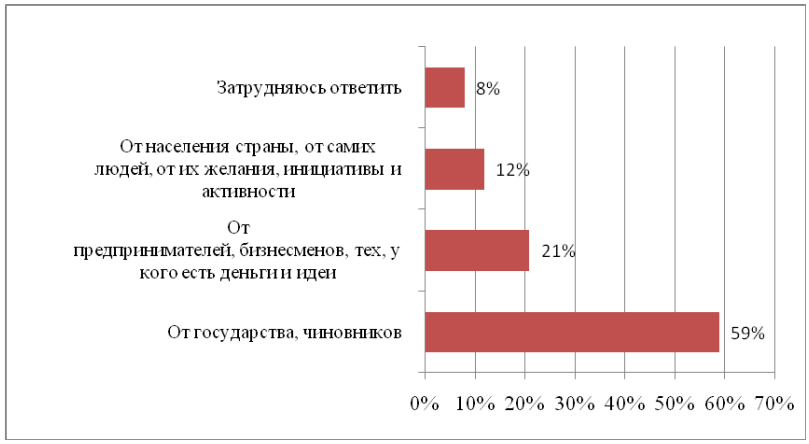


Рис. 2

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гайдук К., Чубрик А. Спецификация понятия «социальный контракт» применительно к Беларуси. Рабочий материал Исследовательского центра ИПМ WP/09/02. 2009.
2. Костюков А.И., Костюкова Т.С. К проблеме исследования социальной эффективности // Известия Международного института финансов, управления и бизнеса. Ежегодный научный сборник. Выпуск № 6. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2011. С. 230-233.
3. Пресс — выпуск №1541 «Социальное самочувствие Россиян: июньский срез» http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=13686
4. Пресс-выпуск №1382 «Модернизация России, ее друзья и враги» http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=12864

Г. Ф. Ромашкина, И. Ф. Печеркина, Т. В. Манокина

АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ ЮГА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Появление новых средств связи, формирование единого информационного поля, многократно возросшая скорость передачи информации, рост объемов самой информации — все это актуализирует проблему информационной культуры молодежи, ее готовности жить и действовать в высокоавтоматизированной информационной среде, эффективно использовать ее возможности и защищаться от негативных воздействий.

Современный человек должен обладать необходимым уровнем информационных знаний и умений, которые позволят ему успешно адаптироваться в изменяющейся социальной среде. Способность своевременно находить, воспринимать и активно использовать информацию в профессиональной, учебной, досуговой деятельности является не только компонентом функциональной грамотности, но и важным условием успешной жизнедеятельности индивида.

В июне – ноябре 2010 г. лабораторией мониторинга и регионального развития ТюмГУ было проведено исследование активности молодежи юга Тюменской области в использовании возможностей информационной среды[15]. Согласно основным гипотезам и методике исследования рассматривалось реальное и потенциальное поведение. В качестве индикаторов в методику включены: каналы получения информации; интенсивность обращения к различным источникам информации; использование электронных информационных услуг; использование фондов различных библиотек; использование Интернет-ресурсов; предпочтительные виды сервисов в Интернет; применение полученной информации в различных сферах своей деятельности; степень включенности в Интернет-сообщество; типы и формы деятельности в Интернет.

Активность и тип поведения молодежи в информационном пространстве измерялась на основе ответов на вопрос: «Как часто Вы обращаетесь к следующим источникам информации?» (табл. 1).

Рейтинг информационных источников по частоте обращения имеет следующий вид: телевидение, Интернет, радио, пресса. Практически каждый день смотрят информационное телевидение 63% молодежи, 55% обращаются к Интренету, слушают радио 28% , читают специальную литературу 10% и читают прессу 8% молодежи. При этом аудитория видов информационных источников сильно диверсифицирована. Так, почти половина молодежи почти не обращаются за информацией к специалистам (47%), треть практически не читают специальную литературу; каждый четвертый практически не читает прессу, и каждый пятый практически не слушает радио. 17% молодежи не пользуется Интернетом.

---

[15] Объектом исследования выступала молодежь юга Тюменской области в возрасте 14-35 лет. Объем выборки 1211 человек.

Таблица 1

Информационное поведение молодежи

Как часто Вы обращаетесь к следующим источникам информации?, % от выборки

	практически каждый день	несколько раз в неделю	несколько раз в месяц	реже, чем раз в месяц	почти не обращаюсь к этому источнику	Нет ответа
1. Смотрите ТВ	63	24	6	2	5	1
2. Слушаете радио	28	24	15	8	22	3
3. Читаете прессу	8	22	22	14	27	6
4. Читаете специальную литературу (книги, профессиональные и научно-популярные журналы)	10	16	21	18	33	3
5. Обращаетесь за информацией к специалистам (преподавателям, экспертам и т.п.)	6	11	15	17	47	4
6. Пользуются Интернетом	55	21	4	3	17	0

Характеристиками, дифференцирующими информационное поведение молодежи, являются тип поселения, возраст, основное занятие и образование. Тип поселения (Тюмень — крупный областной город, малые города юга области, сельские поселения) существенно влияет на обращение молодежи к различным информационным источникам. Так, не читают прессу 21% молодежи малых и средних городов, 41% сельской молодежи и 27% молодежи Тюмени. Не читают специальную литературу 41% сельской молодежи, 38% молодежи малых и средних городов и только 27% тюменской молодежи. Почти не обращаются к специалистам 55% городской и сельской молодежи, и 43% тюменской. Не пользуются Интернетом 14% тюменцев и около 20 % молодежи других населенных пунктов.

Молодежь г. Тюмени проявляет большую активность в Интернет-пространстве, чаще читает специальную литературу и обращается к специалистам. Ежедневно выходят в Интернет 61 % молодых людей из г. Тюмени, 51 % сельской и 45% городской молодежи. В целом, городская молодежь реже смотрит ТВ. Прессу читают больше в малых городах региона.

Образование связано с информационным поведением, но скорее опосредовано, поскольку более ярко выражена его связь с основным занятием и возрастом. Так, среди молодых людей с начальным и средним профессиональным образованием 59% почти не обращаются за информацией к специалистам (в среднем по выборке — 49%), 41% почти не читают специальную литературу (в среднем 34%). Среди тех, кому от 23 до 35 лет 56-59% почти не обращаются за информацией к специалистам (в среднем 49%). Частота обращения к ТВ, прессе прямо пропорционально возрасту. Чем старше респондент, тем чаще он смотрит ТВ и читает прессу. Менее всех смотрят ТВ студенты, менее всех слушают радио и читают прессу школьники. Обращение к глобальной сети напрямую

также связано с возрастом: чем младше респондент, тем он более активный пользователь Интернета. Ежедневно выходят в Интернет 67% 14-17летних и только 41% 28-35летних. Не пользуются Интернетом только 6% самой младшей группы молодежи и уже 27% самой старшей.

Если попытаться построить типологию молодежи в информационном пространстве, то доминирующим признаком, влияющим на поведение, является основной вид деятельности. Школьники и студенты Вузов чаще других читают специальную литературу, обращаются за информацией к специалистами. Скорее, это имеет отношение к обучению (читают учебную литературу, обращаются к преподавателям). Школьники и студенты вузов являются самыми активными пользователями Интернета (69% школьников и 65% студентов выходят в Интернет ежедневно).

Учащиеся колледжей и ПТУ резко отличаются от первых двух меньшей информационной активностью. Они тоже учатся, но при этом гораздо реже читают специальную литературу, обращаются за информацией к специалистами, практически не читают прессу. Однако, к Интернету молодые люди этой группы обращаются достаточно часто — 61% выходят в сеть ежедневно, но среди них наибольшая среди учащейся молодежи доля тех, кто не пользуется Интернетом — 13%, среди школьников и студентов таковых — 6% и 8% соответственно. В этой группе учащейся молодежи очень популярным является радио.

Более старшие возрастные категории молодежи (23- 35 лет) гораздо более активны в медийном пространстве (ТВ, радио, пресса). Наличие высшего образования повышает частоту чтения специальной литературы и использования Интернета, и практически не влияет на частоту обращения к остальным видам СМК и информационным источникам. Работающая молодежь с высшим образованием использует Интернет практически с такой же частотой, как и учащаяся молодежь.

Материальное положение является фактором, выравнивающим ярко выраженные перекосы в информационном поведении современной молодежи. При повышении уровня материального положения информационное поведение молодежи становится более разнообразным и равномерным, меньше разрывов между ТВ и остальными видами СМК и информационных источников. В наибольшей степени однобоко информационное пространство самых бедных категорий молодежи, неработающей молодежи, учащихся ПТУ и колледжей. Как правило, они обращаются за информацией не более, чем к двум источникам. Наиболее разнообразно информационное поведение студентов вузов. Самые бедные значительно чаще смотрят ТВ, и реже обращаются ко всем другим СМК и информационным источникам. Наиболее обеспеченные отличаются от остальной молодежи меньшим интересом к ТВ.

Способы поиска актуальной информации выявляются на основе вопроса «К каким источникам информации вы обращаетесь для решения следующих задач» (табл. 2).

Если Интернет находится на втором месте по уровню аудитории, то по рейтингам поиска конкретной информации по всем направлениям — отдых, реше-

ние профессиональных задач, самообразование и обучение — Интернет далеко обогнал все другие источники информации. Так, 65% молодежи указали Интернет для поиска справочной информации, 50% для отдыха, 45% для самообразования, 39% для подготовки к учебным занятиям.

В образовательных целях и для решения профессиональных вопросов некоторую конкуренцию Интернету составляют книги и журналы. Учебную литературу чаще берут в библиотеках, профессиональную — чаще покупают. Информацию для решения бытовых проблем чаще получают через неформальные источники — обращаются к знакомым, родственникам и т.п.

Следует отметить тревожную тенденцию сужения спектра поиска информации. Например, в совокупности указали библиотеки, книги, журналы и газеты для поиска справочной информации 25%, подготовки к учебным занятиям и решение профессиональных задач по 39%, самообразование — 45% и развлечение, отдых 9% опрошенной молодежи. При этом, обратятся к неформальным источникам 16% из опрошенных для решения профессиональных задач, 14% для получения справочной информации, 38% для отдыха и развлечения, и 47% для решения бытовых проблем. Высока доля тех, кому этого ничего не нужно. В первую очередь среди работающей молодежи без высшего образования. Все ответы на вопросы о способах получения информации имеют в своей сумме 110-116%, то есть респонденты выбирают почти всегда только один способ поиска, за некоторым исключением (в 10-16% случаев), когда выбирается два способа.

Таблица 2

Способы поиска информации

К каким источникам информации вы обращаетесь для решения следующих задач?, % от выборки

	Библиотекой учебного заведения или организации, где Вы работаете	Библиотека общедоступная	Интернет	Покупаю книги, профессиональные журналы	Покупаю газеты, другие периодические издания	Обращаюсь к друзьям, знакомым, родственниками	Мне не нужна такая информация
7.1. Получение справочной информации	8	6	65	5	6	14	7
7.2. Подготовка к учебным занятиям	19	11	39	8	1	6	29
7.3. Решение профессиональных задач	12	5	36	19	3	17	18
7.4. Самообразование	8	11	45	19	7	9	14
7.5. Решение бытовых проблем	1	1	31	2	4	47	20
7.6. Развлечение, отдых	1	1	50	2	6	38	12

Стратегии поиска информации различных социальных групп молодежи имеют некоторые особенности. Например, для поиска профессиональной информации девушки скорее обратятся в библиотеку, чем юноши, студенты в большей степени, чем все иные. Ничего не нужно преимущественно неработающим. К Интернету с большей вероятностью обратятся молодые люди с высшим образованием (46%), или юноши до 17 лет (47%). Профессиональные журналы купят 34% женщин с высшим образованием. Для решения практически любой задачи респонденты с вышим образованием чаще обращаются к Интернету как источнику информации, чем представители других групп.

В целях самообразования к Интернету младшие возрастные группы обращаются значительно чаще, чем респонденты старше 23 лет. (49% респондентов группы 14-17летних, 48% — 18-22летних, 40% — 23-27летних и 36% — 28-35летних). С возрастом чаще покупают профессиональную литературу (с 23 лет — 21% респондентов) и периодическую печать. 14-17летние чаще обращаются в библиотеку.

Библиотеками пользуются главным образом учащаяся молодежь при подготовке к учебным занятиям, причем в основном в самом учебном заведении. Общедоступными библиотеками пользуются около 11% молодежи, и снова главным образом школьники. Покупают книги, журналы менее 20% молодежи, для самообразования и решения профессиональных задач. И это не та группа, которая выбирает Интернет. Последние уже полностью переходят к Интернету как источнику актуальной информации.

Результаты исследования показали, что информационная грамотность современной молодежи достаточно высока, тогда как уровень информационной культуры явно недостаточен. Заметна тенденция «сужения» информационного поля, явная однобокость информационных источников. Так, при доминировании Интернета происходит одновременный отказ от книг, прессы и иных информационных источников. Причем среди задач доминирует получение справочной информации, развлечение и самообразование.

Свои информационные потребности и интересы молодежь реализует в зависимости от возможностей, предоставляемых информационной средой, в соответствии со своими собственными возможностями (уровень грамотности, материального положения) и уровня доверия к информационным источникам. Возможности информационной среды достаточно жестко детерминированы местом жительства (типом поселения), а информационные потребности и активность — возрастом, основным занятием и уровнем образования.

Активность молодежи в информационной среде неоднородна. Типология молодежи по уровню информационной активности имеет следующий вид:

1) Первая группа — полностью интегрированные в информационную среду, активно использует ее возможности. Как правило, это молодые люди с высшим образованием, или обучающиеся в вузе, проживающие в г. Тюмени, материально хорошо обеспеченные. Они обладают широким спектром информационных потребностей, являются активными Интернет-пользователями, но помимо этого широко используют и другие источники получения информации;

2) Вторая группа — используют возможности информационной среды односторонне. Как правило, это молодые люди до 18 лет, школьники и учащиеся ПТУ, среди работающих — молодые люди без высшего образования. Они могут быть активными пользователями Интернет (как школьники), но в целом, их информационное поведение более однообразно (обращение к одному, максимум двум источникам информации), а спектр тематических интересов ограничен 1-3 информационными поводами;
3) Молодые люди, неинтегрированные в новую информационную среду. Они, как правило, не пользуются Интернетом, или пользуются только для отдыха и развлечения, имеют ограниченные информационные потребности, чаще остальных групп смотрят ТВ. Это, прежде всего, неработающая молодежь или работающая молодежь без высшего образования, материально необеспеченная, часто это учащиеся ПТУ и техникумов, а также проживающая в малых городах и сельских поселениях.

Н. В. Рощина

МОЛОДЕЖЬ В УСЛОВИЯХ ПОТЕРИ НРАВСТВЕННЫХ ОРИЕНТИРОВ

Сегодня мы живем в непростое время. Есть такое понятие — качество жизни. Понятие это, несомненно, связано с материально-техническим прогрессом, но было бы огромной ошибкой считать, что именно материально-технический прогресс, рост материального благосостояния обеспечивает должное качество жизни людей.

С одной стороны, существует достаточно высокий жизненный уровень людей. Разве можно сравнить нынешний жизненный уровень и уровень потребления с тем, что было 50 и более лет тому назад? С другой стороны, возникает так много новых проблем, что их лавина часто затмевает в нашем сознании удовлетворение теми достижениями, которые существуют. Каждый знает, что большой интерес вызывает появление новых образцов техники, в том числе новые машины, самолеты, бытовая техника. Нам кажется, что с появлением новых видов техники, с новыми технологиями, с созданием современной инфраструктуры улучшится и жизнь людей. Некоторые придерживаются довольно простодушного взгляда на человеческий прогресс: если будут лучше автомобили и самолеты, будут шире и качественнее дороги — значит, и жизнь будет лучше.

Все эти процессы характерны для нашего государства. Столь заманчивое для нас еще несколько лет назад преобразование в так называемое открытое общество оборачивается ныне утратой собственной культуры, традиций, криминализацией общества, изменением его ценностных ориентаций. Другими словами, общество находится в кризисе [1].

Теория прогресса, которая питала в том числе и атеистическое мировоззрение, просто захлебывается в этих конфликтных схемах: развивая одно, мы гу-

бим другое; надеясь, что одно поможет стать счастливым, и очень многое ставя на это, в данном случае — на материальную сторону своей жизни, мы убеждаемся, что счастье человека в полной мере не зависит от всего того материального, ради чего зачастую мы живем и чему отдаем все свои силы [2].

Мы как человеческая цивилизация действительно вошли в очень сложный период — период кризисного бытия. Большое заблуждение считать, что где-то какие-то ипотечные проблемы явились причиной обрушения мировой экономики. Это примитивный взгляд на нынешний кризис. Мир сегодня потрясает не только экономический кризис.

Совершенно очевидно, что мы проходим и через экологический кризис, и через культурный, и через образовательный, и в спорте тоже кризис. Кроме того, существует кризис национальной идентичности. Но если сейчас кризис системный не только у нас, но и во всем мире, то, может быть, есть какая-то единая основа этого кризиса? Есть первопричина — это кризис человеческой личности, это кризис нравственного чувства, это кризис потери ценностей [3]. Больше всего, на взгляд автора, в такой ситуации страдает именно молоджь. Отрекшись от старых ценностей, мы еще не успели сформировать новых, наши СМИ ухватились за иллюзию свободы слова и буквально завалили нас информацией о жестокости, насилии, смерти. Приучив массового зрителя относиться к человеческим страданиям с показным цинизмом, телевидение новой России породило новое поколение «взбесившейся» молодежи.

С детства привыкшие к виду крови на экранах телевизоров, которые теперь наконец-то были практически в каждом доме, отвергшие родительскую систему приоритетов как устаревшую и изжившую себя, не озабоченные проблемами выживания в благополучном обывательском мире, а потому склонные к инфантильности, молодые люди и подростки зарождающегося общества потребления просто потеряли способность ориентироваться среди ценностей и антиценностей, различать черное и белое. В этой обстановке бунтарский дух, свойственный подросткам, и пресловутый юношеский максимализм приняли поистине гротескные формы.

О том, что Россию сегодня охватила настоящая волна жестокости, не слышал и не читал только ленивый. Видеозаписи избиения молодыми людьми и подростками стариков, женщин и детей обошли весь рунет и достигли даже официального телевидения. Драки между скинхедами и антифашистами, нападение стаями на одиноких граждан, жестокие до извращенности убийства — все это давно уже вышло за рамки обыкновенного хулиганства. Сам факт того, что большинство подобных преступлений совершается несовершеннолетними или просто очень молодыми людьми, пугает и удивляет одновременно.

Постепенно приучив обывателя к сценам насилия, СМИ, и в первую очередь — телевидение, породили поколение людей, не только не боящихся вида крови, но и не скрывающих нездорового любопытства по отношению к боли и смерти других людей. Запертые в подсознании инстинкты вырвались наружу и были взлелеяны массовой культурой, превратившись в нечто нормальное.

Одновременно наблюдается небывалый расцвет оккультизма, разнообразных мистицизмов и магизмов, колдовства, других методов воздействия на со-

знание и подсознание людей. Все это мутным потоком идет через средства массовой информации, а сейчас уже и через разнообразные образовательные программы в умы и сердца людей.

В итоге у молодого человека формируются искаженные мировосприятие, поведение и мотивация, трансформирующие личность. Человек незаметно для себя лишается самостоятельности в оценке ситуации и принятии решения, следует навязанным ему стереотипам. Изменяются ценностные ориентации общества. Экономика становится доминантой социального развития общества, превращая его в арену гонки за материальными благами и телесными удовольствиями. Духовные ценности, мораль, нравственность представляются как архаичные, никому не нужные старомодные понятия. В итоге разрушаются вековые традиции народов, общины, семьи, разрушается личность человека.

Молодежь — это зрелая часть нашего общества. Основные ошибки нашей педагогики сводятся к неизменному патернализму. Старшее поколение смотрит сверху вниз, любит постоянно критиковать, поправлять, требовать, чтобы молодежь непременно жила так, как жили прежде их родители, или как живут сейчас.

На самом деле молодежь — это органическая часть всего общества, и говорить о проблемах с молодежью надо тем же языком, которым следует говорить с людьми старших поколений. С молодежью следует говорить абсолютно так же, как мы говорим со всеми остальными: в первую очередь, с большим уважением и любовью, ибо молодежь это потенциал будущего, но одновременно — на совершенно серьезном языке взрослых людей.

Информационное общество имеет много преимуществ по отношению к тем обществам, которые так не назывались и по сути таковыми не были. В первую очередь — это возможность получать информацию и интеллектуально расти. Сегодня только если человек очень ленив, он не будет расти интеллектуально. Но если лень под контролем, то появляются неограниченные возможности для интеллектуального роста: компьютерные технологии, которые выводят нас на любые источники знаний, научная работа, которая становится просто захватывающе интересной, потому что у человека, сидящего дома, открываются такие возможности, о которых в прошлом даже помыслить было невозможно. Все это, конечно, подталкивает научно-технический прогресс, но, с другой стороны, в этом информационном потоке чего только нет! Могучий поток информации оказывает колоссальное воздействие на психику людей, на состояние их душ. И вот здесь возникает вопрос: а как относиться к этому потоку, ведь он может действительно смести человека, разрушить его самобытность, некую его подлинность, идентичность — духовную, культурную, национальную. И так и происходит во многих случаях.

Именно поэтому очень важно выстраивать систему отсева информации, ставить перед собой некий фильтр, который помогал бы молодому человеку не просто отбрасывать лишнее, но критически воспринимать все то, что на него обрушивается. Для этого необходим внутренний критерий, используя который, молодой человек мог бы разумно воспринимать поступающую информацию и

использовать ее во благо, отсеивая все то, что может разрушать человеческую личность. Но чтобы иметь такой критерий, внутри себя нужно иметь некую норму. Понятие нормы — чрезвычайно важное, но норма опять-таки чем-то и как-то формируется. И вот здесь возникает вопрос о ценностях, ведь в первую очередь норма, основываясь на которой можно фильтровать поступающую информацию, — это система ценностей, которая присуща человеку. Но ведь информационный поток, обрушивающийся намолодежь, и предполагает формирование неких ценностей — по замыслу тех, кто этот поток создает. Именно поэтому в информационном потоке идет борьба между ценностями, и молодому поколению очень трудно сориентироваться.

Фильтр, необходимый для того, чтобы критически воспринимать обрушивающийся на сознание поток информации, — это в первую очередь нравственный голос. Только по совести можно определять, что такое хорошо, а что такое плохо. Но сделать это очень непросто — помимо нравственного чувства должно быть еще некое мировоззрение, некий набор идей. Есть такое понятие: предание, традиция. На самом деле традиция важна не потому, что она хранит прошлое — в прошлом ведь было много и хорошего, и плохого. Традиция не призвана сохранять все из прошлого. Подлинная традиция не хранит мусора — она хранит только ценности. С возрастом у человека вырабатывается своя жизненная позиция. И у людей зрелых хватает опыта переоценить ту информацию, которую они получают, а молодежь, хотя в силу своих качеств она настроена на восприятие, такого внутреннего критерия не имеет.

К сожалению, у большинства молодых людей сегодня занижено чувство собственной ценности. Отсюда и разрушительное поведение: алкоголизм, наркотики, проституция. Если на глубине сердца человек осознает себя ничтожеством, никчемностью, ничего не значащим и ничего не могущим существом, он ни на что не способен, он чувствует себя в этом мире лишним и для того, чтобы хоть как-то уйти от чувства тревоги, дискомфорта по этому поводу, он ищет сильного лидера, который будет помыкать им и распоряжаться им, как собственностью. И, конечно же, находит.

Психологическая природа молодого человека диалогична. В подростковом и юношеском возрасте потребность в личностном общении со сверстниками становится насущной потребностью. Все жизненные явления подросток и юноша рассматривает через призму общения со своими друзьями. Молодежь очень чутко реагирует на неправду, фальшь, корысть. Поэтому в современной жизни молодежь нуждается в тех, кто поможет ей адаптироваться в реальной жизни, почувствовать себя полноценным и востребованным человеком [4].

Сегодня молодежь РФ — это 39,6 миллионов молодых граждан — 27% от общей численности населения страны. В соответствии со Стратегией государственной молодежной политики в Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2006 года № 1760-р, к категории молодежи в России относятся граждане России от 14 до 30 лет. Если сравнить нынешнее социальное положение молодежи с ее положением в 1990 году, то наиболее радикальные изменения обнаруживаются в труде,

образовании, материальном положении и досуге. Роль молодежи в сфере занятости, ее трудовой потенциал остается высоким около: 3/4 занятых в народном хозяйстве молодых людей получили профессиональное образование. Однако это не исключает нарастающей безработицы среди молодежи, значительная часть которой работает в государственном секторе. Конфликт между потребностью молодежи в трудоустройстве и дефицитом рабочих мест на рынке труда является наиболее актуальным сейчас. Молодые люди в возрасте до 30 лет, по данным государственной статистики, составляют около трети безработных, зарегистрированных на бирже труда. Особый размах приобрела «скрытая безработица», создающаяся за счет простоев предприятий, вынужденных отпусков, сокращения рабочей недели. Ею охвачено более 1/4 работающей молодежи.

Материальное положение молодых людей мало зависит от результатов труда, уровня образования, квалификации. Определяющим фактором является форма собственности. Хотя государственный сектор остается главным каналом социализации молодежи в сфере труда, в нем наблюдается устойчивая тенденция сокращения молодежной занятости. Охранник на фирме, рядовая служащая в банке получают в десятки раз больше высококвалифицированного инженера, работающего на государственном предприятии, или ученого. Поэтому каждый второй молодой человек не считает справедливой получаемую им зарплату.

Проблемы занятости молодежи тесно переплетаются с проблемами образования и получения профессии. Статья 43 Конституции РФ закрепляет право каждого гражданина на образование, гарантирует общедоступность и бесплатность, в том числе основного общего и среднего профессионального образования. Кроме того, каждый вправе на конкурсной основе получить бесплатно высшее образование в государственных и муниципальных вузах. Однако реально ситуация иная. Образование практически на всех уровнях становится платным, причем в престижных вузах стоимость его столь высока, что носит, по существу, запретительный характер. Но самое главное, что, несмотря на это, резко падает престиж образования и профессионализма.

Работа и учеба для молодых людей тесно переплетаются еще с одной проблемой — службой в армии. Происходит дальнейшее снижение престижа военной службы среди призывной молодежи. Более половины из числа молодого пополнения считает службу в армии неблагодарной повинностью, которую следует выполнять лишь в силу уголовного преследования. Каждый десятый заявил о том, что служить не желает и при удобном случае будет стремиться уклониться от выполнения военной обязанности. В качестве основных причин, формирующих негативное отношение к службе в Вооруженных Силах, большинство призывников называют: принижение значимости военной службы в государстве, «чеченский синдром», боязнь «дедовщины» и трудностей, обусловленных спецификой жизнедеятельности армии и флота.

Одной из наиболее острых проблем, которая встает перед молодежью и обществом, является жилищное обеспечение. Проблемы, вызванные со старением жилого фонда и неразвитостью форм найма жилья, провоцируют рост цен и

арендной платы за жилье в Российской Федерации. Процентные ставки по ипотечным кредитам остаются недоступными для молодых людей. В связи с этим заслуживает внимания реализация приоритетного национального проекта «Жилье», в рамках которого предусмотрены жилищные субсидии для молодых семей. Начиная с 90-х годов прошлого века число молодых пар, которые проживали без юридического оформления брака, увеличилось до 3 миллионов, что привело к реальному росту внебрачных детей и увеличению количества неполных семей.

Положение не изменится до тех пор, пока общество, политики и власть не изменят свое понимание, а с этим и отношение к молодежи и молодежной политике, а именно: пока они не поймут, что в нынешней ситуации молодежная политика — это дело не какого-то отдельного комитета в системе государственных органов (такое возможно в стабильном, устойчивом, благополучном, эволюционирующем обществе), а дело всего государства и всего общества; взятая в полном объеме, в широком смысле, эта политика включает в свое содержание проблемы демографии, здравоохранения, образования, профессиональной подготовки, культуры, физической культуры и т.п. [5].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Второй международный конгресс «Мир семьи». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.acpp.ru.
2. Обращение Предстоятеля Русской Православной Церкви к собравшимся с Первосвятительским словом. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.patriarchia.ru.
3. Святейший Патриарх Кирилл о духовно-нравственном воспитании молодежи. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mepar.ru.
4. Интервью с игуменом Евмением. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.reshma.com.ru/alm/pr sov/voskres_pokolenie.htm.
5. Доклад Центра экономических и политических исследований «Социальная политика в России» № 5 (29) ноябрь-декабрь 1997 года. Тема — Молодежь в России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.yabloko.ru.

М. Н. Савостова

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Одним из важнейших компонентов профессионального становления для молодых специалистов является удовлетворенность выбранной специальностью.

С этой целью было проведено исследование, направленное на выявление проблем социализации молодых специалистов. В исследовании принимали участие молодые специалисты в возрасте до 25 лет (52,6%) и от 25 до 30 лет (47,4%). Стаж работы по специальности у 33% составлял менее года, у 31% от года до двух лет, у 36% от двух до трех лет. При этом 82,6% составляли мужчины и 17,4% женщины.

Как показывают исследования, удовлетворены своим профессиональным выбором 93% и только 5% молодых специалистов испытали разочарование в выбранной профессии (рис. 1).

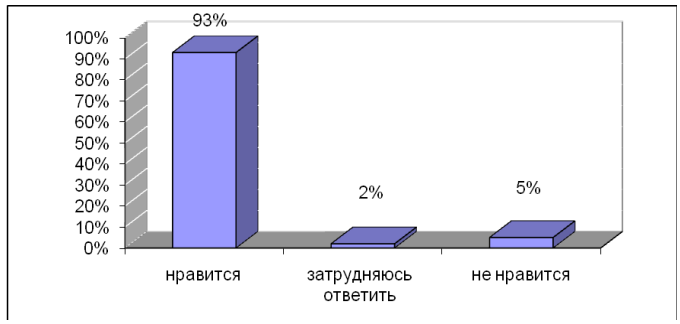


Рис. 1. Удовлетворенность выбранной специальностью

Важным элементом процесса адаптации считается и профессиональная подготовка. Подготовленными считают себя 66% молодых специалистов, плохо подготовленными 16% (рис. 2). При этом 57% молодых специалистов имели достаточно реальное представление о своей будущей работе, а для 30% ожидания не соответствовали выполняемым обязанностям (рис. 3).

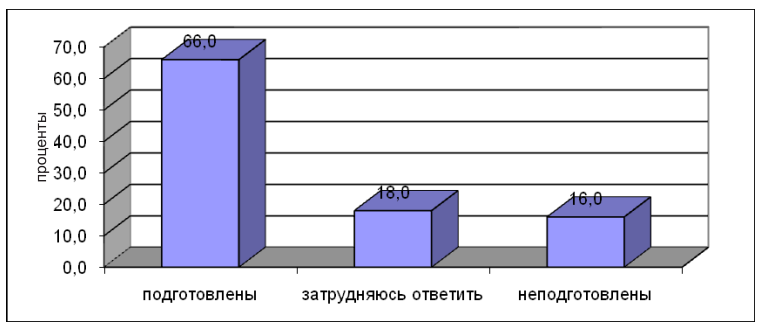


Рис. 2. Оценка подготовки после окончания учебного заведения

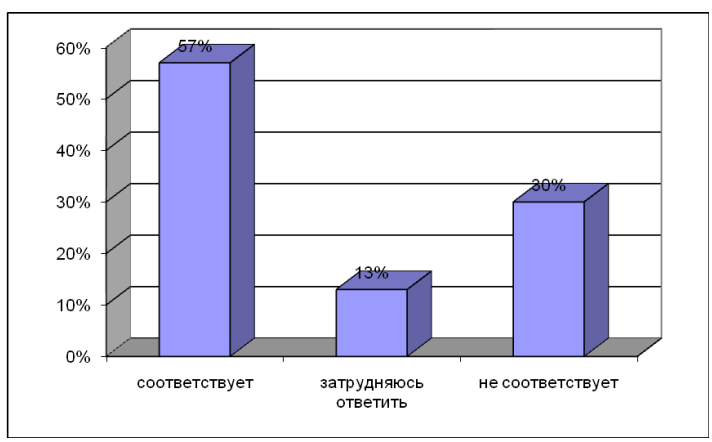


Рис. 3. Соответствие реальной ситуации на работе ожиданиям

Безусловно, низкий уровень профессиональной подготовки осложняет адаптацию, увеличивает ее сроки и требует больших финансовых вложений. Кроме того, несоответствие реальной работы ожиданиям может говорить о недостаточном количестве практических занятий в процессе обучения специалистов. Степень удовлетворенности молодых специалистов различными сторонами трудовой деятельности характеризуется данными, приведенными в таблице.

Представления о перспективе, знание о возможностях карьерного роста являются одним из важнейших факторов адаптации (рис. 4).

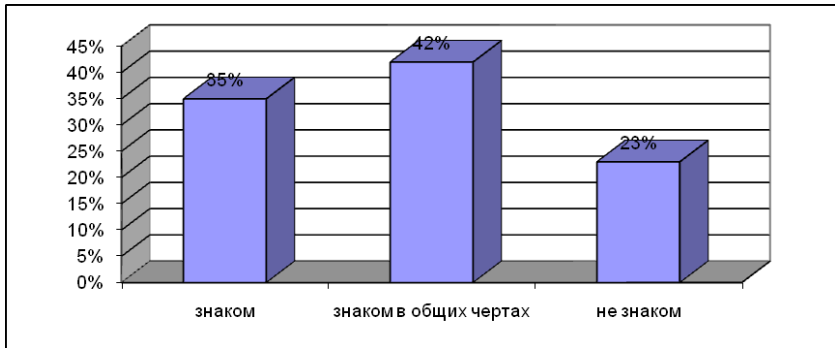


Рис. 4. Осведомленность о возможной карьере, перспективах роста

Однако только 35% молодых специалистов знают о перспективах профессионального роста и о своей возможной деловой карьере, остальные 65% либо совсем не знакомы с этим, либо знакомы в общих чертах. В связи с этим необходимо усилить работу по ознакомлению молодых специалистов с возможностями их продвижения по карьерной лестнице, так как решение этих вопросов касается не только адаптации, но является стимулирующим механизмом производственной деятельности.

Проведенные исследования показали, что 25% опрошенных не удовлетворены перспективой профессионального роста (рис. 5). При этом 71% молодых специалистов, неудовлетворенных перспективой профессионального роста, не знали о ней, а 70% не довольны оплатой труда и, возможно, поэтому не видят своей дальнейшей перспективы.

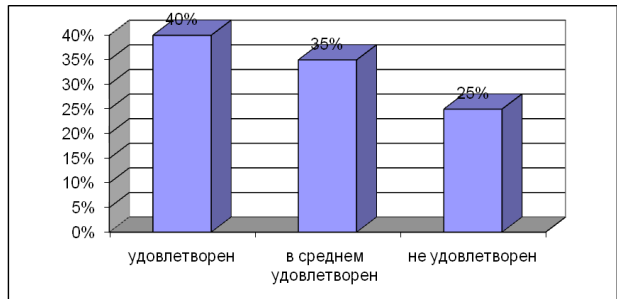


Рис. 5. Удовлетворенность перспективой профессионального роста

Значительную роль в процессе трудовой адаптации играет наличие наставника. Безусловную важность влияния наставника на процесс адаптации отмечают 91% молодых специалистов. При этом следует обратить внимание на то, что 50% молодых специалистов, не имеющих наставника, лишены помощи при адаптации. Кроме того, наличие наставника влияет и на удовлетворенность профессиональным ростом. Так, 53% молодых специалистов, имеющих наставников, удовлетворены перспективой своего профессионального роста, а среди тех, кто работает без наставника, их только 29%.

Взаимоотношения молодых специалистов с коллегами являются благоприятным фактором для адаптации, как и удовлетворенность отношениями с руководством (рис. 6). Так, практически 76% молодых специалистов удовлетворены взаимоотношениями с руководством.

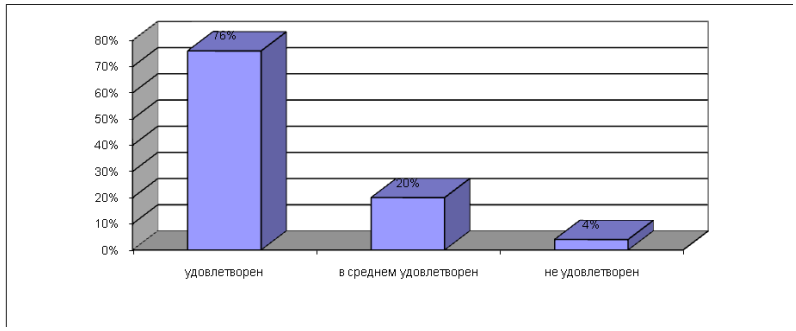


Рис. 6. Удовлетворенность отношениями с руководством

Одним из основных факторов скорейшей адаптации молодых специалистов на работе является удовлетворенность оплатой труда. Исследования, показали, что значительная часть молодых специалистов (42%) не удовлетворены размером оплаты труда (рис. 7).

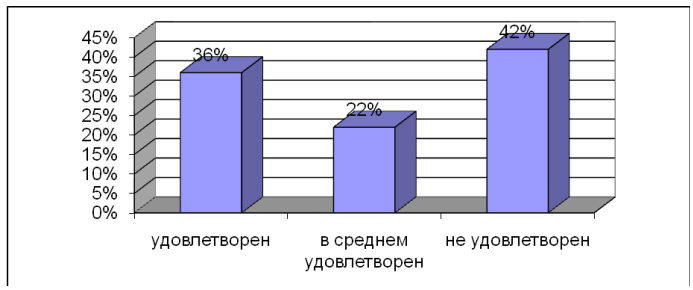


Рис. 7. Удовлетворенность оплатой труда

Однако следует отметить, что, несмотря на неудовлетворенность заработной платой, людей удерживают на работе хорошие отношения в коллективе (84%), положительные отношения с непосредственным руководителем (76%) и с руководством (60%). Помимо этого для многих респондентов важным оказывается продолжение профессиональной династии (68%) и удовлетворенность работой в целом (46%).

Неудовлетворенность жилищными условиями также относится к числу факторов, мешающих адаптации. Исследования показали, что 63% молодых специалистов не довольны своими жилищными условиями. Это свидетельствует о необходимости и актуальности разработки реально работающих социальных программ для молодых специалистов.

В первую очередь это касается материальной сферы-заработной платы и обеспечения жильем. Это говорит о том, что социальная детерминанта не является доминирующей в первые годы работы.

Для большинства молодых специалистов характерна удовлетворенность профессиональным выбором, а это, безусловно, является позитивным фактором их вхождения в профессиональную среду, принятия своей профессиональной роли, реально соответствующей рабочей обстановке.

А. Л. Салагаев, С. А. Сергеев, Л. В. Лучшева

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН ОБ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ И ПОТЕНЦИАЛЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ

Республика Татарстан — один из наиболее развитых в социальном и экономическом отношении регионов Российской Федерации[16]. В последние годы региональные власти Татарстана и официальные СМИ начали кампанию по изменению имиджа Татарстана со «стабильного региона» на «инновационный». Президент РТ Р. Минниханов (ранее занимавший должность премьер-министра РТ), говорит о Республике Татарстан не иначе как об «одном из наиболее инновационных регионов России».

В рамках проекта «Социокультурные изменения и инновации в Республике Татарстан в 2000-е гг.» в сентябре-октябре 2009 г. был проведен массовый опрос населения с целью выяснения степени его участия в различного рода инновациях, а также готовности к такому участию.

Объем выборки составил 1625 человек. Основные параметры выборки массового опроса были следующими: мужчин 44,4% (772 человека), женщин 55,6% (903 человека). Доля жителей Казани в выборке составляет 31,3% (509 человек), Набережных Челнов — 13% (212 человек), средних и малых городов 21,4 % (347 человек), доля жителей поселков и сельских населенных пунктов 34,3% (557 человек). По возрасту респонденты распределились следующим образом: 55 лет и старше — 28,1% (457 человек), от 45 до 54 — 19,3% (314 человек), от 35 до 44 — 20,7% (336 человек), от 25 до 34 — 17,7% (288 человеке), от 18 до 24 лет — 14,2% (230 человек).

[16] Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект «Социокультурные изменения и инновации в Республике Татарстан в 2000-е гг.», № 09-03-00616а).

Подавляющее количество респондентов (90%) имеет среднее образование и выше: респондентов с высшим образованием 20,1 % (326 человек), с незаконченным высшим 4,6% (74 человека), со средним специальным 32,6% (529 человек), со средним 32,7% (532 человека), неполное среднее 6,6% (108 человек), начальное или ниже — 3,4% (55 человек). Среди респондентов татар 47,4% (771 человек), русских 47,6% (773 человека), лиц других национальностей 4,9% (79). Параметры выборки в целом соответствуют параметрам генеральной совокупности — населения Татарстана. Единственным заметным отклонением надо назвать расхождение между долей русского населения в республике по данным переписи 2002 г. (39,5%) и в выборке (47,6%). Следует отметить, что данным переписи 2002 г. в отношении этнического состава населения РТ нельзя полностью доверять, так как власти старались любой ценой увеличить долю татарского населения, увеличивая его за счет кряшен, лиц, родившихся в смешанных браках с амбивалентной этнической идентификацией. Поэтому увеличение доли русского населения в выборке представляется оправданным. Важно также определить не только формальную этническую идентификацию, но и язык, на котором респонденты предпочитают общаться в домашней обстановке. Свыше половины респондентов (55,3%, или 898 человек) используют в общении дома исключительно русский язык, следовательно, не менее 8% выборки — это русскоговорящие татары. И тот, и другой языки в равной степени использует 26,2% (426 человек), только татарский язык — 17,9% (291 человек).

Среди тех респондентов, кто попытался определить понятие «инновация» (821 человек, или 50,5%), большинство определили экономики РФ и РТ безусловно или скорее как инновационные (67,2% и 61,1% соответственно). Не считают экономики РФ и РТ инновационными соответственно 24,4% и 30% опрошенных. Как можно заметить, скепсис по отношению к экономике РТ несколько выше.

Наиболее открытыми для внедрения инноваций в экономике РТ респонденты считают промышленность (43,4%), строительство и транспорт (33,9%), связь и информационные технологии (33%), сельское и лесное хозяйство (28,6%), науку, образование, здравоохранение (28,1%). Наименее открытые отрасли — это коммунальное хозяйство (5,2%), силовые и правоохранительные органы (6,2%), государственное и муниципальное управление (7,4%).

Респонденты выразили также умеренный оптимизм по поводу инновационных перспектив экономик РФ и РТ. Большинство из них выбрало при ответе на данный вопрос вариант «скорее станет, чем не станет» применительно и к экономике РФ, и к экономике РТ (52,9% и 54% соответственно). При укрупнении категорий получается, что 76% респондентов оптимистически оценили перспективы экономики РФ и 76,4% — экономики РТ (т.е. выбрали варианты ответов «безусловно станет» и «скорее станет, чем не станет»). Пессимистически оценили перспективы экономики РФ 12,5%, а экономики РТ — 12,8% респондентов (выбрали варианты ответов «безусловно не станет» и «скорее не станет, чем станет»). Таким образом, различия в оценках перспектив развития экономик России и Татарстана практически не заметны. При этом респонденты счи-

тают, что повышения доли инноваций в экономике республики необходимо добиваться в первую очередь экономическими, а также научными методами (71,6% и 53% соответственно). Сторонники административных методов внедрения инноваций оказались в явном меньшинстве (23,3%).

Инновационное поведение, на наш взгляд, характеризуется повышенным интересом отдельных групп населения к происходящим в России и ее регионах событиям. Постоянно стараются быть в курсе событий только 12,5% опрошенных, а более половины (54%) стараются получить новую информацию по мере возможности. Почти каждого третьего (30,6%) больше беспокоят собственные проблемы, они мало интересуются тем, что происходит в обществе.

Основным источником информации для подавляющего большинства опрошенных является телевидение (97,1%). На втором месте находятся газеты и журналы, к ним обращается 51 % опрошенных. Около трети получает информацию по радио (32,3%). Друзья, знакомые и родственники служат источником информации соответственно для 20,9 и 15,9% опрошенных, и всего 14,9% назвали Интернет. Вместе с тем к пользователям сети Интернет отнесли себя 31,8% опрошенных. Видимо, половина пользователей Интернета использует его не для поиска информации. Около двух третей респондентов, отнесших себя к пользователям Интернета (64,5%), пользуется Всемирной сетью каждый день, каждый четвертый (26,9%) еженедельно. Подавляющее большинство (78,5%) пользуется Интернетом дома, каждый пятый (19%) на работе и только один процент в Интернет-кафе.

Данные опроса хорошо соотносятся с исследованием российской Интернет-аудитории, проведенной Фондом «Общественное мнение» в сентябре 2010 г. (согласно ему, проникновение Интернета в Республике Татарстан — около 36%) [1] и расходится с данными Министерства информатизации и связи РТ, согласно которым в РТ к сентябрю 2010 г. широкополосной доступ к Интернету имели 57% домохозяйств или 688 тыс. абонентов, общее же количество пользователей доступа в сеть Интернет с использованием всех технологий проводного и беспроводного доступа на территории Республики Татарстан составляет свыше 1,63 млн человек (т.е. свыше 50%) [2; 3].

Наиболее популярными местными сайтами являются 116.ru (9,3%), «Бизнес-online» (7,9%), Татар-информ (6,8 %) и «Tatcenter.ru» (4,3%). Другие сайты указали 5 процентов опрошенных.

При ответе на вопрос «Чем для Вас является ваша работа?» большинство работающих респондентов (882 человека) определили свою работу главным образом как источник средств к существованию (79,1%). Достаточно часто (34,7%) встречается ответ, что «работа — это возможность проявить себя, самореализоваться», 14,6% определили работу в качестве «способа получения общественного одобрения и признания», работу как «возможность занять себя чем-то, потратить с пользой свободное время» признало 13% опрошенных. Незначительная доля участников опроса (5,3%) относится к работе «как к неприятной обязанности», и, если бы у них была возможность, то они вообще не работали. Таким образом, для большинства респондентов работа является как основным

источником существования, так и сферой самореализации и проявления своей общественной значимости.

Отвечая на вопрос «Что Вы больше всего цените в своей работе?» большинство работающих респондентов на первое место поставили ее экономическую ценность, а именно: «обеспечение достатка в семье» — 51,1% и «хороший заработок» — 34,9%. Далее следуют варианты: «интерес к работе» — 34,7%, «общение» — 26,1%, «чувство удовлетворенности работой» — 17,6%, «удобное время работы, отпуск» — 15,4%, «возможность самореализации» — 10,9%.

Отвечая на вопрос «Опасаетесь ли Вы того, что после окончания учебы можете не найти места работы, достойного уровня вашей квалификации?», относительное большинство респондентов-учащихся ответили утвердительно (34,1%), не опасающихся — 20,9%, колеблющихся — 30,8% и затрудняющихся ответить — 14,3%. Таким образом, доля опасающихся за неудачный поиск места работы и среди тех, кто уже ищет работу (36,8%), и среди тех, кому этот поиск еще предстоит (34,1%), является примерно одинаковой.

При ответе на вопрос «Планируете ли вы повышать уровень своего образования?» большая часть опрошенных заявила об отсутствии подобных планов, указывая на удовлетворенность уровнем своего образования (68,6%). Доля планирующих получить высшее образование составила 12,7%, второе высшее — 3,7%, среднее специальное — 3% и у 8,9% респондентов ответ вызвал затруднение. Таким образом, 68,6% опрошенных удовлетворены своим образованием, 19,4% планируют повышать уровень своего образования, причем 12,7% путем получения высшего, 3,7% второго высшего образования и только 3% нацелены на получение рабочей специальности.

Отвечая на вопрос «Занимаетесь ли вы самообразованием? Изучаете ли вы самостоятельно какие-либо науки, учебные дисциплины, области знаний?» отрицательный ответ дало большинство опрошенных (56,1%). Пытаются заниматься самообразованием время от времени 25,9% опрошенных и лишь 18% занимаются постоянно.

Доля тех, кто высказался за желание иметь пусть сравнительно небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне (51,2%) гораздо выше, чем тех, кто хотел бы много работать и хорошо зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее (28,6%). Желающие проявлять инициативу и самостоятельность в труде оказались в меньшинстве — 13,3%.

Распределение ответов на вопрос: «Какими иностранными языками владеете хотя бы в минимальной степени?» показало, что большая часть опрошенных (71,1%) никаким иностранным языком не владеет, 21,2% владеет английским языком, 6,7% немецким, 1,8% французским и столько же другими языками. По данным Левада-центра, более или менее свободно хотя бы на одном иностранном языке может говорить 15% россиян (июль 2010 г.)

Более трети опрошенных пользуется компьютером (38,8%) и подавляющее большинство (83,3%) пользуется мобильным телефоном. Отметим, что доля пользующихся компьютером и мобильным телефоном в РТ несколько выше,

чем в среднем по России (в январе 2009 г., согласно данным Левада-центра, мобильный телефон был у 78% опрошенных, компьютер — у 33%).

Основой для получения нового знания, новых технологий и образцов является инновационная деятельность. 7,7% опрошенных указали, что по роду своей профессиональной деятельности они занимаются научными исследованиями. 12,2% работающих респондентов принимали участие в рационализаторстве, инженерных разработках, изобретательстве: 2,4% опрошенных указали, что делали это часто, 3,1% — несколько раз, 6,7% — однажды.

Разработка и освоение нового невозможно без переподготовки и повышения квалификации, но лишь 16% опрошенных отметили, что за последний год принимали участие в семинарах, тренингах, конференциях, выставках, конкурсах, имеющих отношение к профессиональной деятельности, 68,4% никогда не принимали в них участия.

В течение года, предшествовавшего опросу, различными формами повышения квалификации были охвачены около 29% опрошенных; 70,2% опрошенных никак не повышали свою квалификацию. Из тех респондентов, что заявили о том, что повышали свою квалификацию, наибольшее количество (11,2% от всех работающих) посещали курсы повышения квалификации.

Таким образом, как показали данные массового опроса, Республика Татарстан располагает значительным инновационным потенциалом, который используется недостаточно и нерационально. В республике существуют значительные резервы наращивания инновационного потенциала работников и специалистов. В то же время недостаточное внимание уделяется созданию и развитию таких предпосылок развития инноваций, как человеческий фактор (высокоинтеллектуальная среда) и инфраструктура. Инновационное развитие нередко подменяется его имитацией, а заимствованные инновации становятся либо предметами престижного потребления, либо способом привлечения дополнительных средств из федерального бюджета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьев С. RIW-2010. Российский Интернет — самый быстрорастущий онлайн-рынок в мире. Часть 4-я // http: // www.business-gazeta.ru/article/31135/18.
2. В Татарстане насчитывается 688 тыс. абонентов сети Интернет // http: // business-gazeta.ru/article/28539/6.
3. Каждый второй татарстанец имеет высокоскоростной доступ в Интернет // http: // info.tatcenter.ru/ittech/82324.htm.

Р. Х. Салахутдинова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: К МЕТОДОЛОГИИ АНАЛИЗА

Российское образование претерпевает в последнее десятилетие грандиозные изменения. Множество имеющихся публикаций свидетельствуют о поиске ответов на вопросы: «Каким должно быть образование в России? На что

должна ориенти-роваться Российская образовательная система? — На международные образцы американские, западные, или же на интересы, условия, возможности своей страны?». Само развитие нашей экономики, как и общества в целом, выдвигает на первый план проблему образования как единственного серьезного инструмента для соз-дания кадрового ресурса, способного возродить интеллектуалный и научно-техно-логический потенциал страны и взять на себя реабилитацию и развитие нашей экономики, управление, как на макро, так и на микроэкономическом уровне.

Однако, по мере продолжения так называемой модернизации образования, мы все дальше отдаляемся от желаемого идеала: связи образования и экономики, повышения благосостояния населения, реализации функций образования в интересах развития страны.

Общеизвестно, что чем сильнее государство, здоровее его население, обеспеченнее народ — тем оно менее уязвимо, более способно обеспечить собственную безопасность, сохранить себя как жизнеспособная, независимая целостность. Благополучие народа, страны — это своего рода иммунитет государства, одно из основных условий сохранения и отстаивания своих приоритетов в практике международного сотрудничества, что особенно актуально для современной России.

Одним из основополагающих в этом плане является институт образования.

Равноценного по выполняемым функциям альтернативного социального образования, значимости как для отдельного человека, так и общества в целом, в обществе не имеется. Однако содержание образования в современной России, идеология реформы, модернизации на всех уровнях определяется не внутренними потребностями страны — с одной стороны, потенциальными возможностями и свойствами института образования — с другой, а ориентацией на внешние агенты.

Реформа отечественного образования осуществляется в условиях двух значимых и параллельно протекающих процессов: глобализации образования и формирования единого образовательного пространства (Болонский процесс).

Идеология Болонского процесса (европеизация, интернационализация) ориентирована на решение своих собственных задач: « … превращение Европы в динамичный и процветающий континент с самой сильной в мире социальной политикой и развитыми человеческими ресурсами, а с другой — сделать европейское высшее образование наиболее конкурентоспособным в соревновании за умы, «деньги» и «престиж». [1; 15]

Философия глобального образования заключается в идее непрерывного образования с всеобщим или почти всеобщим участием, в наличии все более ориентированных на рынок материально независимых учебных заведений, что в конечном итоге делает образование отраслью сферы услуг, элементом рынка. Содержанием глобализации образования является дистанционное обучение, способное вовлечь в виртуальное образовательное пространство огромные территории, движение капитала.

Несомненно, в этом есть и положительные аспекты. Открытость образовательных границ, возможность обучаться а зарубежных вузах, а для преподава-

телей — поработать и заработать, в перспективе закрепиться и остаться за рубежом. По существу же эти два процесса есть не что иное, как новая волна оттока интеллектуального потенциала из России в скрытой форме. Причем постоянно действующего оттока из числа подрастающего поколения, так называемых юных умов страны, через всевозможные программы, гранты, конкурсы, олимпиады и т.п., что позволяет обеспечивать непрерывный процесс обесточивания интеллектуального потенциала страны.

Политика модернизации образования в той форме, в которой продолжает осуществляться, привела к трансформации, а в некоторых случаях и к исчезновению определенных институциональных функций образования. В частности, функции социализации, подготовки высокопрофессиональных специалистов, воспроизводства социальных групп и слоев как носителей духовных ценностей, образованности, просвещенности, формирования стратификационного общества, восходящей социальной мобильности и т.д. Сегодня представляется возможным выделить основные направления трансформации Российской системы образования как смены парадигмы образования.

1. **Институциональная трансформация образования**, проявившаяся в изменении статуса образования (деинституционализация образования).

Как результат:

1.1. *Переориентация института образования в сферу образовательных услуг* (предпринимательство).

1.2. *Замена качественной оценки образования количественными показателями* (рейтинг, тесты и др.) привела к разрушению методов обучения в вузе. Мотивация получения оценки за знания, предполагающая систематическую самоподготовку, творчество, поиск, обучение методам науки в процессе совместной деятельности студента с преподавателем, — вытеснилась мотивацией накопления баллов для получения зачета или оценки за предмет.

1.3. *Изменение подходов в оценке роли и места образования в структуре современного российского общества*. Потеря принципиальных институциональных функций привела к тому, что система образования перестала способствовать выполнению функции сохранения и воспроизводства позитивных системных качеств общества, войдя в противоречие с реально существующими нуждами и потребностями страны.

1.4. *Изменение механизмов и принципов регулирования системы отношений в образовательном процессе* (в образовательной деятельности) за счет идеологии либерализации учебного процесса. Отсутствие нормативных документов, предписывающих права и обязанности в субъект — объектных отношениях в условиях коммерциализации образования практически свели статус преподавателя к статусу обслуживающего студентов работника; к исчезновению контроля, как регулятивного механизма за выполнением студентами предписываемых им, в соответствии со статусными обязанностями, требований.

2. **Структурные изменения в образовании**.

2.1. *Выхолащивание сущности и роли высшего образования* (подмена ценности знания ценностью массового образования). Этому процессу способство-

вали параллельно протекающие процессы развала народного хозяйства и экономики и реформа средне-профессионального, средне-технического образования (Копенгагенская Декларация). В этих условиях открытие множества негосударственных высших школ было единственным способом поддержать более-менее сносный уровень жизни преподавателей вузов и, с другой стороны, в ситуации роста безработицы сдерживать динамику увеличения безработицы в среде молодежи. Впоследствии такая политика привела к диспропорции в подготовке кадров и к дефициту рабочих специальностей. А также к утрате школы подготовки рабочих кадров (наставничество).

2.2. *Изменение механизма кадрового обеспечения высшей школы, сферы науки*. В условиях отмены механизма обеспечения региональных вузов выпускниками ведущих университетов страны (распределение), их подготовку стали осуществлять региональные вузы. Особенно проблематичным их подготовка оказалась по тем специальностям, направлениям, которые обеспечивались выпускниками университетов Москвы, Санкт-Петербурга (Ленинграда) и др., владеющих кадровым потенциалом, научной школой для подготовки специалистов- преподавателей вузов. В этих условиях вузовский кадровый состав обновлялся и пополнялся за счет выпускников местных педагогических вузов.

2.3. *Изменения студенческого контингента в условиях коммерциализации образования* как фактор кардинального изменения механизма воспроизводства качества социальных групп (структуры общества). В условиях коммерциализации образования, перехода приема в вузы на систему ЕГЭ прежние критерии отбора наиболее талантливых и способных действовать практически перестали, и высшее образование стало «всеобщим» для тех, кто имеет соответствующие материальные возможности. Наряду с другими факторами это существенно изменило качественный состав студенческой аудитории. Эти изменения касаются, прежде всего, системы ценностей (и, соответственно, мотивации) тех, кто претендует на получение высшего образования и более высокого социального статуса в плане жизнеобеспечения.

3. Традиционные функции образования, процессы их модернизации.

3.1. Одним из основополагающих функций образования является *формирование человеческого ресурса* (социализация личности, сохранение и укрепление физического здоровья, интеллектуальное и нравственное развитие в процессе образования). Осуществление реформы не только высшей школы, но и всей системы образования в целом, сопровождается выхолащиванием главного предназначения образовательного компонента социального развития — формирования культуры. В западной литературе существует мнение, что глобализация образования чревата в будущем опасностью того, что студенты могут подвергнуться воздействию культурных норм, которые будут отличаться от желательных для национального правительства (суверенного государства). Глобализация высшего образования, таким образом, расценивается как инструмент культурного империализма. Для любого абитуриента, студента высшая школа была, прежде всего, средой формирования особой системы ценностей, которую абитуриент готов был принять, формируя в себе необходимые качества, если тако-

выми не обладал. «Пребывание человека в высшей школе является неповторимым периодом его жизни, во время которого раз и навсегда формируются многие черты его характера и миросозерцания. Главнейшее, что дает высшая школа, — это особая, ей одной присущая культура... Эта культура, прежде всего, дается атмосферой школьных стен...», — писал русский ученый-экономист А.В. Чаянов в своей работе «Методы высшей школы». Действительно, выпускника вуза (как, впрочем, и студента) всегда отличали особые качества: высокая гражданская позиция, социальная активность, наличие высоких ценностей, идеалов, патриотизма. Проявление этих качеств было лишь следствием выполнения той функции, которая определялась самой задачей высшей школы: формирование всесторонне развитой личности, подготовка высококвалифицированных специалистов.

3.2. *Передача знаний, преемственность опыта и духовного наследия.*

«Потеряв ценностно-культурные функции, образование постепенно перестало быть способом и механизмом социализации личности, посредством передачи социального опыта от поколения к поколению», — пишет Солдаткин В.И. А это значит, образование перестало быть каналом формирования и воспроизводства особого социального слоя — интеллигенции, элиты как носителей высоких духовных ценностей, культуры, просвещения.

3.3. *Подготовка профессионально востребованных специалистов* (непрерывное образование, опережающее образование). Состояние постперестроечного рынка труда позволяет говорить о нерентабельности образования в целом как для государства, так и для обучающегося: отсутствие работы по специальности, низкая оплата труда, следовательно, неспособность покрыть расходы на первичное образование и отсутствие финансовых возможностей для получения дополнительного образования.

3.4. *Региональные функции образования*. Наиболее ощутимо последствия так называемой модернизации (трансформации) образования проявляется в регионах, где отраслевые вузы и развитие различных отраслей народного хозяйства были не только тесно взаимосвязаны, но и взаимообусловлены. Взаимозависимость служила мощнейшим стимулом подготовки практиков-специалистов, способствуя формированию своих собственных научных кадров, исследователей, научных школ. Такая практика являлась механизмом сохранения и закрепления кадров, прежде всего молодежи, на местах, сохранения и воспроизводства особого социального слоя — интеллигенции, элиты. Сегодня в поисках работы, стабильности, социальной защищенности и гарантии на лучшее будущее продолжается отток лучшей ее части с мест проживания по схеме: из столиц — в зарубежные страны, из регионов — в столицы, крупные города, из сельской местности — в областные центры, близлежащие города. Таким образом происходит своего рода селекция, которая в недалеком будущем определит как качественный состав российского взрослого населения, так и кадровый потенциал регионов.

Если охарактеризовать в целом современное состояние института образования, то следует отметить, что процесс модернизации (реформы) высшего образования сопровождается дисфункцией образования как социального института.

Ее некоторые проявления:

1. Вытеснение социальных функций образования экономическими.
2. Сохраняющаяся динамика роста безработицы, проявляющаяся в невостребованности молодых специалистов на рынке труда, несоответствии качества выпускаемых специалистов требованиям рынка труда и др.
3. Десоциализация студенческой молодежи; потеря традиционной для высшей школы среды формирования личности.
4. Деформация механизма воспроизводства кадров: а)в подготовке преподавателей высшей школы; б) инженерно- технических кадров; в) научных кадров вместе с потерей научных школ.

Актуализация вопроса роли и значения образования в сложившихся условиях российской действительности объясняется тем, что образование — единственный социальный институт воспроизводства позитивных системных качеств социума в целом. Однако, без восстановления системы образования с исторически сложившимися и свойственными только этому институту функциями, без национальной идеи в философии образования, где должны найти отражение национальные интересы, механизмы обеспечения национальной безопасности, условия формирования человеческого капитала, служащего основным фактором подъема экономики страны, -любые стратегии восстановления и развития сегодняшней России беспочвенны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байденко В.И. Болонские реформы: некоторые уроки Европы // Высшее образование сегодня. 2004. № 2. С. 15.

В. А. Самкова

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ

Сегодня современность заново определяет логику анализа исторического развития общества. Характер и облик большинству современных обществ придали три важнейших процесса: *инновации, модернизация и глобализация*. Сегодня глобализация интерпретируется не только как стирание политических и экономических границ. Глобализация это «стирание» всяких различий — классовых, рассовых, экономических. Глобализация это процесс унификации различий. Современность совпадает по времени с постиндустриальной эпохой и глобализацией, она характеризуется не структурами, а процессами, «потоками», которые, которые могут изменить направление движения.

Современность как эпоха конца идеологических битв и политических конфликтов, инноваций и революций, творчества и просвещения, прогресса и демократии, остается утопическим конструктом. Люди исторически стремились к идеалу «счастливой рациональности, рационального счастья», связанному с жизнью в идеальном, упорядоченном пространстве, очищенной от любой произвольности, свободной от любой неожиданности, случайности, неопределен-

ности. Понятие современности обнаруживает себя в системе общественной жизни как совокупность важнейших, структурно определяющих черт и признаков, как разновидность общественного устройства. З.Бауман [1] выделил три основные черты-характеристики современного общества: — утрата индивидом контроля над социальными процессами; — незащищенность перед переменами, которые он не в состоянии контролировать; неопределенность ближайшего будущего; — неспособность к планированию и достижению долговременных целей, жизненных стратегий и подмена их сиюминутными результатами. Таким образом, современность это время разрушения субъекта в социальной и культурной жизни. Современность это время духовной смерти субъекта, когда миром правят предметы, иллюзии, мифы и фантазии. Современность утрачивает завоевания современной западной цивилизации — автономного, свободного и ответственного индивида. Его образ вытесняется массовым индивидом, усредненным продуктом неоднородной гомогенной массы, создаваемой массовым производством. В современном социокультурном пространстве источником «омассовления» являются СМИ, телевидение с характерными для него стандартизированными формами превращения любой проблемы в товар, развлечение. Пространство взаимоотношений между людьми не остается неподвижным, статичным, оно меняется, благодаря социальным действиям и социальным связям. Мы сталкиваемся сегодня с феноменом не только подмены рационального обоснования действительности, но также с проблемой подлинного и неподлинного бытия. Заботы и настроения индивида сегодня невозможно объяснить, исходя из «наличного бытия человека». Социальное бытие сегодня — это мир «симулятивных симулякров, виртуальная транс-реальность» [2], это время господства симуляции, обмана (зрения, чувств), заблуждения, потери и утраты мотива жизнедеятельности. Наше время — время гиперреальности, когда игра знаков вытесняет реальный опыт. Симуляция действительности посредством массовой информации становится для индивида более реальной, чем сама действительность.

Тотальная система коммуникации, в которую погружен индивид, обрекает его на погружение в поток информации, которую он не в состоянии осмыслить и проанализировать. З. Бауман фиксирует появление «негативного» человека, отщепившегося от социальной ткани, от мысли о коллективности, солидарности, ответственности, от свободы. Неопределенность и небезопасность современности поддерживаются новым типом индивидуальности. Современность — это время гибели Субьекта, когда разрывается связь времен и связь поколений. Современность — это состояние sui generic, время разрушения и «подрыва» традиционных социальных иерархий — классовых, экономических, расовых и.д. Это время полного господства потребительских вещей и благ над людьми и окончательная утрата роли субъектов, вытеснение межличностных отношений их симуляцией. Современное общество — это «общество риска», где все подвержено травме глобальных изменений.

До недавнего времени «образ жизни индивидов оказывался не только вписанным в ту или иную социальную ситуацию, но и выступал важнейшим струк-

турирующим эту ситуацию компонентом». Процессы, идущие на уровне образа жизни, позволяли понять некоторые механизмы смены социальной ситуации, а, следовательно, и индивидуальных структур в целом. Сегодня «социальные объекты, действия и конфигурации действий имеют изменчивый характер, представляют собой не статичные сущности, а процессы». Основными условиями развития современности, являются: 1) — политические и институциональные рамки: сегодня это в большинстве — конституционная демократия; идея верховенства закона; принципы суверенности национальных государств; 2) — экономически новый способ производства: массовое промышленное производство товаров и услуг силами свободных наемных рабочих, проживающих в городах; 3) — новый стиль и образ жизни: глобализация и урбанизация; 4) — новый экономический строй: капитализм с его формами собственности и распределения благ; 5) организация труда с ориентацией на эффективность и эксплуатацию; 6) — растущие контрасты и социальное неравенство; 7) — статус и престиж и проблема идентичности в системе потребления.

Внешние силы социальной среды, и энергия социальных условий, в целом, направлены против человека. Сегодня войны, революции, социальные и экономические катаклизмы, режимы, проникающие в микроструктуру личных судеб, гипертрофируют «плотную ткань социально-классовой детерминации». Линейное, векторное движение жизни субъекта и его сознания исчезает. В мировых бытийных взрывах человек XX – XXI века выбрасывается из постоянных социальных связей, прочных ниш цивилизации. Постоянные «выбросы» из прочных детерминант определяют сознание людей. В этом «определении» возрастает экстремальная роль самого сознания в моменты предельных выборов и решений. Эти решения зачастую не могут отвратить судьбу, но могут изменить ее смысл, спасая достоинство индивида. Обыденный, одинокий поступок все чаще обретает роковой, «акмейный» характер, обретает смысл решающего действия «на прошлое» и «на будущее» индивидуальных — и не только индивидуальных судеб. Порой, судьбы «массы» одиноких людей зависят от силы, пластичности и решимости малых групп.

Динамический хаос, сопровождающий качественные перемены в эпоху радикальных реформ, возрастающая нелинейность социальной среды приводит к формированию в ней различных аттракторов, многие из которых ведут к зонам опасных состояний с необратимыми катастрофическими последствиям глобализации и модернизации.

Отождествление изменений с социальным прогрессом сегодня уступает место идее кризисов, при которых изменения проявляют свои негативные последствия в различных областях социокультурной жизни общества. Современное общество живет в системе тотальной коммуникации, переживет «экстаз коммуникации». Общество, превращается в пассивного зрителя, в сознании которого хаос впечатлений. Увлечение различными символами затмевает все то, что эти символы обозначают; реальность исчезает в мире фантазии. Массы, это «тихое большинство» [4], ищут не смысла, а зрелищ, в большей степени, становясь не способными к политическим и революционным преобразовательным действиям.

Рефлексия и выбор индивида связаны с рисками; вместо автономного и массового человека возникает массовый *неукорененный индивид*, не имеющий связи ни с прошлым, ни со структурами индустриальной эпохи, индивид, находящийся в ситуации потери норм и ценностей (аномии) и изоляции. Индивид в современности рефлективен, т.е., ориентирован на свое отношение к объекту, на объективное знание. Индивид в современности рефлексивен, что означает направленность его сознания на совершение выбора, отвечающего лишь его склонностям и часто несущего дестабилизацию в обществе. Его выбор нелинеен, он не ограничен в прежней мере структурами и нормами, такими, как гражданское общество, государство, класс, семья, право, мораль. Его представления подвижны, ситуативны, иррациональны. Происходящее сейчас, не направлено против разума, это не незнание, в действительности, рефлексивный современный человек лучше образован и более знающ, чем когда либо. Но, как утверждает С.Лэш, меняется тип знания, оно по себе не прочно, поскольку удалено от определенности, и то, о чем это знание, также является неопределенным — в большей мере вероятностным, чем «характеризующим возможность».

Наши представления о динамическом устройстве общества позволяют нам рассматривать любую социокультурную ситуацию в двух аспектах: — 1) как совокупность взаимосвязанных процессов жизнедеятельности, обеспечивающих ее стабильность; — 2) как совокупность динамических процессов жизнедеятельности, вызывающих ее развитие или замену другой ситуацией. В первом случае исследуются факторы и условия, поддерживающие ее как целостную систему, когда не нарушается ее структура. Во втором — выявляются факторы и условия, потенциально или актуально вызывающие существенные изменения элементов структуры, что и обусловливает смену ситуации. С одной стороны, модернизация формирует в общественном сознании потребность в новых знаниях, с другой стороны формирует «культурный синкретизм», который определяет многомерный образ будущего. При этом общество модернити должно соединить все важнейшие тенденции развития или «мегатренды». В тоже время, сама «изменчивость» модернизирующегося общества может подрывать нормальный ход общественной жизни, наносить членам общества своего рода удар, вызывать стресс и порождать состояние апатии, уныния, аномии.

Распад общих ценностей представляет собой потерю социального капитала — основы консолидации общества, без которой оно не может существовать. Индивидуализация, изменение стилей жизни, изменение надежности знания и его направленности, конфликты идентичностей, господство массовой культуры становятся более важными процессами, чем модернизация и глобализация. В конечном счете, индивидуализация оказывается формой одиночества массового человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. с англ. М.: Изд-во «Весь мир», 2004. 188 с.
2. Белл Д. Модернити и технологический прогресс / Западная социология. Хрестоматия. М., 2006.

3. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / пер. Л. Любарской, Е. Марковой. М.: Добросвет, 2000.
4. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / пер. с фр. Н.В. Суслова; Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000. 96 с.
5. Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона; пер. с англ. В.В. Сапова, под ред. М.М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2004.
6. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / пер. с исп. Х. Ортега-и-Гассет. М.: ООО «Издательство АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2003. 269 с.

С. М. Сарычев

РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА КАК ОДНА ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ЗАДАЧ СИСТЕМНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

В истории России было несколько попыток системной модернизации, более или менее комплексных и более или менее успешных. Однако по-настоящему результативной была только одна из них — петровская. Реформа 1861 года была слишком ограниченна по своим задачам и половинчата по замыслу. Столыпинская, достаточно целостная по своей стратегии, была прервана начавшейся мировой войной. Большевистская, самая системная из всех, развивалась по привлекательной, но, как выяснилось, тупиковой траектории.

Петровская же модернизация действительно достигла тех целей, которые ставил перед ней ее инициатор. Она кардинально изменила российский социум: резко снизила роль старой аристократии и церкви; значительно повысила общественно-политический вес наиболее деятельной части общества — служивого дворянства и купечества; открыла множество социальных лифтов, связанных как с государственной службой, так и с хозяйственной деятельностью. Комплексной модернизации были подвергнуты политическая и правовая системы, в том числе структура и функции государственного аппарата, проведена глубокая военная реформа. О технологической революции во многих отраслях экономики и говорить не приходится. Причем то, что петровская модернизация развивалась в соответствии со стратегией, говоря современным языком, «догоняющего развития», путем переноса на российскую почву в более или менее адаптированном виде достижений европейского экономико-технологического, военно-административного и социально-культурного развития, России совершенно не повредило. Наоборот.

Сегодняшняя Россия в системной модернизации нуждается столь же отчаянно, сколь и в конце 17-го века. Не вдаваясь в частности, отметим главное — на кону опять стоит сама возможность выживания страны, ее способность адекватно реагировать на глобальные вызовы, территориальная целостность, демографическая и экономическая безопасность, способность удерживать от эмиграции собственное население, прежде всего, наиболее образованную и активную его часть.

Одно отличает современную модернизацию от той, петровской. Сегодня она может быть либо территориально целостной, т.е. более или менее равномерно затрагивать все регионы страны, либо никакой. Петр I зачастую откладывал модернизацию экономической и общественно-культурной (но не административной) жизни провинции «на потом». Он сосредоточил свое внимание и основные ресурсы на развитии, выражаясь современным языком, инновационных кластеров — новой столице Санкт-Петербурге, военно-морских комплексов в Кронштадте, Архангельске, Таганроге и Туле с ее военными заводами. Даже Москву, чрезвычайно важную во внутренней политике России, его реформаторская деятельность затронула «по касательной». При тогдашнем отсутствии глобальной экономической и информационной среды это было возможно. Сегодня выбор такой — территориально-выборочной — модели модернизации нужных стране результатов не даст. Концентрация процессов модернизации в отдельных территориально-локальных зонах сегодня будет работать на разрыв страны, хотим мы того или нет. Необходимо разрабатывать адаптивные стратегии модернизации для российских регионов всех типов и более или менее одновременно начинать этот процесс во всей стране. Одним из ключевых направлений модернизации России сегодня должно стать преодоление кричащих различий в уровне экономического, социокультурного и политико-правового развития отдельных территорий, создание связывающих страну и реально работающих коммуникаций, формирование общих для всей страны основ ментальности граждан.

Отдельным и, может быть, важнейшим направлением модернизации страны является укрепление гражданского общества, поскольку все надежды «вскочить на подножку уходящего поезда» цивилизационного развития исключительно за счет усилий государства, пусть даже в гипотетическом союзе с крупнейшими корпорациями (формирование которого, кстати, тоже еще под большим вопросом), совершенно утопичны без участия такого партнера, как гражданское общество.

Задача строительства гражданского общества и системы взаимоотношений между ним и государственным аппаратом не только стратегически важна, но и чрезвычайно сложна, будучи абсолютно инновационной для России. До 1917 года в стране существовало сословное общество под эгидой абсолютной монархии. В СССР доминирующей общественно-политической силой являлась КПСС, а все, что находилось за ее пределами, именовалось «общественностью», послушно «колебавшейся» вместе с генеральной линией партии. Иными словами, гражданское общество в России формируется едва ли не с нуля, соответственно, и рассчитывать на него как на эффективного партнера государство пока не в состоянии.

Под гражданским обществом мы понимаем сумму социальных связей и отношений, формирующихся гражданами того или иного государства для реализации своих индивидуальных и групповых интересов вне системы государственной власти путем создания различных организаций, действующих на основе самоорганизации, самодеятельности и под свою ответственность.

Причем, на региональном же уровне развиваются преимущественно гражданские институты не общественно-политического, а гуманитарного и социально-экономического характера: интересы граждан здесь выражены в более конкретной форме, будучи ориентированы, прежде всего, на совершенствование качества среды и повышение уровня и комфорта повседневной жизни.

При внятной организации и необходимой прозрачности процедур взаимодействие государства с гражданскими институтами дает ощутимые преимущества и той, и другой сторонам. Государство получает возможность опереться на низовую инициативу населения, организовать массовый общественный мониторинг работы своих исполнительных структур, не тратя на эти цели ни копейки бюджетных средств. Гражданские институты имеют шанс организационного укрепления, привлечения к своей деятельности максимально широких слоев населения, учитывая конкретность и неотложность решаемых на этом уровне задач и прямую заинтересованность граждан в контроле над качеством услуг, предоставляемых им государством.

В связи с этим несколько слов о формах и форматах взаимодействия региональных органов государственной власти и гражданского общества в социально-экономической сфере.

Гражданское общество, по определению, является главным **экспертом** деятельности органов государственной власти в области социально-экономического развития страны или региона. Если основной доктринальной задачей государственной политики в целом является рост качества жизни населения и если государство при этом не лукавит, то именно гражданин, индивидуально или коллективно — безразлично, является «мерилом» эффективности избранной органами власти стратегии социально-экономического развития и практической политики по ее реализации. Свою экспертную роль гражданское общество выполняет различными способами: а) своими субъективными оценками деятельности властей (доверие — недоверие, активность — апатия и т.д.) и собственного социального самочувствия, электоральным поведением; б) объективными параметрами своей жизни и повседневного поведения (продолжительность жизни, уровень девиантного поведения, стратегия и структура расходов, репродуктивное поведение семей, межрегиональная миграция и т.д.).

Гражданское общество выполняет в отношении органов власти (государственных и муниципальных — в равной мере) **контрольную функцию**. Она проявляется как в пассивной, так и в активной форме. В первом случае речь идет преимущественно об электоральном контроле. Во втором — о создании специализированных негосударственных институтов, занятых отраслевым или локально-территориальным контролем над работой органов власти. Например, общество автомобилистов осуществляет мониторинг законодательной и правоприменительной практики государства в области дорожного строительства, организации дорожного движения и регулирования развития автомобильного транспорта; органы территориального общественного самоуправления — кон-

тролем деятельности властей по благоустройству и развитию определенного микрорайона и т.д.

Гражданское общество выступает в отношении государства генеральным **заказчиком**, поручая ему организацию работ по оказанию необходимых публичных услуг в пределах тех финансовых средств, которые определяются налогами на граждан и их объединения, в том числе — корпорации. Эта роль гражданского общества реализуется через несколько «каналов» — политическую систему, СМИ и непосредственно, путем выставления властям всякого рода претензий и требований.

Гражданское общество является естественным **партнером** государства в совместном с его органами решении задач как социально-экономического развития, так и государственного строительства, обеспечения безопасности государства и граждан. В политической сфере такое партнерство проявляется, прежде всего, в деятельности представительных органов власти В экономической сфере такого рода отношения реализуются преимущественно в форме частно-государственного партнерства, а в социальной — в виде сотрудничества органов государственной власти и общественных институтов (например, профсоюзов, некоммерческих организаций) в процессе реализации каких-либо общественно значимых задач и проектов.

Наконец, в определенных случаях гражданское общество является **объектом** государственной политики, диктующей ему границы свободы (в том числе, и в реализации каких-то социально-экономических интересов, свободе получения доходов, их реализации, использовании определенных форм экономической деятельности) и принуждающей этих границ придерживаться.

Отметим, что ни один из перечисленных форматов не может не то что доминировать, но даже заметно опережать другие в своем развитии. Иными словами, если у гражданского общества свернуты, например, контрольные или партнерские функции, оно становится и трудным, малоотзывчивым объектом по отношению к системе государственного принуждения.

Гражданское общество традиционно наиболее активно в роли требовательного заказчика государственных услуг, а наименее — в качестве партнера властей. Как правило, негосударственные организации проявляют наивысшую активность, требуя доступа к принятию решений и контролю за результатами, «пропуская» такую важную часть процесса, как непосредственная работа по реализации той или иной программы или конкретного проекта. Так партнеры не поступают, партнеры делят между собой совместную работу и в равной мере отвечают за достижение совместно выработанных целей.

На основе собственного опыта могу утверждать, что наиболее благоприятны, с точки зрения развития гражданско-государственного партнерства, социальные отрасли — здравоохранение, образование, досуг, спорт и т.д., а также ЖКХ, включая сюда и благоустройство населенных пунктов. Все они наиболее тесно контактируют с гражданами, а те, в свою очередь, именно в этих сферах могут наиболее полно проявить свои экспертные возможности, именно эти

сферы являются предметом их наиболее заинтересованного, массового и повседневного внимания. Собственно, именно в этом сегменте общества, как показывает опыт работы Гражданского форума Тюменской области, уже сегодня действуют наиболее активные и узнаваемые общественные структуры.

М. А. Сединкин

ТРАНСПАРЕНТИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ КАК ЦЕЛЕВОЙ ОРИЕНТИР РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В РОССИИ

В рамках современного понимания нового государственного управления в последнее время актуализируется вопрос открытости-закрытости власти.

Одно из главных оснований демократического общества — это установление единых и понятных «правил игры» для всех субъектов политики в информационной сфере. Эти правила должны выражаться не только в принципах, но и в механизмах, обеспечивающих прозрачность власти и доступ к ее информационным ресурсам [10; 29].

В настоящее время нарастает острота недоверия населения к органам государственной власти и местного самоуправления. Это объясняется не только экономическими, политическими и социальными факторами, но и закрытостью органов власти, нежеланием, неумением своевременно и точно информировать население о своей деятельности. В результате возникают другие социальные проблемы: отрицательный имидж власти, низкая социальная и политическая активность граждан, бюрократический произвол и т.д. И все это препятствует эффективному и качественному социальному управлению, становлению зрелого гражданского общества и демократии, развитию человеческого потенциала, устойчивому развитию муниципального образования [8].

Сегодня необходим равноправный диалог государства и общества. Это позволит выстроить систему оценки всех принимаемых решений. Это стало возможным с помощью Интернета [9].

Проблема открытости власти является наиболее актуальной в свете внедрения информационных технологий в государственное и муниципальное управление. Информационные технологии сегодня позволяют качественно ново организовать диалог государства и общества в прозрачной плоскости. Тем самым назревает возможность изменить привычный для России уклад замкнутости власти, реализовать механизмы прозрачности и обеспечить информационную открытость органов государственной и муниципальной власти.

В соответствии с Концепцией формирования в РФ электронного правительства, одной из целей формирования электронного правительства служит «повышение открытости информации о деятельности органов государственной власти и расширение возможности доступа к ней и непосредственного участия организаций, граждан и институтов гражданского общества в процедурах фор-

мирования и экспертизы решений, принимаемых на всех уровнях государственного управления» [1].

Рассматривая с научной точки зрения данную цель, необходимо проанализировать смежные понятия, характеризующие указанную целевую ориентацию. Исследователи выделяют несколько понятий: гласность, публичность, открытость и транспарентность (прозрачность) как политико-правовое явление в государственном управлении.

К первой группе подходов можно отнести мнение профессора Г.В. Атаманчука, выделяющего большое значение принципа демократизма государственного управления, который воспроизводит постоянные взаимосвязи общества и государства реализованные только при соблюдении открытости управления [3]. Среди общесистемных принципов государственного управления Г.В. Атаманчук выделяет принцип публичности, предполагающий:

— доступность государственного управления для граждан;
— открытость функционирования органов управления;
— общественный контроль, в том числе через средства массовой информации;
— судебный контроль за соблюдением конституционно закрепленных интересов общества, прав и свобод граждан [3].

Исследователи отмечают, что современное государственное управление не возможно без учета мнения граждан и реализации принципа открытости управления.

Вышеуказанные мнения увязывают принцип открытости деятельности органов государственного управления как следствие демократического развития государства. Многие ученые указывают на важную роль средств массовой информации в реализации принципа информационной открытости органов государственной власти. Так ко второй группе подходов к определению открытости относится утверждение В.Д. Граждана, что в средствах массовой информации должны освещаться практика деятельности государственных структур, их успехи и недостатки, материальное и другое обеспечение [4;10]. По мнению многих ученых, принцип гласности обеспечивает возможность получения открытой (несекретной) информации о деятельности государственных органов и государственных служащих, при этом данный принцип обусловлен, с одной стороны, положением о необходимости участия граждан у управлении государством и обществом, а с другой — потребностью в постоянном учете мнения граждан при решении государственных задач [11].

В позициях указанных исследователей гласность рассматривается как процесс освещения деятельности органов власти в средствах массовой информации, что, несомненно, справедливо, однако сужение принципа гласности является не полным по его изначальной природе, так как освещение в СМИ относится к прерогативе самих органов власти и не позволяет обществу получать всей интересующей информации, кроме отнесенной законодательно к категории секретной.

Существуют и другие подходы к определению принципа открытости деятельности органов государственной власти. Так отмечается связь гласности с политическим плюрализмом, множественностью мнений, взглядов, направлений, партий и т.п., что рассматривается в качестве принципа общественного устройства [6; 542], а также как принцип организации и функционирования политической системы на основе баланса сил, выражающих интересы политических, религиозных, этнических, экономических и других групп и ассоциаций граждан. Данный подход можно рассматривать лишь как условие развития принципа гласности, влияющего в целом на становление демократических институтов государства и несомненно на влияет на качество информации о деятельности органов государственной власти.

Заслуживает внимание подход А.А. Гришковец, в соответствии с которым связывается гласность с прозрачностью и осведомленностью, что в целом создает возможность активного участия граждан в управлении государством, способствует росту социальной активности, при этом отмечается, что принципы гласности и открытости представляют собой по сути содержание одного принципа государственной службы [5; 24–36].

На первый взгляд может показаться, что содержание всех рассматриваемых понятий идентично, и они представляют собой взаимозаменяемые термины. Но в действительности они имеют различную смысловую окраску. По мнению М.А. Кузьминой, «открытость» означает доступность для всех желающих, искренность, несокрытие истины, под «публичностью» понимается осуществление какой-либо деятельности в присутствии публики, открытость, нечто общественное, а не частное, понятие «транспарентность» означает «прозрачный», то есть ясно видимый, явный, легко понимаемый, «гласность» является более широким понятием, включающим и подразумевающим наличие остальных [7].

Справедливо отмечает В.И. Анишина, указывая, что в современном понимании содержание принципа транспарентности многогранно и все термины, используемые в названии данного принципа («гласность», «открытость», «транспарентность»), весьма близки по значению, но не идентичны [2; 21].

По мнению автора, термины «гласность», «открытость», «публичность» являются равнозначными в части того, что представляют собой волю политических акторов, реализуемую как инструмент информирования о деятельности органов государственной власти. Инициирование гласности, открытости и публичности происходит сугубо по воле органов государственной власти.

Возникновение же термина «транспарентность» в трудах ученых позволяет выдвинуть гипотезу о новом политико-правовом явлении, приходящим на смену принципа гласности. Этимология ведется от английского «transparent» — прозрачный, французского «transparence» — прозрачность, немецкого «transparent (durchsichtig)» — прозрачный, просвечивающий.

Таким образом, автором под транспаретностью понимается глубокое явление, в основе которого заложена новая форма организации взаимодействия государства и общества, подразумевающая смену мышления государственных деятелей и институтов гражданского общества.

Несмотря на актуальность рассматриваемой темы транспарентность как политико-правовое явление не получила в научных трудах теоретического осмысления и детерминации. На сегодняшний день не выделен понятийный аппарат, предмет, объект, а также функции, методы, способы, механизмы и многое другое. В связи с этим автором предлагается теоретизация транспарентности как политико-правового явления в государственном управлении.

Транспарентность государственного управления — это эволюционная трансформация государственного управления, ориентированного на гражданское общество и представляющая собой полную информационную открытость деятельности органов государственной власти за исключением регламентированного законом перечня сведений, доступ к которым ограничен.

Транспарентные отношения представляет собой такую сферу взаимоотношений государства и общества, при котором социально значимая информация, образующаяся в деятельности государственной власти, соответствует требованиям актуальности, достоверности, полноты и доступности для общества.

Транспарентизация государственного управления — это процесс управленческой деятельности, направленный на повышение прозрачности государственной власти с одной стороны, и наличие обратной связи, исходящей от общества, нацеленной на получение социально значимой информации, с другой стороны.

С точки зрения кибернетического подхода к управлению и существующей практике субъектами транспарентности выступают органы государственной власти, государственные служащие и должностные лица государства, а объектом в первую очередь является общество (граждане и бизнес), а также сами государственные служащие в сфере взаимоотношений с иными государственными органами.

Однако в новом понимании государственного управления, с точки зрения социального управления правильным будет выделить следующим образом. Объекты транспарентизации управления являются и ее субъектами. В данном случае субъектом и объектом выступает человек, осваивающий не только общественные нормы и ценности, но и в процессе социализации преобразует их. В социальном управлении субъект и объект транспарентизации может совпадать, и здесь возникает процесс субъект-объектного взаимодействия.

В свою очередь предметом транспарентности служит актуальная, достоверная, полная и доступная информация.

Достижение транспарентности управления возможно при следующих условиях:

— исполнение норм государственными служащими;
— активная позиция граждан и бизнеса, отстаивание своих прав;
— регламентация норм транспарентности в законодательстве.

Таким образом, транспарентность является новым политико-правовым явлением в государственном управлении, которое достигается взаимоотношением власти и общества в установлении прозрачных отношений и открытой по-

литикой в интересах гражданского общества. Транспарентность это не мифологема научных трудов, а вполне достижимое состояние в условиях формирования электронного правительства, популяризации информационных технологий, обеспечивающей обратную связь от деятельности власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 6 мая 2008 года № 632-р «Об одобрении Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года».
2. Анишина В.И. Принцип гласности, открытости и транспарентности судебной власти: проблемы теории и практики реализации // Мировой судья. 2006. № 11. С. 21.
3. Атаманчук Г.В. Сущность государственной службы: история, теория, закон, практика: монография. М.: РАГС, 2003.
4. Граждан В.Д. Государственная служба как профессиональная деятельность. М., 1997. С. 10.
5. Гришковец А.А. Государственная служба и гражданское общество: правовые проблемы взаимодействия // Государство и право. 2004. № 1. С. 24–36.
6. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. 5-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 2003. 854 с.
7. Кузьмина М.А. Некоторые аспекты гласности правосудия по гражданским делам в свете судебно-правовой реформы в России // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 2.
8. Международная конференция «Современный этап реформирования российской системы государственной власти и местного самоуправления» // ЧиновникЪ. 2006. № 606 (46).
9. Модернизация страны начинается с модернизации регионов // Башкортостанское региональное отделение партии «Единая Россия». 20.08.2010 http://www.bashedinros.ru/spcs/600.
10. Россошанский А.В. Проблема информационной открытости публичной власти в современной России // Власть. 2009. № 11. С. 29.
11. Стариков Ю. Н. Институт государственной службы: содержание и структура // Государство и право. 1996. № 6.

А. Н. Силин

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ТЮМЕНСКОГО СЕВЕРА: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ[17]

Устойчивое функционирование ТЭК, являющееся гарантом экономической, социальной и политической устойчивости страны, во многом в предстоящий период будет определяться результатами освоения ресурсов Тюменского Севера и, в первую очередь, Ямала. Здесь планируется масштабное осво-

[17] Доклад подготовлен при поддержке гранта РГНФ (проект 11-03-00647а и утвержден 03.03.2011 г.).

ение новых месторождений углеводородного сырья как на самом полуострове, так и на приямальском шельфе Карского моря, строительство железной дороги «Обская — Бованенково», морского порта «Харасавэй», магистральных газопроводов «Бованенково — Ухта –Торжок» и «Южный Ямал — Екатеринбург», производство сжиженного природного газа. При достижении проектных показателей здесь предполагается добывать до 300 млрд куб. м газа и 20 млн т нефти и газоконденсата.

Главным направлением деверсификации экономики северного региона может стать реализация проекта «Урал промышленный — Урал Полярный», предусматривающего развитие горнорудной промышленности и создание транспортной (ж/д магистраль вдоль восточного склона Уральских гор и разветвленных широтных линий) и энергетической инфраструктуры.

Кроме того, намечается создание нефтегазоперерабатывающей промышленности и необходимой для этого инфраструктуры, газопровода «Алтай», а также добыча до 30 млн т нефти в южной зоне Ямала и дальнейшее развитие Надым-Тазовского района (освоение Южно-Русского месторождения для обеспечении газопровода «Северный поток», ачимовских залежей Уренгойского месторождения, строительство Надымской электростанции и расширение Уренгойской ГРЭС, нефтепровода «Ванкор — Пурпе», разработка месторождений Большехетской зоны и др.)

Реализация этих планов ставит серьезные вопросы в отношении возможности сохранения среды обитания и, соответственно, традиционного образа жизни аборигенных народов Ямальского Севера [1; 39; 2; 241]. «Программой комплексного освоения месторождений полуострова Ямал и прилегающих акваторий» предусматривается развитие оленеводства и рыболовства лишь в Гыданской зоне, но и здесь планируются масштабные геологоразведочные работы, необходимые для добычи 100 млрд куб. м газа и 10 млнт конденсата.

Решение всех этих уникальных задач с наименьшим ущербом для северных биогеоценозов, людей, живущих здесь и приехавших из других регионов, требует серьезных научных проработок, экономического, социологического, экологического, медицинского и других видов сопровождения. К сожалению, этой стороне развития Тюменского Севера до сих пор уделяется явно недостаточное внимание, хотя необходимый для их реализации научный потенциал в регионе имеется. Так, исследованием проблем социального управления на Тюменском Севере в разное время занимались Аганбегян А.Г., Артюхов А.В., Барбакова К.Г., Воронова Э.Б., Вайншток С.М., Гаврин А.С., Гапонова Т.Г., Куцев Г.Ф., Корепанов Г.С., Орлов Б.П., Павленко В.И., Прохоров Б.Б., Пушкарев В.М., Симонов С.Г., Сморчкова В.И., Хайтун А.Д., Хайруллина Н.Г., Харамзин Т.Г., Юрасова Г.М. и др.

Около четырех десятилетий тюменские Приполярье и Заполярье являются плацдармом социологических и экономических исследований и для автора этого доклада [3; 112, 4; 214, 5;15]. Знакомство с работами коллег и сотрудничество с ними, анализ результатов собственных теоретических и эмпирических исследований позволили выявить динамику социальных процессов в северном ре-

гионе, факторы, определяющие их, возможные управленческие технологии, позволяющие изменить ситуацию в позитивном направлении.

Так, были разработаны и апробированы сначала в Карской НГРЭ Главтюменьгеологии, а затем в ООО Газпром добыча Ямбург социальные стандарты отбора работников для условий вахтового труда на Крайнем Севере, условий их жизнедеятельности в базовых и вахтовых населенных пунктах, режимов труда и отдыха и т.д. [6;173].

Исследования показали, что эффективное освоение Крайнего Севера возможно лишь при реализации инновационных социальных технологий, нацеленных на создание достойных человека уровня и качества жизни, образования и культуры, сбережения здоровья людей и окружающей их природной среды [7;51].

Именно поэтому все большую значимость приобретает социологическое сопровождение социальной политики на Севере, основанное на достоверной социологической информации из разных источников, оценках и предложениях разных социальных групп населения и институтов гражданского общества.

Особенности освоения и развития Тюменского Севера связаны, в первую очередь, с воздействием на здоровье участников этих процессов экстремальных и дискомфортных природно-климатических условий северного региона.

В этих условиях адаптация пришлого населения протекает с сильным напряжением систем организма с тенденцией к декомпенсации, появлением таких патологий, как снижение иммунитета, гиповитаминоз, расстройство ритмики физиологических функций, метеострессы, нейроваскулиты, гипоксический синдром, сердечно-сосудистые заболевания у молодых людей, снежный конъюнктивит, обморожения и др. [5;15].

Северные природно-климатические условия оказывают комплексное воздействие на здоровье людей. Кроме низких температур, это и отсутствие нормального светового дня, приводящее к появлению сезонных депрессий и бессонницы, и высокая скорость ветра, перепады атмосферного давления и др. Между тем, сами северяне, как показывают наши опросы, главной причиной заболеваемости считают некачественный алкоголь, влияние природно-климатических факторов и тяжелой работы полагают незначительным, и оценивают свое здоровье достаточно высоко. Так, судя по опросам жителей Ямало-Ненецкого автономного округа, проведенного автором по репрезентативной выборке в 2010 году, чувствуют себя хорошо 40% респондентов, иногда болеют 38%, часто болеют 10%, хронически больные и инвалиды 9%, остальные 3% затруднились дать оценку своего самочувствия. В целом же, судя по результатам этого опроса, лишь 17% респондентов полностью удовлетворены нынешней жизнью, 48% временами испытывают недовольство, 8% ощущают безысходность и растерянность, 9% неудовлетворенность, раздражение, 15% возмущены неспособностью государства решить острые социальные проблемы. При этом в наибольшей степени ямальцев волнует рост расходов на содержание жилья (65%), лечение и поддержание здоровья (26%), будущее детей (32%), и, видимо, в этой же связи рост наркомании (14%).

Результаты проведенных исследований позволили сделать вывод, что наиболее значимым путем улучшения уровня и качества жизни населения региона в современных условиях могло бы стать усиление интеграции между севером и югом Тюменской области. Это и расселение на юге Тюменской области (например, в районе гг. Ялуторовск и Заводоуковск) работников нефтегазового кластера, в первую очередь, участников предстоящего освоения вновь вводимых в эксплуатацию Ямальских нефтегазоконденсатных месторождений; и усиление участия машиностроительного кластера и вузовского интеллектуального потенциала, дислоцированного на юге в нефтегазовом сервисе северных компаний; и улучшение социального обслуживания северян на базе развития социальной инфраструктуры юга области, разработка совместных программ въездного туризма и др. [8;180].

Принятие этих технологий позволит, по мнению автора, существенно приблизиться к идеальной модели участников освоения Тюменского Севера: здоровые физически и духовно, профессионально и социально компетентные люди, способные эффективно реализовать свой потенциал в суровых условиях циркумполярного региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Silin A.N., Khairullina N.G. Socioethnie situation in Tuymen North: changes fnflisis // The fifth circumhjlar universities cooperation, Lulea, Sweden, 1977. P. 38-40.
2. Tsibulsky V.R., Silin A.N. On strategy of sustainadle development of the Norts. // Материалы 11 Международной конференции «Окружающая среда и экология Сибири, Дальнего Востока и Арктики». Т. 2. Томск: СО РАН, 2003. С. 241.
3. Силин А.Н. Человек на Севере // Вестник Академии наук СССР. 1990. № 6. С. 112-117.
4. Силин А.Н. Крайний Север: стратегия социально-экономического управления и механизмы ее реализации // Проблемы Севера и Арктики Российской Федерации. Вып. 11. М.: Изд-во Совета Федерации, 2010. С. 214-216.
5. Силин А.Н. Общественное здоровье на Крайнем Севере // Проблемы Севера и Арктики Российской Федерации. Вып. 12. М.: Совет Федерации, 2010. С. 15-18.
6. Силин А.Н. Вахтовый метод в северном регионе: опыт 35-летнего социологического исследования // Современное общество и социология. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2008. С. 173-175.
7. Силин А.Н. Крайний Север: альтернативные стратегии социально-экономического развития и механизмы их реализации // Социокультурные проблемы развития регионов России в условиях кризиса. Тюмень: Тюменская областная Дума, 2009. С. 51-55.
8. Силин А.Н., Юдашкин В.А. Интеграция Севера и юга Тюменской области: инновационные социальные технологии // Актуальные проблемы современного общества. Тюмень: ТюмГНГУ, 2011. С. 180-181.

Л. М. Симонова, Э. М. Лимонова, О. П. Аникеева

ФОНД ЦЕЛЕВОГО КАПИТАЛА КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВУЗА И ПОВЫШЕНИЯ ЕГО СОЦИАЛЬНОЙ РОЛИ

Вместе с переходом к рыночным отношениям изменилось положение российского образования, и в особенности высшей школы. Сегодня и государство, и общество, и преподаватели, и студенты ждут от вузов повышения качества человеческого потенциала, среды его жизнедеятельности, самостоятельности вузов в выборе стратегии социально ответственного развития. Рассчитывая только на государственное финансирование, современный вуз не может соответствовать всем социальным ожиданиям и быть эффективным. Именно поэтому сегодня становится актуальным для университетов поиск источников дополнительного финансирования, к которым в первую очередь стоит отнести фонды целевого капитала.

Принципиальное отличие социально ответственной деятельности российских вузов от западных практик заключается в том, что отечественные университеты осуществляют социальные инвестиции за счет средств текущей внебюджетной деятельности, а зарубежные вузы формируют специальные для этих целей фонды — эндаументы или фонды целевого капитала.

В общем случае под эндаументом (англ. endowment) — понимают «активы, фонды или любое другое имущество, которое пожертвовано, подарено организации, отдельному индивидууму или группе в качестве ресурса, аккумулирующего доходы» [6]. Таким образом эндаумент наполняется исключительно за счет благотворительных пожертвований и является целевым фондом, предназначенным для использования в некоммерческих целях, как правило, для финансирования организаций образования, медицины, культуры. Отличием эндаумента от обычной благотворительной организации является строго целевой характер деятельности (как правило, эндаумент создается для поддержки какой-либо одной организации, например, определенного университета) и нацеленность на получение дохода за счет инвестирования средств.

Эндаумент-фонд выступает наиболее действенным рыночным механизмом финансирования социальной деятельности высшей школы, широко применяемым в международной практике. Наличие фонда (или нескольких фондов) позволяет вузу целенаправленно и планомерно осуществлять социально ответственную деятельность в гораздо больших масштабах и направлениях, не отвлекая ограниченные ресурсы от решения функциональных задач, обеспечивает преимущества образовательному учреждению в получении более высоких государственных статусов, снижает финансовые риски и создает условия для устойчивого социально ответственного развития. Механизм эндаумента в России введен в действие с января 2007 г. законом № 275-ФЗ от 30.12.2006 «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций». Принятие закона позволило сформировать эндаументы, число которых в настоящее время составляет около 50.

Крупнейшими эндаумент-фондами вузов в России сегодня являются: Фонд развития МГИМО (600 млн. руб.); Фонд «Форсэно», созданный Академией народного хозяйства и Институтом экономики переходного периода (390 млн руб.); эндаумент Российской экономической школы (РЭШ), (более 170 млн руб.); Финансового университета при Правительстве РФ (210 млн руб.); Европейского университета в Санкт-Петербурге (215,6 млн руб.); Высшей школы менеджмента СПбГУ (более 180 млн руб.); Московской школы управления «Сколково» (около $100 млн); Новосибирского государственного университета (16 млн руб.); Сибирского федерального университета (13,5 млн руб.); Тюменского государственного университета (более 12 млн руб.). При этом средняя доходность целевого капитала российских вузов, по оценкам экспертов, сегодня составляет 10-15% годовых [5].

ТюмГУ первым в Уральском федеральном округе создал Фонд целевого капитала (май 2009 г.) для аккумулирования финансовых ресурсов — пожертвований физических и юридических лиц. **Схема его действия** такова: благотворители жертвуют средства на цели развития ТюмГУ, формируя целевой капитал, который передается в доверительное управление управляющей компании для последующего инвестирования на фондовом рынке и становится долгосрочным стабильным источником дохода университета. В соответствии с уставом фонда доход от управления целевым капиталом может быть использован на *укрепление материально-технической базы университета, модернизацию образовательных программ, финансирование* инвестиционных проектов вуза, научно-исследовательской деятельности студентов и преподавателей, *развитие кадрового потенциала и социальную поддержку сотрудников и студентов.*

В качестве учредителей фонда и первых благотворителей выступили: Чемезов Олег Леонидович, вице-президент, директор филиала ОАО «ТНК — ВР Менеджмент» «ТНК — ВР Сибирь» в г. Тюмени; Акционерный Западно-Сибирский коммерческий ОАО в лице президента Горицкого Дмитрия Юрьевича; Чеботарев Геннадий Николаевич, ректор Тюменского государственного университета; Куцев Геннадий Филиппович, президент Тюменского государственного университета.

Наш первый опыт показал, что для фондов целевого капитала, быстрого их становления необходимы в первую очередь крупные пожертвования, которые могут выделить лишь те руководители корпоративных бизнес-структур, кто хорошо знаком с университетом, доверяет руководству и уверен, что переданные средства будут расходоваться эффективно и по назначению. Это не только выпускники университета, но и его постоянные партнеры. Причем и их надо убедить, что фонды целевого капитала — это благотворительная деятельность не для решения сегодняшних проблем, а формирование средств для будущего, для стратегического развития вуза, своего рода фонд будущих поколений студентов. Именно с этих позиций Фонд целевого капитала ТюмГУ ведет свою деятельность по привлечению ресурсов.

Мировая практика показывает, что на финансирование организаций-бенефициаров (получателей дохода), ежегодно уходит сумма, в среднем состав-

ляющая от 4 до 5% активов фонда целевого капитала. В России, ввиду становления абсолютно новой для отечественной практики отрасли и того факта, что из трех лет истории индустрии два года пришлось на финансовый кризис, практика, подобная зарубежной еще не сложилась. По данным опроса Форума доноров, доход от целевого капитала направлен в пользу бенефициаров в 2009 году только в четырех случаях из одиннадцати. В частности, в 2009 году руководством Фонда развития МГИМО было принято решение полностью реинвестировать весь полученный доход. В 2010 году этот эндаумент перечислил вузу 45 млн. рублей, что составляет 3% от бюджета университета. Доходы от управления активами целевого капитала Высшей школы менеджента (ВШМ) СПбГУ также обеспечивают 3% ее бюджета, по данным 2010г., который составляет 400 млн. рублей. Первый доход от целевого капитала, полученный ТюмГУ по итогам 2010 г., в размере 1 млн рублей был направлен на проведение в 2011 году конкурса инновационных проектов молодых ученых и исследователей университета (получателями грантов (200 и 100 тыс. рублей) стали 6 молодежных коллективов). По оценке специалистов, существующим или создающимся российским эндаументам требуется примерно 10 лет развития, чтобы начать покрывать 10-15% бюджетов опекаемых вузов [5].

Согласно Федеральному закону № 275-ФЗ денежные средства, полученные Фондом на формирование целевого капитала, должны быть переданы в доверительное управление управляющей компании (УК), которая несет ответственность за формирование инвестиционной стратегии фондов. Поэтому при выборе управляющей компании фонды целевого капитала должны руководствоваться следующими основными критериями: наличие лицензий; опыт работы со всеми классами активов; опыт работы УК с пенсионными фондами, страховыми компаниями, ПИФами, эндаументами; объем активов под управлением УК, диверсификация клиентской базы; результаты управления; профессионализм команды; качество и оперативность предоставления отчетности; прозрачность деятельности управляющей компании. Вознаграждение управляющего ограничено законом — не более 10% от дохода, причем оплата услуг по управлению и возмещение необходимых расходов происходит только за счет приращения активов, обеспеченного компанией [1], благодаря чему она напрямую заинтересована в получении прибыли клиентом. Все без исключения управляющие компании России считают, что работая с эндаументами, они несут определенную социальную ответственность как перед вузами, так и перед обществом в целом [3].

Как показывает практика, схема действия эндаумент-фонда предполагает инвестирование сформированного капитала управляющими компаниями в акции, облигации, паевые фонды, валюту и другие инструменты с тем, чтобы обеспечивался его постоянный прирост. Важно понимать, что текущее финансирование социальной деятельности вуза происходит за счет доходов от инвестирования, при этом сам капитал (так называемое «тело» капитала), как правило, остается неприкосновенным [2].

Показателен зарубежный опыт с точки зрения социально-экономического эффекта, который получают вузы и местное сообщество в результате работы

эндаументов. Анализ международной практики показывает, что основная часть расходов этих фондов является социальными инвестициями вузов, которые направляются ими на стипендии студентам, зарплату сотрудников и преподавателей, оплату коммунальных услуг, благоустройство зданий и территории, различного рода финансовую помощь персоналу и студентам, научные и прикладные исследования. При этом исключительно важным является тот факт, что показатель размера эндаумента в расчете на одного студента (номинальный и реальный) является неотъемлемой частью учета, анализа и социальных отчетов ведущих высших школ мира.

Принципиально важными аспектами в вопросах развития фонда целевого капитала как инструмента социальной ответственности вуза и повышения его социальной роли, как показывает исследование, является позиция государства в отношении эндаумент-фондов, общественное мнение в вопросах оценки, востребованности, эффективности и социальной значимости этого инструмента в деятельности вузов, а также репутация, статус, «бренд» высшей школы — успешность выпускников, признание качества образовательных услуг и социальных гарантий вуза, а также признание его социально ответственного поведения конкурентами, партнерами, местными, региональными и федеральными органами власти, общественными организациями, контролирующими деятельность вуза органами и обществом в целом. Последнее играет особенно важную роль в инвестиционной привлекательности вуза для жертвователей.

В настоящее время отечественный сектор целевого капитала находится в начальной стадии своего развития, поэтому ему присущи все болезни роста: непонимание специфики и целей на уровне регулятора и законодателей, как следствие — несовершенство законодательной базы, демотивационная налоговая политика фискальных органов, недостаток профессионализма в процессе как создания, так и управления средствами фондов. Одна из характерных особенностей отрасли — симбиоз благотворительности и инвестиций на рыночных условиях, то есть поиск максимальных доходов, соразмерных приемлемому уровню риска. Однако сам факт выхода в России Федерального закона о целевом капитале некоммерческих организаций говорит о положительной тенденции и принципиальной позиции государства, которое считает развитие сектора эндаумент-фондов важным процессом в повышении вузами качества человеческого потенциала, среды его жизнедеятельности и вклада образовательных систем в развитие общества.

Преимущества эндаумента как инструмента социальной ответственности вуза и дополнительного источника финансирования его социальной деятельности, независимо от страны формирования, складываются из следующих позиций: во-первых, повышение финансовой независимости вузов — существенное расширение доходной базы организации; возможность получения дополнительных финансовых ресурсов на длительной основе; обеспечение финансовой устойчивости и формирование перспектив долгосрочного планирования деятельности высших образовательных учреждений; создание «подушки безопасности» для деятельности вузов в условиях обострения конкуренции и резких

внешних вызовов и изменений (экономического, демографического кризиса; перманентного реформирования и модернизации всей системы образования в России); возможность финансирования широкого перечня направлений их деятельности (социальных проектов, управленческих и организационных преобразований, специальных проектов: строительства, реконструкции, создание технопарка и др., научной и инновационной деятельности, закупки необходимого оборудования и учебно-методических материалов и др.); во-вторых, централизация денежных поступлений от жертвователей — прозрачная и понятная структура для доноров (по сравнению с благотворительными фондами); удобный механизм для попечителей в вопросах сбора пожертвований и контроля расходования средств эндаумента; в-третьих, расширение направлений социальной ответственности вуза и, в-четвертых, повышение статуса, престижа, репутации и формирование конкурентных преимуществ вуза, обеспечение его эффективного и устойчивого развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 30.12.2006 № 275-ФЗ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций».
2. Федеральный закон от 30.12.2006 № 276-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций» № 275-ФЗ.
3. Зокин А. Эндаумент-фонды: новое слово // CBONDS REWIEW. Сентябрь, 2010. С. 52.
4. Фрумкин К. Эндаументы: три года в эмбриональном состоянии // Капитал. Июнь, 2010. № 22 (353). С. 2-5.
5. http//financial-distionary.thefreedictionary.com/Endowment.

Н. И. Скок, С. Д. Родионова

ПРИРОДА СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В ОБРАЗОВАНИИ

Трансформация общественных отношений невозможна без глубоких изменений в сознании и поведении человека. И здесь огромная роль принадлежит образованию. Политика, направленная на борьбу с бедностью, сокращение детской смертности и улучшению здоровья общества не даст эффекта без соответствующей стратегии в области образования. Нормальное функционирование любого современного общества невозможно без полноценной системы образования. Образование уже давно стало одним из первостепенных факторов экономического развития, важным инструментом политики любого государства.

Институт образования относительно самостоятелен и вместе с тем оказывает сильное, если не решающее воздействие на развитие общества. Оно интегрирует вокруг себя другие общественные системы (экономику, науку, культуру, экологию), предопределяя не только перспективы развития общества, но и деятельность каждого отдельного человека. По большому счету, в цивилизованном

обществе судьба человека, его биография и карьера зависят от двух основных факторов — здоровья и качества полученного образования.

В нашей стране спрос на образование всегда исторически находился на высоком уровне. В советское время он поддерживался непрерывным экономическим ростом, с одной стороны, а с другой — системой бесплатного образования, включая высшее, в силу чего его получение стало восприниматься как своеобразная норма жизни.

В современной России, в ЯНАО в частности, объективная ситуация с получением образования в последние годы значительно изменилась: набирает оборот платное обучение, начиная от общеобразовательных школ и, заканчивая бизнес-образованием. Причем, даже внутри группы обладателей одного и того же формального уровня образования наблюдается высокая дифференциация с точки зрения перспектив занятости в разных сегментах рынка труда и, соответственно, различий в заработной плате. Сегодня необходимо уже не просто высшее, но качественное высшее образование, дополняемое не только самостоятельно обновляемыми знаниями, но и получением их на дополнительных курсах или в образовательных учреждениях. Для этого приходится не только прилагать усилия, но и расходовать время и деньги. Все это приводит к тому, что интенсивность накопления человеческого капитала в разных слоях населения оказывается различной.

В связи с расширением сектора платных услуг значительная часть семей не имеет экономической возможности пользоваться услугами образования. Это интенсифицирует воздействие снижения уровня жизни на состав (прежде всего, социальный) выпускников средних школ. По «западным» меркам, плата за обучение в России обычно весьма невелика. Однако если учесть, каковы доходы большинства россиян, становится понятно — и такие суммы, как правило, непосильны для семейного бюджета.

Очевидно, что получить качественное образование имеет значительно больше шансов тот, чьи родители могут заплатить за учебу в нерядовой школе, за услуги репетиторов и т.д. Другими словами, тот, кто может одолеть отбор не только (а порой и не сколько) по способностям, упорству, нацеленности на высокий уровень знаний и определенные специальности квалифицированного труда, но — во многих случаях — по материальному положению родителей [2; 38].

Образование можно рассматривать как один из механизмов выделения и закрепления социальных групп в качестве элементов социальной структуры. Оно не дает индивиду гарантии жизненного успеха, но увеличивает его шансы. Ввиду заметных различий в образовательных достижениях и неодинаковых запросов к образованию закономерен вопрос о природе и механизме социального неравенства в образовании [6; 145].

В благополучных слоях населения подавляющее большинство имеет профессиональное образование минимум второй ступени. В малообеспеченных слоях их доля значительно меньше.

Что же влияет на накопление человеческого капитала представителей разных социальных слоев? И насколько рациональными или, напротив, иррацио-

нальными оказываются для них инвестиции в собственное образование? Первый фактор, который надо упомянуть в этой связи, — это уровень образования родителей. Задаваемая в отношении желаемого уровня образования индивидуальная планка потомков обусловливается уровнем образования их родителей. Так в России идет процесс самовоспроизводства определенных образовательных групп.

Это становится еще ярче видно, если посмотреть на уровень образования людей, которые окружают индивида в жизни как результат сознательного выбора — супруга/супруги или ближайшего друга. Ведь образование — это не просто «корочки», но и определенный уровень развития, жизненных установок, стилей жизни вплоть до досуговых предпочтений.

Идея сближения групп по уровню образования на практике оказалась неосуществимой. В обществе углубляется процесс дифференциации. На это указывает, в частности, сравнение уровня образования традиционных социально-профессиональных, поселенческих и демографических групп. Принцип доступности образования не распространяется в равной степени на все российские семьи. Неравенство в образовании вылилось в проблему недоступности получения образования, некоторых типов занятости и профессий.

Сегодня образование определяет не только уровень жизни, но и ее качество и стиль. Общество быстро дифференцируется по отношению к образованию. Появились социальные группы, ориентированные на обучение своих детей за рубежом, в крайнем случае, в российских частных лицеях и гимназиях. Другой полюс — широкие социальные слои, затрудняющиеся дать своим детям даже гарантированное бесплатное образование. В период обучения у несовершеннолетних формируются нравственные ориентиры, гражданственность и патриотизм, т.е. качества, без которых невозможно устойчивое, динамичное развитие любого современного социума.

В результате в вуз поступает в два с половиной раза большая доля выпускников из «сильных» школ, чем из «слабых». Опасность этой ситуации состоит в том, что такая структура системы школьного образования фактически воспроизводит и укрепляет сложившееся социальное неравенство. Один из факторов неравенства — территориальный. Примерно 17% школьников не имеют возможности выбирать школу. У абитуриента из малого города, села, из другого региона, как правило, значительно меньше шансов стать студентом столичного или иного престижного университета [4; 13].

Потребность в образовании предполагает подкрепление социальной практикой, разумно сочетающей, с одной стороны, принципы справедливости, принуждения, а с другой — побуждения милосердия. Эти принципы могут эффективно взаимодействовать лишь при разрешении в процессе управления внешних и внутренних противоречий, касающихся школы как важнейшего института социализации несовершеннолетних [1; 92].

Закон «Об образовании» закрепил создание элитных школ, классов, а соответственно и дифференцированного отношения к различным категориям учащихся. Как писал Платон, «в государстве, где существуют очень богатые и

очень бедные, это фактически два государства» [5]. Поэтому ключевой вопрос, касающийся одной из главных социальных функций школы — выравнивания социальных возможностей учащихся, весьма далек от разрешения. Более того, современная школа — это жесткая организация, в которой дети из сильных социальных страт лидеры, а из слабых — неуспешные и одинокие люди. Подобный стереотип формируется и современными российскими СМИ. В них бедный человек — это человек, для которого характерны пьянство, девиантное поведение, у него плохое здоровье, он безынициативен, несчастен и неудачлив. С бедностью официальные СМИ ассоциируют не только социальные и социально-демографические группы, но и социальные качества, формируя тем самым конкретные поведенческие стереотипы [8; 71–72].

К сожалению, разразившийся осенью 2008 г. мировой финансовый кризис негативно сказался на финансировании сферы образования, а следовательно, и на криминализации учащихся, поскольку в современных условиях «почти 40% россиян находится либо за чертой бедности, либо на этой черте и при малейшем ухудшении макроэкономической ситуации окончательно сползет за черту бедности» [7; 85].

Общение людей преимущественно в рамках своей образовательной «ниши» свидетельствует о глубинных разрывах между людьми, находящимися на разных образовательных уровнях, которые не преодолеваются даже в быту. В связи с этим, казалось бы, выходцы из малообеспеченных слоев населения должны стремиться к получению более высокого профессионального образования.

И, действительно, как показывают исследования, для всех социальных слоев уровень образования их представителей выше уровня образования их отцов. Так, 61% отцов представителей бедных слоев населения имеют либо начальное, либо неполное среднее образование. Уровень образования их детей значительно выше: 29% имеют общее среднее, 31% — среднее специальное образование. Для родителей представителей благополучных слоев населения наиболее типичным уровнем образования является уже среднее специальное и высшее, в то время как для их детей — высшее. Таким образом, бесспорно стремление россиян подняться в своем образовательном уровне выше, чем их родители.

Однако, поскольку это стремление демонстрируют представители всех слоев, выходцы из менее образованных слоев все равно оказываются в самой невыгодной позиции и именно для них в наибольшей степени характерна консервация малообеспеченности и бедности [3; 28]. Разный образовательный уровень родительских семей выходцев из разных слоев населения формирует у них уже в детстве разный культурный капитал и разное отношение к самообразованию. Не случайно, достигнутый уровень образования оказывается тесно связанным с местом жительства в период школьного обучения, когда происходит процесс первичной социализации и формируются система мировоззрения и особенности поведения [3; 136].

Все сказанное выше о связи принадлежности к тем или иным социальным слоям с условиями социализации (уровень образования родителей, место жительства) отражает взаимосвязь качества человеческого капитала с так называе-

мым капиталом культурным (совокупностью усвоенных в детском и подростковом возрасте норм поведения), когда важно не просто получить знания, но и уметь использовать их. Специфика культурного капитала, накапливаемого в каждом последующем поколении семьи, является той призмой, через которую преломляются индивидуальные стратегии поведения, основанные на видении общей социально-экономической ситуации и своего места в мире. В этой связи образование, воспринимаемое лишь как факт окончания учебного заведения определенного уровня, не может качественным образом повлиять на изменение уровня жизни, если отсутствуют навыки поведения в среде людей, для которых получение этого же образования является нормой.

Среди тех, кто имеет высшее образование в благополучных и малообеспеченных слоях населения, существенно различаются доли прошедших первичную социализацию в образованных семьях крупных и средних городов и имевших менее благоприятные условия первоначальной социализации. И, тем не менее, даже в этих условиях для большей части малообеспеченных граждан получение хорошего образования оказывается в числе их базовых жизненных установок. Чаще всего оно связано с реализацией определенной модели жизни и идет в одном ряду с получением престижной работы.

Иначе говоря, образование воспринимается как фактор достижения или поддержания социального статуса, а не просто более высокого уровня доходов. Высшее образование рабочих средней и высокой квалификации сегодня не выступает фактором, способствующим однозначному повышению их благосостояния. Скорее, наоборот, среди рабочих с высшим образованием чаще можно встретить именно малообеспеченных и бедных, что может свидетельствовать о нисходящей социальной мобильности этой немногочисленной группы.

Здесь сказывается ряд обстоятельств. Во-первых, это обусловливается разницей в объеме культурного капитала малообеспеченных и благополучных слоев населения. Во-вторых, различиями реального периода обучения, который скрывается за формально одинаковым его уровнем. Наконец, в-третьих, разный объем их человеческого капитала обусловлен разной активностью этих слоев в непрерывном самообразовании.

В итоге малообеспеченные слои населения не просто характеризуются более низким уровнем образования, чем представители относительно благополучных слоев, но и при одинаковом уровне образования — более низким качеством их человеческого капитала, включая освоение таких востребованных рынком труда навыков как владение иностранными языками, компьютером и Интернетом, творческим подходом к работе, коммуникабельностью.

Причем далеко не для всех малообеспеченных в этих условиях активное освоение новых компетенций оказывается эффективным — ведь количество «хороших» рабочих мест ограничено, а сами представители этого социального слоя изначально находятся в относительно худших стартовых условиях для конкуренции за такие рабочие места. Следовательно, и относительно меньшая, чем у благополучных слоев населения, активность их в наращивании своего человеческого капитала вполне объяснима.

Сегодня молодому человеку необходимо зачастую абсолютно самостоятельно: обеспечивать себе карьерный рост; ориентироваться в мощных информационных потоках; получать востребованные профессиональные навыки; выстраивать близкие отношения в сугубо молодежном окружении и т.д. Примитивное понимание сложных социальных процессов, декларируемое многими специалистами и лидерами, дезориентирует людей, находящихся и без того в сложной ситуации. В современном российском обществе дети из беднейших слоев с огромным трудом приспосабливаются к растущему имущественному неравенству, к усложнению источников информации, к дороговизне высшего образования, к отсутствию стартового капитала в семье и т.д. Такова социальная реальность.

В настоящее время идет становление новой системы образования, ориентированной на повышение конкурентоспособности, вхождение в мировое образовательное пространство. Главная задача российской образовательной политики — обеспечение современного качества образования на основе сохранения его фундаментальности и соответствия актуальным и перспективным потребностям личности, общества и государства. Основой современной образовательной политики государства является социальная адресность и сбалансированность социальных интересов. Главной целью образовательной политики государства является формирование комплекса мер по повышению мотивации населения к расширению своего образования в связи с постоянно возрастающими запросами постиндустриального общества; обеспечение конституционных гарантий доступности образования для всех граждан; создание действенной системы адресной социальной поддержки в получении полноценного качественного образования для детей из малообеспеченных семей, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, детей с ограниченными возможностями.

Стратегическая цель государственной политики в области образования — повышение доступности качественного образования, соответствующего требованиям общества и каждого гражданина.

Необходим переход к модели «субсидиарного государства», гарантирующего перераспределение социальных расходов в пользу наиболее уязвимых групп населения при одновременном сокращении социальных трансфертов материально благополучным семьям. Изложенное позволяет сделать вывод о том, что реализация несовершеннолетними конституционного права на образование нуждается в формировании реальных гарантий.

В ЯНАО ставка делается на создание собственного интеллектуального потенциала автономного округа, для чего необходима система образования, удовлетворяющая потребности населения в качественных образовательных услугах. Создана и устойчиво функционирует система непрерывного, многоступенчатого образования, представленная дошкольным, школьным и профессиональным образованием. Именно в ЯНАО, как в одном из наиболее благополучных регионов России, в настоящее время имеется достаточно возможностей для проведения преобразований в сфере образования с сохранением всех гуманистических принципов, лежащих в его основе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бикметов Е.Ю. Взаимодействие семьи и школы в социализации индивида // СОЦИС. 2007. № 9 (281). С. 92.
2. Константиновский Д.Л. Школа вчера и сегодня (с точки зрения социологии) // Педагогика. 2000. № 1.
3. Малообеспеченные в России: Кто они? Как живут? К чему стремятся? (доклад). М., 2008.
4. Образование и общество: готова ли Россия инвестировать в свое будущее? // Доклад Общественной палаты Российской Федерации. М., 2007. С. 13.
5. Платон. Государство. Законы. Политика. М., 1992.
6. Современная социология образования. Ростов н/Д: Феникс, 2005.
7. Тихонов А.А. Обладает ли запасом прочности уровень жизни россиян? // СОЦИС. 2007. № 2. С. 85.
8. Ярмиев М.З. Репрезентация бедности как социальной проблемы в российских СМИ // СОЦИС. 2008. № 4. С. 71–72.

Л. Г. Скульмовская

РОЛЬ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ТУРИЗМА В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНА

Региональный хозяйственный комплекс выступает важным фактором успешного экономического и социального развития страны. В связи с этим, каждый регион при формировании стратегии своего развития опирается на совокупность наиболее развитых и перспективных отраслей экономики, которые могут стать своеобразными «точками роста» эффективного регионального развития. Долгосрочная стратегия регионов России состоит в создании инновационной экономики, где первостепенное значение принадлежит сервису и туризму как динамично развивающимся отраслям, формирующим ядро модернизированной России. Развитие данных отраслей экономики имеет важное инновационное и социальное значение, о чем свидетельствуют, по мнению Е.А. Джанджугазовой [6; 5], высокие темпы роста отрасли, растущая занятость населения и ее перманентно развивающийся инновационно-технологический потенциал. Развитие туризма и сервиса в перспективе позволит решить сложные региональные проблемы, связанные, прежде всего, с неоднородностью экономического и научного пространства России, а также будет способствовать повышению модернизационного потенциала территории.

Туризм как специфическое социально-экономическое явление содействует развитию сферы рекреации и досуга, предпринимательской деятельности и модернизационных процессов в регионе. Как показывает практика, развитие данной сферы способствует повышению уровня образования в регионе, совершенствованию системы медицинского обслуживания населения, внедрению новых информационных технологий и т.д. Кроме того, туризм оказывает влияние на сохранение и развитие культурного потенциала, ведет к гармонизации межэтнических отношений, обязывает властные и коммерческие структуры, обще-

ственные организации активно участвовать в сохранении и оздоровлении окружающей среды. Важнейшим инструментом решения региональных задач развития туриндустрии является создание эффективной системы государственно-частного партнерства, привлечение частного сектора для более качественного выполнения задач, относящихся к публичному сектору, на условиях компенсации затрат, разделения рисков, обязательств и компетенций [3; 18].

Как известно, наличие богатого культурного и природного потенциала позволяет ряду стран, не относящихся к числу индустриально развитых, завоевывать серьезные позиции на мировом туристском рынке, отсутствие же сформировавшейся инфраструктуры туризма может препятствовать его развитию, несмотря на наличие богатых туристско-рекреационных ресурсов [2; 168-169]. В связи с этим возникает острая необходимость развития системы управления внутренним туризмом в регионах России. Однако, по утверждению ряда экспертов, многие предпринимаемые решения на макроуровне не достаточно эффективны на территории региона, поскольку они напрямую зависят от степени координации действий между всеми управленческими структурами, консолидации усилий участников рынка при решении конкретных задач развития туризма на локальном уровне.

По мнению Н.К. Сердюковой [5; 21], роль государства в управлении туристской сферой состоит в развитии эффективной системы управления туризмом на трех уровнях — макроэкономическом, мезоэкономическом и микроэкономическом, с доминированием методов мягкого регулирования и высокой степенью самоорганизации. Представляет интерес проведенный автором анализ европейских моделей государственного регулирования туризма, таких, как «модель саморегулирования», модель «приоритетности туризма», модель «межотраслевого регулирования», на основе которого утверждается, что система управления туризмом в России базируется на модели «межотраслевого регулирования».

Стратегической целью развития туризма в России является сосредоточение усилий на развитии турпродуктов в области въездного и внутреннего туризма, в связи с чем повышается эффективность использования потенциала рекреационных и этнографических объектов региона, а в полиэтнических регионах — этнографического туризма.

И.И. Ашкинадзе и Н.И. Пермякова [1; 7], основываясь на определении этноса, дают следующую формулировку понятия «этнографический объект» — это культурно-исторический объект (явление), содержащий информацию об этнических проявлениях традиционно-бытовой культуры. Этнографический объект необходимо рассматривать как систему признаков, характеризующих культуру этноса в сочетании его оригинальных и специфических форм. К первым относятся предметы традиционно-бытовой культуры, соответствующие данному хозяйственно-культурному типу, представляющие неповторимые черты этноса (украшения, орнаментация и др.). Вторые формы (специфические) присутствуют при выражении в культуре этноса явлений, связанных с проявлением признаков хозяйственно-культурного типа, природно-географической зоны, этнокультурной области, с проникновением элементов сельской и городской культу-

ры, воздействием современных этнических процессов. К этнографическим объектам можно отнести [1; 8]:

1) памятники архитектуры, выполненные в традиционном для этноса стиле и связанные с определенным периодом в культурной жизни этноса;
2) культовые сооружения, отражающие конфессиональную принадлежность того или иного этноса, отличающиеся набором традиционных приемов в архитектуре, орнаментации;
3) некрополи, кладбища с традиционными надгробными сооружениями, надписями на родном языке, орнаментацией;
4) традиционные жилища (жилые и нежилые, с традиционным интерьером, набором традиционных предметов быта);
5) поселения, сохранившие «этнический тип» в местах компактного проживания представителей того или иного этноса (с традиционной планировкой улиц, положением жилищ и хозяйственных построек);
6) бытовые объекты, соответствующие традиционному хозяйственному типу (колодцы, фонтаны, мельницы и т.п.);
7) места проведения народных праздников с учетом фольклорных ансамблей, использованием традиционной одежды;
8) места возрождения народных промыслов и традиционных ремесел;
9) этнографические музеи, выставки, комплексы этнографических предметов;
10) комплексы архитектурных или культовых сооружений, создаваемые в местах длительного совместного проживания различных этносов;
11) археологические объекты (памятники культуры), имеющие этническую специфику.

Этнографический туризм — это особый вид познавательного туризма, основной задачей которого является посещение этнографических объектов с целью знакомства с культурой, архитектурой, бытом того или иного этноса, проживающего в данный момент или проживавшего когда-либо на конкретной территории.

Уральский регион является уникальной территорией, в которой традиционная культура разных народов претерпела разнообразные этнические, конфессиональные и цивилизационные воздействия. В результате сложилась специфическая по своему культурному разнообразию среда, представляющая интерес для широкого круга ученых: этнографов, историков, культурологов, социологов, а также практиков в области культуры и искусства, специалистов по сервису и туризму, представителей бизнес-сообщества и рекреантов.

А.А. Бобрихин [2; 8] выделяет на Урале ряд территорий, в каждой из которых фиксируется целостный или разнообразный этнокультурный комплекс: обычаи и обряды; песенный, хореографический и инструментальный репертуары; художественно-ремесленные традиции и народная кухня; игры и состязания. Анализ рекреационных ресурсов территории, проведенный автором, показал, что развитие туристско-экскурсионных проектов связано со следующими факторами [2; 9]:

а) культурно-досуговые, познавательные и развлекательные программы учреждений культуры все чаще создаются с использованием элементов народных традиций, с целью сохранения межнационального мира и культурного разнообразия;

б) знания об историческом наследии, искусстве и традициях уральцев внедряются в учебные планы в виде регионального, национально-исторического и этнокультурного компонентов;

в) в туристском и рекреационном бизнесе популярны познавательные программы и туристские маршруты, ориентированные на национально-культурное своеобразие региона, знакомство с уникальными памятниками духовной и материальной культуры различных этносов.

В связи с этим назрела необходимость разработки и реализации турпродукта, который позволил бы в эмоционально насыщенных формах пережить опыт участия в обряде или празднике, изготовлении предметов домашней утвари, приготовлении и дегустации национальных блюд. Поэтому политика в сфере туризма должна быть определена в соответствии с Концепцией развития внутреннего и въездного туризма, в которой необходимо представить анализ туристских ресурсов региона, их кластеризацию, основные направления в развитии инфраструктуры туризма.

По мнению М.Ю. Нечаевой [4; 103], близким по смыслу к термину «этнографический туризм» зачастую считается понятие «сельский туризм». Его трактуют как туризм, связанный с отдыхом в сельской местности, размещением в гостевых домах, возможностью знакомства с традиционным сельским бытом, ремеслами и природой. Особой популярностью этот вид туризма пользуется для проведения маршрутов выходного дня.

Основные инвестиционные проекты по развитию сельского туризма разрабатываются с целью развития сети гостевых домов и мини-гостиниц, центров народных промыслов и ремесел, музейных комплексов, объектов экскурсионного показа. Развитие туристской инфраструктуры, безусловно, определяет состояние туризма в регионе, но это не связано с содержанием самого турпродукта. Проведение территориально-тематической кластеризации способствует вовлечению в реализацию развития туризма муниципальных властных структур и бизнес-сообщества.

Безусловно, этнографический туризм требует системной проработки с учетом структурной и содержательной составляющих. В Свердловской области, например, сельские гостевые дома строятся по принципу родового поместья, которые предполагают возрождение народных обрядов, праздников и ремесел, и ориентированы на жизнь семьи в гармонии с природой. Широкое распространение получило развитие «игрушечных деревень» для «туриста одного дня» — это искусственно создаваемые культурные комплексы из типичных национальных построек вблизи крупных административных центров [4; 104].

Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, входящий в состав Уральского федерального округа, — это полинациональный регион, для которого развитие этнографического туризма представляется наиболее актуальным. Данный

вид туризма способствует формированию толерантных отношений и обогащению культур всех народов, проживающих в автономном округе. Как известно, формы представления и применения объектов этнографического туризма разнообразны и способствуют демонстрации этнических особенностей территории.

Национальная палитра Ханты-Мансийского автономного округа-Югры представлена различными этническими группами, но свою традиционно-бытовую культуру сохранили лишь коренные малочисленные народы Севера. Их культура подверглась этнической ассимиляции, благодаря чему в ней появились региональные особенности, а некоторые стороны материальной и духовной культуры сохранились и активно возрождаются. Особенности колонизации в регионе обусловили специфику размещения национальных поселений — представители коренных малочисленных народов Севера проживают в основном в местах компактного расселения, и значительная их часть сосредоточена в Восточной туристской зоне. В связи с этим представляется целесообразным опираться при разработке турпродуктов на подлинные национальные поселения коренных народов и старожильского населения с целью демонстрации этнического своеобразия региона этнической направленности.

Этнографический туризм позволяет туристам познакомиться с культурой и бытом обских угров, продегустировать блюда национальной кухни и принять участие в национальных праздниках. Именно этнокультурный туризм выступает в современных условиях в качестве ресурса регионального развития. С культурой обских угров можно познакомиться не только при непосредственном общении с ее носителями в национальных поселках и стойбищах, но и в многочисленных этнографических музеях региона. Большое количество гостей приезжают в округ во время проведения национальных праздников и фестивалей, например, «Золотой бубен», «Праздник вороны» и др., где они имеют возможность прослушать выступления коллективов коренных малочисленных народов Севера. Специальное предложение этнографического турпродукта — проект «Мобильное стойбище», которое можно «развернуть» в любом городе в течение нескольких часов с момента прибытия группы.

На наш взгляд, главная задача управленческих структур в сфере туризма — систематизировать имеющиеся культурно-этнографические ландшафты региона, музеефицировать национальные поселения. Именно оригинальные, основанные на национальной специфике событийно-анимационные туры позволяют региональному туризму стать привлекательным для рекреантов. Опыт туриндустрии других регионов показывает практическую значимость этнографического туризма, его влияние на социально-экономическое и инновационное развитие территорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ашкинадзе И.И., Пермякова Н.И. Роль этнокультурного регионального материала в системе подготовки персонала для анимационного сервиса // Подготовка кадров для Олимпиады: проблемы и перспективы: Материалы 1-й Междуна-

родной науч.-практ. конф. / отв. ред. Г.М. Романова. Сочи: РИО СГУТиКД, 2008. С. 3–14.
2. Бобрихин А.А. Этнокультурное разнообразие Свердловской области: перспективы представления самобытных народных традиций в туристических программах // Научно-экспедиционный и познавательный туризм в России: опыт, пути и перспективы развития. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007. С. 7–11.
3. Королев Н.В. Взаимодействие органов государственной власти и бизнеса в развитии государственно-частного партнерства в туризме // Государственно-частное партнерство в сфере туризма: практика, проблемы, перспективы: Материалы Всеросс. науч.-практ. конфер. СПб.: Д.А.Р.К., 2009. С. 18–23.
4. Нечаева М.Ю. Ресурсы этнографического и паломнического туризма в Свердловской области // II Всероссийская конференция «Реализация государственной политики в области развития культурно-познавательного туризма в России». Доклады участников конференции. Тобольск, 2010. С. 103–106.
5. Сердюкова Н.К. Развитие системы управления внутренним туризмом: автореф. дис. … канд. экон. наук. Сочи, 2009.
6. Стратегическое управление социально-экономическим развитием туристско-рекреационных регионов: монография. М.: РГУТиС, 2009.

А. А. Смагина

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЧЕРЕЗ УРОК ИСТОРИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О НАПРАВЛЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

Способность задумываться о себе самом, поиск своего места в жизни — особая способность, присущая только человеку. Блез Паскаль предупреждал в одной из своих работ: «Горе людям, не знающим смысла своей жизни». Это — начало осознания человеком себя как личности. В труде «Мысли Паскаля о религии и других вопросах» Блез Паскаль писал: «Познаем самих себя: пусть при этом мы не постигнем истины, зато наведем порядок в собственной жизни, а это для нас самое насущное дело». Данная мысль философа XVII века несомненно актуальна и в наше время, т.к. именно сейчас динамика развития многих общественных проблем позволяет сделать вывод о существовании кризиса человеческой личности. В данных условиях особо актуально изучение вопроса о векторе направленности человеческой личности.

Социализация — процесс непрерывный, осуществляющийся в числе прочего через систему образования, которая является одним из важнейших социальных институтов. В процессе социализации, социального становления личности, происходит формирование мировоззрения. Мировоззрение подразумевает осознание и осмысление человеком и обществом исторической реальности, выработку определенной системы исторических убеждений, представляющих собой единство знаний и переживаний. Именно через мировоззрение происходит осознание и принятие человеком и обществом исторической реальности, ценностей и осознания вектора личного и общественного развития. В данном

контексте нельзя недооценивать потенциал уроков истории и обществознания. Трансформация социальных ценностных представлений отражается как в содержании учебной исторической литературы, так и в формах преподавания предмета истории.

С течением времени вполне закономерно происходит процесс трансформации ценностных представлений в обществе. Неоднократно на протяжении XX века менялось в обществе отношение к ценности человеческой жизни, к гуманистическим ценностям, к идеалам общинности и коллективизма, менялось отношение к элите, и отношение к простому человеку.

В начале XX века в науке и обществе активно продвигались христианскиориентированные представления. В рамках православно-ориентированной философии и педагогики работали русские философы Н.А. Бердяев, И.А. Ильин; крупнейшие историки Н.М. Карамзин, В.О. Ключевский, Д.С. Лихачев. Идеологическая концепция данного периода «Православие — самодержавие — народность». Они писали о предметной направленности как процесса воспитания, так и всей жизни сознательной, свободной и ответственной личности. По выражению Ильина «у человека имеется особая сила духовного, сердечного созерцания, которой надо видеть Бога и узнавать все божественное в мире» [2; 224]. Дух христианства есть дух совершенствования. «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный» [Мф. 5, 48]. Человеку доступна свобода, даны возможности и силы к самоопределению. Внутренняя свобода есть способность духа самостоятельно увидеть верный закон, самостоятельно признать его авторитетную силу, и самодеятельно осуществить его в жизни.

В процессе анализа учебной литературы по истории России данного периода выявлены следующие тенденции: апелляция к общинности русского сознания, коллективизму в противовес индивидуализму. Встречается идея соборности, присущей русскому народу. Особо подчеркивается роль религии в жизни общества и человека. Отношение к простым людям, например, крестьянам, ровное, но изложение фактов, говорящих об их зависимом положении, нейтрально окрашенное. Упоминание же о работорговле в Америке оценивается как «позорный торг неграми».

В XX веке произошла трансформация прежней мировоззренческой картины, что привело к отказу от вековых традиций, порой деструктивному отношению к прошлому и настоящему. Для советского периода характерны свои идеалы и ценностные приоритеты. С.Л. Франк в своей работе «Этика нигилизма» описывает подход, распространенный в данный период, по которому одновременно уживались друг с другом такие ценностные приоритеты как «блага народа» и «благо большинства», «свобода и равенство людей». Но во имя идеи, представления о «будущем справедливом обществе» считалось вполне естественным уничтожение людей конкретных — современников [5; 174].

В нашем исследовании анализируется школьный учебник истории как влиятельный инструмент, передающий не только информацию об истории собственного народа и других народов, но и формирующий мироотношение. Важно выявить насколько учебные материалы по истории России, подаются в тексте

объективно, освещают исторические реалии, на какие формы активности нацеливают человека.

Анализ учебников по истории разных стран мира осуществил французский историк, представитель школы «Анналов» Марк Ферро. В работе «Как рассказывают историю детям в разных странах мира» (1992) он показал разнообразие версий национальных историй и всемирной истории, указал некоторые механизмы государственного и общественного контроля за преподаванием истории. Главным способом манипуляции является контроль на всех уровнях над информационным аппаратом, аппаратом формирования идей.

Своеобразной пропагандой является отображение в учебных материалах конкретного социального контекста, конкретного образа жизни, престижа, статуса и т.д. В учебных материалах можно констатировать наличие такой разновидности манипулятивного воздействии, как целенаправленное внесение в массовое сознание различных теоретических представлений (мифов, стереотипов, предрассудков), создание особой системы ценностей. Типичный пример создания мифа — формирование образа врага. В сложных кризисных условиях значительно увеличивается роль насилия как инструмента осуществления власти, но при этом государство теряет свою монополию на легитимность использования насилия. Разновидность манипулятивного информационного воздействия — семантическое, в том числе специальная социальная риторика, создание специального политического языка, в изложении материала применяются приемы демагогии. Некоторые применяемые в учебной литературе приемы хотелось бы отметить особо: наклеивание ярлыков, метафоричность, пафос языка, подмена цели средством (средства поднимаются до уровня цели), игра в простонародность, использование символов, апелляция к авторитету. Способами манипулятивного воздействия являются догматизация истин, создание доктрин и «сакральных текстов» (гимнов, манифестов), аппеляция к взглядам большинства (использование страха перед социальной изоляцией). Человек начинает жить в системе мифов. Можно считать своеобразной формой влияния как недостоверность информации, так и избирательный характер публикуемой информации — особую форму информации, когда публикуемая информация отражает лишь часть свершившегося события или явления, либо освещает события в некоей направленности.

Например, в рамках советской исторической и общественной идеологической парадигмы можно рассмотреть учебную литературу таких авторов учебников по истории нашей страны как М.Н. Покровский, авторы учебников более поздней волны П.И. Потемкин, К.В. Базилевич, С.В. Бахрушин. Радикальнее всех рассматривал исторический процесс с сугубо марксистской, материалистической точки зрения М.Н. Покровский. С его подачи был ликвидирован и школьный курс истории, который был заменен обществоведением. Стал неким девизом того времени и принцип Покровского — «история есть политика, опрокинутая в прошлое». Этот принцип был реализован и в учебной литературе того времени.

В процессе анализа учебной литературы по истории России данного периода выявлено следующее: особо агрессивное и непримиримое отношение к

враждебным общественным явлениям, к врагам, инакомыслящим. Отношение к вождям то же эмоционально окрашено, но в позитивных тонах, используются эпитеты. Например в учебнике Ю.И. Кораблева о Ленине: «стойкий борец и вождь» [3; 136], планы его «гениальные» [4; 16], ему присуще особое «величие». Можно зафиксировать и тот факт, что подчеркивается доминирование роли государства в лице правительства и партии. Советов и министров в реформах, изменениях. Изучая учебную литературу по истории нашей страны советской парадигмы, можно заметить, что чаще всего события исторические рассматриваются через призму приоритета государственных интересов над интересами личности. А «простой советский человек» «следуя заветам Ленина» «под руководством Коммунистической партии с небывалым энтузиазмом и глубочайшей верой в победу поднимается на борьбу» [4; 193]. Так складывается особая мифология того времени. Человек описывается как «рабочая сила». Воспевается «простой советский человек». В то же время человек как особая ценность не отражается, создается особая конструкция «советский народ», который «был сплочен вокруг партии, беспредельно доверял ей, и единодушно поддерживал ее политику» [1; 204].

На современном этапе общественного развития происходит становление и развитие постиндустриального общества, технологии которого тесно связаны с культурой особого типа поведения, которое М. Вебер называл «целерациональным поведением». В 90-е годы в учебной литературе меняется характер и содержание публикаций, посвященных отношению к правам и свободам человека. Наблюдается более гуманистический характер материалов, появляется дискуссионный подход в подаче учебного исторического материала.

Процесс формирования гуманистических ценностей в современной образовательной среде через уроки истории сейчас приобретает новые формы. Позволю себе согласиться с Ю.Л. Троицким, профессором РГГУ, создателем «Новой технологии исторического образования», который исходит из того, что целью исторического образования в средней школе может быть формирование исторического мышления, а формирование исторического мышления невозможно в рамках учебникового монологизма, принятого в школах.

Сегодня, как никогда, востребована личность способная к саморазвитию, с активной жизненной позицией. Современный школьник не большой сторонник получения готовых рецептов и алгоритмов. Вектор развития личности современного человека формируется по-другому. Активное использование потенциала музейной педагогики, краеведческой работы, работа с архивами, в том числе и семейными, поможет сформировать особое ценностное отношение ученика к человеку, к Родине. Исследовательская поисковая деятельность ребенка позволяет реализовать обучающимся свой потенциал. Так как вовлекает ребенка в активный, сознательно спланированный им познавательный процесс, учит работать с информацией, трансформировать информацию в необходимые знания, и применять их. Самое главное достоинство исследовательской учебной деятельности — возможность познать самого себя, свои способности, проанализировать свои недостатки, мешающие реализации замыслов, научится справляться с трудностями. Изменилась и роль педагога, который помогает ребенку

самому учиться находить истину, что позволит ученику самому формировать свои убеждения, свое историческое мировоззрение.

Можно констатировать, что сегодня в культурно-историческом образовательном пространстве существует ситуация большого выбора программ, учебников и форм работы. Происходит постоянный поиск форм особой организации образовательного пространства, как среды становления нравственного опыта личности способной к саморазвитию, с активной жизненной позицией. Сегодня, по выражению Блеза Паскаля «Существует достаточно света для тех, кто хочет видеть, и достаточно мрака для тех, кто не хочет».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жарова Л.Н, Мишина И.А. История отечества 1900-1940 гг. М.: Изд-во «Просвещение», 1992. 335 с.
2. Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи / под.ред. Н.П. Полторацкого. Совместное издание Св.-Троицкого Монатыря и Корпорации Телекс. Джорданвилл, Н.Й. США, 1991.
3. Кораблев Ю.А., И.А. Федосов, Ю. А. Борисов. История СССР. Учебник для 10 класса средней школы. М.: Изд-во «Просвещение», 1989. 351 с.
4. Потемкин Г.И, Балев В.Б, Бехрин И.Б, Ким М.П. История СССР 1938-1976. М.: Изд-во «Просвещение», 1977. 355 с.
5. Франк С.Л. Этика нигилизма (К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции) // Франк С.Л. Соч. М.: Изд-во «Грифон», 2007. 272 с.

Е. А. Соколова

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЕ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМА

Исследование гендерных отношений постепенно становится неотъемлемой частью современной гуманитарной науки. Об этом пишут О.М. Здравомыслова, А.М. Осипов, Н.М. Римашевская, Т.Б. Рябова, Г.Г. Силласте и другие исследователи [1-6]. Проблемы взаимоотношения полов, дискуссии о положении мужчин и женщин, борьба женщин за гармоничные отношения с мужчинами, гендерный дисбаланс — в освещении этих вопросов большая роль отводится СМИ как главному инструменту отражения реальности, и прежде всего — региональным газетам, работающим с местным материалом, близком читателю.

В этой связи представляется актуальным научное осмысление путей и условий влияния региональной прессы на формирование адекватного гендерного мышления, тем более, что современное общество характеризуется исследователями гендерных отношений как «общество гендерных конфликтов, накопившихся за всю историю человечества, общество, которое находится в процессе поиска гендерного взаимопонимания» [7; 223].

В современном российском обществе гендерные отношения характеризуются отсутствием гендерного подхода к формированию политической культу-

ры, стратификацией в общественной сфере, гендерной дифференциацией в сфере производства и оплаты труда; гендерными различиями в благосостоянии, гендерным неравенством в частной жизни, демографическим кризисом, кризисом маскулинности и проблемой здоровья мужчин; влиянием гендерных стереотипов в языке, культуре и СМИ на массовое сознание, гендерной цензурой [8].

Для их гармонизации необходимо установление адекватного осознания системы современных гендерных отношений, и роль городских и районных газет в этом — ведущая. Традиционно это касается, во-первых, ломки отживших стереотипных представлений и роли и функциях мужчин и женщин в обществе, а во-вторых, разработки нового образа женщины, соответствующего ее роли в обществе и семье.

Сознание человека вообще не свободно от стереотипов, он «живет» и мыслит ими, т.к. они облегчают восприятие мира. Реальность воспринимается человеком сквозь призму стереотипов. Поэтому образы современников, их взаимоотношения, отношения к событиям подаются СМИ и воспринимаются их аудиторией с помощью стереотипов, выступающих, таким образом, инструментом создания текста и его прочтения. Следовательно, образы мужчин и женщин, их взаимоотношения, их социальные функции и роли создаются журналистами и воспринимаются аудиторией с помощью гендерных стереотипов.

Стереотипы в журналистике принято понимать как устойчивые обобщенные и упрощенные представления о явлениях действительности, носящие характер предрассудка и бытующие в сознании аудитории СМИ как самостоятельно выработанные или навязанные коммуникаторами, а также как способ восприятия и отражения журналистами окружающего мира в медийном продукте.

В обширном море стереотипов, представленных российской прессой, ученые выделяют особую группу гендерных стереотипов, связанных с репрезентацией отношений мужчин и женщин, еще недостаточно полно изученных современной наукой. Гендерный стереотип — это устойчивое обобщенное и упрощенное представление человека и масс о моделях поведения и чертах характера, соответствующее понятиям «мужчина» и «женщина», их социальным ролям и функциям, выработанное культурой и выраженное в визуальных и вербальных образах.

Исследователи пока не пришли к единому мнению относительно природы, характера и функционирования гендерных стереотипов, однако тревожные ноты в их рассуждениях на эту тему заставляют полагать, что проблема использования гендерных стереотипов в журналистике требует внимания. Так, В.Ф. Олешко замечает, что большинство произведений, транслируемых аудитории средствами массовой информации, активно формирующих и насаждающих сегодня гендерные стереотипы, не имеют отношения к журналистике. Их можно отнести к пропагандистским выступлениям и деятельности в рамках PR, лоббированию интересов определенных групп и т.д. [5; 108].

Можно говорить о двух группах стереотипов: отражающих реальное положение вещей (например, приниженное положение женщины в обществе, семье и т.п.) и не соответствующих действительности, часто использующихся как

способ манипулирования (например, желаемое место женщины в обществе, проявление сексизма и т.п.).

Как выстроены гендерные стереотипы? С одной стороны, они построены по четким, хорошо прочитываемым логическим схемам (природой женщине предназначено рожать детей, следовательно, ее основная функция — материнство, воспитание детей, сфера — семья). С другой стороны, они определенно обладают мощным воздействием на сферу чувств, эмоции и желания, именно поэтому они так часто, охотно, прицельно и беспроигрышно используются в рекламе и скрытой пропаганде, таким образом, становясь в СМИ ресурсом манипулирования общественным мнением. Массмедиа манипулируют представлениями людей о том, какими следует быть женщине или мужчине, прибегая к набору гендерных стереотипов, причем, в провинциальной прессе «новые» стереотипы причудливым образом переплетаются с устаревшими.

Особенности провинциальной жизни российского общества накладывают определенный отпечаток на конструирование местной прессой медиаобразов современных мужчины и женщины. Так, анализ выпусков газет «Курган и Курганцы» (г. Курган), «Троицкий вестник» (г. Троицк), «Исеть», «Ваша выгода» (г. Шадринск), «Вечерний Нефтеюганск» (г. Нефтеюганск), «Вечерний Челябинск» (г. Челябинск), «Златоустовский рабочий» (г. Златоуст), «Тюменский курьер» (г. Тюмень) за 2010г. показывает следующее:

1. «Типично мужские» и «типично женские» темы и образы в них сбалансированы, но присутствует тенденция небольшого увеличения объема «женского» материала в прессе малых городов вследствие растущей феминизации редакционных коллективов. К ней привела скрытая дискриминация женщин в публичной сфере, когда в годы экономического кризиса многие активные мужчины отказывались от интеллектуальной и творческой деятельности в поисках более высоких заработков, оставляя низкооплачиваемую работу в городских СМИ женщинам.
2. Популярными мужскими стереотипами на их страницах выступают: «босс», «силовик», «богема», «счастливый фермер», «маргинал». Стереотипные мужские образы в местной прессе отражают устойчивое представление масс о предназначении и социальных функциях мужчины в патриархальном обществе, и журналисты прибегают к ним для облегчения понимания читателями своего представления о герое, олицетворяющем то или иное общественное явление.
3. Полностью отсутствуют такие стереотипные представления о назначении женщины, как «женщина — сексуальный объект», «женщина-подруга» и «женщина занимает подчиненное положение», а репрезентация образа женщины сводится к стереотипному изображению «женщины-матери», выражающими социоприродные функции матери в следующих вариантах:

- деторождение (дарительница жизни, продолжательница рода);
- воспитание детей (учительница, воспитательница, наставница);
- управление сообществом людей (семьей, хозяйством, коллективом),

4. Позитивные материалы о женщинах связаны со стереотипом «современная женщина успешна во всем».

Гендерные стереотипы связаны с изменениями, происходящими в мире: в советскую эпоху идеалом слыла так называемая «передовая женщина-мать», в постсоветскую — «сексуальная красотка как вариант женщины-вамп», в 2000-е годы — «женщина, успешная во всем: семье, работе, личной жизни». Это устойчивое представление о состоявшейся личности женского пола только недавно приобрело характер стереотипа. Появившиеся в конце 1990-х медийные образы женщины, преуспевшей во всех сферах жизни, с одной стороны, действительно отражали изменения, происходившие в мире, с другой — сделали ее жизнь еще более зависимой от предрассудков, царящих в обществе. «Успешная женщина» представляет собой комплекс стереотипов, связанных с обязанностями женщины, которая должна: иметь детей, быть хорошей домохозяйкой, сделать карьеру, обладать внешностью фотомодели и т.п.

По мнению социологов, в России возникает новый тип женщины как следствие изменений ее жизненных ценностей и ориентиров, который характеризуется следующими качествами:

- уверенностью в себе;
- терпением;
- организованностью;
- способностью к здравомыслию;
- умением сопереживать.

Следует заметить, что, в отличие от предшествующего десятилетия, женские образы в медийной сфере тяготеют к новому стереотипу, назовем его «полифункциональная женщина» (горожанка, уверенная в себе, независимая, ориентированная на успех, материально благополучная, имеющая полноценную семью). Он появился с укреплением в обществе представления об успешности женщины не исключительно в семье, карьере или хобби, а во всех сферах ее жизни. Такая женщина стремится во всем преуспеть, все сделать, завести семью, состояться в профессии, безупречно выглядеть и т.д. Поэтому на страницах изданий появляется этот новый образ: женщина ухожена, красива, умеет достойно себя преподнести, а значит, она достигла определенных высот в профессии, у нее осмысленный взгляд, в котором читается ум, отсутствие «модельной» томности во взоре говорит о состоявшейся личной жизни, детские фотографии на столе — о семье. Появление этого нового стереотипа в журналах показывает, что количество социальных ролей современной горожанки увеличивается, при этом она ориентирована на достижение успеха во всех сферах своей жизни.

Стереотипные женские образы в региональной прессе отражают устойчивое представление масс о предназначении и социальных функциях женщины в современном российском обществе, переживающим «патриархатный ренессанс» (активизацию консервативных сил и настроений, связанных с утверждением представлений о «естественном предназначении женщины» и вытеснением женщин в сферу частной жизни [5]), и журналисты прибегают к ним для облегчения понимания читателями своего представления о героине, олицетворяющей то или иное общественное явление. С другой стороны, журналисты

«формируют реальность» в сознании масс и, используя устаревшие стереотипы, искажают действительность, затуманивают истинный смысл происходящего. Задача современной журналистики состоит в том, чтобы осмысливать источник гендерного стереотипа, вырабатывать навыки оценки содержания и применения его в собственном творчестве, а также улавливать и запечатлевать то новое, что характеризует время и эпоху.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Здравомыслова О.М. Гендерные исследования как опыт публичной социологии в России [Электронный ресурс]. URL: http://www.polit.ru/author/2009/09/24/gender.html (дата обращения: 29.04.2011).
2. Осипов А.М. Социологическое образование: Очерки теории / А.М. Осипов. Ростов-н/Д: Феникс, 2006. 504 с.
3. Римашевская Н.М. Гендерные аспекты социально-экономической трансформации в России. [Электронный ресурс]. URL: http://www.owl.ru/library/046t.htm (дата обращения: 29.04.2011).
4. Рябова Т.Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований //Личность. Культура. Общество. Т. V. Вып. 1-2 (15-16). С. 120-139.
5. Силласте Г.Г. Гендерная социология как частная социологическая теория: состояние, противоречия, социальные возможности и перспективы. [Электронный ресурс]. URL: http://ecsocman.edu.ru/data/471/599/1231/015.SILLASTE.pdf (дата обращения: 14.03.2010).
6. Гендерные стереотипы в современной России [Электронный ресурс]. URL: http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/276130.html (дата обращения: 29.04.2011).
7. Смирнова О.В. Гендерная проблематика. Проблематика СМИ. М., 2008. С. 223–238.
8. Жеребкина И. «Прочти мое желание…». Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм. М.: Идея-Пресс, 2000.
9. Олешко В.Ф. Психология журналистики: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во «ГОРИЗОНТ», 2006. 304 с. С. 101.

Г. Г. Сорокин

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ГРАЖДАН ПРЕДПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА КАК НАПРАВЛЕНИЕ ГЕРОНТООБРАЗОВАНИЯ

Оценивая положение лиц старшего возраста в современном обществе, нельзя не заметить, что во многом их проблемы связаны с социальной эксклюзией, неспособностью адаптироваться к постоянным переменам. Представители старшего поколения крайне медленно, неохотно и с опаской реагируют на изменения во всех сферах жизни и деятельности, продолжая функционировать в соответствии с устаревшими императивами поведения, в рамках привычного для них мировоззрения. Процесс социальной адаптации в «третьем возрасте» осложняется рядом специфических факторов. Пожилые люди вынуждены приспосабливаться не только к изменениям внешней среды, но и адаптироваться к физическим, физиологическим, психологическим и социальным изменениям в себе. На данном жизненном этапе индивид, как никогда ранее, нуждается во

внешней поддержке своих адаптивных механизмов. Одной из наиболее эффективных стратегий адаптации пожилых граждан к инновациям и переменам сегодня является их интеграция в образовательную деятельность.

Важной составляющей социальной адаптации пожилого человека является приспособление к состоянию старости и процессу старения, изменению социальных ролей. Общепризнано, что десятилетие перед выходом на пенсию является наиболее благоприятным для адаптации к старости. Многие исследователи обращают внимание на то, что психологическая, физическая и др. подготовка к выходу на пенсию должна проводиться не менее чем за год до прекращения трудовой деятельности (И. Кемпер, И.С. Кон). Таким образом, категория граждан предпенсионного возраста представляет собой целевую группу, на которую должны ориентироваться специализированные адаптирующие образовательные проекты.

Н.В. Панина констатирует, что для большинства людей предпенсионного возраста характерна неопределенность отношения к выходу на пенсию, что может привести к негативным последствиям в процессе адаптации пожилых людей к статусу пенсионера [1; 156-160]. В работах, посвященных исследованию адаптации социального субъекта при переходе в группу пожилых людей (как правило, за начало старости берется выход на пенсию), в качестве средства облегчения интеграции в новую среду, все чаще предлагается организовывать специальные образовательные курсы для лиц предпенсионного возраста. Обычно авторы говорят о необходимости образовательных мероприятий, нацеленных на формирование у пожилых людей установок на ведение активного образа жизни, психологическую адаптацию, информирование о различных формах организации досуга, мерах профилактики возрастных заболеваний. И.С. Кон, подчеркивая взаимосвязь процессов социальной адаптации и социализации, отмечал, что «Подготовка к выходу на пенсию — столь же необходимый элемент социализации в старости, как профессиональная ориентация в юности» [2; 83]. Существующие предпенсионные программы обычно представляют собой образовательные курсы, включающие лекции, беседы, работу в группах и индивидуальные консультации. Популярной формой реализации подобных программ являются также семинары, охватывающие вопросы стиля жизни, коммуникативных практик, специфические стороны пенсионной жизни, вопросы, касающиеся льгот, налогов и инвестиций. К примеру, предприниматели США организуют специальные семинары для своих работников, находящихся в предпенсионном возрасте. На таких семинарах рассказывается, как применять правила социального обеспечения и системы медицинской помощи, каково обеспечение дохода пенсионеров со стороны предприятия. Службы социальной помощи, работающие с пожилыми людьми берут на себя юридические, финансовые и психологические консультации. В некоторых случаях администрация требует от сотрудников обязательного присутствия. [4; 91]. В Российской Федерации также функционирует несколько проектов, ориентированных на подготовку «молодых пожилых» к жизни на пенсии. Одним из них является Школа молодого пенсионера г. Ревда. Здесь слушателей знакомят с принципами начисления пенсий, возможностями дополнительного заработка для пенсионеров, методами

преодоления психологических проблем [6]. Помимо названных «стандартных» форм реализации программ предпенсионной подготовки встречаются и нетривиальные подходы. К примеру, компания «Пежо-Тальбот» привлекает к участию в занятиях профессиональных актеров, чтобы смоделировать ситуации, с которыми придется столкнуться людям на пенсии, с целью подготовки их к принятию возможных решений [5; 32]. В качестве формы подготовки к выходу на заслуженный отдых можно рассматривать и работу со специализированными изданиями, ориентированными на самообразование лиц предпенсионного возраста. Примером могут служить путеводители, в которых сформулированы основы предварительного планирования пенсии. Несмотря на то что идея о необходимости курсов «подготовки к старости» для граждан третьего возраста поднимается уже более двадцати лет, на практике она реализуется пока крайне редко. В то же время большинство программ геронтообразования при подборе контингента ориентируется не на профессиональный статус потенциальных слушателей (трудящиеся или пенсионеры), а на их возраст. Таким образом, в принципе, и лицам предпенсионного возраста открыт доступ к образовательным программам, ориентированным на старшее поколение. Они имеют возможность постепенно интегрироваться в субкультуру пожилых людей, участвуя в совместной образовательной деятельности с ее представителями, что можно рассматривать как своеобразную «подготовку к старости». В этой связи достаточно интересным представляется опыт организации программ геронтообразования в Высшей народной школе для пожилых людей при городском центре образования взрослых г. Казани. Здесь дифференцированно осуществляется обучение граждан пенсионного и предпенсионного возраста. Слушателям предпенсионного возраста предлагаются курсы: «Школа предпринимательства», «Школа информационных технологий», «Школа садоводства и цветоводства», «Школа языковой культуры». Для пенсионеров организованы курсы: «Правовая школа», «Декоративно-прикладное творчество», «Школа здоровья». При этом имеются курсы, открытые как для лиц предпенсионного возраста, так и для пенсионеров: «Школа бабушек», «История религии» и др. [3; 76-77]. В отличие от образовательных программ, нацеленных на адаптацию граждан предпенсионного возраста к состоянию старости и процессу старения, аналогичные программы, ориентированные уже на пенсионеров встречаются довольно часто. Наиболее эффективными считаются программы, в содержании которых комбинируются различные формы образования, консультации и советы сочетаются с блоками общей информации по рассматриваемому вопросу. Наблюдения показывают, что эффективность и востребованность подобных курсов гораздо выше в случае, когда их миссия «помочь встретить старость» завуалирована. Например, курсы здорового образа жизни больше привлекают пожилых людей, чем специализированные медицинские курсы, ориентированные на борьбу с типичными старческими недугами. Нежелание «учиться стареть» особенно заметно проявляется при обучении психологии. Курсы, построенные по типу психологического консультирования, неоднозначно воспринимаются пожилыми. Обратиться к помощи психолога — для многих равносильно признанию собственной беспомощности, никчемности. Более охотно пожилые люди

обращаются к курсам, в которых психология представляется как традиционная учебная дисциплина, что при правильной подаче, позволяет добиваться тех же целей, что и в курсах, построенных по типу психологического консультирования.

Таким образом, геронтообразование обладает огромным потенциалом для решения проблемы социальной адаптации представителей старшего поколения, подготовки пожилых людей к переходу в систему новых социальных ролей и статусов. Образовательные программы для лиц третьего возраста способны оказывать как непосредственное воздействие на их адаптивные способности (обучение различным навыкам, необходимым в повседневной жизни), так и опосредованное, которое заключается в формировании условий, благоприятных для протекания процессов приспособления к социальным изменениям, процессу старения и состоянию старости (организация досуга, расширение круга общения, самореализация и т.д.). Адаптирующие возможности образования в предпенсионном возрасте позволяют рассматривать его как эффективное средство актуализации потенциала социального субъекта, а саму образовательную деятельность «молодых пожилых» как необходимое условие их реинтеграции во все сферы общественной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Панина Н.В. Роль семьи в проведении досуга пенсионеров и их социальной адаптации // Геронтология и гериатрия: Пожилой человек, медицинская и социальная помощь. Киев, 1982.
2. Кон И.С. Ребенок и общество: Историко-этнографическая перспектива. М., 1988.
3. Мустафина И.И., Сафина З.Н., Парубина В.Д. Создание Высшей народной школы в Республике Татарстан. Высшая народная школа: вчера, сегодня, завтра. Материалы по проекту «подготовка менеджеров для высших народных школ» / под ред. Н.П. Литвиновой, Е.А. Соколовской, Т.В. Шадриной. СПб., 2005.
4. Альперович В.Д. Старость. Социально-философский анализ. Ростов-н/Д, 1998.
5. Интегрированная старость: практики социального участия: кол. монография / М.Э. Елютина, П. Тейн, П.П. Великий и др.; под ред. М.Э. Елютиной. Саратов: Издательский центр «Наука», 2007.
6. Добрынина С. Уроки третьего возраста // Российская газета-Неделя — Урал (Урал). 2009. 20 августа.

Д. Ю. Степанчук

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА (ЮГРЫ)

В ряде словарей русского языка можно найти толкование следующего термина: «Профессионализм — хорошее владение своей профессией. Профессия — основной род занятий, трудовой деятельности [1; 626].

Статья 3.1 Федерального закона № 79-ФЗ [2] определяет государственную гражданскую службу РФ как «вид государственной службы, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан РФ…». В дополнение к этому и сама служба строится на принципах «профессионализма и компетентности гражданских служащих» (ст. 4.4).

В связи с этим необходимо учитывать, что эффективное функционирование органов государственной власти и качество работы гражданских служащих, в свою очередь, напрямую зависят от их профессионализма. Поэтому анализ уровня профессионального потенциала, профессиональных стратегий и представлений о своей будущей карьере чиновников современной России представляет особую исследовательскую задачу, имеющую еще и прикладное значение.

Для рассмотрения профессиональных стратегий служащих необходимо остановиться на такой категории, как «жизненные стратегии личности», рассмотреть различные подходы к ее изучению. Жизненные стратегии выступают объектом целого комплекса наук о человеке и обществе — социологии, психологии, культурной антропологии. Каждая из них изучает свой аспект жизненного мира личности.

Само понятие «жизненная стратегия» в категориальный аппарат современной науки ввела К.А. Абульханова-Славская и определила как «способ организации человеком собственной жизни, способность к приведению жизненных условий в соответствие с собственными ценностями и индивидуальным своеобразием» [3; 67].

По мнению Н.В. Осмачко, стратегия жизни — это «социально обусловленная система ориентирования человека на долговременную перспективу» [4; 16].

Вообще, понятие «стратегия жизни» характеризует, с одной стороны, систему социокультурных представлений личности о своей будущей жизни, ориентирующую и направляющую ее текущее (повседневное) поведение в течение длительного времени, а с другой — способ сознательного планирования и конструирования личностью собственной жизни путем поэтапного формирования ее будущего [5; 33].

Проанализировав эти и другие понятия, автор определяет профессиональные стратегии государственных гражданских служащих как систему социокультурных и профессионально-образовательных представлений госслужащих о своей будущей карьере, ориентирующую и направляющую ее текущее (повседневное) поведение в течение длительного времени.

Концепция жизненных стратегий личности, предложенная и обоснованная в работе Ю.М.Резника и Е.А.Смирнова [6], в зависимости от доминирующей формы активности личности, выделяет несколько типов стратегий жизни: «иметь» (рецептивная активность как основа для стратегий жизненного благополучия), «достигать» («достиженческая» активность — стратегии жизненного успеха) и «быть» (творческая или «экзистенциальная» активность — стратегии жизненной самореализации).

Перенесем представленную концепцию в область исследования. Для анализа профессиональных стратегий современных государственных гражданских служащих на федеральном уровне используем данные социологического опро-

са в рамках проекта «Разработка и реализация кадровой политики», проведенного в сентябре-октябре 2000 года в 11 федеральных органах власти и 12 регионах и охватившего 1210 госслужащих [7; 186-187].

Здесь основной мотив поступления на службу определился как раз в рамках трех представленных профессиональных стратегий. Большее число респондентов (41,0%) связали свой интерес к государственной службе с прагматическим мотивом — желанием иметь гарантию постоянной работы, стабильное социальное положение. Этот мотив согласуется с потребностью самосохранения и благополучия и свидетельствует о невысоком в профессионально — ориентированном отношении потенциале этих чиновников.

Представленный недостаточный потенциал госслужащих с успехом компенсирует мотивация реализации себя в профессиональном отношении (40,0%) — стратегия успеха.

Плюс ко всему у значительной части служащих (30,0%) существует «желание принести своей деятельностью больше пользы обществу и государству». Этот мотив соотносится со стратегией самореализации и свидетельствует о положительном настрое этой части служащих на социально- плодотворную деятельность.

Из общего числа опрошенных служащих только 17,0% полностью удовлетворены своей работой, 54,0% удовлетворены частично и более 20,0% признали полную или доминирующую неудовлетворенность («скорее не удовлетворен, чем удовлетворен»).

Через 6 лет итоги социологического опроса по актуальным проблемам государственной гражданской службы РФ, проведенного в марте 2006 года в 17 субъектах РФ, в ходе которого было опрошено 1102 государственных служащих, [8; 225] немного изменились, но по-прежнему у чиновников сохранилось преобладание стратегий профессионального благополучия.

Так, по мнению большей части госслужащих, наиболее значимым мотивом поступления на гражданскую службу является гарантия постоянной работы и стабильного положения (55,7%). На втором месте по популярности ответов ценности стратегии профессиональной самореализации и вариант «желание принести пользу обществу и государству» (30,5%), далее идут потребности успеха: «стремление полнее реализовать свои профессиональные качества» (28,8%) и «занять престижное место в обществе» (25,7%).

Оценивая степень удовлетворенности своей работой, результаты распределились следующим образом. 23,9% удовлетворены тем, что делают, чуть больше половины (50,2%) удовлетворены частично, 18,9% частично не удовлетворены и 4,7% не удовлетворены вовсе.

В рамках диссертационной работы в апреле 2011 года в г. Ханты-Мансийск автором было проведено исследование, входе которого было опрошено 100 государственных гражданских служащих органов исполнительной власти федерального и регионального уровней Ханты-Мансийского автономного округа (Югра).

В первом вопросе анкеты нужно было дать наиболее подходящее определение государственной службы. 85% респондентов указали толкование, законода-

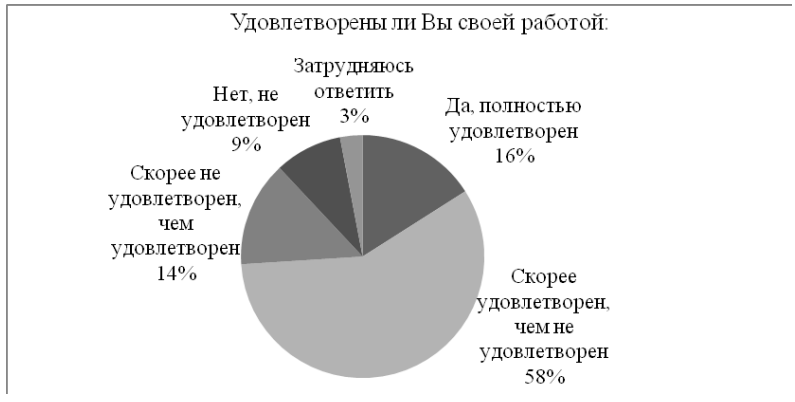
тельно закрепленное в ст.3.1 Федерального закона № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе РФ». Для каждого десятого государственная служба это «преданное служение своей стране и народу». Лишь 5% оценивают ее как просто работу, приносящую стабильный заработок и высокие социальные гарантии. Здесь очевидно, что стратегии профессионального благополучия уходят на последнее место (в отличие от федеральных служащих), отдавая лидерство ценностям успеха.

Среди основных мотивов работы «северян» также выделяются потребности успеха– набраться опыта (42%) и реализовать собственный потенциал (31%). Далее следует мотивация к работе через возможность заработать себе на жизнь (30%) и стабильность службы (35%). Слабо развиты идеи самореализации, как то работа на благо общества (31%) или служение государству (23%).

Подтверждают стратегии профессионального успеха чиновников Югры и причины поступления на госслужбу. Для 43 человек это возможность реализовать свои умения, навыки и таланты, для четверти ответивших — решение работать по имеющейся специальности. Стабильность и высокие социальные гарантии при поступлении на работу привлекли 38% и 25% соответственно. Потребности в самореализации через служение своей стране, народу развиты у 19 респондентов.

Степень удовлетворения гражданской службой как постоянным местом работы отмечена в Диаграмме 1.

Диаграмма 1



Видно, что по этому вопросу мнения региональных и федеральных чиновников даже по истечению 5 лет опроса последних мало чем отличаются.

Интересно отметить, что для 71% респондентов работа на госслужбе в той или иной степени способствует раскрытию их профессионального потенциала. Лишь 7 человек категорично заявили, что, работая в том ином органе власти, не могут раскрыть весь имеющийся в запасе потенциал вовсе.

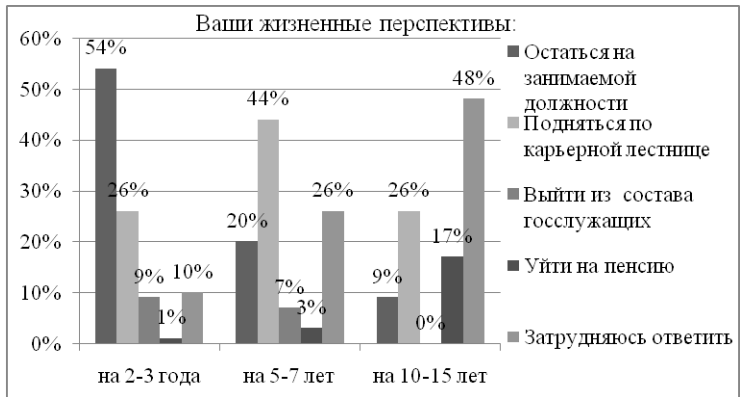
Оценку жизненных планов и профессиональных перспектив чиновничества ХМАО можно увидеть в Диаграмме 2.

Неудивительно, но чем дальше по времени планы, тем более затруднительно с ответами справляются респонденты и тем выше желание уйти на заслу-

женный отдых со всеми прилагающимися благами и гарантиями. Тем не менее, в отличие от краткосрочных планов на 2-3 года, в перспективе 5-7 лет 44% желают «подняться по карьерной лестнице» и лишь 20% «оставаться на занимаемой должности» (в противовес 20% и 54% соответственно).

Но каким образом гражданские служащие собираются реализовывать поставленные цели? По заявлению 68 опрошенных, «опираясь только на собственные силы». Для 60 человек приемлем вариант ответа «повышая уровень собственной квалификации», а для 36 человек — с помощью заслуг и достижений.

Диаграмма 2



Представленное исследование показывает, что на всех представленных уровнях власти степень удовлетворения госслужащих от своей работы высока (свыше 70%). Также более 70 «северян» полагают, что имеющаяся работа способствует раскрытию их профессионального потенциала. Мало кто из респондентов собирается выйти из состава госслужащих даже в долгосрочной перспективе 10-15 лет. Все свои профессиональные планы чиновники собираются осуществить исключительно законными и одобряемыми в обществе методами.

К сожалению, во всех трех представленных исследованиях идеи служения стране и народу через стратегии профессиональной самореализации слабо проявились у служащих. Однако рассматривая типологию профессиональных стратегий, предложенную выше, стратегии профессионального успеха в большей степени свойственны «северным» чиновникам. В отличие от общероссийского уровня, где доминируют ценности благополучия. Это означает, что «у руля власти» Ханты-Мансийского автономного округа (Югры) стоят настоящие профессионалы, которые в своей ежедневной работе используют имеющиеся навыки и умения, а также способны и полны решимости развивать и приумножать их.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ожегов С.И., Шведов Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: «А ТЕМП», 2004. 944 с.

2. Федеральный закон от 27.07.2004 г. № 79–ФЗ «О государственной гражданской службе РФ» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.
3. Абульханова–Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
4. Осмачко Н.В. Жизненные стратегии личности в системе понятийного аппарата социологии жизни [Электронный ресурс] / Вологдинские чтения, 2001. ДВГТУ, 2001. Вып. 21. Социальные технологии, экономика и менеджмент. С. 22–24. Режим доступа: http://library.fentu.ru/index.php?option=com_reader&cat=fentu_vologdin_2001_tipp&Itemid=21&numPdf=16&dwl=1.
5. Смирнов Е.А. Жизненные стратегии государственных служащих [Электронный ресурс] // Государственная служба. 2002. № 4. С. 33–39. Режим доступа: http://www.rags.ru/akadem/all/18-2002/18-2002-108.html.
6. Резник Ю.М., Смирнов Е.А. Жизненные стратегии личности (опыт комплексного анализа). М.: Институт человека РАН, 2002. 260 с.
7. Социологические исследования в системе государственной службы 1992-2002. Информационно-аналитические материалы кафедры государственной службы и кадровой политики РАГС при Президенте РФ. М.; Орел: Издательство редакции журнала «Образование и общество», 2002. 314 с.
8. Магомедов К.О, Турчинов А.И. Государственная служба и кадровая политика: теория и практика. Информационно-аналитические материалы по результатам социологических исследований, проведенных кафедрой государственной службы и кадровой политики РАГС при Президенте РФ в 2001-2006 годах. Ульяновск: ОГУП «Областная типография «Печатный двор», 2007. 272 с.

В. Я. Стрельцов

МОДЕРНИЗАЦИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

События в мире происходят с таким ускорением, что промедление в решении данных вопросов может обернуться крупными потерями для страны.

Именно поэтому постановка проблемы системного развития инфраструктуры северных регионов России вполне закономерна и чрезвычайно актуальна, если еще и учесть явное несоответствие между значимостью этих территорий для модернизации России и динамикой становления региональных инфраструктурных сетей. Это действительно важнейший приоритет стратегического планирования, поскольку эффективность государственной политики по развитию территорий и отдача государственных и частных инвестиций напрямую зависят от уровня координации развития региональной социально-экономической, коммуникационной и транспортной инфраструктуры.

1. По словам известного специалиста в области стратегического управления Ж. Блонделя, в широкий перечень инфраструктурных сетей следует включить и политическую инфраструктуру[18]. В этом предложении действительно есть своя логика: от устойчивости институтов власти, от их открытости для граж-

[18] Блондель Ж. Политическое лидерство: Путь к всеобъемлющему анализу. М., 1992. С. 108.

данского общества, от степени развития так называемых вертикальных и горизонтальных связей во многом зависит действенность избранных стратегий регионального развития. При этом многое зависит от региональных компетентности и «пассионарности» лидеров. Именно они задают уровень требований к компетентности административного аппарата, качеству и направленности работы законодательных органов, эффективности научно-информационного обеспечения региональных стратегий в сфере социальной сфере, сельском хозяйстве и промышленности. Но и эта компетентность «в любом случае требует значительных затрат на инфраструктуры и персонал задолго до начала реализации политики»[19].

Прежде, особенно в 70-80 годы прошлого века личность руководителя., особенно на Севере, во многом определяла не только будущий облик поселка, города, но и генерировала вокруг себя массу талантливых людей и на производстве и социальной сфере и в человеческом общении. Люди тянулись к таким руководителям и росли вместе с ним, поднимая значимость региона на уровень страны. Нет необходимости в этом случае называть адреса и фамилии. Тот кому довелось в это время работать в Тюменской области понимает о чем и о ком идет речь.

Правда, следует отметить, что теперь в связи с установленным порядком назначения глав исполнительной власти и руководителей крупных предприятий в регионах из Москвы, значимость фактора личности несколько снижается, т.к. до своего нового назначения она недостаточно известна широкому кругу населения и до определенной степени и времени не сможет объединять вокруг себя людей, хотя может располагать аппаратом из числа компетентных людей, близких ему по политическим взглядам и прежней деятельности.

Однако, эти процессы практически не изучаются, не анализируются, а чаще всего строятся на отдельных фактах, выводы из которых каждый может сделать, исходя из собственного понимания. Этого явно недостаточно, для того, чтобы консолидировать людей, способных строить гражданское общество.

2. Не менее важной требование к инфраструктуре Российского Севера — ее соответствие современному технологическому укладу, ставка на опережающее развитие интеллектуальной инфраструктуры и коммуникационных технологий. Эта задача пока осуществима, т.к. именно Российский Север — не только «кладовая страны», но и сосредоточие мозговых центров России, которые в годы войны были «приживлены» в северных регионах и являются хорошей основой для разработки инфраструктурных стратегий.

В тоже время мы видим как «стареют», выходят из строя люди, как стремительно устаревает техника, технологии, еще вчера, за неимением других, активно применяющихся на Севере.

Принципиально важно, чтобы технологии, применяемые здесь, были инновационными, природосберегающими, позволяющими извлекать не 30 процентов нефти из земного пласта, а в два раза больше. Надо использовать техноло-

[19] Там же. С. 104-105.

гии, которые уже есть в мире, потому что из пятидесяти базовых технологий, используемых в нефтяной отрасли, российские компании применяют всего восемнадцатью.

Для инновационного «рывка» приоритет должен быть отдан проектам, использующим новейшие технологии, направленные на максимально глубокую переработку сырья, где конечной продукцией будут продукты нового технологического передела.

3. Особое место должно сохраниться за поддержанием и укреплением транспортной инфраструктуры, особенно Северного морского пути, являющегося главной арктической транспортной магистралью, соединяющей северные регионы страны. С этой целью необходимо провести быстрое обновление морского и речного флотов, парка воздушных судов, модернизацию портовых сооружений и оборудования, поддержание на необходимом уровне навигационного, гидрометеорологического и авиационного обслуживания и средств связи. Дополнительных мер от Правительства Российской Федерации и регионов потребует строительство автомобильных дорог.

4. В ситуации, когда идет постоянный отток работоспособного населения, особенно важно создать условия для сохранения кадрового потенциала регионов Севера и Арктики. Для этого представляется необходимым не только обеспечить подготовку кадров для регионов Севера, но и принимать меры для закрепления кадров в этих регионах по предоставлению жилья, повышению доступности услуг образования и здравоохранения, социальных услуг; развитие и удешевление транспортных услуг, обеспечение доступности поездок в южные и центральные регионы страны. Правительство страны должно установить стандарт, содержащий перечень условий трудовой деятельности, который должен быть обеспечен работодателем на новых местах освоения природных ресурсов, в том числе по созданию инженерной и социальной инфраструктуры, жилья, как в опорных населенных пунктах, так и в местах временного нахождения работников.

В тоже время, как показывает статистика, в конце 2010 года суммарная численность безработных в северных регионах составляла 306,8 тыс. человек или 19,3% всех безработных России, потребность в работниках составила 219597 человек. В Республике Тыва, Камчатском и Хабаровском краях, Ненецком и Чукотском автономных округах), по сравнению с тем же периодов 2009 года потребность в работниках сократилась. По среднему показателю на одну вакансию в северных территориях приходилось 1,4 безработных, а в целом по России — 1,6.

В 19 северных регионах в 2010 году произошла миграционная убыль населения (в 2009 году таких регионов было 16). В сумме по северным территориям миграционная убыль достигла 56552 человек, при том что в целом по Российской Федерации произошел миграционный прирост, который составил более 158 тыс. человек. Максимальный отток населения наблюдался в Республике Коми, откуда выехало более 8,5 тыс. человек, при этом следует отметить, что и в 2009 году этот регион занимал также лидирующие позиции по этому показателю. По прогнозам, население трудоспособного возраста в северных регионах

уже в 2015 году уменьшится на 12 процентов. Современные демографические тенденции таковы, что не обеспечивается даже простое возмещение выбывающей рабочей силы. Одновременно с этим растет численность нетрудоспособного населения. По доле пенсионеров северные территории почти сравнялись со средними по России показателями. В общей численности населения России пенсионеры составляют 26,8 процентов, в северных регионах в целом — 25,7 процентов, а в Республике Карелия, Архангельской и Сахалинской областях — более 30 процентов.

Обеспечение потребностей районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в трудовых ресурсах является одной из важнейших стратегических задач государства.

5. Учитывая воздействие на здоровье человека экстремальных природно-климатических условий Севера, должна быть разработана и внедрена систему государственного страхования здоровья граждан, привлекаемых на работу в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности, и членов их семей.

Реализация предлагаемых мер возможна только на основе объединения усилий государства, частного бизнеса, науки и четкого разделения расходных полномочий и ответственности Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и хозяйствующих субъектов.

А. Н. Тарасова

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ ТЮМЕНСКОГО РЕГИОНА

Социальная активность рассматривается как участие в различных социальных практиках, направленных на общественное благо — таких как участие в общественных организациях и движениях, акциях, включенность в молодежные сообщества. Социальная активность достаточно тесно связана с политической активностью, которая выступает поведенческой компонентой, отражающей сложную структуру политического сознания индивида.

Эмпирической базой послужили результаты опроса молодежи юга Тюменской области в возрасте от 14 до 35 лет, проведенного Тюменским государственным университетом в период с 1 по 30 ноября 2010 года. Объем выборки 1274 человека. При доверительной вероятности 95%, ошибка выборки составляет $\Delta = \pm 2{,}8\%$, что обеспечивает надежность исследования ($\Delta < 3\%$). Выборка исследования квотная (по полу, возрасту и территории проживания — городское или сельское население), многоступенчатая, с соблюдением принципа случайного отбора наблюдения внутри маршрута.

В целом отношение молодежи Тюменского региона к участию в общественной жизни относительно позитивное: половина опрошенных (50%) согласились с тем, что, активно участвуя в жизни своего города, (села) молодежь может многое изменить (см. рис. 1).

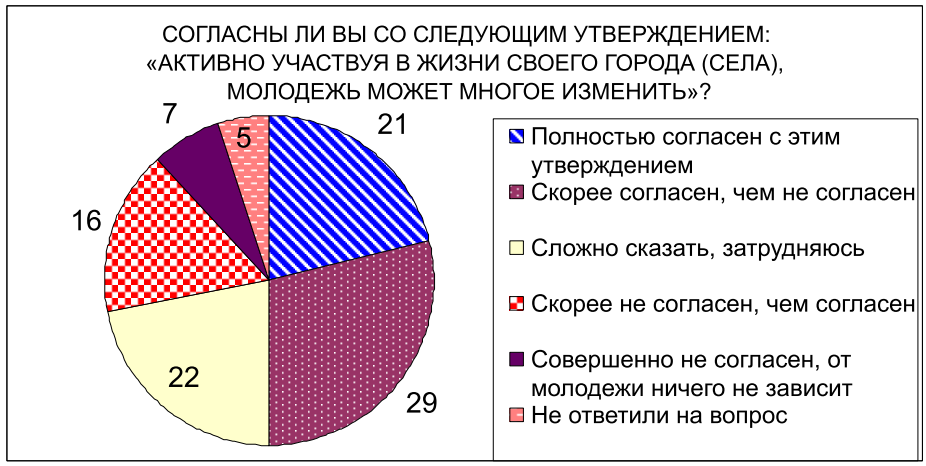


Рис. 1. Отношение к участию в общественной деятельности (в % от опрошенных)

Однако следует взглянуть на это с другой стороны. Половина опрошенной молодежи либо считает, что от ее участия ничего не зависит (23%), либо затруднились с ответом (27%), поскольку сами не участвуют и не хотят принимать участие в общественной деятельности. Кроме того, отмечается негативная динамика по сравнению с 2009 годом. Согласно данным мониторинга 2009 года 60% респондентов признают за молодежью роль активного участника социальных изменений в обществе [1, с.15]. В 2010 году таковых оказалось уже 50% опрошенных. Кроме того, декларируемая активность не всегда сопровождается реальным участием в общественных организациях и движениях, акциях, включенностью в молодежные сообщества.

Данный вывод подтверждается относительно низкими показателями участия в работе органов самоуправления (см. рис. 2).

Рис. 2. Участие в работе органов самоуправления (в % от опрошенных)

Причем, показатели участия в работе различных органов самоуправления максимально значимо коррелируют между собой, т.е. если человек принимает участие в работе органов местного самоуправления по месту работы или учебы, то он чаще включается и в работу органов самоуправления по месту жительства. Так из тех, кто принимает участие в работе органов самоуправления по месту работы, практически каждый пятый (18%) одновременно участвует в работе органов самоуправления по месту жительства. Нет значимой взаимосвязи только между участием в органах самоуправления по месту учебы и по месту работы, но это только оттого, что, как правило, человек либо учится, либо работает. Можно предположить, что после окончания учебы социально активная группа продолжает свою деятельность в советах трудового коллектива, профкомах и т.п.

Таким образом, можно говорить лишь о высокой социальной активности отдельных групп молодежи, основная же масса остается абсолютно пассивной, даже не желая где-либо участвовать.

Исследование показало, что 84% опрошенной молодежи не являются членами какой — либо общественной организации, участие в других общественных организациях минимально, чаще всего это номинальное участие в профсоюзе. Это еще раз свидетельствует об очень низкой социальной активности молодежи.

В исследовании производилась оценка потенциальной активности молодежи по наличию желания стать членом этих организаций. Однако потенциальная активность молодежи также низка (см. рис. 3).

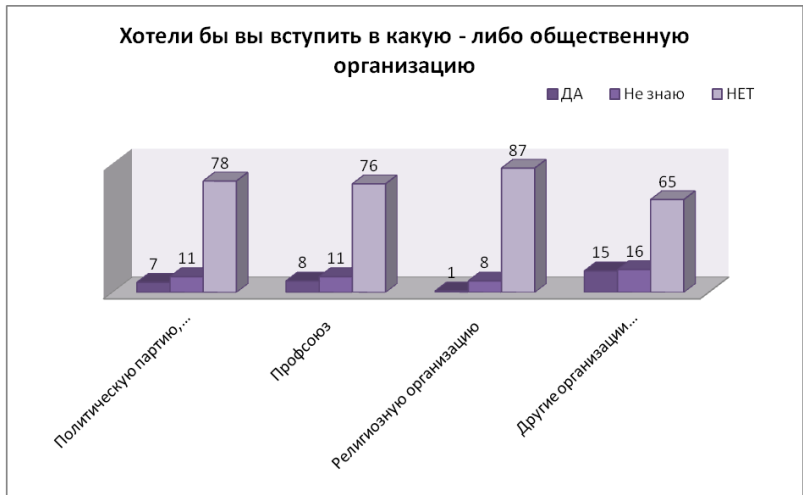


Рис. 3. Желание вступить в какую либо общественную организацию (в % от опрошенных)

Желание вступить в политическую партию отметили 7%, профсоюз 8% и религиозную организацию 1% опрошенной молодежи. Выбрали вариант «другое» 15% респондентов (это спортивные (3%), благотворительные организации (2%), профессиональные (2%), культурные (1%) и др.).

Таким образом, в целом молодежь Тюменского региона отличается достаточно низким уровнем социальной активности. Большинство молодежи не принимают и не хотят принимать участие в работе органов самоуправления, не хотят вступать в какую-либо общественную организацию. Это может быть связано с тем, что молодежь выбирает другие сферы направления энергии, особенно если социальная активность не приносит выгод материального или карьерного толка и/или не позволяет реализоваться творчески (неинтересна).

Рассмотрим политическую активность молодежи. Обычно под активностью в поле политики подразумевается деятельность групп или индивидов, связанная со стремлением усовершенствовать или изменить социально-экономический и политический порядок и действующие институты.

Большинство опрошенных мало интересуется политикой (27% — почти не интересуются, 23% — политикой вообще не интересуются). Постоянно следит за политическими событиями лишь 13% респондентов. Основная масса отслеживает только наиболее интересные для себя события, интересуясь лишь время от времени (36%).

Мужчины чуть чаще проявляют интерес к политике. Постоянно следят за политическими событиями 18% опрошенных мужчин и 9% женщин.

Среди самых молодых респондентов (14-17 лет) интерес к политике очень низок лишь порядка 29% проявляют какой-то интерес, только 5% внимательно следят за политическими событиями. В принципе такая ситуация закономерна, учитывая, что молодежь этого возраста практически не участвует в политической жизни, даже в выборах (как самой распространенной форме участия в политической жизни) и то не голосует. С возрастом интерес к политике возрастает. Уже с 18 лет интересуются политикой почти половина опрошенных (50% в возрасте 18-22 года и 53% от 23 и старше), также растет и доля тех, кто постоянно отслеживает политические события (11% в возрасте 18-22 года и 16% от 23 и старше).

Интересная ситуация в группах с разным материальным положением. Среди самых бедных и самых богатых отмечается самая большая дисперсия показателя. Если среди респондентов, отмечающих средние позиции материального положения, преобладают нейтральные оценки: интересуюсь лишь время от времени, мало интересуюсь, то крайние группы (те, кому денег не хватает на продукты питание и кто ни в чем себе не отказывает) чаще либо вообще не интересуются политикой, либо проявляют к ней очень высокий интерес.

Образование оказывает некоторое влияние на формирование интереса к политике. Доля интересующихся политикой выше среди людей с высшим образованием (62%, а среди тех, кто имеет начальное или среднее профессиональное образование — 46-47%).

Несколько выше уровень интереса к политике среди молодежи города Тюмени. Если отличий между городской (кроме Тюмени) и сельской молодежью практически нет, то в самом областном центре молодежь все же стремится хотя бы время от времени отслеживать основные политические события. Данная разница в оценках связана, скорее всего, с более высоким образовательным

уровнем молодежи города Тюмени. Среди опрошенных в Тюмени 30% отметили, что имеют высшее образования. Среди сельского населения лишь 10%.

Что касается форм участия в политической жизни, то подавляющее большинство лишь принимают участие в выборах. Всего участие в выборах принимает 51% опрошенных респондентов. Чуть меньше половины (43%) опрошенной молодежи заявили, что они никак не участвуют в политической жизни. В какие-либо другие формы участия в политической жизни вовлечено около 10% опрошенных: 4% участвуют в митингах, демонстрациях, пикетах, и по 2% отметили, что принимают участие в предвыборных кампаниях кандидатов, состоят в политических партиях или политических движениях, принимают участие в работе избирательных комиссий на выборах. Доля молодежи, участвующей в каких-либо формах политической жизни (кроме выборов) настолько мала (на уровне ошибки выборки в 3%), что невозможно сделать репрезентативный анализ какие группы молодежи оказываются наиболее вовлеченными в политическую жизнь региона.

Отношение к деятельности различных политических партий, объединений, организаций обрабатывалось из открытых вопросов путем группировки ответов. Оценивалось наличие политических убеждений у молодежи — через определение доли респондентов давших содержательный ответ на данные вопросы.

На вопрос «Какой из политических партий (политических объединений, организаций) современной России вы симпатизируете?» дали содержательный ответ менее половины опрошенных — 45% респондентов, остальные либо вообще не дали ответа (44%), либо отметили что им «это не интересно», «я их не знаю», 8% сказали, что нет таких партий, которым бы они симпатизировали.

Если рассматривать политические пристрастия молодежи, то на первое место со значительным отрывом выходит политическая партия Единая Россия. Ей симпатизирует практически треть опрошенных (см. рис. 4).

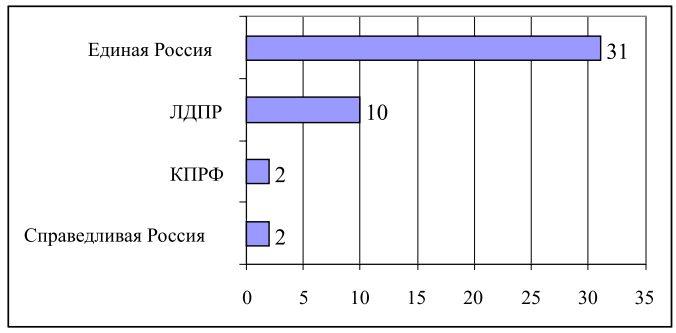


Рис. 4. Политические симпатии молодежи (в % от опрошенных)

Также был задан вопрос: «А какие из политических партий (политических объединений, организаций) современной России, по вашему мнению выражают интересы молодежи?». Доля давших ответ на этот вопрос еще ниже — 45% респондентов. Единая Россия опять же лидирует (см. рис. 5), но доля тех, кто считает, что данная партия выражает интересы молодежи ниже доли ей симпатизирующих.

Среди молодежи прозвучали мнения, что «нет таких партий, которые выражали бы интересы молодежи» (6%), «политические партии выражают в первую очередь свои интересы». Более половины опрошенных (порядка 60%) затруднились ответить на этот вопрос. Возможно именно тем, что молодежь практически не знает тех политических сил, которые бы выражали ее интересы, не чувствует поддержки какой-либо партии или политического движения (кроме партии власти), объясняется столь низкая политическая активность молодежи.

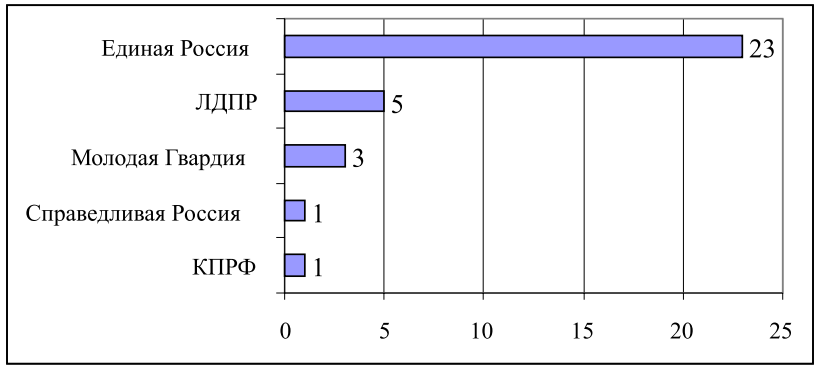


Рис. 5. Выразители молодежных интересов по мнению молодежи (в % от опрошенных)

Таким образом, можно отметить, что вовлеченность молодежи в политическую жизнь региона очень низка. Чрезвычайно низки показатели членства в партиях, политических движениях (2%). Отсутствие политических убеждений у большинства опрошенных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Манокина Т.В. Молодежь Тюменской области в зеркале социологии (по результатам научно-практических исследований 2008-2009 гг.). Молодежный информационно-аналитический центр. Тюмень, 2010.

В. В. Токарев

ВЛАСТЬ РЕГИОНА: ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЕМ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО ИТОГАМ ПРИКЛАДНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Власть (как система политических, правовых и экономических методов) должна быть нацелена на оптимизацию общественной деятельности людей и максимальное удовлетворение их потребностей. Управляющее воздействие высшей иерархической структуры реализуется через прямые связи с управляемой системой. Адекватность реакции на управляющее воздействие определяется информацией, поступающей по каналам обратной связи. Одним из таких каналов обратной связи являются опросы общественного мнения, в

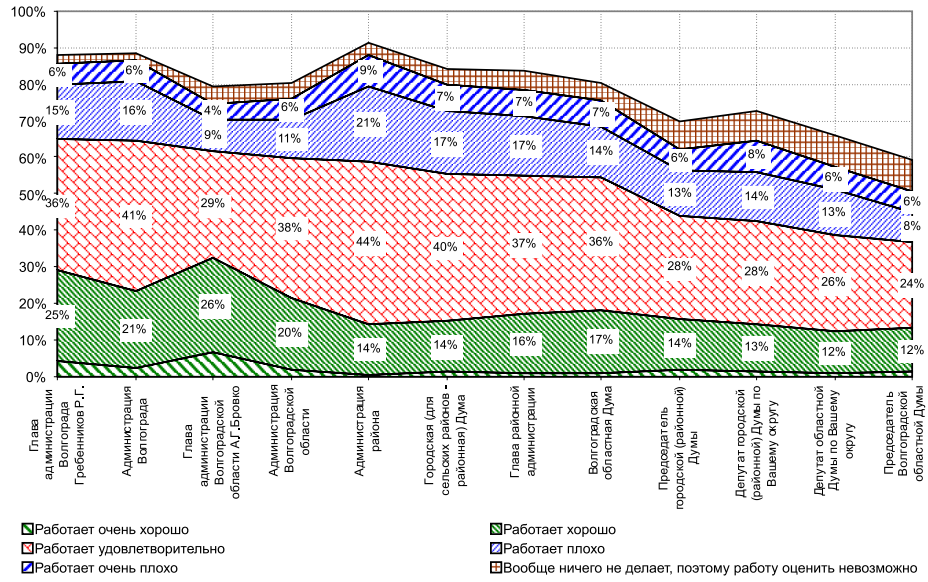
том числе по заказу органов власти. Примером подобного рода исследований может быть проект «Мониторинг общественно-политической ситуации в Волгоградской области», заказчиком которого выступил комитет по делам печати и информации Администрации Волгоградской области. Оно было проведено в ноябре — декабре 2010 года. Объект исследования — взрослое (в возрасте 18 лет и старше) население городов и сельских населенных пунктов Волгоградской области. Территория исследования — 49 населенных пунктов Волгоградской области. В ходе этапа исследования было опрошено 1637 респондентов. Максимальная статистическая погрешность вероятностной выборки такого объема при доверительном уровне 0,95 составляет 2.4%.

Один из блоков вопросов («N1») в интервью был посвящен выявлению мнений населения о деятельности органов власти различного уровня. Респондентам предлагалось оценить деятельность органов власти и их руководителей по «школьной» пятибалльной шкале («5» — «очень хорошо», «1» — «очень плохо»), которая была дополнена еще двумя позициями – «вообще ничего не делает, поэтому его работу оценить невозможно» (шкальное значение «0») и «не могу оценить работу, поскольку ничего об этом не знаю». В процессе обработки ответов респондентов, помимо собственно процентных распределений, рассчитывались следующие показатели:

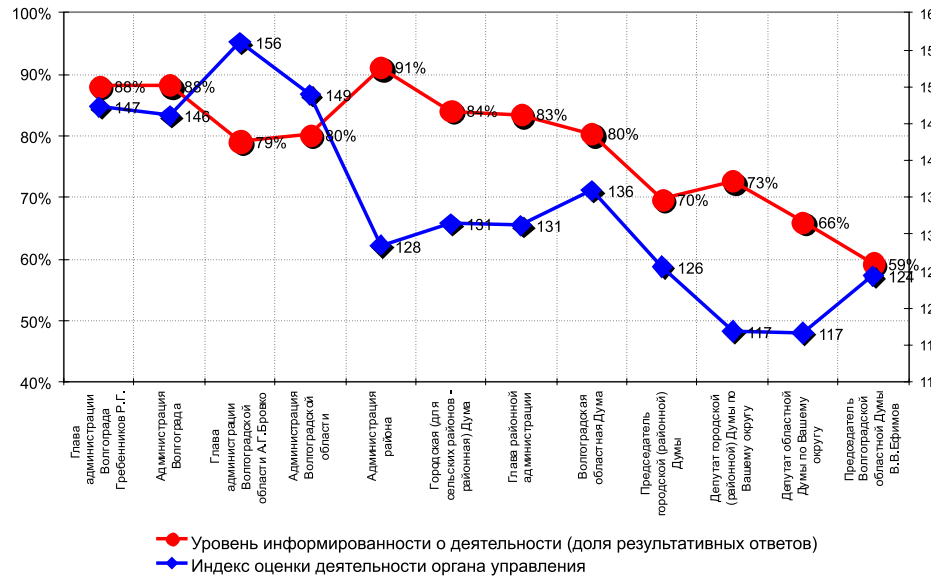
1. **«Уровень информированности»** о деятельности органа власти или его представителя. Уровень информированности определялся как сумма процентных показателей всех результативных ответов респондентов. Таким образом, показатель «уровень информированности — 75%» означает, что из каждых четырех респондентов три смогли оценить (не важно — положительно или отрицательно) работу органа власти, а один выбрал вариант ответа «Не могу оценить работу, поскольку ничего об этом не знаю».
2. **«Индекс оценки деятельности органа управления»** — безразмерный показатель, который показывает, насколько доля «положительных оценок» деятельности (работает «удовлетворительно», «хорошо» или «очень хорошо») превышает долю «отрицательных оценок» («вообще не работает», «работает очень плохо», «работает плохо»). Индексный показатель, равный 100 баллов, означает, что доли положительных и отрицательных оценок одинаковы, если индексный показатель больше 100, — доля положительных оценок оказывается больше, чем доля отрицательных.

Обработка данных, полученных в ходе исследования, показала, что жители Волгоградской области в большей степени информированы о деятельности областной (уровень информированности — 79%) и районных (91%) администраций, а также их руководителей, и меньше всего осведомлены о работе депутатов по своему округу (68%) и Председателя (56%) Волгоградской областной Думы. В целом можно говорить о довольно высоком общем уровне информированности населения области о деятельности органов власти различного уровня. Наиболее высоко жителями области оценивается деятельность главы областной администрации А.Г. Бровко (индекс оценки деятельности составля-

ет 169 пунктов). Практически на этом же уровне оценивается работа волгоградской и областной администраций (по 162 пункта). Самые низкие оценки деятельности получили представители муниципального управления районного уровня — администрации районов, их руководители и депутаты районных представительных собраний.

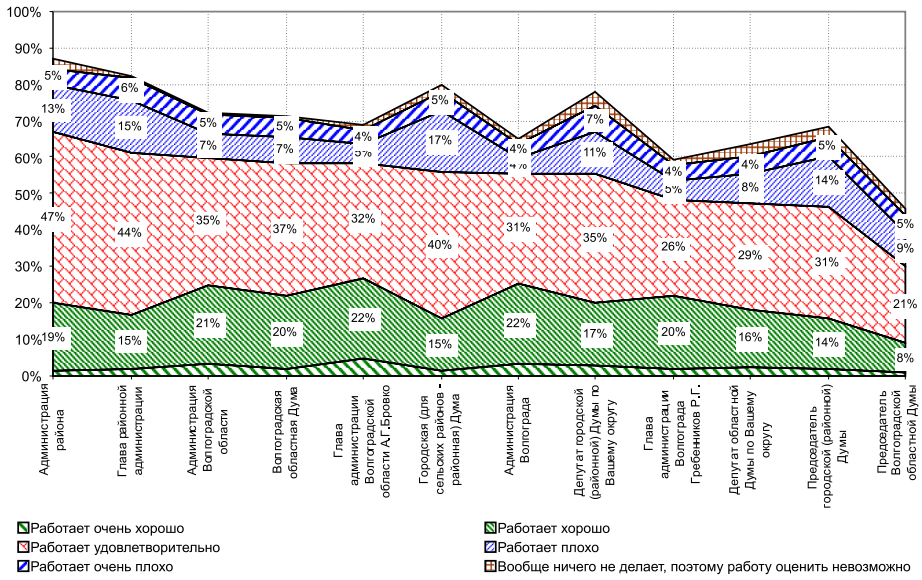


а) Распределение ответов респондентов на вопросы об оценке деятельности органов власти

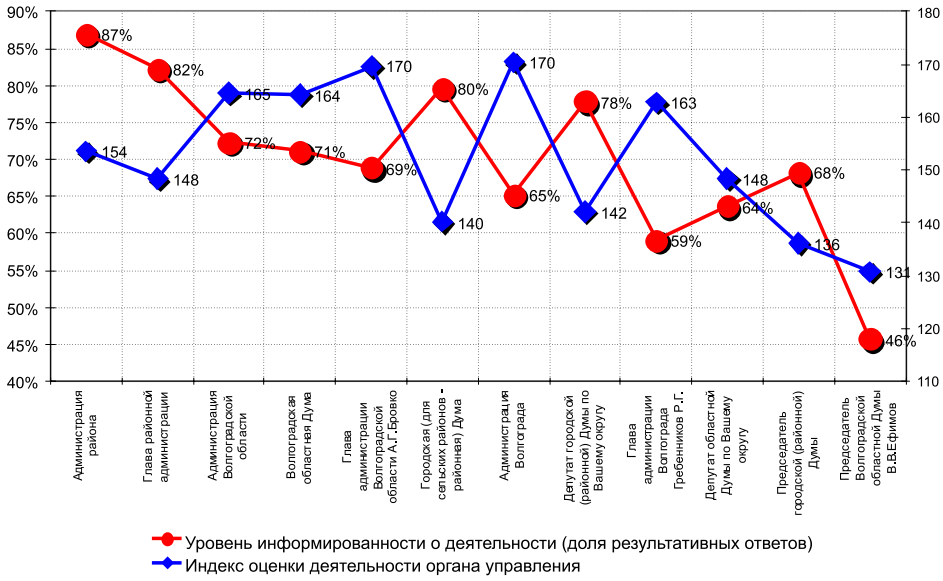


б) Индексные показатели

Рис. 1. Оценка жителями Волгограда, деятельности органоввласти различного уровня

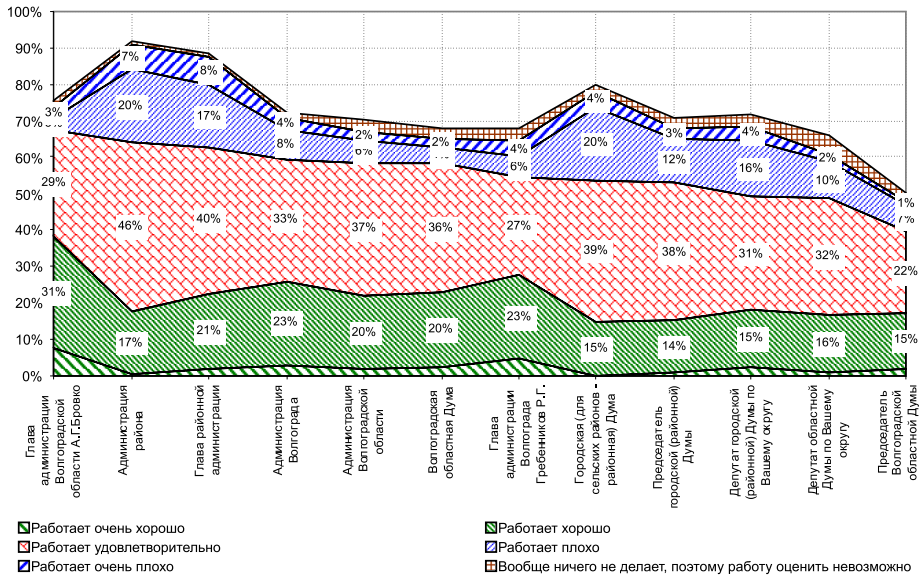


а) Распределение ответов респондентов на вопросы об оценке деятельности органов власти

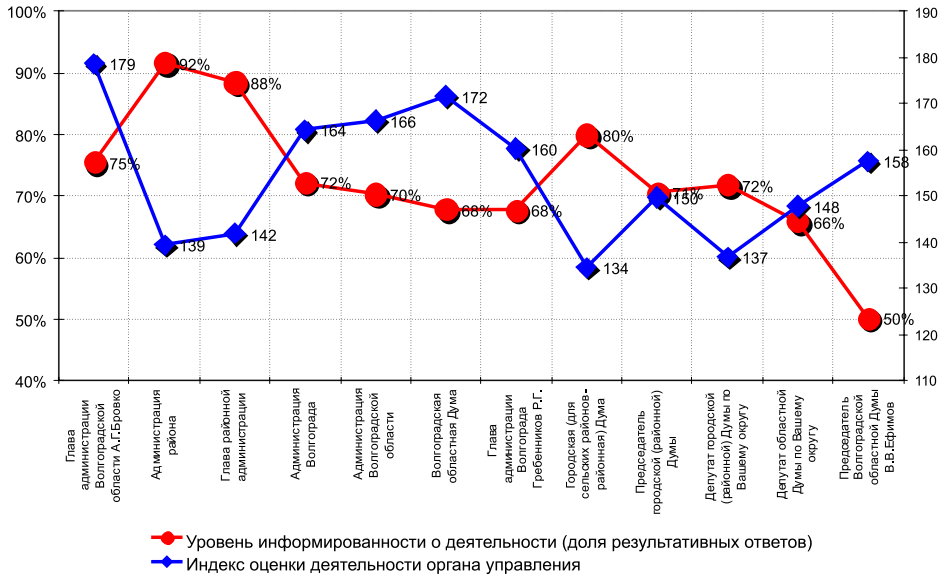


б) Индексные показатели

Рис. 2. Оценка жителями городов областного подчинения, деятельности органов власти различного уровня

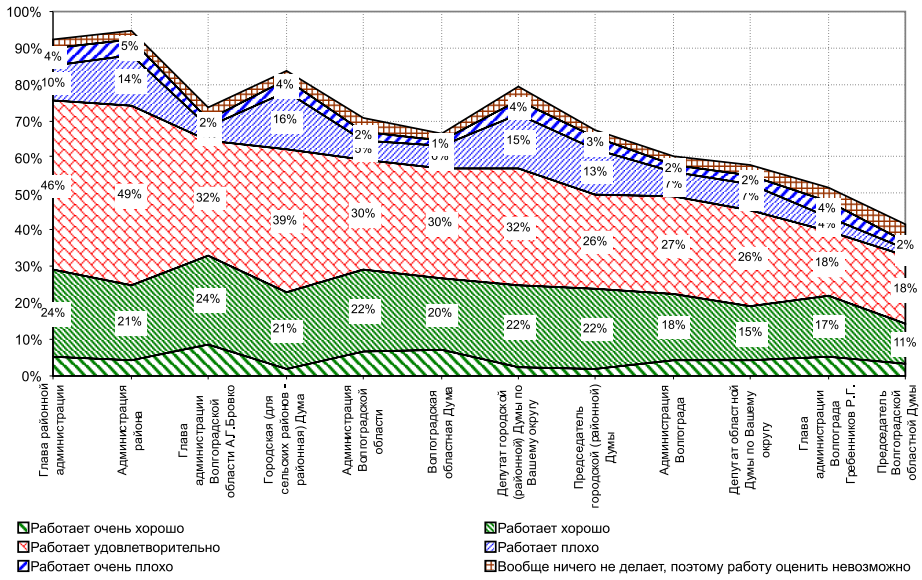


а) Распределение ответов респондентов на вопросы об оценке деятельности органов власти

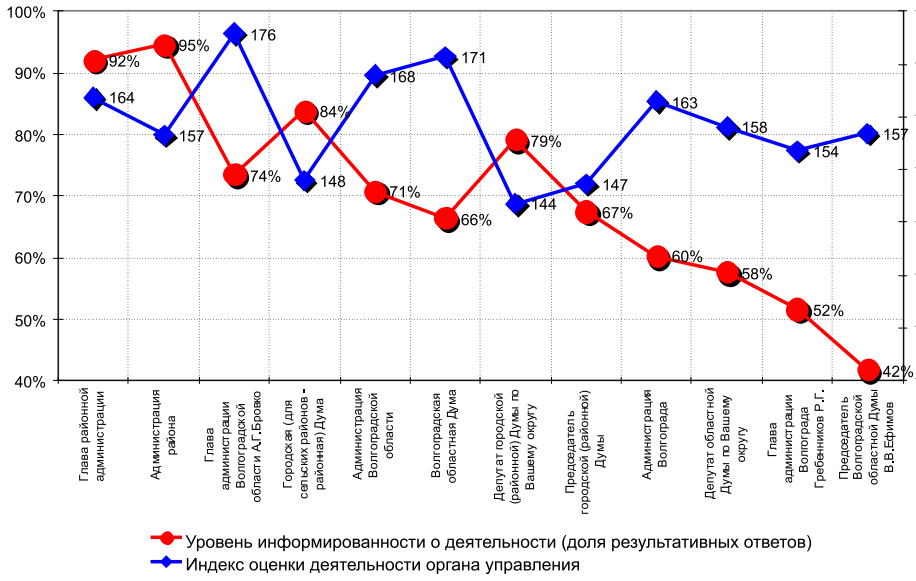


б) Индексные показатели

Рис. 3. Оценка жителями районных центров (кроме городов областного подчинения), деятельности органов власти различного уровня

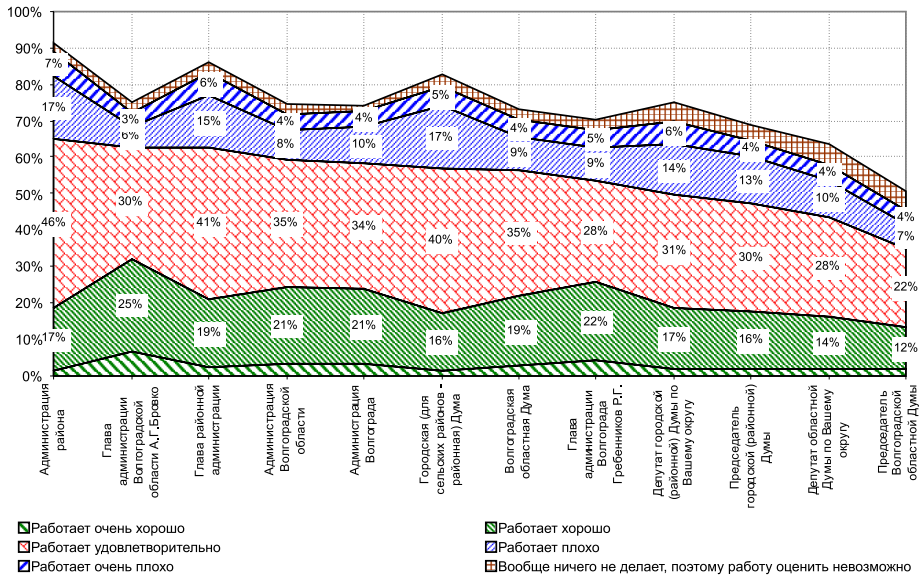


а) Распределение ответов респондентов на вопросы об оценке деятельности органов власти

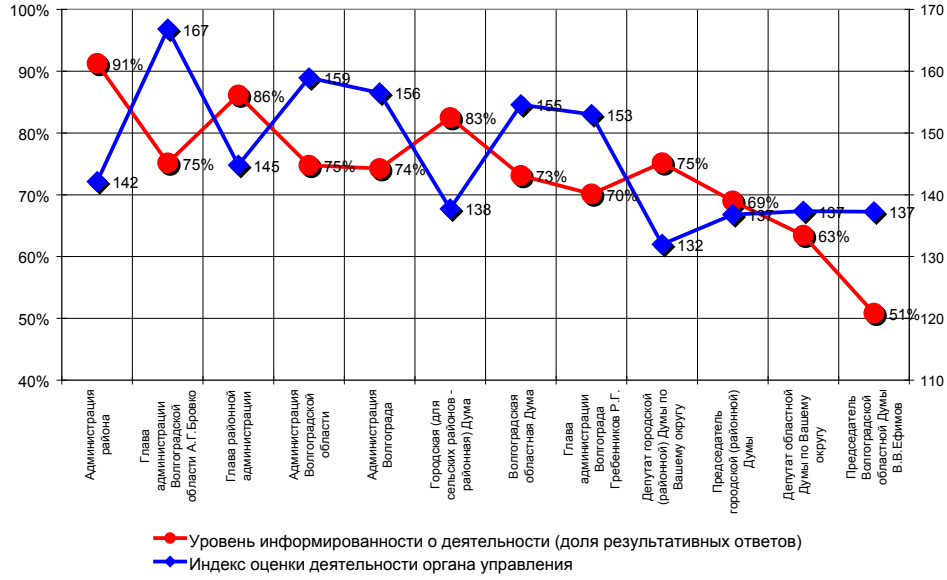


б) Индексные показатели

Рис. 4. Оценка жителями малых городов и сельских населенных пунктов, деятельности органов власти различного уровня



а) Распределение ответов респондентов на вопросы об оценке деятельности органов власти



б) Индексные показатели

Рис. 5. Оценка жителями Волгоградской области, деятельности органов власти различного уровня (в целом по массиву)

Анализ результатов, полученных в ходе исследования (см. рис. 1–5), позволяет сделать следующие выводы о характере отношения избирателей, проживающих на территории Волгоградской области, к органам власти различного уровня.

1. Жители области лучше информированы о деятельности администраций и их руководителей, чем о работе представительных органов власти и отдельных депутатов. В целом, деятельность структур исполнительной ветви власти оценивается избирателями выше, чем работа выборных представительных органов.
2. Уровень информированности о деятельности конкретных властных структур, а также оценки их деятельности существенно зависят от типа населенного пункта: а) в городах областного подчинения наблюдается резкое снижение уровня информированности о деятельности практически каждого из органов власти и их отдельных представителей; б) в районных центрах, малых городах и сельских населенных пунктах существенно снижается информированность о работе исполнительных и законодательных органов власти Волгограда, но информированность о деятельности губернатора области и его администрации, как и информированность о местных органах власти, находится на самом высоком уровне; в) наиболее требовательно по отношению к деятельности органов власти различного уровня настроены жители Волгограда — их оценки деятельности каждой из структур находятся ниже, чем оценки жителей всех остальных территорий. Благожелательнее остальных респондентов настроены жители сельских поселений, а также районных центров.
3. В целом, деятельность всех органов управления и их руководителей оценивается избирателями «умеренно–положительно» (общее количество нейтральных и положительных оценок превышает количество отрицательных оценок).
4. Наиболее высоко жителями почти всех территорий области оценивается деятельность нынешнего губернатора. Единственное исключение составляют жители городов областного подчинения, которые чуть выше, чем работу губернатора, оценивают деятельность администрации Волгограда.

А. Д. Трахтенберг

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВЛАСТИ И ПЕРЕХОД К ЭЛЕКТРОННОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ

Во всем мире на электронное правительство возлагаются большие надежды, связанные с кардинальным повышением качества государственного управления. Не случайно переход к электронному правительству определяется как одна из приоритетных целей ООН в рамках более общего процесса построения глобального информационного общества. Можно говорить о формировании этатистского дискурса электронного правительства, в котором оно определяется через нормативные цели, которых призвано достигнуть: «вдохнуть новую жизнь в государственную администрацию, перестроить государственное

управление, способствовать приближению руководства к гражданам (inclusive leadership) и повысить эффективность, прозрачность и подотчетность в деятельности органов власти» [6, 1].

Международный этатистский дискурс электронного правительства воспроизводится в России в целом ряде правительственных документов самого высокого уровня, таких, как «Стратегия развития информационного общества в России» [5]. Однако в центре внимания отечественных разработчиков оказывается не столько «inclusive leadership», сколько использование ИКТ для координации и контроля над деятельностью органов власти различных уровней путем создания единой телекоммуникационной инфраструктуры. Безусловно, «узкоадминистративная» интерпретация глобального этатистского дискурса не является единственной. Например, разработчики «Системного проекта формирования в Российской Федерации инфраструктуры электронного правительства» возвращают в дискурс «бюрократии без трений» гражданина. В «Системном проекте» под электронным правительством понимается такой способ организации деятельности федеральных и региональных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, при котором «обеспечивается повышение качества государственного управления, понимаемого как степень соответствия деятельности государственных органов исполнительной власти легитимным интересам граждан Российской Федерации» [4].

Проблема состоит в том, что между «легитимными интересами граждан Российской Федерации», как понимают их разработчики инфраструктуры электронного правительства, и тем, как представляют свои интересы сами граждане (не слишком задумывающиеся об их легитимности), существует значительный разрыв.

Многочисленные социологические опросы показывают, что пока жители России явно предпочитают традиционное личное общение взаимодействию с органами власти в электронном виде. Например, по результатам опроса ВЦИОМ, проведенного весной 2010 г., примерно три четверти (73,0%) респондентов в возрасте от 25 до 59 лет в курсе, что государственные услуги собираются переводить в электронный вид, но только четверть (25,0%) заявила о том, что предпочтет электронное обращение через Интернет традиционному личному обращению в органы власти. 42,0% заявили, что их устраивает только личное обращение, а остальные не имеют определенного мнения по данному вопросу [3].

Данный вывод подтвердился в ходе социологического опроса, проведенного нами в Уральском федеральном округе в июне 2010 г. (Объем выборки — 1 500 человек. Более подробно результаты представлены в [1]). Около половины респондентов старше 18 лет (48,2%) заявили, что в случае наличия выбора однозначно предпочли бы обращаться в органы власти лично, а не по Интернету. Еще 30,3% хотели бы иметь выбор, как обращаться — через Интернет или лично, и только 16,5% однозначно указали, что предпочли бы взаимодействовать с органами власти исключительно в электронном виде.

Чтобы определить мотивы, по которым респонденты принимают предварительное решение о пользовании электронными услугами, нами была проведена

серия фокус-групп в городах Уральского федерального округа, посвященных переходу к электронному правительству. (Для написания данной статьи были использованы результаты фокус-групп, проведенных в гг. Первоуральск и Нижний Тагил Свердловской области с представителями работающих и неработающих групп населения в рамках гранта РФФИ — «Урал» / РГНФ -«Урал» 10-03-83304а/У. Аналогичные результаты были получены еще в шести городах федерального округа).

Граждане были согласны с тем, что переход к оказанию государственных услуг в электронном виде повысит оперативность их предоставления. Однако, позитивно оценив возможности будущих электронных услуг, участники фокус-группы тут же начинали выражать сомнения. Приведем характерный фрагмент диалога:

— *Я не уверен. Очень плохо, что нельзя отследить, как будет рассматриваться твоя заявка в процессе. Вообще никак не отследить, отправил ты и не знаешь, прочитают это вообще или нет! (Нижний Тагил, мужчина, студент, 26 лет.)*
— *Ну, уведомление будет… (Нижний Тагил, мужчина, часовой мастер, 36 лет)*
— *Уведомление уведомлением, это механическое просто со стороны. А может читать они его не будут, галочку только поставят и удалят! (Нижний Тагил, мужчина, студент, 26 лет).*
— *Когда идешь от кабинета к кабинету, есть хоть какой-то контроль. (Нижний Тагил, мужчина, рабочий, 40 лет).*

В данном случае под «контролем» понимается типичная «стратегия слабых» — возможность при непосредственном личном контакте вызвать у представителя власти неформальное отношение к просителю, пробудить сочувствие и тем самым способствовать выполнению просьбы. Участники фокус-групп были ориентированы на использование данной стратегии вне зависимости от пола и возраста. Им было важно иметь возможность общаться с чиновником «как с человеком», а не как с исполнителем некоторой формальной функции:

«Если что-то конкретно тебе нужно, да, то мне кажется, в Интернете писать — это еще меньше вероятность, что тебе ответят и что вообще, твоей проблемой займутся… Труднее отказать, когда ты с глазу на глаз общаешься с человеком, чем вот так. Хотя чиновники — это другие люди. Им хоть по Интернету, хоть как, им без разницы. Но все равно… Хотя бы запомнить лицо человека, который тебе отказал. Вдруг еще пригодится. Я бы предпочла лично» (Первоуральск, женщина, студентка, 20 лет).

«На данный момент я бы лучше вживую пошел. Потому что когда человек с человеком общается, смотришь ему в глаза, и общение идут уже более-менее нормально. И ты, действительно, может быть, не получиться у тебя чего ты хочешь, но, по крайней мере, тебя обнадежат. И ты уйдешь, хоть нервов не потратишь. А тут ждать, как эта бумажка пройдет, что с ней будет, это… Бумажка есть бумажка». (Первоуральск, мужчина, бывший сотрудник градообразующего предприятия, 68 лет).

В этих высказываниях воспроизводится точка зрения просителя, использующего при взаимодействии с представителями органов власти разнообразные стратегии, призванные вызвать у тех неформальную реакцию на обращение и в силу этого ориентированного на максимально тщательное «считывание» эмоций собеседника и попытки манипулировать этими эмоциями (как сформулировала одна из участниц, можно «где-то и слезу пустить»). Взаимодействие с органами власти через Интернет не дает возможности использовать эту базовую стратегию, отсюда утверждения о его «бездушности» и опасения окончательно утратить контроль над процессом взаимодействия с представителями власти.

Можно говорить об определенном расхождении общественного запроса на электронные услуги и «государственного предложения». Предложение ориентировано на идеал веберовской «рациональньной бюрократии» и направлено на максимальную анонимизацию предоставления услуг и уменьшение числа личных контактов государственных служащих с гражданами. Запрос, наоборот, формируется на основе стратегии, направленной на превращение бюрократа в «просто человека», не имеющей с веберовским идеалом ничего общего.

Характерно, что важнейшим аспектом электронного правительства для участников фокус-групп была возможность личного взаимодействия с высшими лицами государства в обход бюрократический иерархии. Само по себе такое взаимодействие является неотъемлемым элементом отечественной управленческой традиции, и неоднократно описывалось в работах, посвященных социальной истории советского общества, как отечественными (Е.В. Николаенко, В.В. Кабанов, В.А. Козлов, Н.Н. Козлова, О.Л. Лейбович, А.Я. Лившин, И.Б. Орлов, Е.Н. Рощепкина, Е.В. Суровцева, О.В. Хлевнюк), так и зарубежными (Н. Верт, В. Голдман, Дж. Гросс, Дж. Истер, Л. Сигельбаум, Ш. Фитцпатрик) исследователями. Личное обращение к представителям власти («письмо во власть») является формой «типового контракта Жителя с Властным Лицом» [2; 31], обеспечивающим информационное основание при принятии властных решений.

Подчеркнем, что обсуждение проблем электронного правительстве стихийно переходило в русло «писем во власть» во всех фокус-группах серии. Приведем диалог, в котором участвовали жители Екатеринбурга, пытавшиеся самостоятельно определить, что такое «электронное правительство», где был осуществлен типичный переход:

— *Я поняла про электронное правительство! По-моему, вчера по телевизору было, что в каком-то городе, не помню… Не буду врать, какой город. Там электронное правительство ввели, по-моему. Да, [говорили], что можно справку получить очень быстро! (Екатеринбург, женщина, домохозяйка, 35 лет)*

— *Может быть, мэр у нас будет в электронном виде. Можно будет ему какие-то жалобы подавать. (Екатеринбург, женщина, медицинская сестра, 39 лет)*

— *Да у нас и сейчас мэру можно, пожалуйста, писать. Только вот кто за него отписывается? (Екатеринбург, женщина, домохозяйка, 35 лет)*

При этом «письма во власть» в одобрительном контексте упоминались всеми участниками фокус-групп, вне зависимости от возраста:

«Есть сайт «Президент РФ» и там существует его блог, куда ты можешь оставить комментарий, что-то написать, свое мнение какое-то оставить. С одной стороны хорошо, что ты знаешь, что до Президента все равно это как бы дойдет, хотя бы даже секретарю, и то приятно. И то, что каждый может написать, это очень хорошо. То есть, нет никаких ограничений, любой человек нашей страны может свободно написать. Конечно, это все пройдет цензуру, но все равно это как бы плюс. Но, с другой стороны, минус тот же самый, нас-то много, а он один! А помимо наших проблем, у него есть государственные проблемы страны. Он же не сидит, не отдыхает, не ждет наших писем. И тут надо и тут, и тут, и тут, бешеный ритм жизни. Просто может быть не до нас, может быть что-то важнее. Поэтому нестыковочка!» (Нижний Тагил, мужчина, студент, 26 лет).

«Где справедливость? Я бы хоть у Президента бы спросил. Главное — чтобы жалобу я мог передать свою. Согласны с этим? Если насчет Президента, я лучше, конечно, по электронной [почте] отправлю. Я его вживую увижу, я сразу двух слов сказать не смогу. Это же все-таки Президент!» (Первоуральск, мужчина, бывший рабочий градообразующего предприятия, 70 лет).

Таким образом, пока в России во многом сохраняется традиционная «дорациональная» модель взаимодействия граждан с органами власти с помощью «стратегий слабых», основанных на стремлении перейти от формального взаимодействия с представителями власти к неформальному, а также напрямую обратиться на самый высший уровень власти. Оперативные, качественные, но анонимные электронные государственные услуги не укладываются в эту схему. Остается надеяться, что переход к электронному правительству даст толчок модернизации традиционного отношения граждан и власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. Электронное правительство и граждане: результаты комплексного социологического исследования в Уральском федеральном округе. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2010. 184 с.
2. Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М.: Российская политическая энциклопедия; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2010. 344 с.
3. Россияне еще не привыкли к электронным чиновникам. [Электронный документ]. Режим доступа: http://rumetrika.rambler.ru/review/2/4226. Последнее обновление 15.04.11.
4. Системный проект формирования в России инфраструктуры электронного правительства. [Электронный документ]. Режим доступа: http://www.bftcom.com/upload/smi/Systemniy%20proekt.pdf. Проверено 15.04.11.
5. Стратегия развития информационного общества в России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rg.ru/2008/02/16/informacia-strategia-dok.html. Проверено 15.04.11.
6. United Nations E-Government Survey 2010: Leveraging E-Government at a Time of Financial and Economic Crisis. UN Department of Economic and Social Affairs. 2010. 126 p. [Электронный документ]. Режим доступа: http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan038851.pdf. Проверено 15.04.2011.

И. И. Трубина, Э. В. Миндзаева, А. В. Борзова

РЕГИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА ПРОФИЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ

Современный этап развития российского и мирового образования характеризуется сменой образовательных парадигм, открытой личностно ориентированной системой обучения. В соответствии со стратегическим направлением реформирования современного образования, которое отражено в Концепции модернизации российского образования до 2010 года, наблюдается эволюционный процесс смены приоритетов от усвоения большого количества готовых знаний к самостоятельной познавательной деятельности в условиях быстро изменяющейся информационной среды.

Одним из ключевых направлений модернизации является совершенствование методической системы обучения. По определению А.М. Пышкало, под методической системой понимают совокупность пяти иерархически взаимосвязанных компонентов: целей, содержания, методов, организационных форм и средств обучения.

Совершенствование методической системы начинается, прежде всего, с переосмысления целей образования. Сегодняшние требования к формированию личности предусматривают, прежде всего, формирование человека, способного к целостному видению мира, который в состоянии дать ценностную характеристику различных проявлений естественнонаучного и гуманитарного знания. Таким образом, важнейшим направлением перестройки системы образования должны стать его гуманизация и гуманитаризация.

Достижение этой цели подразумевает изменение форм и методов обучения, приведение их в соответствие с общими гуманистическими целями образования. Одним из важнейших средств решения поставленной задачи является индивидуализация и дифференциация обучения.

Дифференциация обучения в большинстве стран Запада является ведущим организационным принципом общеобразовательной школы, при этом понятие дифференциации охватывает все организационные и методические устремления, направленные на учет индивидуальных талантов, способностей и склонностей, интересов каждого учащегося или группы учащихся внутри одной школы или класса.

В основе почти всех форм дифференциации лежит принцип разделения по умственному развитию, успеваемости, отношению к труду, интересам и склонностям. Большинство отечественных исследователей, в частности, А.А. Кирсанов, Н.К. Гончаров, И. Унт, В.А. Гусев и др., исходят из того, что традиции отечественной школы не допускают дифференциацию учащихся по способностям, как это характерно для многих зарубежных школ, и в качестве основных показателей для дифференциации учащихся должны быть: уровень знаний, умений и навыков, познавательные интересы, специальные способности и др.

В настоящее время в мировой практике накоплен значительный опыт дифференцированного обучения. Это касается, прежде всего, обучения предметам естественного и математического циклов: математике, физике, химии и др. Соз-

дание в 1959 году по инициативе С.И. Шварцбурда первой в нашей стране школы с углубленным изучением математики положило начало широкой практике создания специализированных школ, школ-интернатов, классов с углубленным изучением ряда предметов, в которых осуществлялся дифференцированный подход к обучению школьников.

Несмотря на большое разнообразие дифференцированных форм обучения, дифференциация как таковая может проявляться в двух основных видах. Первый из них заключается в том, что, обучаясь в одной школе, одном классе, по одной программе, школьникам задается разный уровень усвоения данного материала. При этом считается обязательным достижение определенного обязательного уровня подготовки.

Второй основной вид дифференциации — это дифференциация по содержанию. Он заключается в том, что разные группы учащихся обучаются по разным программам, которые могут отличаться не только по степени проработки отдельных тем, но и номенклатурой рассматриваемых вопросов. Такой вид дифференциации называется профильной дифференциацией.

Разумеется, в реальном учебном процессе оба этих вида дифференциации переплетаются и дополняют друг друга. Так, например, в школьной практике Германии выделяются следующие виды дифференциации:

— внутренняя дифференциация — методическая организация процесса обучения внутри курсовой системы, т.е. речь идет о дифференцированной постановке задач обучения, выборе методов, средств, форм педагогической помощи учителя;
— дидактическая дифференциация — это виды формальной организации учащихся для выполнения определенной учебной задачи: индивидуальный, партнерский, групповой, смешанный способы;
— вертикальная дифференциация — это распределение по курсам учащихся с различным уровнем успеваемости по таким предметам, как математика, родной и иностранный языки;
— горизонтальная дифференциация — распределение учащихся по принципу одинаковой успеваемости по всем учебным предметам.

В системе образования Франции все школьники после окончания начальной школы продолжают обучение в первом, обязательном цикле средней школы — колледже, который является единым типом массовой средней школы. В нем ликвидировано существовавшее ранее деление на классическое и реальное отделения. В первые два года обучения в колледже ученикам дается «цикл наблюдений», т.е. цикл предметов, необходимых всем учащимся независимо от их склонностей. Три последующих года идет «цикл ориентации», т.е. дифференцированное обучение, которое осуществляется, в основном, с помощью факультативных дисциплин. Этот цикл рассчитан прежде всего на тех учеников, которые в дальнейшем мыслят продолжать обучение.

В США уже давно сложилась многопрофильная школа с тремя потоками: академическим, профессиональным и общим. Внутри этих потоков существуют четыре основных типа программ: А («академическое образование»),

В («коммерческое образование»), С («эстетическое образование»), Д («практическое образование»). Для дифференциации школьников широко используется тестовая система и подсчет коэффициента IQ.

В отечественном образовании проблемы дифференциации всегда были предметом всестороннего изучения. Например, исследования, проведенные в НИИ школ Министерства образования Российской Федерации (Ю.М. Колягин, М.В. Ткачева и др.), еще в 1990-х годах позволили выделить следующие основные принципы профильной дифференциации:

- вводить обучение по профилю целесообразно лишь тогда, когда школьники получают необходимое базовое образование и утвердятся в своих склонностях;
- на старшей ступени обучения следует обеспечить возможно большее количество направлений обучения или продолжения образования через широкую систему учебных заведений различных типов;
- по каждому учебному предмету целесообразно объединять различные направления обучения в блоки по принципу сходства целей и задач обучения в этих направлениях для создания единых программ для каждого блока;
- при составлении программ и учебников следует учитывать возрастные особенности подростков, склонных к данному виду деятельности, и в то же время не исключать возможности изменить профиль обучения подростку при ошибке в его выборе.

Новый импульс развитию системы профильного обучения дала Концепция профильного обучения (А.А. Кузнецов, С.С. Кравцов, А.А. Пинский, М.В. Рыжаков и др.), разработанная в рамках нового образовательного стандарта (2004 г.). В ней подчеркивалось, что проблема подготовки молодого поколения к приобретению профессионального образования является одной из важнейших задач общеобразовательной школы. При этом подчеркивалось, что значительная часть выпускников общеобразовательной школы в ближайшие годы будет стремиться к получению профессионального образования в высшей школе, главным образов в университетах (технических, гуманитарных или же классической ориентации). Так, например, уже сегодня около 90% выпускников первой средней школы Японии (9-летнее образование) переходя во вторую среднюю школу, где начинается их профессиональная ориентация, предпочитают направление, связанное с подготовкой их поступления в университет.

Для перехода российской экономики на инновационный путь развития, основанный на новых технологиях и более эффективной интеграции образования и науки, крайне необходимо, чтобы уже на уровне общеобразовательной школы молодое поколение получало не только основы фундаментальных знаний о природе, обществе, развитии науки, техники и экономики, но и формировало у себя также и новые обобщенные способы деятельности, которые затем будут востребованы в процессе получения высшего профессионального образования.

Система профильного обучения, согласно названной концепции, строится на основе курсов на базовом и профильном уровнях, а также элективных курсов, которые углубляют и расширяют эти курсы. В учебном плане (БУП) 2005 года, который реализует Концепцию профильного обучения, приведена структура двенадцати типовых профилей, которые могут быть выбраны учебным заведением. При этом учебное заведение может создать свой профиль, в дополнении к типовым профилям.

Региональная система профильного обучения с необходимостью заключает в себе диалектику мировой тенденции глобализации, стратегии развития российского образования и необходимостью учета и сохранения особенностей национального менталитета, культурных и образовательных традиций данного региона России. В настоящей работе предпринята попытка учесть эту диалектику при построении региональной методической системы профильного обучения. Общие подходы построения этой системы, принятые в данной диссертации заключаются в следующем.

Традиционная методическая система относительно эффективно функционирует в условиях стабильной централизованной системы образования. Названные диалектические противоречия приводят к необходимости учета множества внешних факторов, которые превращают методическую систему в инструмент информационного обмена личности с окружающим миром, а образовательная среда трансформируется в многокомпонентную информационно-образовательную среду. Это приводит к необходимости рассматривать методическую систему в более широком контексте, чем у А.М. Пышкало, поскольку «жесткая» структура методической системы не учитывает возможные изменения и взаимосвязь всех ее компонентов в процессе функционирования.

Важность различия «жестких» и «мягких» моделей было подчеркнуто, в частности, выдающимся математиком современности В.И. Арнольдом, который показал, что в гуманитарных областях более естественными и информативными являются именно «мягкие» модели. Эти модели не столь формализованы, как большинство «жестких» моделей. Тем не менее, на основе мягких моделей можно достаточно точно строить прогнозы относительно поведения моделируемого объекта.

Рассмотрению названной проблемы были посвящены работы В.В. Лукина, Т.Ю. Китаевской, В.И. Аршинова, М.В. Рыжакова и др. Именно такая «мягкая» модель и положена в основу построения региональной системы профильного обучения. В частности, в докторской диссертации М.В. Рыжакова, обосновано, что современные образовательные процессы целесообразно рассматривать с позиций нелинейной динамики, созданной в середине XX века трудами лауреата Нобелевской премии И.Р. Пригожина, И. Стингерса, Г. Хакена и др. В этой теории подчеркивалась важность рассмотрения открытых систем и процессов, протекающих в них.

Региональная методическая система профильного обучения не определяется как структура с заранее прописанными компонентами и связями, а определяется как становящаяся среда, в которой всегда есть место творчеству — новому содержанию, методам, формам и средствам обучения. Федеральная концепция

профильного обучения регламентирует рамки развития системы обучения и носит в основном рекомендательно-нормативный характер. Напротив, региональная система профильного обучения должна быть максимально свободной (разумеется, внутри отведенных рамок). Соединение этих двух начал позволяет, по нашему мнению, построить полноценную систему профильного обучения.

Таким образом, при построении методической региональной системы профильного обучения не столько определить номенклатуру и содержание профильных учебных курсов, сколько раскрыть механизмы, позволяющие творчески работающим учителям стать соавторами региональной методической системы профильного обучения.

С. Н. Ухалова

КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ФЕНОМЕНА РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Усиление религиозных настроений современного общества — неизбежное следствие кризисных явлений в социальной, экономической, политической, духовной сферах. Сегодня мы наблюдаем процессы изменения «секулярного поля», изменение соотношения между религиозными движениями, процессы этноконфессионального разъединения народов [1; 96]. Религиозная ситуация характеризуется прежде всего показателями религиозности и религиозной (конфессиональной) идентичности населения.

В современных исследованиях проблема религиозной идентичности приобретает актуальность в силу того, что традиционное понятие «вероисповедание» не охватывает все грани религиозной принадлежности [2; 285-291]. Российское религиоведение предлагает такое определение: «Религиозная идентичность — категория религиозного сознания, содержанием которой выступает осознание причастности идеям и ценностям, которые в данной культуре принято называть религиозными, а также осознание принадлежности к конкретной форме религии и религиозной группе» [3; 863].

Категория принадлежности определяется как субъективная причастность к группе. В проводимых социологических исследованиях религиозная идентификация происходит номинально: респондент, называя себя верующим, сам определяет принадлежность к религиозной конфессии. Показательно, что значительная часть респондентов идентифицирует себя с той или иной религиозной группой в культурно-традиционном аспекте, так как разделяет ценности, традиции, стереотипы поведения и многое другое, обусловленное исторической ролью конфессии в этнической культуре [4; 35-45].

Религиозная идентичность представляется в двух аспектах: культурной и собственно конфессиональной. «Культурные характеристики … выступают внешней оболочкой, соприкасающейся с социумом, а собственно религиозная составляющая (в узком смысле слова) остается в латентном состоянии, образуя сакральное ядро новой идентичности» [5; 144-145].

Таким образом, имеет смысл говорить о типах религиозной идентичности. Используя классификацию православной идентичности, предложенную С.В. Рыжовой [5; 145-147], можно представить типы религиозной идентичности в следующей иерархии. Первый тип — вне-институциональная религиозная идентичность. Дается по самоопределению индивида, который не интегрирован в определенную конфессиональную группу, но относит себя к ней. Второй тип — групповая религиозная идентичность. Формируется в результате социализации в конфессиональной группе (через приобщение к религиозным нормам), определяет и поддерживает чувство психологической безопасности. Третий тип — индивидуально-личностная религиозная идентичность. Складывается в результате личного религиозного опыта и приводит к некой мистификации и аскетичности. Четвертый тип — социально-личностная религиозная идентичность. Определяется как открытость к социальному взаимодействию через личный религиозный опыт, сформированность миротворческой позиции по отношению к социуму.

Выделение четырех типов религиозной идентичности основывается на том, что религиозное сознание и религиозный опыт не идентичны друг другу, «религиозный мистический опыт по определению не может быть групповым, а религиозное сознание, напротив, может огруппляться» [5; 148].

Подавляющее большинство верующих, относящих себя к той или иной конфессии, относятся к первому типу религиозной идентичности. Одна из причин того, что широкий круг людей религиозно себя идентифицирует, но не включается в активную религиозную практику, — безразличие к сугубо богословским проблемам [6; 13]. В сознании людей доминируют культурно-нравственные нормы. В таком виде религиозная идентичность тесно связана с другими идентичностями, прежде всего с этнической и гражданской. В одних случаях религиозная идентичность выступает как составляющая этнической идентичности, в других — этноконфессиональной [7,8].

Если говорить о субъективных причинах и социальной обусловленности идентификационных процессов, то иерархия факторов определения религиозной принадлежности включает в себя: 1) индивидуальный биографический опыт и обстоятельства личной жизни (представления о Боге и формирование социальной идентичности начинаются с семейных представлений) [9; 197-198]; национальное самосознание (не только как определение своего этноса, но и идея разделения судьбы своего народа, связь личностного самосознания с историческим прошлым народа, следование традициям и национальному образу жизни) [8; 65-83]; 3) гражданская идентичность (гражданская направленность стала проявляться в условиях крушения идеологии, когда для одних народов распад советской идентичности стал восприниматься как условие психологического проигрыша, для других — идея торжества справедливости и этнического возрождения; кризис доверия к власти заставил людей искать новые авторитетные социальные институты, в том числе религиозные) [5; 148-149].

Необходимо понимать, с чем именно идентифицирует себя личность, в чем это проявляется. Исследования религиозности отечественными социологами подтверждает ее амбивалентный характер. «Россия остается страной светской,

а приверженность к определенным конфессиям зачастую выступает как способ идентификации с определенной культурной традицией, чем проявлением веры в Бога, поэтому и граница между верующими и неверующими не является непреодолимой» [10; 228-229].

Таким образом, религиозная идентичность сегодня носит черты культурной идентичности. Проявляется это в том, что культурная идентичность оказывается шире, чем собственно религиозная идентичность. Конфессиональная самоидентификация направлена в сторону культурной идентичности по разным причинам: идеологический вакуум, слабость гражданского сознания, феномен исторической памяти. Религиозная идентичность выступает концентрированным выражением мировоззрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кублицкая Е.А. Особенности религиозности в современной России // Социологические исследования. 2009. № 4.
2. Бондаренко О.В., Леонова М.С. Религиозная идентичность: экспликация понятия // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 6.
3. Религиоведение. Энциклопедический словарь. М.: Академический проспект, 2006.
4. Филатов С.Б., Лункин Р.Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. 2005. № 6.
5. Рыжова С.В. О соотношении православной идентичности и гражданского сознания // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М.: Издательство института социологии РАН, 2006.
6. Мчедлов М.П., Кудряшова М.С. Методология исследования взаимосвязи веры и этноса // Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания. М.: Культурная революция, 2007.
7. Мчедлов М.П. Религиозная идентичность. О новых проблемах в межцивилизационных контактах // Социологические исследования. 2006. № 10.
8. Пучков П.И. Этноконфессиональные общности // Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания. М.: Культурная революция, 2007.
9. Ипатова Л.П. Православная идентичность как персональный портрет // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М.: Издательство института социологии РАН, 2006.
10. Кофанова Е.Н., Мчедлова М.М. Религиозность россиян и европейцев // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 4.

Ш. Ф. Фарахутдинов

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ КАК ФАКТОР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Практика проведения социологических исследований становится в последнее время все более актуальной в плане прикладного применения в управленческой деятельности. Основным направлением проведения социологических исследований является изучение общественного мнения по различ-

ным сферам человеческой жизнедеятельности. Степень развитости изучения общественного мнения во многом определяет степень развитости современного общества, показывает уровень демократии в социуме. Любые управленческие структуры должны учитывать общественное мнение при принятии важных решений. Учитывая что в структуру общественного мнения входят массовые настроения, эмоции, чувства, а также формализованные оценки и суждения, можно сказать что лишь эта форма обратной связи в системе социального управления является наиболее объективной и соответствует потребностям субъекта управления.

По мнению Д.П. Гавра власть должна максимально широко обращаться к общественному мнению за оценками, консультацией, советом, поддержкой и т.п. В режиме сотрудничества власть включает в практические политические и управленческие решения только те рекомендации и предписания общественного мнения, в которых общественность выступает как компетентный субъект [1]. Д.Ю. Поминов считает, что у общественного мнения нет однозначной направленности на преобразование действительности. Властные органы при принятии решений могут как учитывать высказанные общественностью позиции и оценки, так и не принимать их во внимание. Однако они должны отреагировать на общественное мнение, зафиксировать свое отношение к нему [2].

Как предметный, так и социальный ареал апелляций субъектов управления к общественному мнению очень широк. По мере появления в социальной действительности новых процессов и явлений очень важно отслеживать общественную реакцию на них. Зачастую это может благоприятным образом сказаться на внедрение и течение этих процессов и явлений.

В последнее время много говорится о необходимости инновационного развития нашей страны. В 2008 году впервые за все постсоветские годы государство решило взять стратегическую инициативу российского развития в свои руки. Результатом этого стала разработанная Министерством экономического развития Концепция долгосрочного развития Страны до 2020 года, в которой инновационному развитию отводится большая роль [3].

В опубликованных на сайте Минэкономики «Методических материалах по разработке программ инновационного развития» дается определение самого понятия «инновационное развитие», которое подразумевает не только освоение новых технологий, разработку и выпуск инновационных продуктов, но и инновации в управлении.

Какова же роль общественного мнения в инновационном развитии? Может ли его изучение каким-либо образом повлиять на ход этого развития?

Д.П. Гавра считает, что возможность внедрения любой социально-экономической инновации определяется не только ее внутренним потенциалом, масштабностью, ожидаемым социальным и экономическим эффектом. Важнейшую роль играют в этом процессе и характеристики среды, в которой будут осуществляться инновативные процедуры. Она может быть благоприятной, максимально способствующей восприятию нововведений, упрощающей его встраивание в механизмы функционирования социума и неблагоприятной, даже

агрессивной, отторгающей его. В качестве необходимого элемента такой среды выступает общественное сознание, состояние которого по отношению к содержанию инновации потенциально способно изменяться в широком диапазоне — от максимальной до минимальной восприимчивости [4].

Восприятие инноваций является очень важным шагом на пути ее внедрения. Об этом свидетельствует и история. Так, в Китае восприятие инноваций радикально отличается от европейского и в определенные периоды времени это служило причиной серьезного отставания в общественном развитии. Так, к концу XVIII века Китай по своей экономической мощи являлся одним из мировых лидеров, его население составляло одну треть от населения планеты, во внешней торговле преобладал экспорт, что свидетельствовало о безусловной конкурентоспособности производимых страной товаров. Однако именно в это время на Западе произошла промышленная революция, послужившая толчком к бурному развитию науки и производства. Правящие в тот период представители Цинской династии игнорировали эти изменения, фактически отгородились от внешнего мира, не желая воспринимать инновации. В результате всего за сто лет Китай оказался на периферии мировой экономики и превратился в слаборазвитую и плохо управляемую страну, что привело к вторжению колонизаторов на его территорию и общему отставанию в развитии на протяжении всего XX столетия. К этому стоит добавить, что Китай является родиной таких важнейших в истории человечества инноваций, как бумага, сталь, порох. Причем, данные инновации, радикально ускорившие прогресс западной цивилизации, в самом Китае в течение многих столетий кардинально ничего не изменили в социальном, политическом и экономическом устройстве общества [5].

Современные китайские управленцы, как оказалось в итоге, учли историческую ошибку и Китай, по данным 2010 года, вышел на второе место в мире по объему ВВП, обогнав Японию и в настоящее время приближается к показателям мирового лидера — США.

В неменьшей степени сказанное актуально и в отношении России, где традиционно наряду с мощным творческим потенциалом населения существуют серьезные социально-управленческие препятствия для восприятия и внедрения инноваций.

Осознавая значимость сказанного автором было инициировано и проведено исследование, направленное на изучение ситуации социологическими исследованиями, проводимых по заказу органов власти Тюменской области. Как известно, удовлетворение любых потребностей государственных органов регламентируется федеральным законом № 94 от21 июля 2005 года «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд». В Тюменской области единственным уполномоченным органом на осуществление функций по размещению заказов для государственных заказчиков для нужд Тюменской области является Управление государственных закупок Тюменской области.

Исследование заключалось в анализе структуры государственных закупок по социологической тематике на протяжении длительного периода времени. Изучался архив завершенных конкурсов, аукционов и запросов котировок. Про-

веденное исследование показало, что региональная власть способна принимать зрелые управленческие решения опираясь на общественное мнение. В Тюменской области эта практика используется в полной мере, однако количество проведенных исследований, оставляет желать лучшего. Так, в 2006 году в Тюменской области (без автономных округов ХМАО и ЯНАО) было проведено всего 6 таких исследований, в 2007 — 9, в 2008 — 11, в 2009 — 9, в 2010 — 9 [6].

Кроме того, как показывает опыт автора, в более мелких территориальных образованиях области — а именно муниципальных районах практически не проводится самостоятельных срезов общественного мнения, результаты которых могли бы учитываться районной администрацией. Можно предположить что аналогичная ситуация наблюдается и в других субъектах Российской Федерации.

Опросов же проводимых в районах в рамках областных исследований, по какой либо тематике, явно недостаточно. Во-первых, это связанно с методологическими аспектами — актуальный для областного масштаба объем выборки не репрезентирует в должной мере опрошенное население конкретного района. Во-вторых, тематика, интересующая областные органы власти не всегда актуальна для отдельно взятого района. Следственно получаемые данные, как правило, не могут быть использованы для принятия управленческих решений на районном уровне.

На первый взгляд может показаться что масштабы, численность проживающего в районах населения, круг социальных проблем имеющих место в сельской местности позволяют обходиться классическим методами управления, опирающимися на статистические данные, ведомственные источники информации, опираться на мудрость и опыт управленцев, знающих «свой» район. На самом деле это не совсем так. Времена меняются. Необходимость инновационного развития, переход к информационному обществу, развитие Интернета, становление сложной коммуникативной сети в обществе, постоянное реформирование основных сфер — медицины, системы образования, сельского хозяйства; процессы миграции населения (в том числе молодежи) в город, появление трудовых мигрантов, и многие другие социальные проблемы, актуализирующиеся в последнее время, требуют новых подходов. Общественное устройство меняется не только в крупных городах но и в райцентрах и даже более мелких поселениях, а динамично развивающееся общество требует оперативного получения информации о социальных процессах. Здесь большую помощь могут оказать социологические исследования, замеры общественного мнения.

Автором представляется целесообразным проведение ежегодных мониторинговых исследований направленных на изучение социально-политической и социально-экономической ситуации в муниципальных образованиях районного уровня.

На первоначальном этапе возможна организация мониторинга общественного мнения количественным методом — анкетированием. Анкета для массового опроса должна включать два блока: «статичный» и «динамичный». «Статичный» блок будет содержать индикаторы и показатели, направленные на вы-

явление долгосрочных тенденций социальных процессов протекающих в муниципальных районах. Вопросы данного блока не будут изменяться на всех этапах мониторинга или будут изменяться незначительно. Сюда можно будет включить, например, вопросы выявляющие:

- отношение жителей к системе образования, здравоохранения, социального обслуживания, органам правопорядка;
- оценку деятельности органов законодательной и исполнительной власти района, области, страны;
- степень удовлетворенности текущими условиями жизни
- мнение относительно социально-экономических и других нововведений и т.п.

Данные полученные в результате анализа указанного блока вопросов позволят формировать долгосрочный социальный портрет района, рассматривать в динамике генезис и течение социальных проблем, сравнивать ключевые характеристики различных районов между собой, формировать «районный социальный паспорт».

Второй блок должен включать в себя вопросы относительно текущих проблем, а также ряд открытых вопросов, позволяющих респондентам самостоятельно сформулировать волнующие их проблемы. Сюда можно включить, например, вопросы связанные с:

- строительством каких-либо объектов инфраструктуры района;
- миграцией сельского населения (в т числе молодежи) в город;
- организацией и проведения спортивных, культурно-массовых мероприятий и т.п.

На основании анализа этого блока районные власти будут иметь возможность оперативно принимать управленческие решения с учетом общественного мнения. Кроме того, управленцы будут в курсе текущих проблем населения.

На втором этапе возможно дополнение мониторинга качественными методами исследований. Целесообразно использование фокус-групп, контент-анализа районной прессы и др.

Создание подобного мониторинга позволит принимать решения не только на районном уровне. Сводная информация по ключевым индикаторам и показателям всех районов — это очень ценный источник информации для руководителей более высокого уровня — областного и даже общероссийского. Можно с уверенностью сказать что анализ данных мониторинга позволит с большей степенью достоверности управлять процессом внедрения социальных инноваций. Другой важной функцией мониторинга может стать информирование провинциального населения об инициативах и программах осуществляемых государством на всех уровнях власти. Вопросы, заданные определенным образом, могут не только выявить мнение жителей по тем или иным вопросам, но и донести до них определенную информацию, в случае если ранее она была не известна. Построение такой системы может существенно повлиять на инновационное развитие региона и страны в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гавра Д.П. Общественное мнение и власть: режимы и механизмы взаимодействия // Журнал социологии и социальной антропологии 1998. Том 1. № 4
2. Поминов Д.Ю. Общественное мнение как способ формирования общественного сознания граждан России // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 114. С. 370-376.
3. Выступление В.В.Путина на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года», 8 февраля 2008 г., г. Москва, Кремль, http://president.kremlin.ru
4. Гавра Д.П. Общественное мнение как фактор принятия политических решений // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6 — Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2000. Вып. 1. С. 54.
5. Трансформация социального восприятия технических и управленческих инноваций: на примере развития сотовой связи в КНР: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08 / Ху Бо; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова], 2010 г. http://diss.rsl.ru/
6. Фарахутдинов Ш.Ф. Опыт организации и проведения прикладных социологических исследований для государственных заказчиков // Социологические исследования. 2011. № 3. С. 107-111.

И. Ю. Фомичев

ЭТИКА СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Прежде всего, важно обратить внимание на три обстоятельства, касающиеся сути социальной ответственности в современном обществе. Во-первых, в основе всякой социальной ответственности лежит моральная ответственность, во-вторых, ситуация ответственности возникает у социального субъекта в процессе социального взаимодействия и в-третьих, деятельность организации в ее принципиальных аспектах (в том числе и по реализации социальной ответственности) фактически репрезентируется деятельностью отдельной личности, как правило — субъекта управления организацией.

Концепция социальной ответственности традиционно относится к сфере организационной деятельности, хотя в реальности далеко ею не исчерпывается. Проблема социальной ответственности организаций весьма актуальна в современном мире. Разработаны международные стандарты социальной ответственности организаций, общественность остро реагирует на проблемы в этой сфере, интенсивно работают контролирующие инстанции, как государственные, так и общественные. При этом в настоящее время существуют различные подходы в понимании феномена социальной ответственности организации или, как ее все чаще называют, корпоративной социальной ответственности. Так, например, Европейская комиссия в своих документах опирается на самое широкое из возможных определений, исходя из которого корпоративная социальная ответственность, по своей сути, является концепцией, которая отражает

добровольное решение компании участвовать в улучшении общества и защите окружающей среды.

Термин «добровольное» подчеркивает моральное содержание процесса, реализуемого на основании адекватно понятой неким социальным субъектом общественной необходимости. То есть в данном случае имеет место не правовое принуждение, а самопринуждение как специфический механизм морального действия. С этической точки зрения социальная ответственность проявляется как долженствование, выраженное в нравственных требованиях, реализуемое в конкретном социальном воплощении.

Общепризнано, что человеческая сущность дуалистична, укоренена как в социальности, так и в индивидуальности личности. В каждом таком случае существует объективно необходимый баланс соответствующих проявлений субъекта социальной ответственности, репрезентирующих реализацию «человека в социальном» и «социального в человеке». В одном пределе, как предполагается, субъект морального выбора может проявляться в данной социальной ситуации только как обращенная сама на себя целостность, как индивидуальность, что в этическом аспекте можно охарактеризовать как гиперморальность, то есть фактическую бытийную автономию личности, свободной от какой-либо социальной детерминации. По своей сути это означает объективацию родового человека в социуме, существующего и реализующегося на уровне моральных интенций, что с необходимостью порождает извечное противоречие нравственного и целесообразного. При этом социальная проявленность такой объективации неизбежно стремится к нулю, что означает фактическую деквалификацию субъекта как представителя организации, как профессионала, исполнителя конкретной и прагматичной социальной роли.

Так, например, в такой важной области социальной ответственности, как отношение к природе, подлинная моральность означает восприятие взаимодействия человека и природы как нерасчлененного единства, осознание того, что мы имеем дело с живым миром и что все живое в конечном счете имеет равное право на жизнь. Мораль здесь оказывается не просто универсальным принципом человеческого сосуществования, но и универсальным проинципом сосуществования живого вообще. Это реальное восприятие паритетного взаимоотношения с другим, весьма своеобразным моральным субъектом, можно даже сказать, с личностью, которая чутко и адекватно реагирует на человеческую заботу и равнодушие, на уважение и насилие.

Такое отношение иногда, говорят, встречается в «сельской глубинке», «медвежьих углах», да в отношении «собственной природы» — домашних животных и частных садов. В реальной общественной жизни (если не принимать во внимание проявления буддистской ментальности) и, особенно организационной деятельности такие случаи практически невероятны (даже для самых ортодоксальных членов Greenpeace). Прагматика явно превалирует и привести характерный пример не представляется возможным. Из общей же моральной апологетики наиболее близок классический пример князя Мышкина, так психоло-

гически тонко и философски точно описанный Ф.М. Достоевским, наряду с сервантесовским Дон-Кихотом и Зигфридом из вагнеровских «Нибелунгов».

Но позиция, продиктованная «гиперморальностью» жертвенна, причем жертвой становится не только осуществляющая ее личность, но и сами принципы. Игнорирующая социальные реалии, «правила игры» деятельность, преломившись сквозь призму «конкретных обстоятельств», нередко становится социальной карикатурой, приводит к неизбежному самоотрицанию. В сфере социальной ответственности это может, с одной стороны, обернуться катастрофой в работе организации, а с другой — профессиональным и даже личностным крахом руководитнля.

Противоположный предел развития личностного воплощения субъекта управления — это гиперсоциальность, тотальная утрата индивидуальных нравственных диспозиций вплоть до полного отрицания значения личностных моральных приоритетов, интимных интенциальных проявлений человеческого духа в деловых отношениях. Развитие такого морального проекта в сфере социальной ответственности оборачивается «профессиональным идиотизмом», поглощением индивидуальности профессиональной функцией, когда антропная проявленность стремится к нулю и субъект принятия решения превращается в роботизированного индивида, детерминированного прагматическими социальными целями.

В безличных отношениях социума, в том числе в сфере социальной ответственности, моральная нормативность институционализируется на основаниях социального долженствования, на законах социальной необходимости и целесообразности. Отношение к природе, например, реализуется отнюдь не через моральные императивы по отношению к глобальному миру живого, а через моральные обязательства по отношению к себе подобным, в лучшем случае — по принципу, предполагающему, что нельзя рубить сук, на котором мы все сидим. Социальная ответственность и соответствующая этическая рефлексия в данном контексте приобретает качество своеобразной профессионально-нравственной технологии воспроизводства общественно-приемлемых форм человеческой деятельности, диагностики нормативной регуляции социальных взаимодействий. В данной сфере деятельность субъекта управления как нецелостного частичного субъекта детерминируется не собственно ценностями антропного порядка, а принятыми в данном обществе нормами, совокупность которых и составляет семантический базис такой технологии.

Как видно, в этике социальной ответственности достаточно четко должно различаться существо собственно человеческих, антропных ценностей и безличных социально-нравственных норм. Социальная норма в данном отношении — это эманация ценности из аксиосферы как сферы духовных сущностей в социальную практику, где она утрачивает свойство детерминации процесса «очеловечивания человека». При этом она приобретает качество воспроизведения в человеке социального, социальных позиций и поведенческих стереотипов. В понятии «норма» в данном случае фиксируется не только момент устой-

чивости системы социального взаимодействия, но и процедура систематического воспроизведения ее элементов именно в качестве «нормальных», «стандартных», «стереотипных». По мысли Ю.М. Федорова, основная функция нормативной системы состоит в том, чтобы эффективно «технологизировать» взаимоотношения между социумом и человеком под приоритеты развития социального универсума в более высокую целостность даже за счет еще более тотального дробления человеческой уникальности на «дурную бесконечность» социальных качеств и свойств.

Заметим, что само функционирование механизма социальной ответственности предполагает, что социум дает ясные ценностные ориентиры действующему субъекту. Но аксиосфера современного социума хаотизирована, значительная часть поведенческой моральной аксиоматики потеряла значение и функции социального регулятива. Критерии добродетелей и пороков неубедительны, подвижны и расплывчаты. Моральный субъект, как древний грек, объективно оказывается перед ликами многих соперничающих богов, не достаточно ясно представляя, кому он должен служить. При этом сама моральная идентификация непопулярна в общественном сознании, этическая терминология подзабыта, а человек не приучен принимать условия морального существования как собственные, а не отчужденные, не способен осознать самопричинность морального образа действий. Другими словами, совесть есть, но мы ей не пользуемся.

В связи с этим смысл понятия социальной ответственности в современном общественном сознании постепенно эволюционировал из моральности в легальность, а внешняя приверженность субъекта задачам социальной ответственности адекватно конвертируется в признание его властями разного уровня в качестве сознательного члена сообщества.

Н. Г. Хайруллина

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ТАТАР ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Индикатором, характеризующим сближение с культурой своего этноса, выступают ответы на вопрос, выполняют ли респонденты национальные обряды. Рассмотрим динамику ответов представителей татарского населения Тюменской области на данный вопрос, полученные в ходе мониторинговых исследований в 2001-2010 гг. (табл. 1).

Респондентам, положительно ответившим в 2010 г. на вопрос, соблюдают ли они обычаи своего народа, было предложено указать, какие именно обычаи они соблюдают? Ответы респондентов в порядке убывания значимости представлены ниже: раздаю садака (милостыня) — 84,7%; провожу аш, хатым (угощение, чтение корана) — 71,1%; свадьба никах — 64,2%; похоронный обряд —

56,2%; имянаречение — 46,2%; посещаю мечеть — 34,8%; суннэт (обрезание) — 30,5%; жертвоприношение — 27,6%; вношу пожертвования на строительство мечетей, культовых сооружений — 20,4%; стараюсь употреблять в пищу только продукты халяль — 17,8%; совершаю паломничество (хадж) — 1,6%.

Таблица 1

Динамика ответов на вопрос, соблюдают ли респонденты обычаи своего народа, в процентах к общему числу ответивших

Обычаи соблюдаю	Год	
	2001	2010
Полностью	6,1	27,2
Частично	65,0	64,6
Не соблюдаю	24,2	5,1
Не знаю обычаев	4,7	2,1
Затрудняюсь ответить	-	1,0

Нами выявлено, что городские жители чаще соблюдают обычаи своего народа, чем жители села. Чем старше респонденты, тем чаще они полностью соблюдают обычаи своего народа. Так, если в возрасте до 25 лет их число составляет 17,1%, в возрастной категории от 46 до 55 лет — 25,0%, то среди представителей татарского населения, достигших 65 лет и старше, таких 67,9%.

С повышением уровня полученного образования уменьшается число тех представителей татарского населения, которые полностью соблюдают обычаи своего народа. Проведенный анализ данного вопроса в зависимости от пола респондентов не выявил существенных различий в ответах мужчин и женщин. Примерно равное число опрошенных мужчин и женщин из числа татарского населения полностью или частично соблюдают обычаи своего народа.

Не использовали и не имели в 2001 г. в быту предметы национальной утвари 69,7% респондентов. Не использовал, но имел предметы национальной утвари каждый десятый участник опроса (10,5%). Использовали по праздникам 18,2% респондентов, постоянно — только 1,7%. Постоянно и по праздникам пользовались национальной одеждой, в основном, жители сельских поселений. Это, как мы уже отмечали ранее, представители старшего поколения. Динамика ответов на вопрос, пользуются ли национальной одеждой респонденты, представлена в табл. 2. Как видим, за последние десять лет, исходя из ответов респондентов, представители татарского населения стали чаще пользоваться национальной одеждой.

В ходе исследования нам было интересно узнать мнения респондентов о том, существует ли опасность для представителей татарского населения утратить национальную самобытность. Динамика ответов на вопрос о существовании опасности утратить национальную самобытность представлена в табл. 3. На 4,3% уменьшилось число тех, кто считает, что опасность существует, но ее не стоит преувеличивать. Примерно на такое же число увеличилось число татар, по мнению которых такой опасности нет.

Таблица 2

Динамика ответов на вопрос, пользуются ли респонденты национальной одеждой, в процентах к общему числу ответивших

Пользуюсь	Год	
	2001	2010
Постоянно	1,7	5,8
По праздникам	18,2	31,6
Не пользуюсь, но осталась от старших поколений	10,5	8,5
Не пользуюсь	41,9	-
Не имею	27,7	51,2
Затрудняюсь ответить	-	2,9

Таблица 3

Динамика ответов на вопрос, существует ли опасность для татар утратить свою национальную самобытность, в процентах к общему числу ответивших

Опасность	Год	
	2001	2010
Существует	37,7	39,9
Существует, но ее не стоит преувеличивать	28,6	24,3
Нет	11,8	17,3
Никогда об этом не задумывался	19,2	10,8
Затрудняюсь ответить	2,7	7,6

На вопрос, планируют ли респонденты в ближайшее время начать изучать, соблюдать национальные традиции и обычаи, почти каждый второй представитель татарской национальности (46,9%) ответил положительно. Противоположное мнение («нет») в шесть раз меньшего числа участников анкетного опроса (6,9%). Вызывает тревогу, что более трети опрошенных (38,0%) никогда об этом не задумывались, а почти каждый десятый (8,2%) не смог ответить на поставленный вопрос.

Наши исследования опровергают предположение о том, что от поколения к поколению представители различных национальностей утрачивают чувство духовной близости со своим народом. Татарское население, наоборот, проявляет чувство духовной близости с родным этносом.

А. А. Чернышев

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИЕЙ

Социальная ответственность все шире внедряется в систему управления. Социальная ответственность представляет собой реализацию не только своих экономических интересов и целей, но и учет социальных последствий воздействия деловой активности на собственный персонал, потребителей и организации, совместно с которыми осуществляется та или иная деятельность[1].

Существует разное, а иногда противоречивое понимание сущности социальной ответственности. В одном случае рассматривается как отношение к акционерам, в другом — сам факт достижения ожидаемых результатов и реализация перспектив развития предприятия. Иногда ответственность отождествляют с обязанностью руководства принимать решения и осуществлять определенные действия, отвечающие интересам как общества, так и коллектива организации, как добровольный отклик на социальные проблемы [1].

Это свидетельствует о том, что существует недостаточная теоретическая разработанность проблемы ответственности. И это отрицательно сказывается на практике организации управления, где существует некоторая размытость представлений о сфере, структуре и важности ответственности в решении проблем управления [3].

Одним из аспектов рассмотрения сущности социальной ответственности является социально-деятельностный подход. Большинство определений социальной ответственности в этом случае включают в себя ссылки на то, что производители должны брать на себя решение части социальных проблем помимо чисто экономических интересов. Социальная ответственность интерпретируется как обязательства приносить пользу обществу через использование прибыли от частного бизнеса.

Социологи уже в начале XX в. отмечали, что каждая фирма, каждый производитель обязаны нести определенную ответственность перед обществом.

Современные ученые определяют четыре позиции, которые может занимать организация, принимая во внимание ее обязательства перед обществом. Они могут быть размещены вдоль оси, идущей от низшей до высшей степени социальной ответственности.

- Социальная обструкция: в данной ситуации компании делают как можно меньше для разрешения социальных проблем и проблем окружающей среды. Когда они пересекают юридическую или этическую границу, которая отделяет приемлемую практику от неприемлемой, их типичной реакцией является отрицание и сокрытие своих действий.
- Социальные обязательства: эта позиция включает действия организации, направленные только на то, что требуется по закону, и ничего более. Такой подход совместим с аргументами, используемыми против социальной ответственности. Управляющие в таких организациях настаивают на том, что их дело — создавать прибыль.
- Социальный отклик: компания, которая принимает такой тип ответственности, как социальный отклик, не только отвечает его юридическим и этическим требованиям, но в отдельных случаях идет дальше этих требований. Она может добровольно согласиться участвовать в социальных программах, однако иногда юристы компании должны убедить организацию в том, что они заслуживают поддержки. Кто-то должен обратиться в компанию, сама она не проявляет инициативы в поиске возможностей.
- Социальный вклад: компании, которые принимают такой подход, берут на себя основные требования в пользу социальной ответственности.

Они рассматривают себя в качестве граждан общества и инициативно ищут возможности внести свой вклад. Существует формальный и неформальный пути, которые организация может использовать при выборе подходящего типа социальной ответственности [6].

Принимать ответственность за свое воздействие на общество означает, прежде всего, что компания должна отчитываться за свои действия, вести их учет. Таким образом, концепция, которая описывает взаимосвязь социального и экологического воздействий экономической деятельности компании на определенные группы по интересам и на общество в целом, является важным элементом.

Проблема повышения социальной ответственности заключается в преодолении противоречия между потребностями организации и ожидаемым обществом социально-значимым поведением организаций. Решению проблемы способствуют знания и использование механизмов его формирования, в числе которых ведущее место занимает социальная ответственность как необходимый атрибут системы управления [4].

В связи с необходимостью повышения социальной ответственности, субъектам управления современными организациями важно учитывать, что требования общества к организациям становятся все более персонифицированным. Поэтому возникают проблемы определения степени социальной ответственности организаций перед обществом в целом, обслуживаемым населением и своими работниками, и разработки концепции социальной ответственности по отношению ко всем заинтересованным группам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверин А.Н., Социальная политика и социальная ответственность предприятия. М.: Изд-во Альфа-Пресс, 2008.
2. Алямкин С.Н. Специфика социальной ответственности бизнеса в регионе // Регионология. 2008. № 1.
3. Беляева И.Ю. Корпоративная социальная ответственность. Управленческий аспект. М., 2008. 503 с.
4. Блохин К. Корпоративная социальная ответственность как фактор, балансирующий интересы в обществе // Человек и труд. 2007. № 2. С. 22-25.
5. Кричевский Н.А., Гончаров С.Ф., Корпоративная социальная ответственность. Изд-во: Дашков и Ко, 2007. 216 с.
6. Сергей Балаковский. Принцип социальной ответственности // D` (Д-штрих). 2010. № 6. (114).

В. Н. Шапалов

КРЕАТИВНЫЙ КЛАСС КАК ЛОКОМОТИВ МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ

После опубликования в сентябре 2009 г. статьи Д.А. Медведева «Россия, вперед»[3], в которой президент провозгласил, что настало время действительно двигать Россию вперед, сформировать идеологию необратимости мо-

дернизации, все больше опираться на новые кадры — молодых, энергичных, инициативных людей, необходимость осуществления модернизации превратилась в едва ли не главную тему внутриполитических дебатов в России.

Как российский, так и мировой исторический опыт наглядно доказал, что модернизации, не подхваченные обществом, не ставшие ценностью для него, быстро обрываются, сменяются авторитарными контрреформами, а в ряде стран (например, в Иране) верхушечные и навязанные сверху модернизации приводили к взрыву фундаментализма и радикализма, чего нельзя исключить, возможно, в меньших масштабах и для современной России.

При анализе состояния современной России, степени готовности российского общества к модернизационному рывку необходимо обратить внимание на следующие особенности.

Сегодня Россия во многом является страной победившей бюрократии. Бюрократическое государство все ярче обнаруживает корпоративистские черты, скрупулезно все регламентирует, строит иерархии и вертикали, активно вмешивается в экономику и общественное перераспределение при сохраняющихся больших имущественных и социальных диспропорциях.

Существенным обстоятельством является и то, что нынешний период в развитии общества связан с сокращением каналов вертикальной социальной мобильности, замедлением карьерных процессов и перспектив, отключением «на профилактику» или за ненадобностью «социальных лифтов». Замедление социальной динамики после периодов глубинных трансформаций 1990-х годов является вещью объективной. Однако молодежи, представителям общественно значимых, но дискриминированных в нынешней иерархии профессий (хотя бы тем же ученым) от этого не легче. Особенно если правила игры предполагают жесткие, неравные и часто воспринимаемые как несправедливые имущественные, клановые и корпоративные цензы на карьерный рост.

Патернализм государства все больше подтачивает возможности сотрудничества граждан между собой, возможности социальной солидарности, потому что различные социальные группы («сословия», «корпорации») вступают в борьбу с государством и друг с другом не за то, чтобы обеспечить свободу, равенство возможностей и справедливость, а за то, чтобы получить больше привилегий со всеми вытекающими последствиями.

К этому же ряду проблем необходимо отнести и тот факт, что современная российская элита все более превращается в тусклую социальную группу, которая еще способна некоторое время удерживать власть, но не способна к саморазвитию, а тем более не способна стать конкурентной по отношению к элитам других стран. Для нее характерна традиционная неприязнь к представителям креативных, творческих социальных слоев и игнорирование творчества во всех сферах, в частности. Парадокс данной ситуации заключается в том, что современное развитие экономики, общества и государства во все более возрастающей степени зависит от развития креативных групп общества.

Напомню, что креативность — это (от англ. create — создавать) творческие способности индивида, характеризующиеся готовностью к созданию принци-

пиально новых идей, отклоняющихся от традиционных или принятых схем мышления, входящие в структуру одаренности в качестве независимого фактора, а так же способность видеть и решать проблемы.

Согласно А. Маслоу, креативность — это творческая направленность, врожденно свойственная всем, но теряемая большинством под воздействием среды. По мнению Поля Торренса, креативность включает в себя повышенную чувствительность к проблемам, к дефициту или противоречивости знаний, действия по определению этих проблем, по поиску их решений на основе выдвижения гипотез, по проверке и изменению гипотез, по формулированию результата решения [2;14].

Таким образом, носителям подобного психотипа присуща способность к нестандартному мышлению, к риску, к принятию эффективных решений в условиях неопределенности, к творческим озарениям, к выходу за пределы имманентной личностной данности. В иных социальных стратах, включая бюрократический класс, доминирует, как правило, вполне рациональная мотивация.

Впервые понятие «креативный класс» употребил американский социолог Ричард Флорида, подразумевая под ним творческую элиту, которая является ключевым фактором успешного экономического развития любой страны. Именно креативный класс участвует в создании и обращении интеллектуальной собственности и других нематериальных активов [7].

Таким образом, без преувеличения можно утверждать, что в условиях быстро развивающегося глобального информационного общества основным актором — инициатором «всесторонней» модернизации является креативный класс, выступающий основным носителем инновационного потенциала. В ситуации, где он подавлен, рассеян, маргинализирован, инновации приходится экспортировать извне — это характерно для догоняющих модернизаций. Нельзя не согласиться с авторами доклада «Россия XXI века: образ желаемого завтра»: «В современном мире главным ресурсом развития становятся творческие способности человека, его энергия и инициатива…» [6].

Анализируя особенности креативного класса, исследователи отмечают, что это «достаточно слабо дифференцированное сообщество, его сложно определить по каким-то формальным или статусным критериям, его невозможно выделить административным путем или создать «сверху» — по воле какой-либо власти, даже самой жесткой или самой просвещенной. Принадлежность к нему напрямую не зависит ни от общественного положения, ни от уровня доходов, ни от уровня потребления, ни даже от образования человека. Его можно описать как социопсихотип. Чаще всего люди, которые его составляют, — пассионарные люди, с внутренним стержнем, с развитым волевым началом, с активной жизненной позицией, с чувством собственного достоинства, но пассионарность не является определяющим признаком (скажем, рыночные торговцы — люди тоже весьма предприимчивые и энергичные) [4]. Представители креативного класса напоминают «предпринимателей» в экономической теории Йозефа Шумпетера, которые обладают «предпринимательской способностью», — они ориентированы не на линейный экономический рост, а на инновации и эконо-

мическое развитие [8]. Иными словами, «личность обогащается качествами, необходимыми для экономической борьбы: смелостью, реализмом, способностью анализировать психологию оппонента, неослабным интересом к познанию взаимозависимости явлений, постоянным предвкушением новых возможностей, умением видеть перспективу каждого из достижений в их цепи, жить скорее будущим, нежели настоящим, не удовлетворяться уже достигнутым, настойчиво добиваться новых шансов на успех, полагая, что их реализация важнее, чем то, что уже достигнуто, короче говоря, вечными усилиями «превзойти себя» и неспособностью «влачить существование» [1; 146].

Определяющими чертами представителей креативного класса является творческая и социальная субъектность, желание и способность быть участниками процессов социального развития. Вот почему им нужна не «руководящая и направляющая роль» со стороны государства, а создание благоприятных условий для развития, а также моральная поддержка, чтобы они верили, что их труд не сизифов и что они нужны обществу.

Именно эти люди по факту является основным генератором инноваций, субъектом воспроизводства человеческого капитала, держателем культурного и информационного ресурсов.

Оценивая численность креативного класса в России, Ричард Флорида отмечает: «Даже согласно самым строгим из моих критериев, в России сейчас около 13 млн. представителей креативного класса, т.е. ей принадлежит второе после США место в мире по абсолютному числу работников, занятых в креативных профессиях. По проценту от общей рабочей силы это ставит ее на 16-е место» [7; 10]. В свою очередь отечественный исследователь А. Подберезкин считает, что в современной России численность креативного класса составляет не менее 15 млн. человек [5]. Таким образом, это реальная социальная сила, с мнением, запросами и политическими амбициями уже нельзя не считаться.

Креативный класс стремится к самоуправлению, самоорганизации и саморазвитию. При достижении критической массы и в случае построения механизма солидаризации интересов (например, через создание новой эффективной политической силы) он способен стать реальным субъектом развития страны.

Таким образом, на современном этапе преобразования страны коалицию «агентов модернизации» должны составить те слои общественно и экономически активных граждан, которые способны к творчеству и реализации творчества в повседневной политической общественной и экономической жизни страны. Двигателем перемен должны выступать те, кому уже сейчас есть что терять и кто рассчитывает приобрести больше. Вот этой слой людей может сыграть свою роль в качестве социальных лидеров, особенно если изменятся внешние обстоятельства. В условиях кризиса только он способен на адекватные действия. В этот список необходимо включить молодых технократов с опытом работы в частном бизнесе, представителей отраслевой и фундаментальной науки, предпринимателей из высоких технологических отраслей и сферы услуг, представителей гражданского общества, молодых и успешных политиков и деловых людей из российских регионов, стремящиеся и готовых «жить по-новому». При

этом креативный класс должен стать не только ее основной содержательной частью, но катализатором ее развития.

В какой мере креативные социальные группы готовы к данной задаче? При анализе обратим внимание на то, что, во-первых, это достаточно массовая социальная группа — не менее 10% от численности всего населения страны; во-вторых, ее представители — люди энергичные, самоотверженные, способные создавать локальные «очаги развития», при этом они не нуждаются в жесткой иерархии и управленческой «вертикали», в-третьих, именно представители этой группы являются носителями человеческого капитала, который в нынешнюю эпоху становится основой развития и благосостояния любого общества. Необходимо осознать, что для совершения качественного рывка в развитии страны необходимо востребовать энергию всех, у кого она есть.

Однако продуктивное существование креативного класса в России возможно только при наличии свободного социального и культурного пространства. В ситуации, где нет свободы — свободы политической, свободы творческой, свободы духовной, свободы самовыражения, — креативный класс маргинализируется, его совокупный потенциал снижается, начинается «отток мозгов», который проявляется как в массовой миграции образованных людей из страны, так и в уходе во «внутреннюю эмиграцию». В этом случае никакая инновационная модернизация становится невозможной.

Российский креативный класс всячески нуждается в расширении и институализации горизонтальных связей — как внутри сообщества, так и в отношениях с государством. Поскольку у его представителей доминируют непрагматические мотивации, это сообщество в той или иной степени способно к мобилизации — оно готово откликнуться на призыв власти и принять участие в большом модернизационном проекте — даже в условиях отсутствия у государства избыточных ресурсов на модернизацию. Но при этом государство и властная политическая элита не должны рассматривать относительную независимость креативного класса в качестве угрозы, не должны мешать его самоорганизации и кристаллизации в его среде альтернативных элитных сообществ и группировок.

Кроме того, чтобы личность творила, конечно, необходима базовая социальная инфраструктура. То есть, люди должны быть уверены в завтрашнем дне, они должны иметь возможность получить доступное образование для себя и своих детей, иметь соответствующее современному уровню развития здравоохранение, причем доступное, гарантированное со стороны государства.

Фактически речь идет о новой стратегии борьбы за подлинное величие России — как внутри страны, так и в мире. Оно может быть достигнуто и сохранено не на основе жесткого государственного охранительного патернализма или «добровольно-принудительной» мобилизации, а при помощи взаимовыгодного партнерского диалога — путем сотрудничества, солидарности и синергии сохраняющих свою субъектность граждан, общественных организаций, креативного класса, бизнеса и государства. Ведь в начале XXI века невозможно построить будущее на основе принуждения и диктата, т.к. современное развитие экономики, общества и государства зависит во все возрастающей степени от степе-

ни развития креативных групп общества и эту мировую тенденцию уже невозможно игнорировать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений — состязательность — экономические амбиции / пер. с англ. Е.Я. Додина. М.: ИНИОН РАН, 2000. 249 с.
2. Краткий тест творческого мышления. Фигурная форма. М.: ИНТОР, 1995. 48 с.
3. Медведев Д.А. Россия, вперед! http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml.
4. Окара О.Н. Креативный класс как партнер государства. www.ng.ru/scenario/2009-12-22.
5. Подберезкин А. Креативный класс и элита // http://viperson.ru/wind.php?ID=622557
6. Россия XXI века: образ желаемого завтра //http://www.riocenter.ru/files/Obraz_gel_zavtra_0.pdf
7. Флорида Ричард. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: «Классика — XXI», 2007. 430 с.
8. 8. Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / предисл. В. С. Автономова. М.: ЭКСМО, 2007. 864 с

С. Б. Шитов

МОДЕРНИЗАЦИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА В РЕГИОНАХ РОССИИ

Современный мир переживает невиданные в истории преобразования и подходит к такому состоянию, когда дальнейшая судьба человеческой цивилизации будет, главным образом, определяться интеллектуально-образовательным потенциалом человека и общества.

Сегодня меняется характер труда, в котором все большую долю приобретает интеллектуальный труд, меняется экономическая деятельность, ее техническая база и организационные формы, ее требования, которые она предъявляет к уровню знаний и квалификации человека: знания и квалификация, необходимые для нормального функционирования экономики в условиях непрерывных перемен и нововведений. Такие перемены приводят к изменению спроса на квалификационную структуру различных категорий населения и требуют их профессиональной и социальной мобильности, непрерывного образования и профессионального совершенствования.

Следовательно, современный этап жизни человечества выдвигает на первый план повышение роли научного знания и образования в позитивных общественных изменениях и предъявляет к ним новые требования. Эти требования определяются тем, что дальнейшая судьба человеческой цивилизации будет определяться, главным образом, интеллектуально — образовательным потенциалом общества и человека: у человечества есть один путь к прогрессу — это научное знание и интеллект.

На наш взгляд, образование выступает в качестве главного условия развития человечества в XXI в. и формирует образовательное общество, общество знания. Главное отличие формирующегося образовательного общества, общества знания от других типов общества заключается в том, что в нем акцент смещается на научное инновационное знание, которое во многом формируется за счет использования новых информационных технологий получения и обработки информации при непрерывном личностном образовательном процессе.

При этом, научное инновационное знание представляет собой систему объективированного знания о существенных связях действительности, включающую процесс познания, учитывающий активную роль новых информационных технологий получения и обработки информации, способствующих приобретению, распространению и использованию нового знания.

С социально-философских позиций образовательное общество представляет собой общество с востребованным образованием, поэтому важнейшая задача на сегодняшний день реализовать такую систему образования, которая позволит индивиду непрерывно продолжать свое образование и реализовывать себя в жизни. Движение к такому обществу проявляется в растущей популярности различных форм и уровней образования у населения, в повышении требований работодателя к образовательному уровню и квалификации работников, в государственной политике в области развития науки и образования. Образование — это производство активных знаний, обеспечивающих ускорение общественного развития во всех его направлениях.

Российское образование находится под влиянием процессов и тенденций, характерных для мирового развития: динамичное развитие экономики, постоянная потребность в повышении профессиональной квалификации и переподготовке работников; возрастание роли человеческого капитала, что обусловливает интенсивное, опережающее развитие образования, как молодежи, так и взрослого населения. Вследствие этого, сегодня главная задача российской образовательной политики обеспечить современное качество образования на основе сохранения его фундаментальности и соответствия актуальным и перспективным потребностям личности, общества и государства, создать основу для устойчивого социально-экономического и духовного развития России.

Такие задачи актуальны для всего мирового сообщества, как отмечают американские эксперты: в 2015 году образование будет определяющим фактором достижения успеха, как индивидуального, так и национального [1; 239].

В связи с этим, инновационное образование представляет собой образовательный процесс, который дает возможность развитию творческих способностей обучаемого и создает условия мотивации его к саморазвитию в области профессиональной деятельности. При этом инновационное образование предполагает качественное изменение форм и методов организации учебного процесса, комплексное применение инновационных технологий.

Как считают Огурцов А.П. и Платонов В.В., инновационные проекты в образовании можно разделить на три составляющие, различные по своему харак-

теру. Во-первых, инновационные проекты в образовании могут относиться к фундаментальным исследованиям, т. е. к деятельности, пополняющей запасы теоретического знания, например, в философии. Во-вторых, ими могут быть прикладные исследования и разработки, проекты, направленные на выработку нового социально значимого способа действий, методов получения и распространения знаний. Обычно они включают в себя инновационные исследования, разработку новых социальных средств (методов, процедур, методик и техник), оценку их эффективности. В-третьих, — это могут быть программируемые исследования и разработки, которые близки прикладным, однако в отличие от них, здесь критерием отбора проблем и инноваций являются государственно-национальный масштаб и быстрота достижения эффекта [4; 495, 496].

Можно выделить основные характеристики инновационного образования: развитие творческих способностей обучаемых; развитие самообучения, самосовершенствования, воспитания путем самоорганизации, саморазвития, самовоспитания и т. д.; развитие способности у обучаемых предвидеть эффективность принимаемых решений.

К тому же, согласно В.П. Делия, инновационное образование характеризуется наличием в нем педагогических инноваций, инновационного процесса и инновационной деятельности [2; 67, 68].

Таким образом, можно сделать вывод, что инновационное образование — это целенаправленный процесс воспитания и инновационного обучения человека, в результате которого у него развиваются творческие способности, формируются навыки самообучения, самосовершенствования, позволяющие ему приобретать знания и опыт для жизнедеятельности в обществе знания. Под инновационным обучением подразумевается процесс самоорганизации (под самоорганизацией понимается умение поставить цели и устойчиво достигать их, упорядочивание собственной деятельности, умение спланировать, организовать, выполнить свою работу при минимальном содействии преподавателя) познавательной деятельности обучаемым через развитие его индивидуальности.

Современные обучающие технологии позволяют индивиду выстраивать собственные стратегии в соответствии со своими потребностями, обеспечивая ему неповторимый набор ресурсов, позволяющих, с одной стороны, выигрывать в конкурентной борьбе, а с другой — быть активным субъектом социальных преобразований, включиться в проективную и инновационную деятельность, развивать свой образовательный потенциал.

Образовательный потенциал может быть представлен в трех основных формах [3; 74]: образовательные условия: факторы, обусловливающие эффективное выполнение образованием своих функций и обеспечивающие достижение образовательных целей субъектом; образовательные ресурсы: возможности посредством получения образования занять определенное место в социальной иерархии; образовательные достижения: результаты активности субъекта по расширению собственных возможностей в социально-экономической системе и других сферах.

В то время как, образовательные учреждения являются только узловыми пунктами в выстраивании собственных учебных траекторий и достижений индивида.

Следовательно, осмысление современных образовательных тенденций позволяет сказать, что они ведут к усилению индивидуализма, свободы и формированию класса интеллектуалов.

Таким образом, основное направление технологий обучения — содействие субъекту учения в его учебной деятельности. Но проблема выбора технологии обучения обусловлена тем, что обучающиеся в учебном процессе имеют различные уровни исходных базовых знаний, интеллектуального развития, творческих способностей. Очевидно, что обучающиеся, имеющие достаточно высокий уровень интеллекта, тверже запоминают учебный материал, с большей скоростью овладевают необходимыми знаниями и умениями, свободнее ориентируются в нестандартных ситуациях, что не скажешь об обучающихся с невысоким уровнем интеллектуального развития. Под интеллектом здесь (от лат. intellectus — понимание, познание) понимается мыслительная способность человека.

При самообучении студент сам управляет и контролирует свои познания и может либо ограничиться информационным восприятием общих представлений об изучаемых явлениях, процессах, объектах, не требующих от него никаких особых интеллектуальных усилий, либо подняться до мыслительного, понятийного уровня, уровня системообразующих фундаментальных знаний об изучаемом, и здесь основную роль играет мотивация к обучению.

Согласно Ю.Г. Репьеву, мотивация — это процесс, в результате которого определенная деятельность приобретает для индивида известный личностный смысл, создает устойчивый интерес к ней и превращает внешне заданные цели его деятельности в его внутренние потребности [5; 34].

Мультимедийность предоставляет большие возможности для повышения эффективности процесса обучения, развития творческих способностей, творческого воображения обучаемого. Использование динамических графических образов для представления учебной информации не только увеличивает скорость передачи информации обучаемым и повышает уровень ее понимания, но и способствует развитию таких важных для специалиста качеств, как профессиональное чутье, интуиция, образное мышление. Мультимедийность предъявления учебной информации, например, компьютерное моделирование с визуализацией различных процессов, мультипликацией и интегративным взаимодействием пользователя с компьютером, является мощным средством повышения качества учебного процесса, формирования и развития творческих способностей обучаемого.

Таким образом, модернизация интеллектуально-образовательного потенциала в регионах России может основываться на фундаментализации образования, включающего процессы обучения, основанные на мультимедийных технологиях представления информации, что позволит достичь нового качества образованности личности и повысить требования к интеллектуальным параметрам работника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барлыбаев Х.А. Человек. Глобализация. Устойчивое развитие: монография. М.: Изд-во РАГС, 2007. 332 с.
2. Делия В.П. Инновационное образование, формирующее инновационное мышление: монография. Балашиха: ИСЭПиМ, 2005. 223 с.
3. Макарова М.Н. Труд в обществе знаний. Образование под вопросом: Стратегии воспроизводства образовательного потенциала в современном обществе. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 168 с.
4. Огурцов А.П., Платонов В.В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. СПб.: РХГИ, 2004. 520 с.
5. Репьев Ю.Г. Интерактивное самообучение: монография. М.: Логос, 2004. 248 с.

А. В. Шуклин

МОДЕРНИЗАЦИЯ В СТРУКТУРЕ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ

В последнее время в научной литературе вместо понятия прогресса употребляется термин модернизация, под которым чаще всего подразумевается процесс изменений в определенных сферах жизни общества, не имеющий конечной предустановленной цели. Модернизация не имеет единого шаблона с силу отсутствия неясности конечной цели, поэтому она может осуществляться по различным моделям. Главным критерием здесь становится конкурентоспособность общества, способность обеспечить политическую и экономическую независимость. Причем конкурентоспособность экономики, основанной на знаниях, последних достижениях науки и техники осуществляется в рамках особого политического и социального контекста.

Модернизация подразумевает под собой изменение целевых установок, разработку технологий ситуационного мышления, позволяющих жить в современности [1; 32]. Также она означает переход к качественно иному состоянию общества, констатирует наличие трансформационных процессов в обществе и ставит вопрос о направлении дальнейшего развития. Она предполагает преодоление и отрицание существенных элементов прошлого при отсутствии новых, которые еще находятся на стадии выдвижения, равно как и дальнейшая стратегия развития. На государственном уровне это может означать, какие социальные институты являются приоритетными и нуждаются в усилении. От изменения роли того или иного института в конечном итоге возможно развитие общества в том или ином направлении.

Например, даже простое усиление позиций среднего класса в России может поспособствовать развитию индивидуализма, поэтому вполне вероятно на его основе формирование нового цивилизационного типа. А в 1960-е годы стал заметен отход от идей коммунизма вследствие проведенной глубокой модернизации, урбанизации, европейского образования, раскрытия Западу, усложнения социальных связей [2; 356-357]. В этот же исторический период, во времена хрущевской «оттепели», в общественном сознании отчетливее стали прояв-

ляться черты индивидуализма, проявления которого подавлялись не только гипертрофированной коллективистской культурой, во многом детерминированной суровыми природно-климатическими условиями, но и государством, следовавшим коллективистскому тренду в угоду политической конъюнктуре и задачам экономического развития.

На сегодняшний день Россия находится в точке бифуркации, перед ней стоит непростой выбор, в какую сторону следует двинуться. Складываются основы новой цивилизации, нового типа общества, формируются новые мировоззренческие принципы. Россия сейчас находится в состоянии межцивилизационной эпохи, выступающей как момент разрыва, когда предыдущий тип субъективности просто перестает работать. Это состояние самоопределения общества и выбора пути, по которому только еще предстоит двигаться [4; 16-28].

В этот период исторического развития характерны внутренние изменения социума, его структуры, для него становится актуальным оценка нынешнего состояния и способность генерировать культурно-духовные ориентиры общественного развития. Историческое движение общества может трактоваться как последовательность сменяющих друг друга фаз развития, которые опираются на определенные духовные устои, актуальные в тот или иной период. Немаловажную роль в определении российского цивилизационного типа сыграло осознание опоздавшей модернизации страны, развитие ее производительных сил. Многовековая отсталость от Запада подстегивала российских политических деятелей к форсированному развитию страны, копированию европейских стандартов производства и попыткам воспроизвести в России европейскую модель общественного устройства, что оказывалось самым сложным и порой вело к конфликту власти и общества.

Проблема модернизации ставит все с большей остротой на повестку дня вопрос социальных преобразований. При этом развитие в рамках традиционного генотипа уже становится проблематичным, так как процессы модернизации способны затронуть экономику как производство и воспроизводство материальных благ, но и культуру как духовное производство и воспроизводство, нравственные устои и гуманистические ценности общества. Существует опасность того, что модернизация в технологическом плане может привести к архаизации общественной жизни, будет осуществлен возврат к корням, «очищение» нравственных устоев.

В контексте модернизации политический режим может быть основан как на провозглашении либеральных ценностей, так и быть жесточайшей диктатурой, но с условием обеспечения устойчивого экономического развития. Что касается социального развития, то оно может основываться на различных формах организации, в зависимости от целей, стоящих перед обществом, может поощряться социальный динамизм, если оно ориентировано на будущее, или, наоборот, наблюдаться застывшие формы социальной организации. При этом может происходить активное противодействие социальной динамике, пропагандироваться проект будущего, основанного на откате назад, к историческим истокам [7; 285].

Отсюда проблема модернизации осложняется и вопросом о том, будет ли страна выбита из колеи национальных традиций при ее проведении, каким об-

разом она будет с ними согласовываться. Поэтому стоит сказать о том, что политика модернизация должна вписываться в культуру общества, которое стоит модернизировать. Консолидация общества под эгидой модернизации, которая будет способна подвергнуть ревизии традиционные ценности, возможна при наличии единства цели без единства убеждений. Последнее особенно актуально сегодня, в эпоху глобализации, когда мир представляет собой противоречивое диалектическое единство.

К причинам локализации многих модернизирующихся обществ можно отнести то, что различные этносы внутри цивилизаций включились в процесс глобализации с различных социально-экономических и культурных позиций, зачастую из разного исторического времени, обладая несовпадающими возможностями и способностями к освоению основополагающих ценностей. А разного рода геополитические разногласия усиливают в социальном преобразовании развивающихся стран роль архаичной политики государственных, национальных и религиозных приоритетов. Отсюда сохраняется и усиливается стремление многих обществ модернизироваться по логике собственных канонов, исторических и национальных традиций, государственности, географической привязанности к природным условиям [3; 106-107].

Модернизация порою может значить стремление не только усовершенствовать материальную составляющую, но и свои нравы, образ мышления и образ жизни. Модернизация есть соответствие критерию современности (модерности в одной из трактовок), который устанавливается путем противопоставления наиболее передового и наиболее отсталого, что сегодня определяется уровнем наличия тех или иных материальных благ. Проблема только в том, что зачастую понятия отсталого и передового определяются в рамках производства материальных благ, в то время как такой подход абсолютно неприемлем для ценностей духовного характера. Стремление к материально-техническому развитию и достижение успехов в этом направлении могут привести к изменению объяснения различий между понятиями «отсталое» и передовое», в данных обществах неизбежно произойдут изменения на шкале ценностей. Неизбежно будут усиливаться свои местные, самобытные черты, именно следование им станет объяснением причин достижения успеха.

Поэтому напрашивается следующая гипотеза: форсированная, напряженная модернизация в техническом аспекте компенсирует отрицание модернизации в аспекте культурном. Скорее всего, отсюда и вытекает феномен индигенизации, то есть возвращения к корням, истокам, традициям, который при совершенстве материальной базы может свидетельствовать и о самодостаточности культурной компоненты, дающей импульс к развитию даже в изолированном пространстве, в условиях закрытости и автаркии [6; 123-124]. Однако тенденция к изоляции, противление ассимиляции, ксенофобия могут также служить индикаторами страха инкорпорации в свою среду носителей других ценностей, являющихся основополагающими для другой культуры. Здесь предполагается наличие процесса взаимовлияния, который объективен и неизбежен, но и потенциально имеет шансы натолкнуться на растущее сопротивление. Поэтому

предполагается выход за пределы определенной идентичности либо ее расширение, трансформация, а в случае противления взаимовлиянию появляется альтернатива в лице миксофобии, закрытости, актуализации традиционных ценностей или же открытого конфликта.

Однако же в глобальном мире самым важным признается стремление выжить и морально, не потеряв уважения к самому себе, обязанность показать себе, что ты находишься не только на высоте чужой современной силы, но и чужого духа. Изнурительна именно эта моральная сторона процесса модернизации. Под модерном принято также понимать и эпоху, которая начинается в Новое время и суть которой состоит в глубинном преобразовании устоев и принципов традиционного общества [5; 181]. Самое трудное — это модернизация умов, в противном случае если речь шла бы только о заимствовании способов и рецептов, то главной была бы забота лишь о финансировании модернизации оборудования. Но и модернизация такого характера невозможна без отсылки к эталону, идеям, способным вызвать восхищение. В тоже время нет гарантии того, что произойдет полная мимикрия, нет гарантии, что будут заимствованы, а в дальнейшем и адаптированы в инокультурных условиях те или иные институты, что поставит вопрос о демонтаже предыдущих установлений. Поэтому, подводя итоги, стоит сказать о том, что на сегодняшний день важнейшей задачей является оптимальный выбор пути модернизации, не идущего в разрез культурными предпочтениями и традициями российских граждан и в тоже время отвечающего требованиям времени, а также интересам населения и государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. М.: РОССПЭН, 1998. 308 с.
2. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. От Великой Победы до краха. Харьков: Книжный Клуб «Клуб семейного досуга», 2007. 768 с.
3. Мельник В.И. Цивилизованность как мера развития индивида и общества. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. 168 с.
4. Павлов А.В. Взаимопонимание в контексте российского межцивилизационного периода // Вестник ТюмГУ. 1999. № 1. С. 16-28.
5. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2003. 416 с.
6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. М.: АСТ, 2006. 571 с.
7. Штомпка П. Социология социальных изменений / пер с англ. под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.

Г. А. Щербаков

ДЕТЕРМИНАНТЫ УСТОЙЧИВОГО СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

Существующая сегодня система государственной власти в российских регионах является результатом реализации модели федерации, закрепленной в Конституции 1993 г., при этом следует согласиться с оценкой многих исследо-

вателей, что процесс становления России как государства продолжается. Об этом заявлял и В.В.Путин после вступления в должность Президента РФ: «Нужно признать — в России федеративные отношения не достроены и не развиты … у нас еще нет полноценного федеративного государства».

С 2000 года начался новый этап развития Федеративных отношений в России, который предполагает дальнейшее совершенствование государственной власти на региональном уровне через модернизацию системы исполнительной власти в целом; выработку эффективной технологии разработки, принятия и исполнения решений; ревизию функций, выполняемых органами государственной власти; оптимизацию структуры местного самоуправления; уточнение перечня вопросов, относящихся к его компетенции; обеспечение устойчивой финансовой базы муниципальной власти. В этой связи анализ процесса изменения федеративных отношений и возникновения новых тенденций приобретает особую актуальность. Анализ научной литературы по данной проблеме позволил автору выявить сильные и слабые стороны процесса изменения федеративных отношений в России.

Становление новой российской государственности, обретение регионами статуса субъекта Федерации, по мнению автора, детерминируют исследование новой региональной реальности в контексте модернизации социальной политики при сохранении сущностных характеристик и функций последней. Россия, имея огромные территории, которые отличаются между собой ресурсным потенциалом, природно-климатическими, географическими и другими характеристиками, неизбежно делится на относительно обособленные регионы.

Если в советский период, Центр во многом сглаживал различия в уровне развития регионов путем централизованного распределения ресурсов, то в условиях рыночных преобразований регионы вынуждены были опираться и на собственные ресурсы и возможности. С началом реформ начался процесс перемещения хозяйственных решений сверху вниз, от органов централизованного планирования и управления командной экономики непосредственно к регионам и предприятиям. Можно условно классифицировать регионы в зависимости от структуры местного хозяйства:

- Добывающие: Тюмень, Коми, Якутия, Магадан, Бурятия, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа;
- Урбанизированные промышленные регионы: Нижний Новгород, Самара, Екатеринбург, Пермь, Челябинск, Красноярск, Томск, области нечерноземного Центра, Удмуртия, Кузбасс;
- Торгово-промышленные: Мурманск, Архангельск, Приморский край, Калининград, Сахалин, Москва и Петербург;
- Агропромышленные: Поволжье, Дон, Кубань, Ставрополье, Курган, Оренбург, Омск, Новосибирск, Иркутск;
- Этнические: Татарстан, Башкортостан, Северный Кавказ, Тува.

В современный период Центру не удалось выработать адекватную региональную политику, напротив, государство стало уходить из тех сфер хозяйства, где в переходный период его функции должны были усилиться. Таким образом,

по мнению Д.С. Львова, оно фактически устранилось от полновесного использования прав собственности на находящееся в его распоряжении имущество, что вызвало обвальную криминализацию экономики, натурализацию ее реального сектора, обескровило бюджет. Уход государства из экономики не был компенсирован развитием эффективных форм рыночных отношений на уровне предприятий и регионов.

Анализ региональной политики в первой половине 1990-х годов, предпринятый А.Г. Гранбергом, показал, что «наибольшую заботу вызывает такое наследие прошлого, как чрезмерная концентрация многих производств, узкая специализация регионов, дальние экономические связи между поставщиками и потребителями, существование моногородов (в том числе «закрытых»), сращивание социальной инфраструктуры с производственными предприятиями, хроническая незанятость в ряде регионов, избыточное население в регионах с экстремальными условиями, зоны экологического бедствия, критическое состояние малых городов, деградация многих сельских местностей».

Результаты проведенного автором анализа данных статистики доказывают, что продолжает увеличиваться разрыв в уровнях социального и экономического развития субъектов Российской Федерации. Например, Москва по валовому региональному продукту догнала среднеразвитую, по европейским меркам, Португалию, Самарская область — Польшу. В то же время, по подсчетам специалистов, чтобы вывести, например, Дагестан на уровень нынешнего среднего по России показателя ВРП на душу населения в течение, скажем, 10 лет, понадобится темп его прироста в республике 20 процентов в год, а если в течение 20 лет — 11 процентов. Для Ингушетии — соответственно 17,7 и 10,1. Темпы едва ли достижимые. С другой стороны, если взять за основу реально достижимый темп прироста ВРП 7-8%, то Дагестану потребуется около 40, а Ингушетии, — 36 лет.

Социально-экономические различия регионов обусловливают регионализацию социальной политики. В связи с этим важна социально-экономическая типология регионов по факторам, влияющим на формирование регионального аспекта социальной политики. Результаты типологии регионов в рыночной экономике при множественности источников финансирования социальной политики используются для информирования субъектов социальной политики (федеральных и местных органов законодательной и исполнительной власти, работодателей, общественно-политических движений) о депрессивных в социальном отношении территориях. Полученная информация учитывается и при формировании расходных статей федерального и местных бюджетов (в части федеральных и региональных социально-экономических программ), бюджетов государственных внебюджетных фондов социального назначения, исполнение которых должно способствовать выводу депрессивных территорий из кризисного состояния.

Сегодня, уже во многом изменились механизмы выравнивания межрегиональных социальных диспропорций. При разработке федерального бюджета стали создаваться специальные фонды для финансирования расходов регионов на выполнение ряда федеральных законов социального характера (например,

возмещение убытков от содержания жилищно-коммунального хозяйства, проведение оздоровительных кампаний для детей и подростков).

Региональная адаптация федеральной социальной политики необходима для сглаживания (выравнивания) межрегиональных диспропорций между сильным центром и слабой периферией; сильным Севером и слабым Югом; сильным Западом и слабым Востоком. Основными требованиями, которые должны быть соблюдены при построении социально-экономической типологии, связаны, по мнению автора, с обеспечением устойчивого развития регионов и сопоставимости данных. Поясним указанные параметры.

В конце 1980-х годов понятие «устойчивое развитие» утвердилось в мировом лексиконе как концентрированное выражение тревог и надежд, связанных со всеми глобальными проблемами современности. Несмотря на то, что у связанных с понятием «устойчивое развитие» концепций большая предыстория, в полную силу данное словосочетание, отмечал Коптюг В.А., зазвучало в мире после Конференции по окружающей среде и развитию, состоявшейся в июне 1992 года в Рио-де-Жанейро. Понятие устойчивого развития возникло как обозначение концепции, альтернативной реально сложившейся тенденции неограниченного роста материального производства из-за постоянно увеличивающегося потребления природных ресурсов, нанесшей непоправимый ущерб окружающей среде и чреватой смертельно нарастающей опасностью глобальной экологической катастрофы.

На Всемирной встрече на высшем уровне в интересах социального развития в Копенгагене (6–12 марта 1995 года) принята программа действий, которая рекомендовала меры по созданию в рамках устойчивого экономического роста и устойчивого развития на национальном и международном уровнях условий, благоприятных для социального развития, искоренению нищеты, расширению продуктивной занятости и снижению уровня безработицы и содействию социальной интеграции. В документе указывается, что конечной целью социального развития являются повышение и улучшение качества жизни всех людей. Принятая программа действий в интересах социального развития уточнила и зафиксировала основные параметры устойчивого развития.

Автор считает, что комплекс адекватных мер по социально-экономическому развитию государства и его регионов, может реализовываться на основании необходимой и объективной информации. Центральным звеном этой работы призвана стать система социально-экономического мониторинга, как инструмента управления стратегией устойчивого развития регионов и страны в целом.

Необходимость в разработке индикаторов устойчивого развития была поставлена в «Повестке дня на XXI век», принятой на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 году. Неслучайно в главе 40 этого документа отмечено: «В целях создания надежной основы для процесса принятия решений на всех уровнях и содействия облегчению саморегулируемой устойчивости комплексных экологических систем развития необходимо разработать показатели устойчивого развития».

Контроль за достижением целей устойчивого развития, управлением этим процессом, оценка эффективности используемых средств и уровня достижения

поставленных целей требуют разработки соответствующих критериев и показателей устойчивого развития. Комплекс таких показателей играет ключевую роль в описании (диагностике) состояния системы (окружающая среда — хозяйство — население) и открывает возможности коррекции этого состояния на основе разработки программ.

Анализируя тенденции развития политики и стратегии социального вектора федерализма автор делает вывод, что в современной России усиливается роль регионов. Это проявляется в следующем.

1. В политике Центра просматривается понимание роли Тюменской области в обеспечении стратегических интересов Российского государства на ближайшую и отдаленную перспективу. Тюменская область на ближайшие 20-30 лет останется основным производителем углеводородов в России для удовлетворения потребностей внутри страны и обеспечения экспортных поставок, поскольку на территории Западной Сибири находится значительная доля перспективных и прогнозных ресурсов России. Тюменская область является активным участником реализации масштабных и стратегически важных для России проектов, в их числе мега-проект «Урал промышленный — Урал полярный», направленный на создание индустриально-инфраструктурного комплекса на базе освоения природно-сырьевых ресурсов Западно-Сибирской горнорудной провинции и строительства ключевых элементов опорной транспортной и энергетической инфраструктуры.

Освоение вновь вводимых месторождений Восточной и Западной Сибири, регионов Крайнего Севера, реализация крупных проектов в магистральном трубопроводном транспорте, в том числе строительство Северного маршрута газопровода «Ямал — Западная Европа», развитие региональной транспортной системы и нефтепроводов в Тюменской области, реализация ОАО «Сибур — Холдинг» комплексной программы по модернизации мощностей перерабатывающих производств, в том числе Тобольского нефтехимического комбината и др.

2. Адекватность государственной политики, осуществляемой по отношению к Тюменской области в целом и ее округам в частности, понимание их специфики во многом обусловливают их лидирующее положение в социально-экономической сфере, что положительно сказывается в первую очередь на материальном положении населения. Результаты авторского исследования свидетельствуют, что в сознании каждого второго тюменца социально-экономическое положение оценивается как улучшающееся, среди экспертов таких три четверти. Оценивая свое материальное положение в 2010 году, большинство опрошенных (81,4%) указали, что оно благополучное (10,1%), скорее благополучное, чем не благополучное (20,9%), нормальное (50,4%).
3. Не являются острыми по результатам опросов для населения Тюменской области проблемы своевременной выплаты заработной платы и безработицы. Наиболее актуальными выступают проблемы экологической обстановки, дороговизны жизни, разделения общества на богатых и бедных, произвола чиновников, наркомании, преступности.

В. А. Юдашкин

СТРАТЕГИЯ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОРГАНА ВЛАСТИ В СУБЪЕКТЕ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАКТИКА И ПРОБЛЕМЫ

Практика государственного управления в современной России выработала формы и методы целеполагания, соответствующие состоянию и тенденциям экономики, социальной сферы, политической системы, гражданского общества, властному потенциалу государства. Система кратко- и среднесрочного целеполагания развертывается в Посланиях Президента РФ Федеральному Собранию РФ, специальных актах Правительства России — Концепциях развития отдельных отраслей экономики и социальной сферы, целевых социально-экономических Программах. Результаты трехлетнего бюджетного планирования закрепляются федеральными законами. В рамках этих документов создаются и «мониторятся» системы показателей целереализации. Аналогичное целеполагание осуществляется на уровне субъектов Федерации. В последние годы реализован проект разработки системы концептуального видения исполнительными органами власти целей социально-экономического развития России и ее регионов до 2030 года.

Следует отметить, что субъектом (иерархической системой субъектов) государственного целеполагания и целереализации являются исполнительные органы федеральной и региональной государственной власти. Соответствующим законодательным органам отведена функция законодательного обеспечения реализации целей и своего рода экспертной площадки. Это выражается в частности в том, что основной массив необходимых законопроектов разрабатывается и предлагается органами исполнительной власти. В последнее время введена система обязательных отчетов правительств перед законодательными собраниями, несколько усилена в сторону большей публичности их контрольная функция.

Проблема способности законодательных органов власти в России выступать в этой ситуации противовесом, сдерживающей и уравновешивающей публично-государственной силой и, следовательно, быть относительно самостоятельным субъектом государственного целеполагания не является сегодня, к сожалению, предметом специального научного рассмотрения. Вместе с тем, по мнению автора, в стране имеет место достаточно интересный опыт концептуального целеполагания на уровне законодательного органа власти субъекта Федерации, изучение которого может дать полезные для теории и практики результаты.

Так, в Тюменской областной Думе с самого начала ее образования в 1994 году возникла и закрепилась практика разработки своеобразного управленческого документа, Стратегии деятельности Тюменской областной Думы (далее — Стратегия), в котором депутаты фиксируют представления о своих целях и задачах на период депутатских полномочий. В 1994-98 гг. данный документ был, по сути, политической декларацией, однако по мере политической стабилизации и преодоления кризисных явлений в стране и в регионе он все рельефнее нарабатывал также свой управленческий статус, свое место и роль в организации законо-

дательной и контрольной деятельности Думы, влияние на содержание принимаемых Думой решений. С формальной стороны это выражается в том, что в Регламент Тюменской областной Думы [1] в 2008 году, записано, что «деятельность областной Думы осуществляется в соответствии со Стратегией деятельности областной Думы, принимаемой на созыв» (статья 36); что констатирующая часть разрабатываемого проекта постановления Думы должна содержать краткое обоснование со ссылками на Стратегию деятельности Думы (статья 76). Комитеты Думы отчитываются за реализацию отдельных, в соответствии со своей компетенцией, направлений Стратегии. Заместители председателя Думы в рамках своих должностных обязанностей курируют вопросы реализации Стратегии по направлениям деятельности соответствующих комитетов.

Следует отметить, что по уровню и качеству жизни населения Тюменская область относится к числу наиболее благополучных субъектов Российской Федерации, что не в последнюю очередь связано с тем, что это — «сложнопостроенный» субъект Федерации, в состав которого входят Ханты-Мансийский автономный округ-Югра и Ямало-Ненецкий автономный округ. По индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП) область устойчиво занимает ведущие места в Российской Федерации [2; 148], в ней сохраняется и увеличивается естественный прирост населения.

Стратегия областной Думы четвертого созыва разрабатывалась в 2007 году [3]. Выборы в областную Думу прошли в условиях, когда в Тюменской области был окончательно определен характер взаимоотношений органов государственной власти области и входящих в ее состав автономных округов, заключен соответствующий Договор [4] и начала работать общерегиональная социально-экономическая программа «Сотрудничество» [5]. Экономика области демонстрировала хорошую динамику, росла доходная часть областного бюджета, органы власти имели неплохие условия для влияния на развитие экономики, успешного решения социальных задач, обеспечения роста уровня жизни населения, преодоления бедности, развития социальной сферы. Все это предопределило конструктивную «тональность» социального обоснования вырабатываемой Стратегии (то значение, которое было придано технологии социального обоснования Стратегии, становится сегодня, накануне начала работы над Стратегией Тюменской областной Думы пятого созыва и в связи с объявленной в стране политикой модернизации, требующим воспроизводства на новом методологическом, методическом и организационном уровне: см., напр., оценку А.В. Тихонова [6; 3]).

Механизм социального обоснования Стратегии базировался на активном взаимодействии депутатов областной Думы, представителя Губернатора области в Думе, общественности, в процессе которого были проанализированы тенденции социально-экономического развития области, изучены статистические данные, данные социологических опросов общественного мнения, обобщены наказы избирателей, данные ими депутатам Думы, учтены положения Посланий Президента РФ Федеральному Собранию РФ, Посланий Губернатора области Тюменской областной Думе. Проанализированы цели более чем тридцати

целевых областных программ, финансирование которых было предусмотрено областным бюджетом.

Подготовленный проект был опубликован в Парламентской газете «Тюменские известия», на официальном сайте областной Думы в сети Интернет, вынесен на обсуждение совещания депутатов областной Думы с представителями региональных отделений политических партий и общественных объединений области. Созданная рабочая группа рассмотрела более 250 предложений. После доработки документ был утвержден постановлением областной Думы.

Основной целью деятельности Тюменской областной Думы четвертого созыва является законодательное обеспечение: конституционных прав и свобод жителей области; повышения уровня и качества жизни населения, выполнения мер по преодолению бедности; развития институтов гражданского общества, местного самоуправления; дальнейшего развития социально-экономических интеграционных процессов в Тюменской области; устойчивого экономического роста. Данные «цели-ценности» развернуты системой «целей-средств» по различным направлениям и сферам жизнедеятельности населения области.

В конце 2008 — начале 2009 года, когда в экономике области стали нарастать кризисные явления, в областной Думе были проанализированы антикризисные меры, принимаемые Правительством области, собраны предложения депутатов, проведено совещание с представителями региональных отделений политических партий и общественных объединений. Принципиальной корректировки Стратегии не произошло [7; 88-100], были уточнены отдельные ее положения, в текст введен дополнительный раздел «Задачи Тюменской областной Думы в кризисный период». Следует отметить, что принятые антикризисные меры оказались в целом результативными. Однако при этом продолжает сохраняться значительная дифференциация в уровне и качестве жизни населения, его различных социальных и территориальных (например, север-юг, город-село) групп. Так, в 2009 году соотношение доходов 10 процентов наиболее и наименее обеспеченных жителей южных районов области составило 16,4 раза; в Югре — 17,3; на Ямале — 18,3; в целом по области — 21,6 (коэффициент Джини составил соответственно 0,419; 0,427; 0,434; 0,456) [8]. По опросу, проведенному с участием автора в 2009 году, не удовлетворены качеством своей жизни 24% населения южных районов, 27% населения Югры, 26% населения Ямала [9; 33] (опрошено по методике, разработанной ЦИСИ ИФ РАН [10], на юге области 1560, в Югре — 1800 и на Ямале — 1150 человек старше 18 лет; выборка репрезентировала по полу и возрасту население области в целом, юга области, Югры, Ямала.).

Ход реализации Стратегии подвергается систематическому анализу. Основными его формами являются: рассмотрение комитетами областной Думы вопросов исполнения законов области и реализации областных программ; изучение общественного мнения населения области методами социологии (организуется ежегодно порядка десяти социологических исследований); подготовка информаций об итогах заседаний областной Думы и существе рассмотренных депутатами вопросов и принятых решений; подготовка полугодовой и годовой информаций о реализации Стратегии.

В 2010 году разработана система статистических и некоторых интегральных показателей реализации Стратегии [11]. В ее создании участвовали депутаты, работники аппарата Думы, ученые г. Тюмени — экономисты, социологи, специалисты в сфере государственного управления и статистики. С использованием дельфийской методики экспертного опроса для 21 подраздела Стратегии сформированы 183 показателя. В качестве интегральных показателей выбраны индексы уровня и качества жизни, социального самочувствия населения, соблюдения прав и свобод человека, инновативности региона и инновационности продукции, рассчитываемые по методике социологического проекта Института философии РАН «Социокультурная эволюция регионов России» [12; 40-46] (руководитель — член-корреспондент РАН Н.И. Лапин). Тюменская область в лице Тюменского государственного университета при поддержке областной Думы участвует в его реализации с 2006 года, проведены уже два этапа обследования [13].

Вышеописанная реализованная на практике технология выработки, обоснования, реализации и оценки степени достижения стратегических целей Тюменской областной Думы, на наш взгляд, шире теоретической модели социального обоснования стратегий, развиваемой Е.Н. Заборовой [14; 122-132]. Она, в частности, выделяет микроуровень, на котором реализуется технология выявления, обобщения и учета общественного мнения, мезоуровень (оценка социальной эффективности решений, степени их соответствия повышению качества жизни населения) и макроуровень (социальная перспектива, на реализацию которой направлена система стратегических целей).

Проблематика Стратегии деятельности областной Думы служит системообразующим фактором, концентрирует вокруг себя планирование законопроектных мероприятий, организацию информационно-поисковой и аналитической работы, необходимой для рассмотрения областных законопроектов, позволяет акцентировать отдельные ее слабые места. Например, в процессе выработки конкретных показателей Стратегии стала более ясна недостаточность сложившейся практики финансово-экономического обоснования областных законопроектов (отметим, что подобная практика имеет место не только в Тюменской областной Думе, но и в законодательных органах власти иных субъектов Федерации, а также и в Государственной Думе РФ [см., напр., критику в фундаментальном учебном пособии В.Л. Тамбовцева: 15; 30-31]). Во многих случаях при внесении законопроекта субъект права законодательной инициативы, опираясь на регламентную норму, ограничивается утверждением, что финансово-экономического обоснования не требуется, поскольку, по его мнению, реализация законопроекта не предполагает дополнительных бюджетных расходов. При этом данное утверждение никак не аргументируется, не описываются в пояснительной записке к законопроекту возможные социальные и иные последствия его вступления в силу.

Очевидно, что задача финансово-экономического обоснования законопроекта и оценки последствий его принятия не может быть сужена до такой постановки. Речь должна идти об обоснованной оценке стоимости законопроекта и расходов бюджета на всех этапах законопроектной процедуры и организации механизма применения и инфорсмента принятого закона. Точно также не может игно-

рироваться и сопряженная с этим задача обоснованной оценки последствий вступления закона в силу: введение новых правил законодательного регулирования в какой-либо сфере общественных отношений в большинстве случаев влечет изменения в балансе и суммах финансовых и материальных издержек и доходов субъектов этих правоотношений — это должно быть учтено при оценке стоимости разработки, принятия законопроекта и введения его в действие. Принципиально важно при этом обосновать выбор варианта законодательного регулирования минимизацией издержек и максимизацией доходов субъектов правоотношений или эффективности (упрощения) административных процедур.

Полагаем, что реализация Тюменской областной Думой Стратегии своей деятельности в 2007-2010 гг. повлекла ряд эффектов, среди которых:

- социально-демографический: рост рождаемости, снижение смертности, увеличение продолжительности жизни населения области;
- социальный: постоянное и устойчивое снижение доли малоимущих, увеличение доли среднего класса, улучшение социального самочувствия населения, сохранение социальной стабильности в регионе;
- экономический: обеспечение последовательного роста экономического потенциала области, активизация человеческого фактора экономического развития, связанный с ними рост доходов областного бюджета;
- политический: повышение уровня доверия населения органам государственной власти, активизация, формирование и развитие институтов гражданского общества;
- геополитический: повышение авторитета Тюменской области как одного из субъектов Федерации, успешно реализующих эффективную стратегию социально-экономического развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Регламент Тюменской областной Думы. Принят постановлением Тюменской областной Думы от 14.02.2008 № 604 [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Цели развития тысячелетия в России: взгляд в будущее. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2010 [Электронный ресурс]: URL: http://www.undp.ru/nhdr2010/Nationa_Human _Development_Report_in_the_RF_2010_RUS.pdf (дата обращения 30.04.2011). 156 с.
3. Стратегия Тюменской областной Думы четвертого созыва. Принята постановлением Тюменской областной Думы от 21.06.2007 № 158 (в ред. постановлений Тюменской областной Думы от 29.05.2008 № 782, от 21.05.2009 № 1487) [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Договор между органами государственной власти Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа-Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа (подписан 12.08.2004) (с изм. от 29.05.2008) [Электронный ресурс]: Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Об утверждении областной целевой Программы по реализации Договора между органами государственной власти Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа от 16.08.2004 № 150 «Сотрудничество»: постановление Администрации Тюмен-

ской области от 25.10.2004 № 136-пк // «Парламентская газета «Тюменские известия», № 250-251, 24.11.2004.
6. Социальное обоснование стратегий городского, регионального и корпоративного развития: проблемы и методы исследований. Материалы IX Дридзевских чтений / редколлегия: А.В. Тихонов отв. ред., Е.М. Акимкин, Ю.Н. Дуберман, Е.И. Рабинович, В.А. Шилова. М.: ИС РАН, 2010. 520 с.
7. О внесении изменений и дополнений в Стратегию деятельности Тюменской областной Думы четвертого созыва: постановление Тюменской областной Думы от 21.05.2009 № 1487 / Вестник Тюменской областной Думы. 2009. № 4. Ч. 1. 120 с.
8. Уровень жизни населения в Тюменской области (2005-2009): стат. сб. в 2-х частях / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. Тюмень, 2010: Ч. 1. С. 8-9; Ч. 2. С. 8-9.
9. Социокультурный портрет Тюменской области / под ред. Г.С. Корепанова, Г.Ф. Ромашкиной, В.А. Юдашкина. Тюмень: Тюменская областная Дума, Тюменский гос. ун-т, Тюменский гос. нефтегаз. ун-т, ООО Вектор Бук, 2009. 92 с.
10. Лапин Н.И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация — 2010) [Текст] / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева; Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФ РАН, 2010. 111 с.
11. Об утверждении перечня основных и интегральных показателей реализации Стратегии деятельности Тюменской областной Думы четвертого созыва: распоряжение председателя Тюменской областной Думы от 28.11.2010 № 169-рп. Документ опубликован не был. Текущий архив Тюменской областной Думы.
12. Лапин Н.И. Программа и типовой инструментарий…
13. Социологический портрет Тюменского региона / колл авт.: Лапин Н.И. — рук., Беляева Л.А., Давыденко В.А., Куцев Г.Ф., Корепанов Г.С., Мельник В.В., Ромашкина Г.Ф., Чеблаков А.Л., Юдашкин В.А. Тюмень: Тюмен. обл. Дума, 2007. 92 с.; Социокультурный портрет Тюменской области…
14. Заборова Е.Н. К вопросу о социальном обосновании стратегий городского и регионального развития // Социальное обоснование стратегий городского, регионального и корпоративного развития: проблемы и методы исследований...
15. Тамбовцев В.Л. Основы институционального проектирования: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2008. 144 с.

С. Н. Юдашкин

ИНТЕРАКТИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА КАК НЕОБХОДИМЫЙ АСПЕКТ АДЕКВАТНОГО ОТВЕТА ВЛАСТИ НА СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ

Сложность и противоречивость развития политических и модернизационных процессов российского государства обуславливает необходимость постоянного развития отношений в системе «власть — народ» с точки зрения открытости власти, иначе эффективность государственного управления может снижаться вплоть до кризиса власти.

Неизбежная двойственность и значительное расхождение в текущем сосуществовании планов политической реальности [1], а именно: 1) публичной, официальной, отвечающей формальным законам и правилам и 2) скрытой, «теневой», неофициальной, отвечающей неформальным групповым приоритетам и правилам, препятствуют адекватному восприятию возникающих в современном обществе проблем и вызовов, выработке адекватных решений. Поскольку уже во многом произошло смещение критериев адекватности в сторону преследования не государственных, а сугубо личных и групповых интересов, ответы власти на социальные вызовы зачастую оказываются неадекватными с точки зрения сохранения значимых социальных режимов и функций.

В своем функционировании органам государственной власти необходимо постоянно взаимодействовать с гражданами, причем эффективность управления напрямую зависит от интенсивности информационного обмена, качества обратной связи между властью и обществом в процессе коммуникации. Повышению эффективности осуществления оперативной и двусторонней коммуникации способствует применение современных информационно-коммуникационных технологий. Коммуникация между гражданами и органами власти в равной степени значима и для тех, и для других, поэтому, как правило, необходимо интерактивное взаимодействие.

Интерактивные сервисы, основанные на применении информационно-коммуникационных технологий, являются одним из наиболее эффективных инструментов осуществления обратной связи.

В соответствии с Федеральным законом «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ, органы государственной власти обязаны предоставлять гражданам информацию о своей деятельности, перечень которой определен указанным законом. Для эффективного осуществления этой задачи необходимо расширение возможностей доступа населения к информации о деятельности органов государственной власти с использованием различных каналов коммуникации. Наиболее логичным, с точки зрения массового доступа, а также простоты и эффективности реализации, представляется использование сети Интернет, число пользователей которой в настоящее время согласно данным аналитического агентства Internet World Stats составляет более чем 2 миллиарда человек, из них около 60 миллионов человек в России [2]. Интернет-аудитория Уральского федерального округа, по данным исследования Фонда Общественное Мнение (ФОМ) [3], около 4 миллионов человек. В том же исследовании ФОМ прогнозируется увеличение количества пользователей сети Интернет в России до 80 миллионов человек к концу 2014 года, что составит приблизительно 71% населения всей страны старше 18 лет. Таким образом, считают эксперты ФОМ, с учетом существующих тенденций роста инфраструктуры Интернета в России, количество Интернет-пользователей к 2014 году вырастет на 30 миллионов человек.

Применение Интернет-технологий, в частности создание официальных сайтов органов власти с высоким уровнем насыщенности интерактивными серви-

сами, позволит достичь наиболее эффективного для осуществления функций государственного управления уровня открытости, при котором будет задействован новый современный механизм преодоления расхождения между планами политической реальности, государственная власть будет более подконтрольной обществу, а общество, социальные группы, граждане смогут более эффективно отстаивать свои интересы, осуществляя конструктивный диалог с властью.

В настоящее время на всех официальных сайтах и порталах органов государственной власти в большей или меньшей степени представлены интерактивные сервисы, количество и функционал которых имеет тенденцию к устойчивому росту и развитию. В рамках реализации проекта по модернизации официального портала Тюменской областной Думы также произведены значительные качественные изменения уровня его интерактивности, существенно увеличившие степень информационной открытости законодательной власти Тюменской области. Согласно рейтингу информационной открытости сайтов государственных органов законодательной власти субъектов Российской Федерации за 2009 год, составленному Институтом развития свободы информации [4], портал Тюменской областной Думы находится на третьем месте со степенью информационной открытости в 65,21%. В сети Интернет портал пользуется высокой популярностью: начиная с января 2011 года, на портале побывало более 85 тысяч посетителей.

Интерфейс портала удобен и прост в обращении, четко структурирован по разделам, новостная информация на портале систематически обновляется, документы актуализируются. Немаловажную роль в повышении уровня информационной открытости органа власти играет регулярно осуществляемая прямая видеотрансляция в сети Интернет основных мероприятий, проходящих в Большом зале заседаний Тюменской областной Думы. Число пользователей сервиса видеотрансляции составляет около 300 человек за сеанс.

Интерактивная составляющая портала включает в себя следующее:

1) сервис «Найти депутата», позволяющий осуществить поиск сведений о депутате по территориальным критериям избирательного округа,
2) сервис «Интернет-приемная», со специальной формой электронного обращения в Тюменскую областную Думу, в соответствии с которой каждый обратившийся может отследить стадию рассмотрения своего вопроса с помощью присвоенных его обращению уникального регистрационного номера и PIN-кода,
3) сервис «Часто задаваемые вопросы», содержащий избранные из числа поступивших в Тюменскую областную Думу обращений вопросы и ответы,
4) сервис «Вопросы для посетителей портала», с помощью которого производится анкетирование посетителей портала по актуальным вопросам, относящимся к деятельности Тюменской областной Думы,
5) сервис «Ваше мнение», где посетитель портала может проголосовать за наиболее близкий ему вариант ответа в мини-опросниках по актуальным темам социально-политической жизни,
6) сервис «Форум», предназначенный для обсуждения вопросов, связанных с деятельностью Тюменской областной Думы,

7) сервис «Блоги», в котором доступны к посещению имеющиеся блоги депутатов Тюменской областной Думы,
8) сервис «Виртуальная экскурсия», предоставляющий возможность виртуально посетить здание Тюменской областной Думы, побывать в залах заседаний, рабочих кабинетах депутатов, а также прослушать краткую информацию о деятельности органа власти, его составе и структуре, непосредственно в изложении председателя Тюменской областной Думы, его заместителей, руководителей думских комитетов и депутатских фракций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Розов Н.С. Политическая раздвоенность и динамика социально-политических кризисов // Список электронных публикаций [Сайт Новосибирского государственного университета, 2011]. URL: http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/duality.htm (дата обращения: 29.04.2011).
2. World Internet Usage and Population Statistics // Internet usage statistics [Internet World Stats, 2011]. URL: http://www.internetworldstats.com/ stats.htm (дата обращения: 30.04.2011).
3. Тридцать второй выпуск регулярного бюллетеня «Интернет в России». Зима 2010-2011гг. // База данных ФОМ [База данных ФОМ, 2011]. URL: http://bd.fom.ru/report/map/bntergum07/internet/__internet 1132/zima2010_11 (дата обращения: 29.04.2011).
4. Итоговый сводный рейтинг информационной открытости законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации в 2009 году // Рейтинг открытости сайтов РОЗВ — 2009 [Сайт Института развития свободы информации, 2010]. URL: http://www.svobodainfo.org/ru/node/95 (дата обращения: 27.04.2011).

А. М. Якубович

МОДЕРНИЗАЦИЯ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Под модернизацией понимают процесс совершенствования экономических, политических и социальных механизмов развития общества.

Не следует смешивать понятия «модернизация» и «инноватизация».

Эти два понятия можно разграничить следующим образом: если инноватизация представляет собой «подстегивание» экономико-технологического развития, то модернизация — создание фундаментальных, инфраструктурных предпосылок такого развития. Разработка и внедрение новейших технологий есть одна из главных задач модернизации [5;32].

Мировой кризис актуализировал тему модернизации в России, сегодня о модернизации говорят много и охотно.

Модернизация тесно связана с инновациями и высокими технологиями. Заместитель директора Института прикладной математики имени М.В. Келдыша РАН Георгий Малинецкий в работе «Инновации — последняя надежда России» акцентирует внимание на том, что «альтернативой ускоренному инновационно-

му развитию страны может быть только ее распад. Если мы не переломим нынешних тенденций, по колеям коих скользит Российская Федерация, нас уже ничто не спасет. РФ не сможет быть даже сырьевым придатком развитого мира». М. Делягин выделяет аспект вызова для Запада: «Модернизация России требует ее выхода на высокотехнологичный уровень. А повышение степени обработки экспортной продукции «при прочих равных условиях» отнимает эту добавленную стоимость у ее современных производителей, то есть в первую очередь у Запада. Выход России на высокотехнологичные деньги лишит Запад колоссальных денег — и вопрос о том, как будет компенсироваться этот ущерб, — а я верю, что он так или иначе будет компенсирован, и западная цивилизация, воспрявшая на костях нашей страны, не погибнет, — остается открытым. А модернизация России все плотнее встает в повестку дня» [6; 17].

В. Пантин и В. Лапкин предупреждают: «Анализ российской модернизации как волнообразного, а не линейно-поступательного процесса приводит к выводу о его значительно более сложном характере, чем принято в описаниях классической теории модернизации. Нерадужная перспектива вполне вероятного в ближайшее время политического контрреформаторства определяется, прежде всего, кризисной ситуацией, которую переживает российское общество и — шире — российская цивилизация» [2; 7].

Модернизация должна стать общенациональной стратегией — только в этом случае будут обеспечены мобилизация и концентрация всех ресурсов страны для решения задач модернизации. Для этого в стране должны сложиться следующие социальные предпосылки:

— наличие стратегии, обеспечивающей не только мобилизацию ресурсов для ускоренного развития, но и материальную заинтересованность значительной части общества в осуществлении этого проекта;
— согласие активной части общества, готовой сознательно и в течение длительного времени осуществлять стратегию модернизации;
— стратегически мыслящая элита;
— способность элиты быть не только стратегически мыслящей, но и социально ответственной, чтобы не дискредитировать свои цели перед лицом большинства граждан [4; 43].

Для реализации указанных четырех условий должны сложиться соответствующие им механизмы экономической, социальной, политической, идеологической и культурной мобилизации — как для широких слоев населения, так и для элиты [1; 69].

Дмитрий Медведев в статье «Россия, вперед!» назвал 5 «стратегических векторов» модернизации:

1. Развитие медицинской техники, технологий и фармацевтики.
2. Повышение энергоэффективности.
3. Развитие ядерной энергетики.
4. Развитие космических технологий и телекоммуникаций.
5. Развитие стратегических и информационных технологий.

Модернизация экономики может быть основана и на вторичной, заимствованной научной базе — как это делали все южноазиатские экономики. У них не

было своей передовой науки. Но они создавали современные производства на основе заимствованных научных достижений, технологий, ноу-хау. И только потом, опираясь на эти производства, создавали свою собственную науку [3; 105].

Никто не спорит, что модернизации экономики России — задача первостепенная и очень важная. Для реализации этой задачи государство прикладывает большие усилия, которые в скором будущем должны дать эффект.

На наш взгляд главными сдерживающими факторами модернизации в нашей стране являются высокий риск, коррупция, конфликт интересов, низкий потенциал административного управленческого аппарата и фактическое отсутствие гарантий прав собственности.

Многочисленные исследования не оставляют сомнений в национальных особенностях России и российского общества. Особый путь России является особым в смысле конкретизации национального интереса — повышения ресурсоспособности в конкурентной среде макросоциума. Взаимодействия с мировой системой регулируются международным правом, а трансформации в рамках страны осуществляются присущими России особенностями социальных институтов, культуры, менталитета и стиля практических действий граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колганов А.М. Политический класс // Журнал «Золотой Лев». 2005. № 11. С. 69-71.
2. Пастухов В.Б. Затерянный мир. Русское общество и государство в межкультурном пространстве // Общественные науки и современность. 2009. № 2. С. 6-8.
3. Лапин Н.И. Ценности населения макрорегионов России по оси «открытость изменениям-сохранение» // Россия в Европе. По материалам международного социологического опроса «Европейское социальное исследование». М.: Логос, 2009. С. 102-109.
4. Лапин Н.И. Ценности «сохранение-открытость изменениям» и сетевые инновационные институты // Общественные науки и современность. 2009. № 5. С. 41-47.
5. Заславская Т.И, Ядов В.А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. 2009. № 1. С. 31-37.
6. Рубцов А.В. Приведение к современности. Что такое модернизация в России // Независимая газета. 2010. № 21. С. 15-18.

Л .С. Якурнова, А. И. Ворошилова

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БИЗНЕСА (ПО МАТЕРИАЛАМ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА СТАТЕЙ ЖУРНАЛА «ЭКСПЕРТ»)

Для того чтобы выяснить основные проблемы и тенденции, существующие на данный момент в России в сфере социальной ответственности бизнеса, а также мнения авторитетных специалистов, целесообразно было осуществить контент-анализ статей популярного издания «Эксперт» — одного из самых влиятельных еженедельных деловых аналитических изданий России.

Для всестороннего изучения данного вопроса, обширная тема социальной ответственности бизнеса была поделена на смысловые блоки, условно названные категориями социальной ответственности бизнеса, в которых были выделены подкатегории, позволяющие провести подробный глубинный анализ. Категории и подкатегории были выделены на основе существующего теоретического материала по социальной ответственности бизнеса. Единица анализа: статья. Единица счета: количество упоминаемых знаков.

Проведенное исследование выявило освещенность темы социальной ответственности бизнеса в журнале «Эксперт» и его региональных изданиях в период с 2000 по 2010 годы включительно. Периодичность выпуска журнала — 2 раза в месяц.

Использовалась сплошная выборка, т.е. в процессе просмотра всех выпусков журнала «Эксперт» с 2000 по 2010 годы, были отобраны те номера, где содержались статьи, связанные с социальной ответственностью бизнеса.

В результате отбора выборочная совокупность источников составила: 14 номеров журнала «Эксперт Online»; 15 номеров журнала «Эксперт-Урал»; 5 номеров журнала «Эксперт-Сибирь»; 10 номеров журнала «Эксперт Северо-Запад; 4 номера журнала «Эксперт-Волга».

Методическими документами исследования явились бланк контент-анализа и кодификатор.

В начале нашего анализа мы попытались выявить объем внимания, который уделяется в журналах различным направлениям социальной ответственности бизнеса.

Рис.1

Как показано на рис. 1, существует четкая неравномерность в распределении освещенных в журнале тем. Причем следует отметить, что в подавляющем большинстве статей, так или иначе, присутствует тема давления государственной и местной власти на менеджмент предприятий всех масштабов. Это говорит об остроте и распространенности проблем взаимодействия бизнеса и власти, связанных со спецификой исторического развития нашей страны.

Внутренней социальной ответственности бизнеса внимания уделено относительно мало, и в достаточно узком смысле — рассматривались в основном положительные примеры заботы руководства предприятий о своих сотрудниках. Это свидетельствует о том, что, во-первых, внутренняя социальная ответственность пока не имеет достаточно широкого понимания, а во-вторых, большая часть исследований и обсуждений социальной ответственности бизнеса фокусируется на внешнем ее направлении.

На это указывает также тот факт, что наиболее обсуждаемыми темами являются типы и направления социальных программ, а также методы их реализации, преимущественно направленные вовне. Однако возможности осуществления социальной ответственности всегда рассматриваются через призму взаимоотношений бизнеса и власти. Это означает, что социум и властные структуры ожидают от бизнеса деятельности в направлении улучшения условий жизни населения вне компетенции самого бизнеса. Причем гражданское общество, на улучшение условий жизни которого направлены усилия и бизнеса, и власти, занимает исключительно пассивную позицию.

Законодательно деятельность, направленная на развитие местного сообщества, является добровольной, а ее отсутствие не наказуемо. На практике наибольшее распространение получили темы обсуждения взаимодействия «предприниматели — администрация города», которые фактически являются описанием бартера, который ввиду неразвитости нормативной базы для данных случаев, зачастую является «административным рэкетом».

Крайне низкий уровень обсуждения мотивации предпринимателей к осуществлению социальной ответственности объясняется опять же неразвитостью нормативно-правовой базы, регулирующей подобную деятельность. То есть, никаких выгод в ведении социально ответственного бизнеса государство не предусматривает. Что косвенно указывает на тот факт, что борьба с коррупцией, возведенная сегодня в ранг национальных проектов, является неэффективной. И бизнесмены, и представители власти говорят, что «честным в России быть невыгодно», пока нет для этого продуманных законодательных основ.

Как было указано выше, тема внутренней социальной ответственности в статьях журналов рассмотрена недостаточно широко (рис. 2). Предприниматели сами понимают прямую зависимость производительности труда от качества персонала и этот круг задач решают без вмешательства извне и широкой огласки.

Особое внимание на данный момент уделяется не материальному стимулированию, а повышению конкурентоспособности трудовых ресурсов, так как в условиях рынка высококвалифицированные кадры определяют положение компании в долгосрочной перспективе. Следует также отметить, что многие предприниматели чувствуют свою личную ответственность перед работниками и в принятии решений руководствуются не только прагматичными соображениями. Отсюда следует вывод, что особых проблем в области внутренней социальной ответственности сейчас нет, так как помимо законодательно защищенных интересов персонала, существует осознанная необходимость для руководителя

предприятия создавать благоприятные условия труда и вкладывать деньги в развитие трудовых ресурсов. Это обусловлено материальной выгодой и долгосрочными перспективами, и этих стимулов для добросовестного исполнения предпринимателями своих обязанностей в сфере внутренней социальной ответственности вполне достаточно.

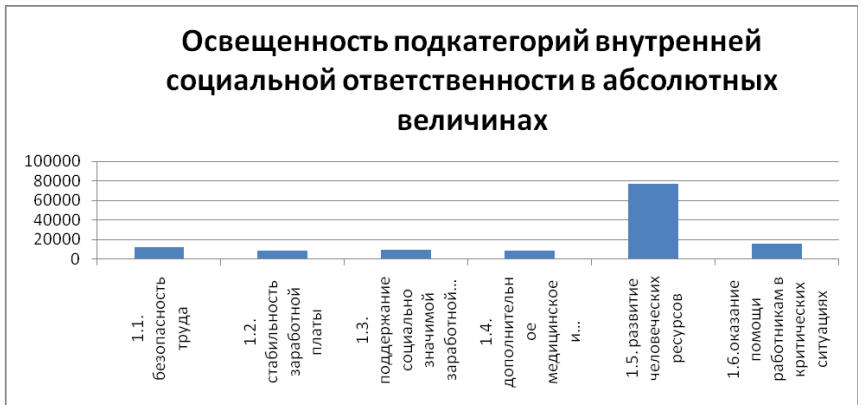


Рис. 2

Внешней социальной ответственности (рис. 3) уделено значительное внимание, но снова в весьма узком смысле. Анализ статей показал, что понимание внешней социальной ответственности, как мы уже отмечали, сводится исключительно к взаимодействию предприятий с местной властью. Развитие местного сообщества понимается только как предмет спора, само же гражданское общество как активный участник взаимодействия практически отсутствует. Инфантильность граждан, их низкая осознанность объясняют предельно малое количество общественных организаций, участвующих в развитии территорий.

Об ответственности перед обществом за охрану окружающей среды упоминается очень мало, так как этот вопрос, видимо, считается чуть ли не риторическим. Об ответственности перед потребителями не сказано вообще ни слова, видимо из тех же соображений, что производителю невыгодно самому производить некачественный товар. Благотворительность и спонсорство зачастую «добровольно-принудительны», что снова сводится к болезненному вопросу о взаимодействии бизнеса с властью.

Таким образом, наиболее острой проблемой является поиск оптимального пути взаимодействия между предприятиями, существующими в условиях рынка, и властью, практикующей элементы командной экономики советского периода в сочетании с методами внушения и вымогательства 90-х годов. И цивилизованный подход не будет найден, пока не будет четко очерчена законом граница этих отношений. И наконец, пока инертное на данный момент гражданское общество будет пребывать в уверенности, что его участие в данных отношениях не оказывает влияние на ситуацию, гармоничное взаимодействие невозможно.

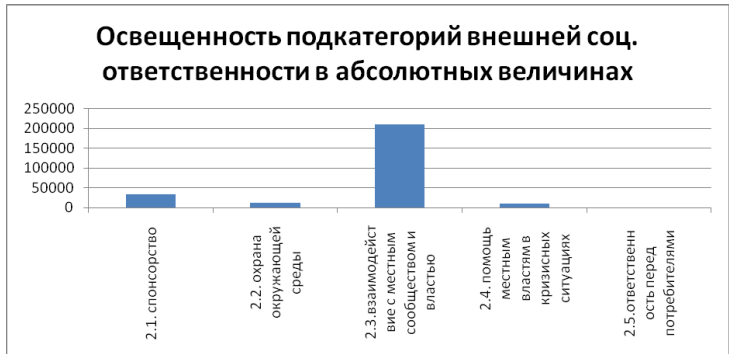


Рис. 3

Мотивация предпринимателей к реализации социальной ответственности освещена в статьях менее всего по причине отсутствия правовой базы для реализации, помимо оговоренного в законе минимума, социальной ответственности как таковой.

В основном социальная ответственность бизнеса реализуется либо по сугубо личной инициативе предпринимателей, либо под давлением властей. Ни то, ни другое не обосновано какими-либо закрепленными в законе преимуществами для компании.

Налоговых льгот или других поощрений для ответственного и честного бизнеса в нашей стране не предусмотрено вообще.

Анализ статей журналов показал, что наиболее распространенными инструментами реализации социальной ответственности в сфере бизнеса являются традиционная для России благотворительность или меценатство и социальное инвестирование (рис. 4). Хотя по мнению некоторых экспертов, инвестициями данные вложения считают только сами предприниматели. Дело в том, что инвестирование предполагает возврат вложенных средств тем или иным образом. Однако на данный момент не существует механизма в обществе, который гарантировал бы предпринимателям возврат денежных средств, как нет и виновных лиц и структур в их невозврате. Поэтому говорить о социальном инвестировании в том смысле, в каком о нем говорит мировое сообщество пока не приходится.

Для этого нет нормативной основы, так как сама структура социальной сферы в форме бюджетных учреждений не позволяет заниматься социальными инвестициями. Поскольку это бюджетные учреждения, то помочь им можно только через благотворительность. При этом инвестиции в региональные социальные программы рассматриваются деловым сообществом как вынужденные и инициированные исключительно «административным рэкетом» местных властей. Хотя этот канал взаимодействия бизнеса и власти еще не закрыт, корпорации все чаще говорят о добровольно принимаемом решении вкладывать средства в развитие территорий присутствия. Если не создавать современную, качественную «среду обитания», затраты на профессиональное образование и развитие сотрудников окажутся бессмысленными: удержать хороших, конкуренто-

СПИСОК АВТОРОВ

Лаптев Михаил Александрович — магистрант Тюменского государственного университета.

Лебединцева Любовь Александровна — доцент факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат социологических наук.

Левенских Ирина Александровна — ведущий специалист по социологическим исследованиям АНО «МИАЦ ТО».

Лесниковская Екатерина Викторовна — преподаватель кафедры иностранных языков Иркутского государственного университета.

Лимонова Эмма Михайловна — доцент кафедры мировой экономики и международного бизнеса Тюменского государственного университета, кандидат экономических наук, доцент.

Лихтенштейн Борис Максимович — доцент кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского государственного нефтегазового университета, кандидат социологических наук, доцент.

Лугвин Сергей Борисович — доцент Гомельского государственного технического университета им. П.О. Сухого, кандидат философских наук.

Лукичев Вячеслав Федорович — председатель Совета директоров ООО «Управляющая компания «Лекс» (г. Тюмень), кандидат географических наук.

Лучшева Людмила Владимировна — доцент кафедры социальной и политической конфликтологии Казанского государственного технологического университета, кандидат социологических наук, доцент.

Любимова Елена Анатольевна — доцент кафедры социологии и социального управления Тюменского государственного университета, кандидат социологических наук.

Майер Владимир Викторович — проректор по учебно-методической работе и инновационному развитию Тюменского государственного нефтегазового университета, доктор социологических наук, доцент.

Маланичева Надежда Антоновна — младший научный сотрудник Института социально-экономического развития территорий РАН (г. Вологда).

Мальцева Наталья Владимировна — доцент кафедры общей и экономической социологии Тюменского государственного университета, кандидат социологических наук.

Манзанова Галина Владимировна — научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Манокин Никита Андреевич — аспирант кафедры менеджмента и экономической социологии Тюменского государственного университета.

Манокина Татьяна Вадимовна — заведующая сектором социологических исследований департамента социально-экономических исследований ОАО «СибНАЦ» (г. Тюмень).

Медведев Федор Владимирович — аспирант кафедры социального менеджмента Тюменского государственного нефтегазового университета.

Мельник Владимир Владимирович — профессор кафедры социологии и социального управления Тюменского государственного университета, доктор социологических наук, профессор.

Мехришвили Ламара Ленгизовна — профессор кафедры социологии и социального сервиса Гуманитарного института Тюменского государственного нефтегазового университета, доктор социологических наук, доцент.

Моор Светлана Михайловна — директор Центра дистанционного образования Тюменского государственного нефтегазового университета, доктор социологических наук, профессор.

Мосин Василий Иванович — генеральный директор Тульского социологического центра, кандидат философских наук, доцент.

Москвина Наталья Робертовна — преподаватель Института права, экономики и управления Тюменского государственного университета, кандидат социологических наук, доцент.

Муртузалиев Муртузали Магомедович — профессор Дагестанского государственного университета, доктор экономических наук.

Нархов Дмитрий Юрьевич — преподаватель кафедры «Организация работы с молодежью» Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Немировская Анна Валентиновна — доцент кафедры социологии Сибирского федерального университета, кандидат социологических наук, кандидат филологических наук.

Немировский Валентин Геннадьевич — заведующий отделением социологии и общественных связей Сибирского федерального университета, доктор социологических наук, профессор.

Никитина Алена Сергеевна — специалист отдела по воспитательной работе Уральской академии государственной службы.

Никулина Елена Юрьевна — студентка Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Носкова Екатерина Анатольевна — студентка Семипалатинского государственного университета им. Шакарима.

Обрывалина Ольга Андреевна — аспирант социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Окулова Наталья Александровна — старший лаборант Института социально-экономического развития территорий РАН (г. Вологда).

Ольховик Татьяна Сергеевна — преподаватель кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин филиала Тюменского государственного университета г. Заводоуковск.

Осипова Любовь Борисовна — доцент Тюменского государственного нефтегазового университета, кандидат социологических наук.

Остроухов Олег Викторович — заведующий сектором социальных индикаторов и показателей федеративных и межнациональных отношений Института социально-политических исследований РАН, доктор социологических наук, профессор.

Осьмук Людмила Алексеевна — заведующая кафедрой социальной работы и социальной антропологии Новосибирского государственного технического университета, доктор социологических наук, доцент.

Павлова Марина Анатольевна — заместитель директора филиала Тюменского государственного университета г. Новый Уренгой.

Павлова Ольга Дмитриевна — начальник отдела развития образования и обеспечения безопасности детей Управления образования администрации г. Лангепас.

Панкова Светлана Николаевна — заведующая кафедрой Института развития образования (г. Екатеринбург), кандидат социологических наук.

Пасмурнова Юлия Олеговна — аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Пасовец Юлия Михайловна — доцент кафедры социологии и политологии Курского государственного университета, кандидат социологических наук, доцент.

Певная Мария Владимировна — заместитель декана факультета гуманитарного образования Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, кандидат социологических наук, доцент.

Петрашко Анастасия Александровна — студентка Семипалатинского государственного университета им. Шакарима.

Пермякова Полина Юрьевна — старший преподаватель кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; пресс-секретарь, ведущий специалист отдела стратегического развития и информационного обеспечения Министерства социальной защиты населения Свердловской области.

Петров Юрий Владимирович — старший преподаватель Тюменского государственного университета.

Печёркина Ирина Федоровна — доцент кафедры менеджмента и экономической социологии Тюменского государственного университета, кандидат социологических наук, доцент.

Пешкова Наталья Николаевна — доцент кафедры экономики товарных рынков Тюменского государственного нефтегазового университета, кандидат социологических наук.

Плотникова Елена Борисовна — заведующая кафедрой социологии и политологии Пермского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент.

Плюснина Лидия Константиновна — директор социологического центра кафедры социальных коммуникаций и социологии управления Новосибирского государственного университета экономики и управления, доктор социологических наук, доцент.

Полякова Александра Григорьевна — заведующая кафедрой экономики и мирохозяйственных связей Тюменской государственной академии мировой экономики, управления и права, кандидат экономических наук, доцент.

Раменская Виктория Святославовна — доцент Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, кандидат юридических наук.

Раменская Галина Павловна — доцент Российского профессионально-педагогического университета (г. Екатеринбург), кандидат экономических наук.

Раменский Святослав Ефимович — доцент Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, кандидат биологических наук.

Рачко Эдгар Эрикович — докторант кафедры экономики Даугавпилсского университета, магистр экономики.

Родионова Светлана Дмитриевна — начальник отдела семьи Управления социальной защиты населения администрации г. Ноябрьск.

Ромашкина Гульнара Фатыховна — и.о. проректора Тюменского государственного университета, доктор социологических наук, кандидат математических наук, профессор.

Рощина Наталья Викторовна — редактор редакционно-издательского отдела Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Савостова Марина Николаевна — директор Представительства Челябинского государственного университета в г. Сатке.

Салагаев Александр Леонидович — заведующий кафедрой социальной и политической конфликтологии Казанского государственного технологического университета, доктор социологических наук, профессор.

Салахутдинова Резеда Халяфутдиновна — доцент факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат социологических наук, доцент.

Самкова Валентина Александровна — доцент кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, кандидат философских наук, доцент.

Сарычев Сергей Михайлович — вице-губернатор Тюменской области, доцент, кандидат социологических наук.

Сединкин Максим Анатольевич — ведущий аналитик ГАОУ Тюменской области «Информационно-образовательный центр».

Сергеев Сергей Алексеевич — профессор кафедры социальной и политической конфликтологии Казанского государственного технологического университета, доктор политических наук, профессор.

Силин Анатолий Николаевич — профессор Тюменского государственного нефтегазового университета, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор.

Симонова Людмила Михайловна — заведующая кафедрой мировой экономики и международного бизнеса Тюменского государственного университета, доктор экономических наук, профессор.

Скок Наталья Ивановна — заведующая кафедрой социологии и социального сервиса Тюменского государственного нефтегазового университета, доктор социологических наук, профессор.

Скульмовская Любовь Григорьевна — заведующая кафедрой социально-культурного сервиса и туризма Нижневартовского государственного гуманитарного университета, доктор социологических наук, профессор.

Смагина Алина Анатольевна — учитель истории и обществознания гимназии № 5 (г. Екатеринбург).

Соколова Елена Александровна — заведующая кафедрой литературы и журналистики Шадринского государственного педагогического института, кандидат филологических наук, доцент.

Сорокин Геннадий Геннадьевич — доцент кафедры социологии и социального сервиса Тюменского государственного нефтегазового университета, кандидат социологических наук.

Степанчук Денис Юрьевич — аспирант Тюменского государственного университета.

Стрельцов Виктор Яковлевич — главный консультант аппарата Совета Федерации Федерального собрания РФ, кандидат экономических наук.

Тарасова Анна Николаевна — доцент кафедры менеджмента и экономической социологии Тюменского государственного университета, кандидат социологических наук, доцент.

Тищенко Юлия Александровна — студентка Семипалатинского государственного университета им. Шакарима.

Токарев Василий Владимирович — доцент кафедры «История, культура и социология» Волгоградского государственного технического университета, кандидат технических наук.

Трахтенберг Анна Давидовна — старший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, кандидат политических наук.

Трубина Ирина Исааковна — ведущий научный сотрудник Института содержания и методов обучения РАО, доктор педагогических наук, профессор.

Устименко Ирина Александровна — студентка Семипалатинского государственного университета им. Шакарима.

Ухалова Светлана Николаевна — ассистент кафедры истории и культурологии Тюменского государственного нефтегазового университета.

Фарахутдинов Шамиль Фаритович — докторант Тюменского государственного нефтегазового университета, кандидат социологических наук.

Федоров Роман Юрьевич — старший научный сотрудник Тюменского научного центра СО РАН, кандидат философских наук.

Фомичев Игорь Юрьевич — профессор Тюменского государственного нефтегазового университета, доктор социологических наук.

Хайруллина Нурсафа Гафуровна — профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского государственного нефтегазового университета, доктор социологических наук, профессор.

Чернышев Александр Анатольевич — доцент кафедры социологии и социального управления Тюменского государственного университета, кандидат исторических наук.

Шапалов Владимир Николаевич — преподаватель Тюменской государственной академии мировой экономики, управления и права, кандидат педагогических наук, доцент.

Шитов Сергей Борисович — доцент кафедры философии ГОУ ВПО МГТУ «Станкин», доктор философских наук.

Шуклин Андрей Васильевич — начальник отдела рекламы ООО «Бизнесстройинвест» (г. Тюмень).

Щербаков Геннадий Александрович — директор Института муниципального управления и сервиса, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Тюменского государственного архитектурно-строительного университета, кандидат социологических наук, доцент.

Юдашкин Валентин Андреевич — доцент кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского государственного нефтегазового университета, кандидат социологических наук.

Юдашкин Станислав Николаевич — консультант управления по обеспечению информационной политики Тюменской областной Думы.

Якубович Арсений Маркович — аспирант Курского государственного университета.

Якурнова Людмила Степановна — доцент Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, кандидат философских наук.

СОДЕРЖАНИЕ

М. А. Лаптев
Кадровая политика организации ... 3
Л. А. Лебединцева
Роль и значение инноваций и интеллектуального труда в социально-экономической модернизации ... 7
И. А. Левенских
Гендерные роли в условиях современного общества ... 10
Е. В. Лесниковская
Взаимодействие НКО и власти: проблемы и тенденции (на примере Иркутской области) ... 14
Б. М. Лихтенштейн
Динамика развития социальных сетей как индикатор изменения капитала социума ... 18
С. Б. Лугвин
Процессы трансформации и модернизации как социальный вызов бюрократической системе управления ... 22
В. Ф. Лукичев
Основные направления и проблемы социально-экономической модернизации регионов России ... 26
Е. А. Любимова
Некоторые итоги реализации социального партнерства в сфере труда ... 29
В. В. Майер, М. Ю. Акимов
Взаимодействие с работодателями в условиях университетского комплекса: региональный опыт сотрудничества вуза с производством ... 35
Н. А. Маланичева
Тенденции здоровья и демографического развития России ... 38
Н. В. Мальцева
Информатизация общества как фактор роста социального капитала ... 44
Г. В. Манзанова
Особенности социокультурной трансформации Республики Бурятия ... 47
Н. А. Манокин
Что выбирает тюменская молодежь: ценностный аспект ... 52
Т. В. Манокина
Изучение уровня жизни населения г. Тюмени (из опыта социологических исследований 1998-2009 гг.) ... 57
Ф. В. Медведев
Управление миграционными процессами как одно из направлений развития рынка труда ... 62
В. В. Мельник
Дисфункции регионов и социальное самочувствие населения ... 66
Л. Л. Мехришвили, С. В. Бараблина
Социальная ответственность образовательных учреждений: к вопросу трудоустройства выпускников ... 73
Л. Л. Мехришвили, О. Ф. Климчук
Студенческая молодежь: к вопросу организации социальной защиты в вузе ... 78

С. М. Моор
Критическое осмысление модернизации: социально-экономические аспекты 81
В. И. Мосин
Социально-экономические мероприятия по выходу Тульской области из финансово-экономического кризиса 85
М. М. Муртузалиев
Информация и мотивирующее давление общества 90
Д. Ю. Нархов
О методологических проблемах изучения модернизации высшего профессионального образования 94
А. В. Немировская
Социальная толерантность в полиэтническом региональном обществе (на материалах социологического исследования в Красноярском крае)..... 99
В. Г. Немировский
Проблемы поселенческой самоидентификации жителей Восточной Сибири и проявления сибирского сепаратизма 104
А. С. Никитина
Проблемы молодежи Свердловской области и необходимость модернизации государственной молодежной политики 108
О. А. Обрывалина
Социальный контроль в контексте модернизации российского общества 112
Н. А. Окулова
Социально-территориальная идентичность населения (на примере Вологодской области)..... 117
Т. С. Ольховик
Образование как фактор и средство социализации молодежи..... 123
Т. С. Ольховик, К. К. Койше
Особенности административно-территориальной модернизации в полиэтнических регионах 126
Л. Б. Осипова
Современный аспект гражданского воспитания молодежи 130
О. В. Остроухов
Критерии оценки регионального развития в контексте социальных параметров 135
Л. А. Осьмук
Возможности научного моделирования российской региональной семейной политики в контексте вызовов современности..... 140
М. А. Павлова
Гражданское воспитание молодежи в современных условиях 142
О.Д. Павлова
Основные подходы к дискурс-анализу 146
С. Н. Панкова
Социальное конструирование как методология анализа личности..... 148
Ю. О. Пасмурнова
К вопросу о возможности регулирования социальной структуры общества 153
Ю. М. Пасовец
Потребление в контексте модернизации российского общества..... 158

М. В. Певная
Волонтерство как ресурс профессионализации сферы социальной работы 162
П. Ю. Пермякова
Модернизация информационной политики министерства социальной защиты населения Свердловской области 168
Ю. В. Петров
Пути разрешения социальных проблем в симплифицированной экономике Тюменской области на основе географического инструментария 172
Н. Н. Пешкова
Система эндаумента в российской модернизации 177
Е. Б. Плотникова, И. А. Германов
Опыт частно-государственного взаимодействия в Пермском крае 181
А. Г. Полякова
Модернизация как процесс «нового освоения» регионального социально-экономического пространства 186
С. Е. Раменский, Г. П. Раменская, В. С. Раменская
Влияние уменьшения регулирования демографических процессов в России на отношения между педагогами и студентами высшей школы 190
Г. Ф. Ромашкина
Социокультурная динамика Тюменской области: проблемы и перспективы 194
Г. Ф. Ромашкина, В. А. Давыденко, В. В. Зыков, А. Н. Тарасова
Социальный капитал в предпринимательских сетях: модернизация или стагнация? 202
Г. Ф. Ромашкина, Т. С. Костюкова
Социальный потенциал модернизации в условиях существующего общественного договора 209
Г. Ф. Ромашкина, И. Ф. Печеркина, Т. В. Манокина
Активность молодежи юга Тюменской области в использовании возможностей информационной среды (по результатам социологического исследования) 212
Н. В. Рощина
Молодежь в условиях потери нравственных ориентиров 217
М. Н. Савостова
Профессиональное образование как фактор социализации личности.....222
А. Л. Салагаев, С. А. Сергеев, Л. В. Лучшева
Общественное мнение Республики Татарстан об инновационной политике и потенциале инновационного развития республики 226
Р. Х. Салахутдинова
Трансформация высшего образования современной России: к методологии анализа.....230
В. А. Самкова
Социокультурные противоречия модернизации.....235
С. М. Сарычев
Развитие гражданского общества как одна из важнейших задач системной модернизации России.....239
М. А. Сединкин
Транспарентизация государственного управления как целевой ориентир развития электронного правительства в России.....243

А. Н. Силин
Особенности развития Тюменского Севера: опыт социологических исследований....247
Л. М. Симонова, Э. М. Лимонова, О. П. Аникеева
Фонд целевого капитала как инструмент социальной ответственности вуза и повышения его социальной роли....251
Н. И. Скок, С. Д. Родионова
Природа социального неравенства в образовании....255
Л. Г. Скульмовская
Роль этнографического туризма в социально-экономической модернизации региона....261
А. А. Смагина
Социализация через урок истории: эволюция представлений о направленности личности....266
Е. А. Соколова
Гендерные стереотипы в региональной прессе как социокультурная проблема....270
Г. Г. Сорокин
Социальная адаптация граждан предпенсионного возраста как направление геронтообразования....274
Д. Ю. Степанчук
Профессиональные стратегии современных государственных гражданских служащих Ханты-Мансийского автономного округа (Югры)....277
В. Я. Стрельцов
Модернизация инфраструктуры северных регионов: новые вызовы....282
А. Н. Тарасова
Социальная и политическая активность молодежи Тюменского региона....285
В. В. Токарев
Власть региона: оценка деятельности населением Волгоградской области (по итогам прикладного социологического исследования)....290
А. Д. Трахтенберг
Социальная ответственность власти и переход к электронному правительству....297
И. И. Трубина, Э. В. Миндзаева, А. В. Борзова
Региональная система профильного обучения....302
С. Н. Ухалова
Культурный аспект феномена религиозной идентичности....306
Ш. Ф. Фарахутдинов
Общественное мнение как фактор инновационного развития Тюменской области....308
И. Ю. Фомичев
Этика социальной ответственности....313
Н. Г. Хайруллина
Сохранение культурной идентичности татар Тюменской области: результаты социологических исследований....316
А. А. Чернышев
Институционализация социальной ответственности в системе управления организацией....318
В. Н. Шапалов
Креативный класс как локомотив модернизации в России....320

С. Б. Шитов
Модернизация интеллектуально-образовательного потенциала в регионах России 325
А. В. Шуклин
Модернизация в структуре российских политических целей 329
Г. А. Щербаков
Детерминанты устойчивого социального развития регионов 332
В. А. Юдашкин
Стратегия законотворчества законодательного органа власти в субъекте Федерации: практика и проблемы 337
С. Н. Юдашкин
Интерактивное взаимодействие органов государственной власти и общества как необходимый аспект адекватного ответа власти на социальные вызовы 342
А. М. Якубович
Модернизация в России: проблемы и перспективы 345
Л .С. Якурнова, А. И. Ворошилова
Проблемы реализации социальной ответственности бизнеса (по материалам контент-анализа статей журнала «Эксперт») 347

СПИСОК АВТОРОВ 352

Научное издание

СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНОВ РОССИИ

Материалы
II Тюменского социологического форума
28-29 июня 2011 года

Часть 2

В авторской редакции

Технический редактор	Н. Г. Яковенко
Компьютерный дизайн обложки	Е. В. Коновалова
Компьютерная верстка	Н. С. Власова
Печать электрографическая	Н. С. Власова, А. В. Башкиров
Печать офсетная	В. В. Торопов, О. А. Булашов

9 785400 005008

Подписано в печать 23.06.2011. Тираж 500 экз.
Объем 31,85 усл. печ. л. Формат 70×108/16. Заказ 468.

Издательство Тюменского государственного университета
625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10
Тел./факс: (3452) 45-56-60, 46-27-32
E-mail: izdatelstvo@utmn.ru